АБЫЛАЙ ХАН АТЫНДАҒЫ ҚАЗАҚ ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ҚАТЫНАСТАР ЖӘНЕ
ӘЛЕМ ТІЛДЕРІ УНИВЕРСИТЕТІ

КАЗАХСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И
МИРОВЫХ ЯЗЫКОВ ИМЕНИ АБЫЛАЙ ХАНА

KAZAKH ABLAI KHAN UNIVERSITY OF INTERNATIONAL RELATIONS AND
WORLD LANGUAGES

3 (65) 2026
ISSN 2411-8753 (Print)
ISSN 2710-3633 (Online)

Абылай хан атындағы ҚазХҚжӘТУ

ХАБАРШЫСЫ

**“ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ҚАТЫНАСТАР және
АЙМАҚТАНУ” сериясы**

ИЗВЕСТИЯ

**КазУМОиМЯ имени Абылай хана
серия “МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ и
РЕГИОНОВЕДЕНИЕ”**

BULLETIN

**of Ablai Khan KazUIRandWL
series “INTERNATIONAL RELATIONS and
REGIONAL STUDIES”**

**Алматы
«Полилингва» баспасы
2026**

ISSN 2411-8753 (Print), ISSN 2710-3633 (Online)

© "Абылай хан атындағы Қазақ халықаралық қатынастар және әлем тілдері университеті" Акционерлік қоғамының "Абылай хан атындағы ҚазХҚжӘТУ Хабаршысы" ғылыми журналының "Халықаралық қатынастар және аймақтану" сериясы таралымы, Қазақстан Республикасының Инвестициялар мен даму жөніндегі министрліктің Байланыс, ақпараттандыру және ақпарат комитетінде тіркелген. Алғашқы есепке қою кезіндегі нөмірі мен мерзімі №674, 18.05.1999 ж. Тіркелу куәлігі 10.04.2015 жылғы № 15196-Ж

Бас редактор
Шайморданова З.Д.,
тарих ғылымдарының докторы, профессор,
Абылай хан атындағы ҚазХҚжӘТУ, Алматы, Қазақстан

Жауапты редактор
***Шукыжанова А.Н.**, PhD, Абылай хан атындағы ҚазХҚжӘТУ, Алматы, Қазақстан*

Редакция алқасы мүшелері
***Аллез Г.,** PhD, Әлеуметтік ғылымдар жоғары мектебі, Париж, Франция*
***Антонио Алонсо Маркос,** PhD, профессор, Католикалық Сан-Пабло Университеті, Мадрид, Испания*
***Байсұлтанова К.Ч.,** саясаттану ғылымдарының кандидаты, профессор, Абылай хан ат. ҚазХҚжӘТУ, Алматы, Қазақстан*
***Дронзина Т.,** саясаттану ғылымдары бойынша хабилилиттік доктор, Софиялық Әулие Климент Охридский университетінің профессоры, София, Болгария*
***Зиркер Д.,** PhD, Вайкато Университеті, Гамильтон, Жаңа Зеландия*
***Мак Кленнен S.,** PhD, Пенсильвания Университеті, Филадельфия, АҚШ*
***Райчев Я.,** PhD, София университеті 'St. Климент Охридски, Қазіргі саяси оқиғалардың талдаушысы, София, Болгария*
***Семедов С.А.,** философия ғылымдарының докторы, профессор, басқару және өңірлік даму институты, РФ Президенті жанындағы РАНХиГС, (Ресей халық шаруашылығы және мемлекеттік басқару академиясы) Мәскеу қ., Ресей*
***Кожирова С.Б.,** саясаттану ғылымдарының докторы, профессор, Р.Б. Сүлейменов атындағы Шығыстану институты, Алматы, Қазақстан*
***Сиван Саид,** PhD, Араб және Исламтану институты, Эксетер университеті, Ұлыбритания*
***Хорак С.,** PhD, Карлов Ун-ті, Прага, Чех Республикасы*
***Ермекбаев А.А.,** PhD, доцент м.а., ҚазҰУ. әл-Фараби, Алматы, Қазақстан*

Шығарушы редактор
***Райымбекова А.А.,** аға оқытушы, Абылай хан атындағы ҚазХҚжӘТУ, Алматы, Қазақстан*

ISSN 2411-8753 (Print), ISSN 2710-3633 (Online)

© Научный журнал «Известия» КазУМОиМЯ имени Абылай хана, серия «Международные отношения и регионоведение» Акционерного общества «КазУМОиМЯ имени Абылай хана» зарегистрирован в Комитете связи, информатизации и информации Министерства по инвестициям и развитию Республики Казахстан. Номер и дата первичной постановки на учет № 674, 18.05. 1999 г. Регистрационное свидетельство № 15196-Ж от 10.04.2015 г.

Главный редактор
Шайморданова З.Д.,
доктор исторических наук, профессор,
КазУМОиМЯ им. Абылай хана, Алматы, Казахстан

Ответственный редактор
Шукыжанова А.Н., *PhD, КазУМОиМЯ им.Абылай хана, Алматы, Казахстан*

Члены редакционной коллегии
Аллез Г., *PhD, Высшая школа социальных наук, Париж, Франция*
Антонио Алонсо Маркос, *PhD, профессор, Католический университет Сан-Пабло, Мадрид, Испания*
Байсултанова К.Ч., *кандидат политических наук, профессор, КазУМОиМЯ им. Абылай хана, Алматы, Казахстан*
Дронзина Т., *хабилитированный доктор политологии, профессор Софийского университета Святого Климента Охридского, София, Болгария*
Зиркер Д., *PhD, Университет Вайкато, Гамильтон, Новая Зеландия*
Мак Кленнен С., *PhD, Пенсильванский Университет, Филадельфия, США*
Райчев Я., *PhD, Софийский университет «Святого Климента Охридского», София, Болгария*
Семедов С.А., *доктор философских наук, профессор, Институт управления и регионального развития, РАНХиГС (Российская академия народного хозяйства и государственной службы) при Президенте РФ, Москва, Россия*
Кожирова С.Б., *доктор политических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт востоковедения им. Р.Б. Сулейменова, Алматы, Казахстан*
Сиван Саид, *PhD, Институт арабских и исламских исследований, Университет Эксетера, Великобритания*
Хорак С., *PhD, Карлов Университет, Прага, Чешская Республика*
Ермекбаев А.А., *PhD, и.о. доцента, КазНУ им. аль-Фараби Алматы, Казахстан*

Выпускающий редактор
Райымбекова А.А.*, старший преподаватель, КазУМОиМЯ им. Абылай хана, Алматы, Казахстан*

ISSN 2411-8753 (Print), ISSN 2710-3633 (Online)

© Scientific Journal "Bulletin" of Ablai khan KazUIR&WL. Series "International Relations and Regional Studies" of JSC "Ablai khan Kazakh University of International Relations and World Languages" is registered in Communication, Informatization and Information Committee of Ministry for Investment and Development, Republic of Kazakhstan. Number and date of first registration N674, from 18.05.1999. Certificate N15196 – G. 10.04.2015.

Chief Editor

Shaymordanova Z.D., *doctor historical sciences, professor, Ablai khan KazUIRandWL, Almaty, Kazakhstan*

Executive Editor

Shukyzhanova A., *PhD, Ablai khan KazUIRandWL, Almaty, Kazakhstan*

Editorial team members

Hallez X., *PhD, High school of social sciences, Paris, France*

Antonio Alonso Marcos, *PhD, Professor, Universidad San Pablo CEU, Madrid, Spain*

Baysultanova K.Ch., *Candidate of political science, professor, Ablai khan KazUIRandWL, Almaty, Kazakhstan*

Dronzina T., *habilitated doctor of political sciences, professor, Sofia University St. Kliment Ohridski, Sofia, Bulgaria*

Zirker D., *PhD, Waikato University, Hamilton, New Zealand*

McClennen S., *PhD, University of Pennsylvania, Philadelphia, USA*

Raychev Y., *PhD, Sofia University 'St. Kliment Ohridski', Sofia, Bulgaria*

Semedov S.A., *Doctor of philosophical science, Professor, Institute of Management and Regional Development, RANEPA under the President of the Russian Federation (Russian Academy of National Economy and Public Administration), Moscow, Russia*

Kojirova S.B., *Doctor of political sciences, Professor, R. B. Suleimenov Institute of Oriental Studies, Almaty, Kazakhstan*

Seevan Saeed, *PhD, Institute of Arab and Islamic Studies, University of Exeter, UK*

Horak S., *PhD, Charles University, Prague, Czech Republic*

Yrmekbaev A.A., *PhD, Acting Associate Professor, Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan*

Commissioning Editor

Raiymbekova A.A., *senior lecturer, Ablai khan KazUIRandWL, Almaty, Kazakhstan*

МАЗМҰНЫ / СОДЕРЖАНИЕ / CONTENT

І БӨЛІМ. ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ҚАТЫНАСТАРДЫ ЗЕРТТЕУДІҢ ТЕОРИЯЛЫҚ МӘСЕЛЕЛЕРІ
РАЗДЕЛ І. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ИССЛЕДОВАНИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
PART I. THEORETICAL ISSUES OF INTERNATIONAL RELATIONS RESEARCH

Кунанбаева Д.А., Әбдіғаппар Т.Е., Жакьянова А.М. Международно-образовательные программы ЕС как механизм сетевого влияния в Казахстане 9-23

Кунанбаева Д.А., Әбдіғаппар Т.Е., Жакьянова А.М. Еуропалық одақтың халықаралық білім беру бағдарламалары Қазақстандағы желілік ықпал ету механизмі ретінде 9-23

Kunanbayeva D.A., Abdigappar T. Ye., Zhakyanova A.M. International educational programs of the European union as a mechanism of network influence in Kazakhstan 9-23

Сегізбай А.Т. Роль цифровых технологий в развитии межкультурного взаимодействия в XXI веке 24-39

Сегізбай А.Т. XXIғасырдағы мәдениетаралық өзара әрекеттестікті дамудағы цифрлық технологиялардың рөлі 24-39

Segizbay A.T. The role of digital technologies in the development of intercultural interaction in the XXI century 24-39

Wei Zhao, Ting Zhao. Digital-AI integration of the new silk road, distancecostandcross-border economic cooperation: a perspective of spatial economics 40-57

Вэй Чжао, Тин Чжао. Интеграция цифрового и искусственного интеллекта на новом шелковом пути, стоимость проезда и трансграничное экономическое сотрудничество: перспективы пространственной экономики 40-57

Вэй Чжао, Тин Чжао. Жаңа жібек жолының цифрлық және жасанды интеллект интеграциясы, қашықтық құны және трансшекаралық экономикалық ынтымақтастық: кеңістіктік экономиканың перспективасы 40-57

Дин Циньпин, Мұқан С.М., Абжапарова Л.Ж. Имидж Казахстана в Китайских СМИ в контексте внешней политики КНР в ЦентральнойАзии 58-77

Дин Циньпин, Мұқан С.М., Абжапарова Л.Ж. ҚХР-дың Орталық Азиядағы сыртқы саясаты аясындағы Қытай БАҚ-тарындағы Қазақстанның бейнесі 58-77

Ding Qinping, Mukan S., Abzhaparova L. The image of Kazakhstan in Chinese media in the context of China's foreign policy in Central Asia.....58-77

Кабидоллаев Т.М., Султанбаева Г.С. Внешнеполитическая стратегия Японии в условиях соперничества США и Китая: вызовы Индо-тихоокеанского региона 78-91
Қабидолла Т.М., Султанбаева Г.С. Жапонияның сыртқы саясат стратегиясы АҚШ пен Қытай бәсекелестігі жағдайында: Үнді-тынық мұхиты аймағының сын-қатерлері 78-91
Kabidollayev T., Sultanbayeva G. Japan’s foreign policy strategy in the context of U.S.-China rivalry: challenges of the Indo-pacific region 78-91
Омаров М.М. Анализ развития торгово-экономически связей и переговорных практик как фактор устойчивости национальной экономики Казахстана 92-113
Омаров М. М. Сауда-экономикалық қатынастардың дамуын және келіссөздер жүргізу тәжірибесін Қазақстан ұлттық экономикасының тұрақтылығының факторы ретіндеталдау 92-113
Omarov M.M. Analysis of the development of trade and economic relations and negotiation practices as a factor in the sustainability of the national economy of Kazakhstan 92-113
Бокаев Б.Н., Шайхутдинов Т.М., Наурызбек М.Д., Наурызбек К.Д. Цифровое взаимодействие с диаспорой в контексте защиты национальных интересов: сравнительный анализ международных практик 114-140
Бокаев Б.Н., Шайхутдинов Т.М., Наурызбек М.Д., Наурызбек К.Д. Ұлттық мүдделерді қорғау контекстіндегі диаспорамен цифрлық өзара іс-қимыл: халықаралық тәжірибелердің салыстырмалы талдауы 114-140
Bokayev B.N., Shaikhutdinov T.M., Nauryzbek M.D., Nauryzbek K.D. Digital engagement with diasporas in the context of protecting national interests: a comparative analysis of international practices 114-140
Мармонтова Т.В., Кабазиев М.Ш., Шакенов А.А. Политическая идентичность в современном Казахстане через призму исторической памяти о Великой Отечественной войне 141-160
Мармонтова Т.В., Кабазиев М.Ш., Шәкенов Ә.А. Ұлы Отан соғысы туралы тарихи естелік призмасы арқылы қазіргі Қазақстандағы саяси бірегейлік 141-160
Marmontova T.V., Kabaziev M.SH., Shakenov A.A. Political identity in modern Kazakhstan through the prism of historical memory of the Great Patriotic War 141-160

II. БӨЛІМ. АЙМАҚТАНУ
РАЗДЕЛ II. РЕГИОНОВЕДЕНИЕ
PART II. REGIONAL STUDIES

Zatilla N.J. Kambar-ata hydroelectric power plant: multilateralism as a tool of regional water security 161-176
Затилла Н.Ж. Қамбар-ата су электр станциясы: көпжақтылық аймақтық су қауіпсіздігінің құралы ретінде 161-176
Затилла Н.Ж. Гидроэлектростанция Камбар-ата: многосторонность как инструмент региональной водной безопасности 161-176

Yem N.B. Korean studies in Kyrgyzstan: institutional development, academic mobility, and international cooperation 177-196
Ем Н.Б. Кореeведение в Кыргызстане: институциональное развитие, академическая мобильность и международное сотрудничество 177-196
Ем Н.Б. Қырғызстандағыкорейтану: институционалдық даму, академиялық ұтқырлық және халықаралық ынтымақтастық 177-196

Anlamassova M., Massadikov K. The common ıntegratıon and stabılıty polıcy of Central Asıan countrıes ın response to the global crısıs 197-229
Анламасова М.К., Масадиков Х.Г. Орталық Азия елдерінің жаһандық дағдарысқа қарсы ортақ интеграциялық және тұрақтылық саясаты 197-229
Анламасова М.К., Масадиков Х.Г. Общая политика интеграции и стабильности стран Центральной Азии в ответ на глобальный кризис 197-229

Sembayeva Zh., Makasheva Zh. The middle corridor and the transformation of regional cooperation in Central Asia: a geoeconomic perspective 230-249
Сембаева Ж.С., Макашева Ж.С. Срединный корридор как фактор трансформации регионального сотрудничества Центральной Азии: геоэкономический подход 230-249
Сембаева Ж.С., Макашева Ж.С. Орта дәліз және Орталық Азиядағы аймақтық ынтымақтастықтың трансформациясы: геоэкономикалық тәсіл 230-249

Haniyeh M. Farhadi, Gulimov A.B. Foreign policy of the Islamic Republic of Iran amid the crises of 2025-2026: between Middle Eastern confrontation and Eurasian diversification 250-263
Хание М. Фархади, Гулимов А.Б. 2025–2026 жылдардағы дағдарыстар жағдайындағы Иран Ислам Республикасының сыртқы саясаты: Таяу шығыстағы текетірес пен Еуразиялық әртараптандыру арасында 250-263
Хание М. Фархади, Гулимов А.Б. Внешняя политика Исламской Республики Иран в условиях кризисов 2025-2026 годов: между Ближневосточной конфронтацией и Евразийской диверсификацией.....250-263

Апсаттарова Г.А., Мұханов Ж.Е. Полицентрическое управление трансграничными водами: уроки Рейна и Дуная для институциональной архитектуры Центральной Азии 264-281
Апсаттарова Г.А., Мұханов Ж.Е. Трансшекаралық суларды полицентрлік басқару: Орталық Азияның институционалдық архитектурасы үшін Рейн мен Дунай тәжірибесі 264-281
Apsattarova G., Mukhanov Zh. Polycentric transboundary water governance: lessons from the Rhine and Danube for Central Asia’s institutional architecture 264-281

Карымсакова Д.Ә., Батырбаев Қ.М. Қазақстан-Қытай стратегиялық әріптестігі құрылымындағы Шыңжаң: институционалдық кедергілер және кооперация драйверлері 282-298
Карымсакова Д.А., Батырбаев К.М. Казахстанско-Китайское стратегическоепартнерство в структуре Синьцзяна: институциональные барьеры и драйверы кооперации 282-298
Karymsakova D.A., Batyrbayev K.M. Xinjiang in the structure of Kazakhstan–China strategic partnership: institutional barriers and drivers of cooperation 282-298

Курмашев Д.С., Кусаинова А.М. Формирование геополитического порядка в Центральной Азии: влияние внешних акторов и региональная динамика 299-313
Құрмашев Д.С., Құсаинова А.М. Орталық Азиядағы геосаяси тәртіптің қалыптасуы: сыртқы факторлардың ықпалы және аймақтық динамика 299-313
Kurmashev D.S., Kussainova A.M. The formation of a geopolitical order in Central Asia: the influence of external actors and regional dynamics 299-313

Пермахан Қ., Қален Б.С. «Бір белдеу – Бір жол» бастамасының Қытай мен Орталық Азиядағы жасыл энергетикалық ынтымақтастықтың институционалдық дамуына ықпалы 314-332
Пермахан К., Қален Б.С. Институциональное влияние инициативы «Один пояс – Один путь» на сотрудничество Китая и Центральной Азии в сфере зелёной энергетики 314-332
Permakhan K., Kalen B.S. The institutional impact of the Belt and Road initiative on China–Central Asia green energy cooperation 314-332

I БӨЛІМ. ДҮНИЕЖҮЗІЛІК САЯСАТ ЖӘНЕ ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ҚАТЫНАСТАР
РАЗДЕЛ I. МИРОВАЯ ПОЛИТИКА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ
PART I. WORLD POLITICS AND INTERNATIONAL RELATIONS

УДК 378.14
МНТРИ 11.25.07
https://doi.org/10.48371/ISMO.2026.65.3.001

МЕЖДУНАРОДНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ПРОГРАММЫ ЕС КАК МЕХАНИЗМ СЕТЕВОГО ВЛИЯНИЯ В КАЗАХСТАНЕ

Кунанбаева Д.А.[1],*Әбдіғаппар Т.Е.[2], Жакьянова А.М.[3]
[1,*2,3] Казахский университет международных отношений
и мировых языков имени Абылай хана, Алматы, Казахстан

Аннотация. В данной статье рассматривается международные образовательные программы Европейского союза, в частности, Erasmus+, ErasmusMundus, Tempus и программы Жана Моне в качестве механизмов сетевого влияния в Казахстане. Опираясь на научную литературу по теории мягкой силы, международным отношениям и исследованиям высшего образования, статья анализирует структурные и нормативные аспекты участия ЕС в образовательной сфере, прослеживая эволюцию двустороннего сотрудничества. Обзор показывает, что программы ЕС наравне с целями по реформированию системы образования, являются частью стратегии мягкой силы ЕС. Эти сети порождают устойчивые формы влияния, выходящие за рамки индивидуального обмена научными знаниями, изменяя институциональную культуру, нормы управления и геополитические ориентации.

Цель исследования заключается в создании теоретической основы, интегрирующей теорию мягкой силы, исследования в области образовательной дипломатии и транснациональный сетевой анализ для концептуализации участия ЕС в образовательной сфере как формы геополитического влияния. Для достижения цели были обозначены следующие задачи, как проанализировать институциональную эволюцию сотрудничества ЕС и Казахстана в области высшего образования на различных программных этапах с 2010 года по настоящее время; выявить и дифференцировать механизмы сетевого влияния, действующих на индивидуальном, институциональном и системном уровнях казахстанской системы высшего образования; а также определить критическую оценку ограничений, противоречий и конкурирующих динамик, которые определяют масштабы и устойчивость влияния ЕС в сфере образования в многовекторной внешнеполитической среде Казахстана.

Данная статья восполняет исследования в области образовательной дипломатии ЕС по отношению к Казахстану, объединяя разрозненные эмпирические данные из политических отчетов, региональных исследований и отечественных работ в целостное исследование образовательной дипломатии ЕС в Казахстане.

Ключевые слова: образовательная дипломатия ЕС, Erasmus+, Казахстан, Европейский союз, мягкая сила, сетевое влияние, Центральная Азия, внешнеполитические механизмы, академическая мобильность, международно-образовательные программы

Введение

Сегодня Центральная Азия превратилась в арену борьбы, где ведущие державы соревнуются за влияние, используя сочетание экономических, военных и культурных инструментов. Расположенная на пересечении сфер интересов России, Китая и Запада, Казахстан исторически проводит многовекторную внешнюю политику, направленную на балансирование конкурирующих внешних акторов при сохранении стратегической автономии. Одним из важных направлений данной многовекторной политики является сфера образования.

В современных международных отношениях образование все чаще рассматривается не только как сфера подготовки человеческого капитала, но и как значимый инструмент внешней политики государств и наднациональных объединений. Если в классической дипломатии ключевую роль играли межгосударственные переговоры, политические соглашения и экономические ресурсы, то в условиях глобализации, цифровизации и усиления конкуренции за знания особое значение приобретают академическая мобильность, международные образовательные программы, университетские альянсы, совместные исследовательские проекты и транснациональные сети выпускников. Через образование государства формируют долгосрочные каналы коммуникации, укрепляют доверие, распространяют ценности, институциональные нормы и модели управления, а также создают устойчивые профессиональные и экспертные сообщества за пределами своих национальных границ.

В этом контексте участие Европейского союза в Казахстане посредством международных образовательных программ привлекает все большее внимание ученых как актор проекции мягкой силы через создание институциональных сетей.

Концепция мягкой силы, впервые представленная NyeJ. [1], относится к способности субъекта формировать предпочтения других посредством привлечения и убеждения, а не принуждения или материальных стимулов. Сфера образования давно признана основным инструментом такого влияния, финансируя стипендии, содействуя обмену преподавателями и

поддерживая реформу учебных программ, внешние субъекты выстраивают прочные отношения интеллектуальной и институциональной зависимости, которые приводят к долгосрочному сотрудничеству.

Европейский союз особенно целенаправленно использует высшее образование в качестве инструмента внешней политики, направляя миллиарды евро на такие программы, как Erasmus+, ErasmusMundus, Tempus и JeanMonnetActions, чтобы культивировать приверженность европейским ценностям, стандартам и моделям управления в своем регионе и за его пределами.

Участие Казахстана в этих программах было обширным и, по региональным меркам, исключительным. Это была первая страна Центральной Азии, подписавшая Соглашение о расширенном партнерстве и сотрудничестве (EPCA) с ЕС, которое вступило в силу в марте 2020 года, и она неизменно является наиболее активным партнером в Центральной Азии в финансируемых ЕС образовательных инициативах [2]. Казахстанские университеты участвовали в 49 из 70 проектов по наращиванию потенциала в высшем образовании (CBHE), финансируемых в Центральной Азии в период с 2014 по 2020 год, и за тот же период более 3300 краткосрочных стипендий были предоставлены казахстанским студентам и преподавателям для обучения в Европе [2]. В программном цикле 2021–2027 годов ЕС выделил 76 миллионов евро на деятельность по программе Erasmus+ в Центральной Азии [3].

Однако, несмотря на такое активное институциональное взаимодействие, остаются вопросы о характере и глубине оказываемого им влияния. Приводит ли участие ЕС в образовательной деятельности в Казахстане к подлинной нормативной перестройке, или же оно функционирует в первую очередь как инструмент технической модернизации, оторванный от своего геополитического контекста?

Как сеть выпускников, обладателей совместных дипломов и университетов-партнеров, созданная в рамках этих программ, функционирует как механизм влияния? В данной статье эти вопросы рассматриваются посредством систематического анализа научной литературы, предлагая комплексное описание образовательных программ ЕС как механизма сетевого влияния в Казахстане. – главная гипотеза, которую должны доказать

Описание материалов и методов

Методологическая основа исследования построена на междисциплинарном сочетании подходов международных отношений и исследований высшего образования. В качестве базовой теоретической рамки используется теория мягкой силы NyeJ. [1, с.31-33], позволяющая рассматривать международно-образовательные программы Европейского

союза как инструмент привлекательности, формирования позитивного восприятия и долгосрочного нормативного влияния. В рамках данной статьи программы Erasmus+, ErasmusMundus, Tempus и JeanMonnetActions анализируются не только как механизмы академической мобильности и модернизации высшего образования, но и как каналы трансляции европейских ценностей, стандартов качества, управленческих практик и институциональных моделей.

Дополнительно применяется конструктивистский подход, согласно которому международное влияние формируется не только через материальные ресурсы, но и через нормы, идеи, идентичности и процессы социализации. Данный подход позволяет выявить, каким образом участие студентов, преподавателей и университетов в программах ЕС способствует распространению норм Европейского пространства высшего образования.

Для преодоления ограничений односторонней трактовки образовательных программ как инструмента мягкой силы в статье используется концепция knowledgediplomacy [4]. Она позволяет рассматривать образовательное сотрудничество ЕС и Казахстана как пространство взаимного обмена знаниями, совместного институционального развития, академического партнерства и формирования человеческого капитала.

Ключевым аналитическим инструментом исследования является сетевой подход в международных отношениях [5]. Он используется для анализа международно-образовательных программ ЕС как транснациональных сетей, объединяющих университеты, студентов, преподавателей, выпускников, экспертные сообщества и государственные институты. Влияние ЕС рассматривается на трех уровнях: индивидуальном, где формируются профессиональные траектории и ценностные ориентации участников мобильности; институциональном, где через проекты СВНЕ, Tempus и JeanMonnet закрепляются партнерства, учебные программы и управленческие практики; и системном, где происходит согласование казахстанской системы высшего образования с европейскими стандартами и Болонским процессом.

В качестве вспомогательных концепций используются интернационализация высшего образования и policytransfer. Концепция интернационализации позволяет раскрыть академическую мобильность, совместные программы, исследовательские проекты и международные консорциумы как элементы глобальной трансформации высшего образования. Концепция policytransfer позволяет рассмотреть перенос европейских образовательных стандартов и управленческих практик в национальный контекст Казахстана.

Эмпирическую базу исследования составили нормативно-правовые и программные документы, а именно официальные отчеты Европейской комиссии по программам Erasmus+ / Tempus, документы Министерства науки и высшего образования РК, Национального центра развития высшего образования, соглашения о сотрудничестве между ЕС и Казахстаном в сфере образования;

Статистические данные из аналитических материалов Национального офиса Erasmus+ в Казахстане за 2014–2020 гг.

В качестве основных методов сбора и обработки данных использовались метод сравнительного анализа (для сопоставления институциональных моделей), качественный контент-анализ программных документов, а также системный подход для анализа взаимодействия участников образовательных сетей.

Поиск литературы основывался на базе международных платформ, таких как GoogleScholar и JSTOR, дополненный целенаправленным поиском в отчетах Европейской комиссии, Европейской службе внешних действий (EEAS) и Исполнительном агентстве по образованию, аудиовизуальным средствам и культуре (EACEA), а также в рецензируемых базах данных, включая Scopus, WebofScience.

Поисковые термины были организованы вокруг трех концептуальных кластеров: образовательные программы ЕС и мягкая сила; высшее образование в Казахстане и Центральной Азии; сетевое влияние и передача норм. Поиск проводился на английском и русском языках и охватывал публикации с 2000 по 2025 год, с особым акцентом на работы с 2010 года. Анализ литературы проводился с использованием тематического синтеза, группируя результаты по четырем направлениям: теоретические основы; архитектура программ ЕС; формирование сетей и механизмы влияния; а также ограничения и противоречия.

Результаты

Теоретическая основа для понимания образовательных программ ЕС как механизмов влияния опирается на такие взаимосвязанные направления исследований, как теория мягкой силы, исследования в области образовательной дипломатии и аналитические модели сетей, применяемые в международных отношениях.

Настоящий обзор вносит вклад в существующие научные исследования, дополняя теоретическую концептуализацию мягкой силы в образовании, предлагая интегрированную многоуровневую структуру, которая синтезирует теорию мягкой силы [6], анализ транснациональных сетей поддержки [7] и исследования в области образовательной дипломатии [4, 7-8] в целостную аналитическую модель, применимую к изучению

участия ЕС в образовании. Данная концептуальная основа выходит за рамки преимущественно двустороннего и поведенческого подхода предыдущих исследований мягкой силы, выдвигая на первый план сетевые аспекты влияния институционализированные транснациональные связи между европейскими и партнерскими университетами, академическими сообществами и политиками как качественно отличный и недостаточно изученный механизм геополитического воздействия.

В формулировке мягкой силы, предложенной NyeJ. [1], установлено, что способность привлекать и убеждать, основанная на привлекательности культуры, ценностей и политики страны, представляет собой особую и все более важную форму власти в мировых делах. Последующие исследования подробно описали конкретные механизмы, посредством которых образование действует как инструмент мягкой силы. RutkowskiD. [8] и LoW. [9] продемонстрировали, что международные стипендиальные программы функционируют как механизмы социализации, знакомя участников с институциональными нормами, профессиональной культурой и эпистемологическими рамками принимающего общества. PerilliA. [10] в своих исследованиях, на примере программ ЕС, продемонстрировал, на основе данных опросов из Грузии, Украины и Туниса, что участники программы Erasmus значительно чаще, чем не участники, отождествляют себя с европейскими ценностями и выступают в качестве неформальных послов, представляющих точку зрения ЕС.

Систематический обзор GauttamP. etal. [7], обобщающий данные стипендиальных и обменных программ в 38 странах, подтвердил, что образовательные обмены приводят к статистически значимому увеличению позитивного отношения к государствам-спонсорам среди выпускников. Перспективы сетевого анализа, согласно исследованиям KeckM., SikkinkK. [11], дополняют эту индивидуальную концепцию, показывая, что выпускники оказывают влияние не только как отдельные личности, но и через профессиональные сети, которые связывают их с сообществами-партнерами в странах-спонсорах. Как отмечает HeathershawJ. [12], такие сети представляют собой качественно иную и часто недооцениваемую форму влияния по сравнению с более заметными дипломатическими или экономическими инструментами.

На рисунке 1 представлена концептуальная модель механизмов влияния образовательной сети ЕС в Казахстане, иллюстрирующая индивидуальные, институциональные и системные пути от программных ресурсов к нормативным результатам.

(изображение создано при помощи ИИ ChatGPT)
Рисунок 1 - Концептуальная модель механизмов влияния образовательной сети ЕС в Казахстане.

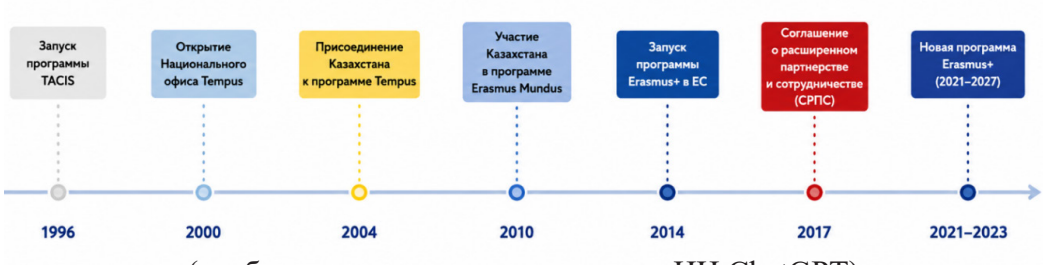
Взаимодействие ЕС с Казахстаном в сфере образования прошло несколько различных этапов. На рисунке 3 сделана попытка систематизации хронологии развития образовательного сотрудничества между ЕС и Казахстаном (1996-2023), иллюстрирующая ключевые этапы от расширения программы Tempus до текущего цикла Erasmus+.

Первый этап, охватывающий 1990-е и начало 2000-х годов, определялся в основном программой Tempus, которая фокусировалась на разработке учебных планов, институциональной модернизации и приведении в соответствие с европейскими стандартами высшего образования. Проекты Tempus в Казахстане были сосредоточены на адаптации структур управления университетами, внедрении систем перевода кредитов, совместимых с ECTS, и разработке новых учебных программ в области права, экономики и государственного управления.

Второй этап начался с присоединения Казахстана к Болонскому процессу в 2010 году, сделав его первым государством Центральной Азии, присоединившимся к нему, и был усилен запуском программы Erasmus+ в 2014 году. В период с 2014 по 2020 год казахстанские университеты участвовали в 49 из 70 проектов CBHE, финансируемых в Центральной Азии; было предоставлено более 3300 краткосрочных стипендий для мобильности; 328 казахстанских магистрантов получили полные стипендии по программе Erasmus Mundus Joint Master Degree; и более 1500 европейских студентов получили стипендии для обучения в Казахстане. Мусаев проводит подробный исторический анализ этой траектории интеграции, прослеживая,

как казахстанские образовательные учреждения постепенно приводили свои структуры, стандарты качества и учебные программы в соответствие с Европейским пространством высшего образования, и определяя присоединение к Болонскому процессу, как ключевой поворотный момент в «европеизации» образования в Казахстане.

Третий и текущий этап определяется циклом 2021–2027 годов с обязательством в размере 76 миллионов евро, подкрепленным Соглашением о Европейском пространстве высшего образования (EPCA), которое вступило в силу 1 марта 2020 года (EEAS, 2025).

(изображение создано при помощи ИИ ChatGPT)

Рисунок 2 - Хронология образовательного сотрудничества между ЕС и Казахстаном (1996-2023), иллюстрирующая ключевые этапы от расширения программы Tempus до текущего цикла Erasmus+.

Таким образом, поэтапное развитие отношений между Казахстаном и ЕС в сфере образования показывает, что нынешнее сотрудничество в этой сфере не является стихийным процессом, а представляет собой результат последовательного выстраивания механизмов взаимодействия, что позволяет интерпретировать образовательные инициативы ЕС не как изолированные между собой проекты, а как часть целенаправленной стратегии долгосрочного присутствия и нормативного влияния.

В научной литературе выделены несколько различных механизмов, посредством которых образовательные программы ЕС создают сетевое влияние в Казахстане, действующие на индивидуальном, институциональном и системном уровнях.

На индивидуальном уровне основным механизмом является социализация через мобильность. Казахстанские студенты и ученые, находящиеся в европейской университетской среде, усваивают институциональные нормы, профессиональную этику и демократические ценности, заложенные в европейском высшем образовании. PerilliA.[10] выявил убедительные доказательства того, что выпускники программ обмена ЕС формируют более благоприятные взгляды на европейские политические ценности, чем сопоставимые группы, не участвовавшие в них. Также отмечается, что десятилетия спонсируемой ЕС мобильности сформировали значительную группу казахстанских специалистов, чье образование,

профессиональные сети и системы ценностей в значительной степени сформированы европейским опытом. Жакьянова А.М. [13] рассматривает академическую мобильность как целенаправленный инструмент мягкой силы в современной системе международных отношений, утверждая, что программы мобильности одновременно служат инструментами личностного развития и проекции геополитического влияния.

На институциональном уровне проекты СВНЕ требуют устойчивого многолетнего сотрудничества, включающего совместную разработку учебных программ, обучение персонала и институциональные реформы. Каждый проект создает прочную институциональную связь, формализованную посредством меморандумов о взаимопонимании, соглашений о совместном получении степеней и общих процедур обеспечения качества. OldacY.I. [14] показал, что такие сети систематически смещают стратегии интернационализации университетов-партнеров в сторону европейских связей. На системном уровне согласование с Болонским процессом, принятое Казахстаном раньше, чем любым другим государством Центральной Азии, коренным образом реструктурировало его систему высшего образования по европейскому образцу, создав зависимости от предшествующего развития, которые способствуют дальнейшему участию в европейских проектах. DauletovaG., BaisultanovaK. [15] предлагают дополнительную концептуальную основу для понимания таких международных проектов, подчеркивая, что их значение выходит за рамки технического сотрудничества и представляет собой структурированные механизмы формирования институциональной идентичности и международной ориентации стран-получателей.

На рисунке 3 показано количество поданных заявок странами Центральной Азии для участия в проектах СВНЕErasmus+ в циклах 2014 – 2020гг. и 2021 – 2027гг.

Рисунок 3 - Количество Erasmus+ СВНЕ проектов по странам Центральной Азии.

Обсуждение

В литературе выявлены существенные ограничения эффективности влияния сетей ЕС. Метаанализы, рассмотренные GauttamP. etal [7, с 16-18, 57, 72-74], показали, что позитивные эффекты в отношении стран-спонсоров, как правило, ослабевают со временем, когда выпускники возвращаются в среду, которая не укрепляет европейские нормы, и что эти эффекты слабее там, где существуют сильные конкурирующие нормативные рамки.

Казахстан функционирует в условиях жесткой конкуренции между многочисленными участниками образовательной мягкой силы. Россия создала параллельную сеть университетов СНГ, китайская инициатива «Один пояс, один путь» включает в себя растущие Институты Конфуция и стипендии, а Соединенные Штаты управляют программой Фулбрайта и другими программами. Внешняя политика Казахстана, ориентированная на многовекторный подход, целенаправленно использует эту конкуренцию для максимизации стратегической автономии, стремясь к диверсификации, которая позволяет извлекать выгоду из множества программ, сохраняя при этом политическую гибкость. Таким образом открытие филиалов зарубежных университетов, в том числе и европейских, можно рассматривать как продолжение многовекторной политики государства, поскольку сама структура представленности университетов – партнеров диверсифицирована между разными центрами силы.

Из числа Европейских ВУЗов сегодня в Казахстане представлены филиалы университетов CardiffUniversity, CoventryUniversity, AnhaltUniversity, Grenoble INP-Phelma, MarchePolytechnicUniversity, открытие которых не прошло изолировано, а стало одним из результатов многолетнего сотрудничества между ЕС и Казахстаном.

Заключение

Международные образовательные программы ЕС представляют собой многомерный механизм сетевого влияния в Казахстане, действующий одновременно на индивидуальном, институциональном и системном уровнях. Благодаря стипендиям для мобильности, проектам по наращиванию потенциала, согласованию с Болонским процессом и действиям программы Жан Моне, ЕС создал плотную транснациональную сеть, которая генерирует устойчивое нормативное влияние, выходящее далеко за рамки отдельных программных циклов. Масштаб этого взаимодействия десятки миллионов евро, тысячи выпускников и глубокое институциональное соответствие европейским стандартам представляет собой существенное достижение образовательной дипломатии ЕС в Центральной Азии.

Системный подход, наиболее ярко иллюстрируемый ранним и всесторонним принятием Казахстаном Болонского процесса, демонстрирует, что образовательные программы ЕС могут оказывать влияние на уровне национальной архитектуры высшего образования, создавая структурные

зависимости, которые формируют академическую среду страны на десятилетия после непосредственного момента принятия реформ.

Сохранение многовекторной внешней политики Казахстана, поддерживаемой на протяжении многих лет наиболее интенсивного взаимодействия ЕС с образовательными учреждениями и закрепленной в конституционной доктрине внешней политики страны служит структурным напоминанием о том, что сетевое влияние, каким бы плотным и институционально укорененным оно ни было, не автоматически приводит к стратегическому согласованию.

Инструментализация образовательных ресурсов ЕС наряду с параллельным взаимодействием с российскими, китайскими и американскими программами «мягкой силы» в сфере образования отражает целенаправленную и сложную стратегию балансирования, которая извлекает максимальную выгоду из множества конкурирующих внешних предложений, сохраняя при этом автономию, являющуюся определяющим принципом внешней политики Казахстана.

В целом, международные образовательные программы ЕС представляют собой одно из наиболее значимых и малоизученных измерений европейской внешней политики в Центральной Азии в системе международных отношений. Их влияние в Казахстане реально, институционально укоренено и исторически глубоко, но оно также частично, спорно и неотделимо от более широкой геополитической среды, в которой Казахстан преследует свои национальные интересы. Понимание природы, масштабов и ограничений этого влияния имеет важное значение не только для научного изучения мягкой силы и образовательной дипломатии, но и для практической разработки стратегий взаимодействия ЕС в регионе, геополитическое значение которого продолжает расти в условиях все более многополярного международного порядка.

ЛИТЕРАТУРА

[1] Nye J. S. Bound to lead: the changing nature of American power. — New York: Basic Books, 1990. — 307 p.

[2] EuropeanExternalActionService. EU-Kazakhstan relations: factsheet. October 2023 [Электронный ресурс]. — 2023. — URL: https://www.eeas.europa.eu/delegations/kazakhstan/eu-kazakhstan-relations_en (дата обращения: 22.08.2026).

[3] EuropeanExternalActionService. EU-Kazakhstan relations: factsheet. March 2025 [Электронный ресурс]. — 2025. — URL:https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/documents/2025/FACTSHEET Kazakhstan_2025.pdf(дата обращения: 22.08.2026).

[4] Knight J. Knowledge Diplomacy in International Relations and Higher Education. — Cham: Springer, 2022. — XXI, 179 p.

[5] Brams S. J. The Structure of Influence Relationships in the International System // International Politics and Foreign Policy / ed. by J. N. Rosenau. — 2nd ed. — New York: Free Press, 1969. — P. 583–599.

[6] Nye J. S. Soft Power: the Means to Success in World Politics. — New York: PublicAffairs, 2004. — 191 p. — URL: https://www.belfercenter.org/sites/default/files/pantheon_files/files/publication/joe_nye_wielding_soft_power.pdf.

[7] Gauttam P., Singh B., Singh S., Bika S. L., Tiwari R. P. Education as a soft power resource: a systematic review // Heliyon. — 2024. — Vol. 10, No. 1. — Art. e23736. — URL: https://doi.org/10.1016/j.heliyon.2023.e23736.

[8] Lo W. Y. W. Soft power, university rankings and knowledge production: distinctions between hegemony and self-determination in higher education // Comparative Education. — 2011. — Vol. 47, No. 2. — P. 209–222. — URL: https://www.jstor.org/stable/23074643.

[9] Rutkowski D., Engel L. C. Soft Power and Hard Measures: Large-Scale Assessment, Citizenship and the European Union // European Educational Research Journal. — 2010. — Vol. 9, No. 3. — P. 381–395. — DOI: 10.2304/eerj.2010.9.3.381.

[10] Perilli A. Erasmus Student or EU Ambassador? People-to-People Contact in the European Neighbourhood Policy: The Cases of Georgia, Ukraine and Tunisia // International Relations and Diplomacy. — 2018. — Vol. 6, No. 11. — P. 583–605. — URL: https://doi.org/10.17265/2328-2134/2018.11.002.

[11] Keck M. E., Sikkink K. Activists beyond Borders: Advocacy Networks in International Politics [Электронныйресурс]. — Ithaca; London: Cornell University Press, 1998. — URL: https://web.stanford.edu/class/polisci243b/readings/v0002555.pdf (датаобращения: 18.06.2026).

[12] Heathershaw J. Soft power in central Asia: the politics of influence and seduction// International Affairs. — 2022. — Vol. 98, No. 5. — P. 1819–1820. — URL: https://doi.org/10.1093/ia/iiac157.

[13] Жакьянова А. М. «Академическая мобильность» в контексте международных отношений // Вестник КазНПУ им. Абая. Серия «Исторические и социально-политические науки». — 2018. — № 2 (57). — С. 74–79. — URL: https://kaznpu.kz/docs/180593_2.pdf.

[14]Oldac Y. I. Changing Geopolitics of International Student Mobility: Implications for Central Asian Students // International Higher Education. — 2022. — No. 112. — P. 25–26. — URL: https://www.researchgate.net/publication/364314813_Changing_Geopolitics_of_International_Student_Mobility_Implications_for_Central_Asian_Students.

[15] Dauletova G., Baisultanova K. C. Conceptual foundations for the study of international projects // Izvestiya. Seriya: Mezhdunarodnyyeotnosheniyairegionovedeniye. — 2024. — Vol. 56, No. 2. — URL: https://doi.org/10.48371/ISMO.2024.56.2.002.

ЕУРОПАЛЫҚ ОДАҚТЫҢ ХАЛЫҚАРАЛЫҚ БІЛІМ БЕРУ БАҒДАРЛАМАЛАРЫ ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ ЖЕЛІЛІК ЫҚПАЛ ЕТУ МЕХАНИЗМІ РЕТІНДЕ

Кунанбаева Д.А.[1], *Әбдіғаппар Т.Е.[2], Жакьянова А.М.[3]
[1,*2, 3] Абылай хан атындағы Қазақ халықаралық қатынастар және әлем тілдері университеті, Алматы, Қазақстан

Аңдатпа. Осы шолу мақаласында Еуропалық Одақтың халықаралық білім беру бағдарламалары, атап айтқанда Erasmus+, Erasmus Mundus, Tempus және Жан Моне бағдарламаларының Қазақстандағы желілік ықпал ету тетіктері ретінде қалай қызмет ететіні қарастырылады. Жұмыста жұмсақ күш теориясы, халықаралық қатынастар және жоғары білім беру саласындағы ғылыми әдебиеттерге сүйене отырып, Еуропалық Одақтың білім беру кеңістігіндегі қатысуының құрылымдық және нормативтік аспектілері талданып, екіжақты ынтымақтастықтың эволюциясы зерделенеді. Шолу нәтижелері ЕО бағдарламаларының академиялық ұтқырлық желілерін дамытуға, оқу бағдарламаларын жаңғыртуға, институционалдық әріптестіктерді нығайтуға және қазақстандық университеттерде құндылықтарды таратуға ықпал еткенін көрсетеді. Бұл желілер ғылыми білім алмасу шеңберінен асып түсетін тұрақты ықпал ету нысандарын қалыптастырып, институционалдық мәдениетке, басқару нормаларына және геосаяси бағдарларға әсер етеді. Мақала аталған үдерістерді жұмсақ күш, нормалардың таралуы және Орталық Азиядағы ірі державалар арасындағы бәсекелестік жөніндегі кең ауқымды ғылыми пікірталастар аясында қарастырады.

Тірек сөздер: ЕО-ның білім беру дипломатиясы, Erasmus+, Қазақстан, Еуропалық Одақ, жұмсақ күш, желілік ықпал, Орталық Азия, сыртқы саясат тетіктері, академиялық ұтқырлық, халықаралық білім беру бағдарламалары

INTERNATIONAL EDUCATIONAL PROGRAMS OF THE EUROPEAN UNION AS A MECHANISM OF NETWORK INFLUENCE IN KAZAKHSTAN

Kunanbayeva D.A.[1], *Abdigappar T. Ye.[2], Zhakyanova A.M.[3]
[1,*2,3] Kazakh Ablai Khan University of International Relations and World Languages, Almaty, Kazakhstan

Abstract. This review article examines how the European Union's international educational programs, particularly Erasmus+, Erasmus Mundus, Tempus, and the Jean Monnet programs, function as mechanisms of network influence in Kazakhstan. Drawing on scholarly literature on soft power theory, international relations, and higher education studies, the article analyzes the structural and normative dimensions of the EU's involvement in the educational

sphere, tracing the evolution of bilateral cooperation. The review demonstrates that EU programs have contributed to the development of academic mobility networks, curriculum reform, institutional partnerships, and the dissemination of values within Kazakhstani universities. These networks generate enduring forms of influence that extend beyond individual academic exchanges, shaping institutional culture, governance norms, and geopolitical orientations. The article situates this dynamic within broader debates on soft power, norm diffusion, and great-power competition in Central Asia.

Keywords: EU educational diplomacy, Erasmus+, Kazakhstan, European Union, soft power, network influence, Central Asia, foreign policy mechanisms, academic mobility, international educational programs

Сведение об авторах:

Кунанбаева Д.А. – кандидат экономических наук, ассоциированный профессор, Казахский университет международных отношений и мировых языков имени Абылай хана, Алматы, Казахстан, e-mail: kunanbayeva.d@ablaikhan.kz

Әбдіғаппар Т.Е. - PhD докторант, Казахский университет международных отношений и мировых языков имени Абылай хана, Алматы, Казахстан, e-mail: abdigappar.t@ablaikhan.kz

Жакьянова А.М. – доктор философии (PhD), Казахский университет международных отношений и мировых языков имени Абылай хана, Алматы, Казахстан, e-mail: zhakiyanova.a@ablaikhan.kz

***Авторлар туралы мәліметте*р:**

Кунанбаева Д.А. – экономика ғылымдарының кандидаты, қауымдастырылған профессор, Абылай хан атындағы Қазақ халықаралық қатынастар және әлем тілдері университеті, Алматы, Қазақстан, e-mail: kunanbayeva.d@ablaikhan.kz

Әбдіғаппар Т.Е. –PhD докторант, Абылай хан атындағы Қазақ халықаралық қатынастар және әлем тілдері университеті, Алматы, Қазақстан, e-mail: abdigappar.t@ablaikhan.kz

Жакьянова А.М. – философия докторы PhD, Абылай хан атындағыҚазақ халықаралық қатынастар және әлем тілдері университеті, Алматы, Қазақстан, e-mail: zhakiyanova.a@ablaikhan.kz

Information about the authors:

Kunanbayeva D.A. – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Kazakh Ablai khan University of International Relations and World Languages, Almaty, Kazakhstan, e-mail: kunanbayeva.d@ablaikhan.kz

Abdigappar T.Ye. – PhD student, Kazakh Ablai khan University of International Relations and World Languages, Almaty, Kazakhstan, e-mail: abdigappar.t@ablaikhan.kz

Zhakyanova A. M. – PhD, Kazakh Ablai Khan University of International Relations and World Languages, Almaty, Kazakhstan, e-mail: zhakiyanova.a@ablaikhan.kz

Статья поступила / Мақала түсті / Received: 13.06.2026.
Принята к публикации / Жариялауға қабылданды / Accepted: 28.09.2026

УДК 327.8
МРНТИ 11.25.19
https://doi.org/10.48371/ISMO.2026.65.3.002

РОЛЬ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В РАЗВИТИИ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В XXI ВЕКЕ

*Сегізбай А.Т. [1]
*[1]Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева,
Астана, Казахстан

Аннотация. Статья посвящена анализу влияния цифровых технологий и виртуальной коммуникации на развитие межкультурного взаимодействия в XXI веке. В условиях современной глобальной цифровой трансформации межкультурная коммуникация вышла за рамки пространства и времени и стала повседневной практикой в социальной, профессиональной и образовательной сферах. Хотя онлайн-платформы и социальные сети расширили масштабы и интенсивность культурного обмена, они также создают новые вызовы, такие как искажения коммуникации, поверхностное восприятие культурных различий и усиление стереотипов.

В исследовании межкультурная коммуникация рассматривается как многомерное явление, а её особенности в цифровой среде переосмысливаются в контексте классических теоретических моделей. Автор показывает, что цифровые технологии, с одной стороны, позволяют сохранять и представлять культурную идентичность, а с другой – усиливают процессы культурного объединения и стандартизации коммуникации.

Основное внимание в статье уделяется влиянию факторов глобализации, цифровизации и миграционной мобильности на динамику межкультурных отношений. Результаты исследования выявляют противоречивый характер современного межкультурного взаимодействия и подтверждают актуальность разработки эффективных коммуникационных стратегий, направленных на укрепление взаимопонимания в контексте глобального цифрового общества.

Ключевые слова:межкультурная коммуникация, СМИ, виртуальная коммуникация, цифровая технология, Казахстан

Введение

В XXI веке процессы межкультурного взаимодействия разворачиваются в условиях глубокой цифровой трансформации, которая существенно изменила способы коммуникации между представителями различных культур. Формирование глобального цифрового ландшафта привело к тому, что межкультурное общение перестало быть ограниченным пространственными и временными рамками, а виртуальная коммуникация

стала повседневной формой социального, профессионального и образовательного взаимодействия. Цифровые технологии, онлайн-платформы и социальные сети создали принципиально новые условия для культурного обмена, расширив масштабы и интенсивность межкультурных контактов и сделав их более доступными для широких социальных групп.

Вместе с тем цифровизация коммуникационных процессов не только открывает новые возможности, но и формирует комплекс вызовов, требующих теоретического осмысления. Виртуальная среда, характеризующаяся высокой скоростью распространения информации и фрагментарностью коммуникации, нередко усиливает коммуникативные искажения, способствует поверхностному восприятию культурных различий и воспроизводству стереотипов. Различия в ценностных ориентирах, коммуникативных кодах и культурных нормах в цифровом пространстве могут становиться источником недопонимания и конфликтов, особенно в условиях отсутствия устойчивых механизмов культурной рефлексии и диалога. В этом контексте актуализируется вопрос о том, каким образом цифровые технологии влияют на характер межкультурного взаимодействия и в какой степени они способствуют либо, напротив, затрудняют развитие взаимопонимания между культурами.

Актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью переосмысления классических моделей межкультурной коммуникации с учётом специфики цифровой среды. Традиционные подходы, сформированные в условиях преимущественно офлайн-коммуникации, оказываются недостаточными для анализа виртуальных форм взаимодействия, где изменяются структура коммуникации, роль контекста и механизмы интерпретации смыслов. Цифровые технологии одновременно создают предпосылки для сохранения и репрезентации культурной идентичности, а также усиливают тенденции культурной унификации и стандартизации коммуникативных практик.

Целью статьи является анализ роли цифровых технологий и виртуальной коммуникации в развитии межкультурного взаимодействия в XXI веке, а также выявление ключевых вызовов, сопровождающих данный процесс. В рамках исследования межкультурная коммуникация рассматривается как многомерное явление, связанное с социальными, экономическими и политическими трансформациями современного общества. Особое внимание уделяется влиянию глобализационных процессов, цифровизации и миграционной мобильности на динамику межкультурных контактов. Рассмотрение этих факторов позволяет выявить противоречивый характер современного межкультурного взаимодействия и обосновать необходимость развития коммуникационных стратегий, отвечающих условиям глобального цифрового общества.

Исследовательский вопрос статьи заключается в следующем: каким образом цифровые технологии трансформируют межкультурное взаимодействие, одновременно расширяя его возможности и формируя новые коммуникативные барьеры в условиях глобального цифрового пространства?

Научная новизна исследования заключается в переосмыслении роли цифровых технологий не только как инструмента межкультурной коммуникации, но и как ключевого фактора формирования когнитивных и коммуникативных навыков современного человека в условиях глобальной цифровой трансформации. В работе показано, что цифровые платформы выступают одновременно средой межкультурного взаимодействия и механизмом формирования новых моделей восприятия культурных различий, требующих высокого уровня цифровой, критической и межкультурной компетентности.

Особый вклад исследования заключается в рассмотрении данных процессов на примере Казахстана как многоэтничного и многокультурного общества с высокой степенью цифровизации и активным использованием социальных платформ. Казахстанский кейс позволяет выявить специфику функционирования цифровой межкультурной коммуникации в условиях пересечения различных языковых, культурных и информационных пространств, а также продемонстрировать влияние внешних и внутренних медиапотоков на формирование общественных нарративов и идентичности.

Описание материалов и методов

Методологической основой настоящего исследования выступает комплексный междисциплинарный подход, сочетающий системный анализ и дискурс-анализ. Подобная комбинация обусловлена сложной и многоуровневой природой межкультурного взаимодействия в условиях цифровой трансформации XXI века. В рамках системного анализа межкультурная коммуникация рассматривается как целостная динамическая система, включающая взаимосвязанные технологические, социальные, культурные, политические и медийные компоненты. Цифровая среда в данном контексте выступает не просто инструментом передачи информации, а структурообразующим фактором, трансформирующим саму архитектуру коммуникации. Такой подход позволяет выявить взаимозависимость между процессами цифровизации и изменением характера культурного обмена, а также проследить механизмы обратной связи, посредством которых цифровые технологии воздействуют на формирование идентичности, общественных нарративов и моделей восприятия «другого».

Анализ также предполагает рассмотрение межкультурного взаимодействия на нескольких уровнях. На макроуровне исследуются глобализационные процессы, международные информационные потоки

и транснациональные цифровые платформы, формирующие глобальное коммуникативное пространство. На мезоуровне анализируются институциональные и медийные структуры, включая государственную информационную политику, зарубежное медиаприсутствие и платформенную инфраструктуру. На микроуровне внимание сосредоточено на индивидуальных практиках цифровой коммуникации, особенностях онлайн-взаимодействия и восприятии культурных различий в виртуальной среде.

В рамках дискурс-анализа были отобраны цифровые материалы по следующим критериям:

- наличие межкультурной тематики;
- охват широкой аудитории;
- репрезентация различных культурных и языковых групп.

Анализ проводился в несколько этапов:

- выявление ключевых нарративов (идентичность, язык, культура);
- анализ коммуникативных стратегий и риторических моделей;
- интерпретация влияния цифровых алгоритмов на формирование восприятия «другого».

Эмпирическая база исследования включает:

- статистические данные по охвату цифровых платформ в Казахстане (YouTube, Instagram, TikTok, ВКонтакте);
- данные о структуре иностранного медиаприсутствия (распределение телеканалов по странам);
- анализ контента цифровых платформ (социальные сети, Telegram-каналы, видеохостинги), отражающих межкультурные нарративы.

Результаты и обсуждение

Понятие межкультурной коммуникации занимает ключевое место в современных гуманитарных и социальных науках, однако его интерпретация существенно трансформируется в условиях цифровой эпохи. Исторически данное понятие развивалось эволюционно — от описания культурных различий в трудах античных и средневековых авторов до формирования самостоятельного научного направления в середине XX века [1, p.72]. Однако на ранних этапах межкультурные контакты носили эпизодический характер, а их анализ ограничивался преимущественно описанием культурных особенностей без учета системных механизмов коммуникации [2].

Качественный поворот в изучении межкультурной коммуникации связан с работами Эдварда Т. Холла, который впервые предложил рассматривать её как сложный многоуровневый процесс, включающий не только вербальный обмен информацией, но и контекстуальные, пространственные и временные параметры взаимодействия [3].

Разработанные им концепции высоко- и низкоконтекстных культур, проксемики и временной ориентации заложили основу для анализа культурных различий в условиях возрастающей глобальной взаимозависимости. Дальнейшее развитие теории межкультурной коммуникации в работах Г.Хофстеде и Р.Льюиса позволило систематизировать культурные различия и предложить модели их анализа [4]. Однако и эти подходы в значительной степени ориентированы на устойчивые культурные характеристики [5].

Вместе с тем в условиях цифровой трансформации данные классические подходы требуют переосмысления, поскольку межкультурная коммуникация всё в большей степени осуществляется в онлайн-среде и определяется не только культурными различиями, но и логикой функционирования цифровых платформ и алгоритмов распространения информации.

Глобализация выступает одной из ключевых движущих сил трансформации межкультурной коммуникации, поскольку она способствовала глубокой интеграции государств, экономик и культурных пространств. Развитие международной торговли, расширение деятельности транснациональных корпораций, интенсификация межгосударственных связей и заключение многосторонних соглашений привели к существенному росту и усложнению контактов между представителями различных культур [6, с. 117]. В условиях глобальной экономики межкультурное взаимодействие перестало быть эпизодическим и превратилось в устойчивый, системный процесс.

В современной цифровой среде данные процессы дополнительно усиливаются за счет транснациональных онлайн-платформ, формирующих единое глобальное коммуникационное пространство. Это приводит не только к расширению межкультурных контактов, но и к частичной стандартизации коммуникативных практик, в рамках которых цифровые форматы взаимодействия начинают доминировать над традиционными формами общения.

Современные международные компании, такие как Google, Apple, Amazon и Microsoft, функционируют в многонациональной и мультикультурной среде, что предъявляет повышенные требования к межкультурной компетентности сотрудников. В условиях цифровизации особое значение приобретает способность эффективно взаимодействовать в онлайн-командах, учитывать культурные различия в цифровом общении и адаптироваться к различным коммуникативным контекстам.

Наряду с экономическим измерением, важную роль в развитии межкультурной коммуникации играет политическое сотрудничество между государствами, осуществляемое в рамках международных и наднациональных организаций. В условиях цифровизации дипломатическое взаимодействие также претерпевает трансформацию, включая

использование онлайн-платформ, цифровых каналов коммуникации и новых форм публичной дипломатии. Это усиливает значимость межкультурной компетентности, поскольку ошибки в интерпретации культурных кодов в цифровой среде могут быстро масштабироваться и приводить к репутационным и политическим рискам.

В условиях глобализированного мира межкультурная коммуникация требует применения специализированных подходов, направленных на обеспечение эффективного взаимодействия между представителями различных культур [7, с. 33]. Одним из таких подходов является адаптивная коммуникация, предполагающая гибкость коммуникативных стратегий и учет культурных особенностей партнера. В цифровой среде данный подход дополняется необходимостью учитывать особенности платформенной коммуникации, включая формат сообщений, скорость реакции и специфику онлайн-взаимодействия.

Важную роль в этом процессе играет кросс-культурный менеджмент, ориентированный на управление международными командами с учетом культурного разнообразия. В условиях цифровизации он трансформируется в цифровой кросс-культурный менеджмент, где ключевыми становятся навыки дистанционного взаимодействия, управление распределенными командами и предотвращение коммуникативных искажений в онлайн-среде.

Особое место в системе межкультурного взаимодействия занимает дипломатический стиль коммуникации, основанный на нейтральности, уважении и культурной чувствительности. В цифровом пространстве данный стиль приобретает дополнительное значение, поскольку высокая скорость распространения информации усиливает последствия некорректных формулировок и интерпретаций.

Помимо глобализации, ключевым фактором, определившим формирование новой эпохи межкультурной коммуникации, стало стремительное развитие информационных технологий. Интернет, социальные сети, мобильные средства связи и цифровые платформы создали принципиально новую среду, обеспечивающую взаимодействие представителей разных культур в режиме реального времени. С распространением таких платформ, как Facebook, Twitter, LinkedIn, Instagram и TikTok, межкультурное общение стало доступным практически каждому пользователю цифрового пространства.

При этом цифровые технологии не только расширяют масштабы межкультурного взаимодействия, но и изменяют его структуру, смещая акцент в сторону ускоренного и фрагментарного обмена информацией.

Интеграция социальных сетей в повседневную жизнь значительно ускорила обмен знаниями, культурными практиками, языками и ценностными ориентирами. Дополнительным фактором стало расширение дистанционных форм занятости и международных онлайн-коллабораций,

что существенно повысило значимость эффективной межкультурной коммуникации. Современные компании все чаще функционируют в формате распределённых команд, где сотрудники из разных стран взаимодействуют посредством таких цифровых инструментов, как Zoom, MicrosoftTeams и Slack. В этих условиях успешное сотрудничество требует не только владения иностранными языками, но и понимания особенностей невербального общения, восприятия времени, а также норм делового и цифрового этикета в различных культурных контекстах [8, с. 1422].

В XXI веке, в условиях глобального цифрового пространства и нарастающей геополитической турбулентности, формируется принципиально новое качество взаимодействия между стейкхолдерами международных экономических отношений. Происходит переосмысление традиционных форм сотрудничества, сопровождаемое цифровизацией дипломатических практик, экономизацией внешнеполитических инструментов и трансформацией национальных торговых стратегий. Одновременно мировая система характеризуется высокой степенью неопределенности, в рамках которой меняются привычные модели партнерства, расширяются границы конкуренции и возникают новые форматы международного взаимодействия.

Современный этап отличается беспрецедентной скоростью и масштабами изменений, затрагивающих как глобальную экономику, так и систему международных коммуникаций. В условиях структурной нестабильности мировой экономической архитектуры межкультурная коммуникация также претерпевает глубокие трансформации, требуя пересмотра устоявшихся подходов и признания новой реальности. В этих обстоятельствах ключевыми принципами эффективного взаимодействия становятся адаптивность, институциональная гибкость и устойчивость к внешним шокам [6, с. 117].

Глобализация в сочетании с цифровыми технологиями радикально изменяет конфигурацию международной межкультурной коммуникации, формируя новые условия для конкуренции и кооперации. Цифровая трансформация превратилась в один из решающих факторов международной конкурентоспособности государств и компаний. От внедрения инновационных решений до формирования инвестиционных приоритетов – цифровая революция задаёт более высокий уровень сложности и одновременно расширяет спектр возможностей для всех участников международных экономических процессов.

В условиях цифровой трансформации межкультурная коммуникация все в большей степени требует применения специализированных инструментов и стратегий, направленных на выстраивание эффективного взаимодействия между представителями различных культур. Одним из таких инструментов становится цифровой этикет, который регламентирует

нормы поведения в онлайн-среде с учетом культурных различий. Он охватывает правила обращения и речевого стиля, допустимую тональность сообщений, ожидания в отношении скорости ответа, а также особенности использования визуальных и иных элементов в виртуальном общении.

Формирование глобального цифрового контента также предполагает его целенаправленную адаптацию под разные культурные и языковые аудитории. Это включает локализацию веб-ресурсов, использование многоязычных форматов коммуникации, а также учет социокультурных особенностей при разработке рекламных и информационных кампаний. В этом контексте особое значение приобретают кросс-культурные цифровые стратегии, ориентированные на применение различных коммуникативных моделей в зависимости от конкретного рынка и целевой аудитории. Подобные стратегии оказывают прямое влияние на маркетинговые практики, деловую коммуникацию и взаимодействие в социальных сетях, где универсальные подходы все чаще уступают место индивидуализированным форматам общения.

Вместе с тем цифровизация межкультурной коммуникации сопровождается рядом новых рисков и ограничений. Отсутствие невербальных компонентов общения – таких как интонация, мимика и жесты повышает вероятность межкультурных недоразумений, а высокая скорость распространения информации способствует циркуляции дезинформации. Дополнительной проблемой становятся алгоритмические механизмы социальных сетей, формирующие так называемые «информационные пузыри», в рамках которых пользователи преимущественно сталкиваются с контентом, подтверждающим их собственные взгляды, что может сужать горизонты межкультурного восприятия и понимания [9, с. 85].

Наряду с цифровыми факторами, развитие межкультурной коммуникации существенно определяется интенсификацией миграционных процессов. Глобальные экономические, социальные и политические трансформации привели к значительному росту миграции и формированию многонациональных и мультикультурных обществ. Экономическая миграция поставила перед компаниями и организациями задачу адаптации к культурно разнообразной рабочей среде, что усилило внимание к вопросам управления культурными различиями. Одновременно рост культурного многообразия актуализировал проблемы социальной интеграции мигрантов, их адаптации и преодоления культурных барьеров.

В то же время усиление межкультурных контактов на локальном уровне сопровождается новыми социальными вызовами. В ряде стран фиксируется рост ксенофобских настроений и социальной напряженности, обусловленных культурными различиями и конкуренцией за ресурсы. Дополнительное воздействие оказывают и вынужденные миграционные потоки, связанные с вооруженными конфликтами, политической

нестабильностью и экологическими катастрофами, что еще более усложняет процессы межкультурного взаимодействия в современном мире.

На примере Казахстана особенно наглядно проявляется двойственный и противоречивый характер воздействия цифровых технологий на межкультурную коммуникацию. С одной стороны, цифровая среда способствует сохранению и воспроизводству многоязычного коммуникативного пространства, поддержанию транснациональных культурных связей и расширению диалога между различными этническими, социальными и культурными группами. С другой стороны, цифровое пространство становится ареной конкурирующих интерпретаций истории, языка и культурной идентичности, что усиливает символические конфликты и коммуникативные напряжения в многоэтничном обществе. Виртуальная коммуникация, характеризующаяся фрагментарностью, высокой скоростью распространения информации и алгоритмической селекцией контента, нередко способствует упрощённому или политизированному представлению культурно чувствительных тем. В этих условиях цифровые медиа не только отражают, но и активно формируют дискурсивные рамки межкультурного взаимодействия.

Особое значение в данном контексте приобретает структура иностранного медиаприсутствия в информационном пространстве Казахстана. В представленной ниже таблице - 1 отражено распределение зарубежных телеканалов по странам вещания. Анализ данных демонстрирует значительную асимметрию в представленности иностранных медиаресурсов. Подобная конфигурация формирует асимметричную медиасреду, в рамках которой доминируют определённые языковые и культурные коды, влияющие на процессы интерпретации социально значимых тем и символов.

Таблица 1. Распределение зарубежных телеканалов, транслируемых в Республике Казахстан, по странам происхождения

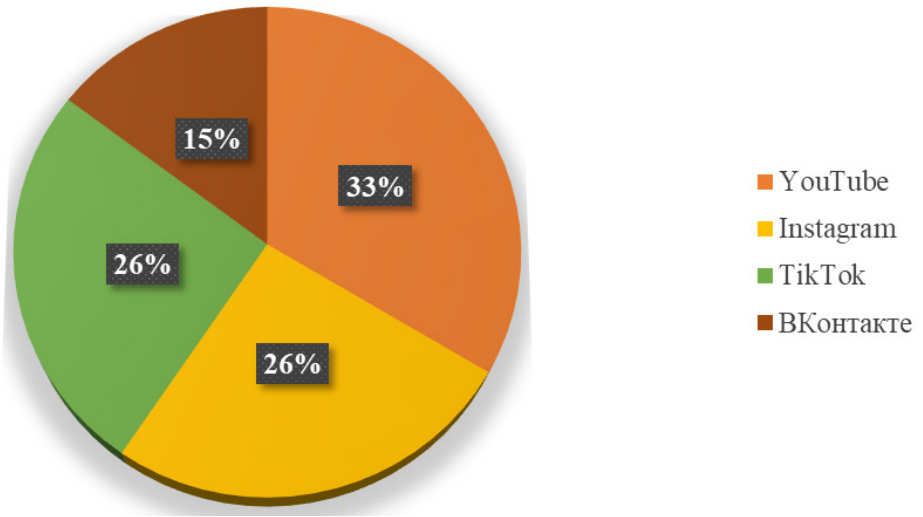
№	Страны	Количество зарубежных телеканалов
1	Россия	217
2	Великобритания	20
3	Эстония	16
4	США	15
5	Франция	14
6	Польша	8
7	Турция	6
8	Кипр	4
9	Армения	1
10	Испания	1
11	Люксембург	1

Источник– [10].

Представленные данные основаны на официальных источниках (Доклад о состоянии информационной сферы, 2025 г.) и отражают количество зарегистрированных иностранных телеканалов, доступных на территории Казахстана. Показатель «количество телеканалов» означает число медиаресурсов, имеющих доступ к национальному вещанию через кабельные и спутниковые сети.

Однако следует учитывать, что данные показатели не отражают фактический уровень потребления контента, поскольку значительная часть аудитории переходит на цифровые платформы. В этой связи статистика традиционного медиаприсутствия дополняется анализом цифровых платформ.

Таким образом, данная статистика носит относительно условный характер, поскольку в последние годы наблюдается устойчивый рост интернет-аудитории и смещение медиапотребления в сторону цифровых платформ. Большинство граждан Казахстана ежедневно пользуются интернетом, а социальные сети и мессенджеры фактически превратились в ключевые каналы получения информации. Это означает, что традиционные показатели присутствия иностранных телеканалов дополняются, а во многом и вытесняются влиянием цифровых медиаплатформ, где межкультурная коммуникация разворачивается в более динамичной, но одновременно менее структурированной форме, что наглядно отражено на рисунке ниже.

Источник – [10].

Рисунок 1 - Охват основных цифровых платформ среди пользователей в Казахстане

Полученные данные демонстрируют доминирование визуально-ориентированных и алгоритмических платформ в информационном

потреблении населения Казахстана. Наибольший охват имеют YouTube около 13 млн пользователей, Instagram и TikTok свыше 10 млн каждая, что указывает на смещение медиапотребления в сторону краткого видеоформата и пользовательского контента. Существенное присутствие сохраняет и социальная сеть «ВКонтакте» - 5,7 млн., выступающая каналом трансляции преимущественно русскоязычного контента. Это усиливает влияние внешних информационных акторов и напрямую отражается на процессах межкультурной коммуникации и формировании общественных нарративов[10].

Российские средства массовой информации сохраняют заметное присутствие в информационном пространстве Казахстана, оказывая устойчивое влияние на формирование общественного мнения и динамику межкультурной коммуникации. Во многом это обусловлено сохранением развитой русскоязычной медиасреды: более 80% населения страны владеют русским языком, который для значительной части аудитории продолжает выступать одним из основных языков потребления медийного контента. Данное обстоятельство формирует благоприятные условия для трансляции и восприятия русскоязычных информационных и культурных нарративов, в том числе транснационального характера.

Эмпирические данные социологических и медиаисследований свидетельствуют о том, что порядка 60–65% телезрителей в Казахстане регулярно обращаются к русскоязычным телеканалам, включая российские медиаресурсы, доступные через кабельное и спутниковое вещание. При этом в цифровой среде влияние российских СМИ проявляется ещё более отчётливо, поскольку онлайн-платформы расширяют охват аудитории и усиливают трансграничное распространение контента. Как отмечают исследователи, цифровые каналы коммуникации позволяют не только воспроизводить традиционные медийные форматы, но и формировать новые дискурсивные рамки, в которых интерпретация событий и культурных смыслов приобретает повышенную значимость.

Особую роль в этом процессе играют социальные сети и мессенджеры. Так, Telegram используется миллионами пользователей в Казахстане, при этом значительная доля подписок приходится на российские и русскоязычные новостные каналы. Алгоритмические механизмы распространения информации в цифровой среде способствуют формированию устойчивых информационных кластеров, что повышает риск замыкания аудитории в рамках однородных дискурсов и усиления поляризации мнений. Аналогичные тенденции наблюдаются и на других платформах – в частности, в социальной сети «ВКонтакте», популярной среди молодежи и жителей отдельных регионов страны, а также на видеохостинге YouTube, где российские медиапроекты стабильно входят в число наиболее просматриваемых русскоязычных каналов [11, с. 161].

С точки зрения межкультурной коммуникации влияние российских СМИ носит выраженно двойственный характер. С одной стороны, они способствуют поддержанию общего языкового пространства и сохранению транснациональных культурных связей, облегчая коммуникацию между сообществами с общим историко-культурным наследием. С другой стороны, доминирование отдельных интерпретаций вопросов языка, истории и идентичности в цифровой медиасреде может усиливать общественную поляризацию и формировать коммуникативные напряжения в условиях многоязычного и многоэтничного общества.

Заключение

Проведённый анализ показывает, что современная межкультурная коммуникация формируется в условиях глубоких структурных изменений, обусловленных одновременным воздействием глобализации, цифровой трансформации и интенсификации миграционных потоков. Эти процессы существенно расширили масштабы и формы взаимодействия между культурами, одновременно усилив сложность и противоречивость межкультурных контактов.

Расширение глобальных экономических, политических и социальных связей способствовало активизации международного сотрудничества и культурного обмена, создав новые каналы взаимодействия между обществами. Вместе с тем глобализационные процессы сопровождались тенденциями к культурной стандартизации и ослаблению локальных идентичностей, что поставило под угрозу сохранение национальных традиций и уникальных культурных практик.

Цифровые технологии радикально изменили характер межкультурной коммуникации, обеспечив её высокую скорость и доступность, а также возможность постоянного транснационального взаимодействия. Однако цифровая среда одновременно породила новые риски, включая фрагментацию информационного пространства, ограниченность глубинного культурного понимания и воспроизводство упрощённых образов и стереотипов в отношении других культур.

Рост миграционной мобильности привёл к формированию многонациональных и мультикультурных обществ, расширив культурное разнообразие и обогатив социальные практики принимающих стран. В то же время данные процессы обострили вопросы социальной интеграции и адаптации мигрантов, усилили напряжённость в межкультурных отношениях и актуализировали дискуссии о моделях мультикультурализма и социальной сплочённости.

Особое значение в условиях цифровой трансформации приобретает развитие систем образования, ориентированных на формирование межкультурной и цифровой компетентности. В этой связи системы

образования должны уделять приоритетное внимание следующим направлениям:

1. Формирование глобального сознания, способствующего развитию понимания, терпимости и принятия культурного, религиозного и социального разнообразия как на уровне общества, так и в профессиональной среде.

2. Непрерывное профессиональное развитие, направленное на адаптацию к быстро меняющимся требованиям цифровой экономики и формирование навыков эффективного межкультурного взаимодействия в онлайн-среде.

3. Воспитание активных и критически мыслящих граждан, способных осмысленно воспринимать цифровой контент, участвовать в общественной жизни и противостоять манипулятивным и деструктивным информационным воздействиям.

Реализация данных направлений позволит повысить качество межкультурной коммуникации и обеспечить более устойчивую интеграцию индивидов в глобальное цифровое общество.

ЛИТЕРАТУРА

[1] Mowlana H. Intercultural communication and interactions: A history and critique //The Routledge Handbook of Cultural Discourse Studies. – Routledge, 2024. – С. 70-84.

[2] Xiuwen Z., Razali A. B. Challenges with intercultural communication faced by international Chinese students and the importance of developing intercultural communicative competence //Journal of critical reviews. – 2020. – Т. 7. – №. 13. – С. 644-650.

[3] Trager G. and Hall E. (1954), “Culture as Communication: A Model and Analysis”, Explorations: Studies in Culture and Communication, vol. 3, pp. 137-149.

[4] Hofstede G. The 6-D model of national culture //Geert Hofstede. – 2020. http://geerthofstede. com/culture-geert-hofstede-gert-jan-hofstede/6d-model-of-national-culture/ 09.11.2025

[5] Lewis R. When cultures collide: Leading across cultures. – Hachette UK, 2018. – pp. 50-61.

[6] Tkachuk V. V. et al. Social media as a tool for career guidance in higher education //AREdu. – 2024. – С. 282-292.

[7] Chen G.M. Intercultural Communication in the Digital Era: Challenges and Opportunities, Journal of Intercultural Communication Research, 2023, Vol. 52, No. 1, P. 1–15.

[8] Куанышев Д. Н. и др. Влияние социальных сетей на межкультурные коммуникации //Вестник науки. – 2023. – Т. 3. – №. 12 (69). – С. 1420-1426.

[9] Кожевников М. В. и др. Межкультурная коммуникация в эпоху цифровизации //Челябинск. – 2022. – С. 100.

[10] Доклад о состоянии информационной сферы https://www.gov.kz/memleket/entities/mam/documents/details/824167?Lang=ru&fbclid=iwy2xjawjz2lhlehrua2flbqixmqbicmlketfarxlxohrqogkxula5nw44ar4kuv52i_w3crnroejbeproettgwgrjheqnk8hsznvllclckyhoxf8k3yk5ba_aem_x2kcpyfnfqie1zqj8luaya20.11.2025

[11] Пасичник С. (2024). РОССИЙСКИЙ ТВ-КОНТЕНТ В КАЗАХСТАНЕ:ПРОБЛЕМАТРАНСЛЯЦИИЧУЖОЙПОВЕСТКИ.Вестник Кабардино-Балкарского государственного университета: Журналистика. Образование. Словесность, 3(1), 156–174. https://doi.org/10.24334/KBSU.2024.3.1.013

REFERENCES

[1] Mowlana H. Intercultural communication and interactions: A history and critique //The Routledge Handbook of Cultural Discourse Studies. – Routledge, 2024. – S. 70-84.

[2] Xiuwen Z., Razali A. B. Challenges with intercultural communication faced by international Chinese students and the importance of developing intercultural communicative competence //Journal of critical reviews. – 2020. – T. 7. – №. 13. – C. 644-650.

[3] Trager, G. and Hall, E. (1954), “Culture as Communication: A Model and Analysis”, Explorations: Studies in Culture and Communication, vol. 3, pp. 137-149.

[4] Hofstede G. The 6-D model of national culture //Geert Hofstede. – 2020. http://geerthofstede. com/culture-geert-hofstede-gert-jan-hofstede/6d-model-of-national-culture/ 09.11.2025

[5] Lewis R. When cultures collide: Leading across cultures. – Hachette UK, 2018. – pp. 50-61.

[6] Tkachuk V. V. et al. Social media as a tool for career guidance in higher education //AREdu. – 2024. – C. 282-292.

[7] Chen G.M. Intercultural Communication in the Digital Era: Challenges and Opportunities, Journal of Intercultural Communication Research, 2023, Vol. 52, No. 1, P. 1–15.

[8] Kuanyshev D. N. i dr. Vlijanie social’nyh setej na mezhkul’turnye kommunikacii //Vestnik nauki. – 2023. – T. 3. – №. 12 (69). – S. 1420-1426.

[9] Kozhevnikov M. V. i dr. Mezhkul’turnaja kommunikacija v jepohu cifrovizacii //Cheljabinsk. – 2022. – S. 100.

[10] Doklad o sostojanii informacionnoj sfery https://www.gov.kz/memleket/entities/mam/documents/details/824167?Lang=ru&fbclid=iwy2xjawjz2lhlehrua2flbqixmqbicmlket farxlxohrqogkxula5nw44ar4kuv52i_w3crnroejbeproettgwgrjheqnk8hsznvllclckyhoxf8k3yk5ba_aem_x2kcpyfnfqie1zqj8luaya 20.11.2025

[11] Pasichnik, S. (2024). ROSSIJSKIJ TV-KONTENT V KAZAHSTANE: PROBLEMA TRANSLJaCII ChUZhOJ POVESTKI. Vestnik Kabardino-Balkarskogo gosudarstvennogo universiteta: Zhurnalistika. Obrazovanie. Slovesnost', 3(1), 156–174. https://doi.org/10.24334/KBSU.2024.3.1.013

XXI ҒАСЫРДАҒЫ МӘДЕНИЕТАРАЛЫҚ ӨЗАРА ӘРЕКЕТТЕСТІКТІ ДАМУДАҒЫ ЦИФРЛЫҚ ТЕХНОЛОГИЯЛАРДЫҢ РӨЛІ

* Сегізбай А.Т.[1]
*[1]Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті
Астана, Қазақстан

Аңдатпа. Бұл мақалада XXI ғасырдағы мәдениетаралық өзара әрекеттесудің дамуына цифрлық технологиялар мен виртуалды байланыстың әсері талданады. Бүгінгі жаһандық цифрлық трансформация жағдайында мәдениетаралық байланыс кеңістік пен уақыттан асып түсіп, әлеуметтік, кәсіби және білім беру салаларында күнделікті тәжірибеге айналды. Онлайн платформалар мен әлеуметтік желілер мәдени алмасудың ауқымы мен қарқындылығын кеңейткенімен, олар коммуникацияның бұрмалануы, мәдени айырмашылықтарды үстірт қабылдау және стереотиптерді күшейту сияқты жаңа қиындықтарды да тудырады.

Бұл зерттеу мәдениетаралық байланысты көп өлшемді құбылыс ретінде қарастырады және оның сипаттамаларын классикалық теориялық модельдер аясында цифрлық ортада қайта түсіндіреді. Автор цифрлық технологиялар бір жағынан мәдени сәйкестікті сақтауға және көрсетуге мүмкіндік беретінін, ал екінші жағынан мәдени бірігу және коммуникацияны стандарттау процестерін күшейтетінін көрсетеді. Бұл мақалада жаһанданудың, цифрландырудың және миграциялық мобильділіктің мәдениетаралық қатынастардың динамикасына әсеріне баса назар аударылады. Зерттеу нәтижелері қазіргі заманғы мәдениетаралық өзара әрекеттесудің қарама-қайшылықты сипатын ашады және жаһандық цифрлық қоғам жағдайында өзара түсіністікті нығайтуға бағытталған тиімді коммуникациялық стратегияларды әзірлеудің өзектілігін растайды.

Тірек сөздер: мәдениетаралық коммуникация, БАҚ, виртуалды коммуникация, цифрлық технология, Қазақстан

THE ROLE OF DIGITAL TECHNOLOGIES IN THE DEVELOPMENT OF INTERCULTURAL INTERACTION IN THE XXI CENTURY

*Segizbay A.T.[1]
*[1] L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan

Abstract. This article analyzes the impact of digital technologies and virtual communication on the development of intercultural interaction in the

21st century. In the context of today's global digital transformation, intercultural communication has transcended space and time and has become an everyday practice in social, professional, and educational spheres. Although online platforms and social networks have expanded the scale and intensity of cultural exchange, they also create new challenges, such as communication distortions, a superficial perception of cultural differences, and the reinforcement of stereotypes.

This study examines intercultural communication as a multidimensional phenomenon, and reinterprets its characteristics in the digital environment within the context of classical theoretical models. The author demonstrates that digital technologies, on the one hand, enable the preservation and representation of cultural identity, and on the other, enhance processes of cultural unification and communication standardization. This article focuses on the influence of globalization, digitalization, and migration mobility on the dynamics of intercultural relations. The results of the study reveal the contradictory nature of contemporary intercultural interaction and confirm the relevance of developing effective communication strategies aimed at strengthening mutual understanding in the context of a global digital society.

Keywords: intercultural communication, media, virtual communication, digital technology, Kazakhstan

Информация об авторе:

Сегізбай А.Т.- докторант 2 – курса образовательной программы «8D03102 – Международные отношения» ЕНУ им. Л.Н. Гумилева; Астана, Казахстан, e-mail: almusha_1772@mail.ru

Автор туралы мәлімет:

Сегізбай А.Т.- Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университетінің «8D03102 – Халықаралық қатынастар» білім беру бағдарламасы бойынша екінші курс докторанты; Астана, Қазақстан,e-mail: almusha_1772 @mail.ru

Information about the author:

Segizbay A.T. - second-year doctoral student in the educational program "8D03102 – International Relations" at L.N. Gumilyov Eurasian National University; Astana, Kazakhstan, e-mail: almusha_1772@mail.ru

Статья поступила / Мақала түсті / Received: 28.03.2026.
Принята к публикации / Жариялауға қабылданды / Accepted: 28.09.2026

UDC 327.7
IRSTI 11.25.00
https://doi.org/10.48371/ISMO.2026.65.3.003

DIGITAL-AI INTEGRATION OF THE NEW SILK ROAD, DISTANCE COST AND CROSS-BORDER ECONOMIC COOPERATION: A PERSPECTIVE OF SPATIAL ECONOMICS

*Wei Zhao[1], Ting Zhao[2]
[1,2] Zhejiang University, Hangzhou, People’s Republic of China

Abstract. The Digital-AI integration represents one of the major trends in the current and future technological revolution. This development is reshaping the patterns of international economic cooperation and improving the efficiency of cross-border collaboration. From the perspective of spatial economics, this paper conducts a preliminary study on the prospects and potential impacts of digital-AI integration on cross-border economic cooperation between China and countries along the Silk Road Economic Belt, mainly Central Asian nations. The research finds that digital-AI integration will reduce the distance costs for cross-border cooperation, namely overcoming three types of distance-related costs: the cost of goods movement, the cost of information transmission, and the cost of face-to-face interaction. The reduction in these three forms of distance costs will greatly boost economic cooperation between China and the Central Asian countries and deliver win-win outcomes for all parties involved.

Keywords: Digital-AI integration, China, Central Asian countries, cross-border economic cooperation, spatial economics

Introduction

The digital-AI integration (integration of digitization and artificial intelligence) has become an irreversible global trend. It is not only reshaping the existing pattern of international trade but also comprehensively enhancing the efficiency and depth of regional cross-border economic cooperation. This technological progress serves as a new driving force in China’s domestic economic restructuring and upgrading, while also exerting a great impact on international cross-border economic cooperation and development.

Proposed by President Xi Jinping over a decade ago, the Belt and Road Initiative (BRI) has yielded remarkable outcomes in cross-border economic cooperation and received positive responses from the countries involved. The 21st Century Maritime Silk Road has facilitated connectivity between China and Southeast Asian nations, whereas the Silk Road Economic Belt economic corridor spanning Europe and Asia. The five Central Asian countries (Kazakhstan, Uzbekistan, Kyrgyzstan, Tajikistan, Turkmenistan) stand as the geopolitical and economic pillars in the Silk Road Economic Belt, holding an irreplaceable

strategic position in advancing BRI-driven digital-intelligent cooperation. Over the past five years, China and CACs (Central Asian countries) have carried out digital-intelligent cross-border cooperation in accordance with the "five connectives" - policy coordination, infrastructure connectivity, unimpeded trade, financial integration, and people-to-people bonds. This cooperation has delivered substantial benefits and gradually attracted academic attention in international economic cooperation and regional digital [1].

Description of Materials and Methods

The theoretical and methodological foundation of the study is based on the principles of spatial economics theories, scientific works, research by Chinese and foreign scholars, documents summarizing the outcomes of summits, and materials from periodicals. The methodological basis of the study consists of general scientific methods, which are used in combination to achieve the research goal and address the identified problems.

To understand the integration of digital technologies and artificial intelligence along the New Silk Road within the framework of cooperation between China and the countries of Central Asia, we used the theory of spatial economics as interpreted by Masahisa Fujita [2, 3 – cited in Zhao], the main provisions of which boil down to studying the location of resources, people, and cities, transport costs, the proximity of neighbors and borders, and how they affect prices and regional development. S. Redding's interpretation is used, viewing spatial economics as a branch of network economics that explains the formation and evolution of cross-border economic networks based on institutional and digital spaces [4].

Quantitative, qualitative, and statistical methods track the dynamics of digital artificial intelligence integration between China and the five Central Asian states. Thus, pilot projects in the field of AI covering customs clearance demonstrate the potential to reduce costs associated with cross-border goods inspection and to increase the efficiency of trade in primary products. The qualitative method used for analysis in the field of AI technical services in Central Asia has demonstrated opportunities to improve the efficiency of trade in primary products.

A comparative analysis showed that the turnover of cross-border e-commerce between China and five countries in Central and Eastern Europe increased by 95 % in 2022 compared to 2021.

The issue of integrating digital artificial intelligence into the New Silk Road cannot be examined without considering the approach to ensuring security and cybersecurity, as well as combating cross-border digital crimes, which requires harmonizing regulatory rules and strengthening cooperation in this area.

Approaches such as "hard connectivity" and "soft connectivity" in the analysis of digital infrastructure contribute to deepening digital cooperation between China and the countries of Central Asia.

A predictive approach makes it possible to identify promising areas for the development of the spatial economy and to substantiate the corresponding recommendations. The study also used mathematical models to assess the development of the integration of digital technologies and artificial intelligence in the short, medium, and long term.

Literature Review

Existing studies on digital-AI integration and China-Central Asia cross-border economic cooperation can be broadly categorized into three strands.

The first strand focuses on the institutional foundation and current development of the Digital Silk Road under the BRI, dominated by research centered on digital infrastructure construction, while relevant independent research on artificial intelligence application remains relatively scattered. Research indicates that cooperation between China and Central Asia in 5G infrastructure deployment, cross-border e-commerce, cross-border digital finance, and smart cities has expanded rapidly [5]. Xu and Guo systematically review ten years of progress in Digital Silk Road construction, emphasizing that "hard connectivity" of digital infrastructure and "soft connectivity" of institutional standards are mutually reinforcing and critical to deepening China-Central Asia digital cooperation [6]. Sun et al. further explore the practical difficulties and optimization paths for jointly building digital standards between China and CACs under the BRI, clarifying the value of unified industry standards in breaking down regional digital trade barriers [7]. Wang conducts a case study on China-Kazakhstan digital cooperation, confirming that digital infrastructure investment and cross-border e-commerce innovation have become core growth drivers of bilateral digital economic cooperation [8]. Statistics show that cross-border e-commerce transactions between China and the five CACs surged by 95% year-on-year in 2022, reflecting robust growth in digital trade [9].

Supplementarily, a small batch of independent literature explores single-scenario AI cooperation. Central Asian scholars Tursun & Alimov focus on standalone AI pilot projects covering customs intelligent clearance and agricultural intelligent planting cooperation between China and Uzbekistan and Kazakhstan, verifying that independent AI technology application can reduce cross-border commodity inspection costs and improve the efficiency of primary product trade [10]; Li sorts out China's outbound AI technical service output toward Central Asia, pointing out that most existing AI cooperation stays at single project demonstration rather than large-scale industrial matching [11].

The second one examines the operational mechanisms and effectiveness of China-Central Asia digital-AI integration cooperation, differentiating pure digital cooperation research and integrated digital-intelligent collaborative research. Scholars widely agree that multilateral platforms, such as the China-Central Asia Summit and the Shanghai Cooperation Organization (SCO), have established a comprehensive coordination framework for aligning digital policies,

unifying technical standards, and facilitating cross-border data flows [12]. Oreglia and Zheng analyze the multi-level governance logic of Digital Silk Road construction, illustrating the divergent implementation characteristics between top-level national strategies and local-level execution in China – Central Asia digital cooperation [13]. Nimatullaev & Mavlonov empirically evaluate the impact of China's digital investment projects in Central Asia, demonstrating that digital infrastructure initiatives - such as 5G coverage and e-government systems - have significantly accelerated the overall digital transformation of Central Asian states [14].

In terms of digital-intelligence integrated research, limited existing papers start from industrial chain synergy: Liu pioneers the discussion on how digital base carriers empower AI cross-border landing, analyzing the integrated application of big data + intelligent logistics in China-Central Asia cross-border industrial parks; however, such integrated mechanism research is still in the preliminary exploratory stage, lacking systematic empirical testing on how digital-AI integration changes cross-border trade costs and spatial economic layout [15].

The third strand addresses constraints, potential risks, and practical challeng-es in China-Central Asia digital-AI cooperation. Current research identifies uneven digital development, fragmented data regulations, shortages of skilled digital talent, and complex geopolitical competition as major bottlenecks hindering deeper cooperation [16]. Wang and Li argue that the inherent digital divide and institutional disparities between China and CACs create implicit barriers to cross-border data flows and optimal resource allocation [17]. Additionally, studies highlight that inadequate cross-border digital payment systems, insufficient transnational regulatory coordination, and opaque digital investment information are prominent practical challenges in China-Central Asia digital economic cooperation [18].

From the intelligentization perspective, newly supplemented literature points out extra unique obstacles restricting digital-AI synergy: inconsistent cross-border AI access specifications, a serious shortage of compound talents proficient in both digital engineering and artificial intelligence across Central Asian countries, and differing domestic data security laws limiting the cross-border circulation of training data required for AI iterative upgrading [19].

Overall, the existing research literature still exhibits significant shortcomings. The vast majority of literature relies on perspectives from international relations and industrial economics, focusing on institutional design, project effectiveness evaluation, and descriptions of cooperative phenomena, with a prominent structural bias: existing studies heavily lean toward pure digital economy and digital infrastructure research, while independent research on artificial intelligence industrial cooperation is insufficient, and research targeting the economic spillover effect generated by digital-intelligence deep integration on cross-border cooperation remains scarce. Few studies directly examine the

impact of this integration on economic cooperation between China and CACs, particularly those grounded in mature economic theories for in-depth analysis. This paper aims to fill this gap. Adopting a spatial economics perspective, it systematically analyzes the practical and potential impacts and future prospects of digitization-AI integration on cross-border economic cooperation between China and the Central Asian "Stan" nations, identifies existing obstacles to such integration, and proposes corresponding policy recommendations.

Results

Major Progress in Digital-AI Integration between China and the CACs

China and the five CACs (Kazakhstan, Uzbekistan, Kyrgyzstan, Tajikistan, Turkmenistan) have achieved substantial, tangible results in the integration of digitalization and artificial intelligence in the past five years. Their cooperation is underpinned by six pillars: top-level institutional consensus, digital infrastructure connectivity, expansion of digital trade, interlinked financial systems, deployment of smart cities and AI applications, and collaborative data governance. These outcomes are based on intergovernmental documents, memoranda of understanding (MoUs), flagship projects, and authoritative statistics, representing the most dynamic phase of digital cooperation between the two sides since the launch of the Belt and Road Initiative (BRI). The major advances are reflected in the following six aspects:

First, at the institutional level, the landmark progress lies in translating consensus declarations into concrete action plans. Institutional alignment has laid a solid foundation for deep digital–AI integration. In 2022, the "China + Five CACs" Foreign Ministers' Meeting jointly issued the Initiative on Data Security Cooperation, defining basic cooperation norms for cross-border data flows, sovereign data governance, and anti-monopoly practices in digital services [1]. In 2023, the first China–Central Asia Summit was held in Xi'an, releasing the Xi'an Declaration and signing an MoU on Digital Trade Cooperation. This formally established the China–Central Asia E-commerce Cooperation Dialogue Mechanism and designated AI, big data, and smart cities as priority cooperation areas [5]. In 2025, the second China - Central Asia Summit adopted the Action Plan for High-Quality Belt and Road Cooperation and signed four cooperation documents on AI and digital infrastructure. These included an MoU with Kyrgyzstan to build an AI Application Cooperation Center and an AI cooperation agreement with Tajikistan, elevating digital - AI cooperation to a core agenda of the China - Central Asia multilateral framework [6, 20].

Second, in digital infrastructure, breakthroughs have been made in cross-border backbone networks and nationwide 5G coverage. Hardware connectivity has advanced steadily, effectively narrowing the regional digital divide. China supported the construction of the China–Kyrgyzstan–Uzbekistan (CKU) Cross-Border Optical Cable, which reduced regional network latency by 40% and

significantly enhanced cross-border data transmission efficiency [9]. (Xinhua News Agency, 2025). In terms of 5G deployment, Chinese telecommunications firms have built over 3,000 5G base stations in Kazakhstan, covering major cities and industrial zones. In Kyrgyzstan, 5G services are now available in all key cities, raising the national internet penetration rate from 43% to over 70% [5]. By 2025, China had invested in or constructed more than 15 large-scale data centers and backbone communication projects across Central Asia, forming a regional digital transmission and computing backbone [21].

Third, in cross-border e-commerce and digital trade, the sector has achieved rapid scale expansion and localized platform implementation. Digital trade has become a new engine of bilateral economic cooperation. In 2022, cross-border e-commerce turnover between China and the five CACs surged by 95% year-on-year, making it the fastest-growing segment of bilateral trade [9]. Chinese platforms such as Alibaba and JD.com have forged deep partnerships with local platforms, including Kazakhstan's Kaspi.kz, Uzbekistan's OrientSwiss, and Zood, shortening cross-border logistics time to 5–7 days. In 2024, order volumes via Chinese platforms rose by 68% year-on-year [8]. In 2025, the dedicated Silk Road e-commerce platform "Suhao Cloud" was launched, connecting over 500 Chinese suppliers with more than 30 Central Asian buyers and advancing China–Central Asia trade facilitation [18]. In the same year, China built a 1,000-square-meter dedicated overseas warehouse in Tashkent, Uzbekistan—the first of its kind for Chinese cross-border e-commerce in Central Asia [5].

Fourth, in digital finance and cross-border payments, systems have become interoperable, and RMB settlement has expanded. Financial digital cooperation has reached a symbolic milestone. In 2024, Alipay and Kazakhstan's Kaspi.kz realized two-way QR code interoperability, allowing Chinese tourists to pay at local merchants and Kazakh users to transact seamlessly at over 80 million Chinese merchants with no cross-border fees. The partnership recorded over 120,000 transactions in its first month, and by the first anniversary, Kaspi's cross-border payment volume via this channel had grown by 317%, with 12.3% of small and medium-sized enterprise (SME) trade settlements between China and Kazakhstan processed through this platform [17]. In 2026, Tencent's TenPay Global signed an agreement with Kyrgyzstan's Eldik Bank to connect WeChat Pay with local payment systems. Similar deals were reached with Uzbekistan's HUMO and Uzum Bank, extending Chinese payment technologies and standards across Central Asia [18]. Meanwhile, RMB cross-border settlement has continued to expand: by 2025, Chinese banks had established direct RMB settlement links with 12 major Uzbek banks, enabling T+1 settlement and significantly reducing trade costs and exchange rate risks [16].

Fifth, in AI, smart cities, and digital government, applications have scaled up from pilot projects to large-scale deployment. AI and smart city initiatives have

evolved from trials to widespread implementation. In 2022, Kazakhstan launched the Astana Smart City 2025 project, with total investment exceeding $1.2 billion, deploying over 500,000 IoT sensors across transportation, energy, public safety, and environmental sectors. By 2024, urban congestion had decreased by 18%, municipal energy consumption by 12%, and 76% of public services had been digitized [14]. In Uzbekistan, Chinese enterprises and local operators jointly built the Tashkent City Brain, which processes over 200 million urban data streams daily using AI. By early 2025, 83% of government services and 65% of medical records had been digitized, and over 3,000 smart classrooms had been established [13]. China supported Tajikistan in developing a national e-government platform and a digital healthcare platform for remote consultations. In 2025, the two sides jointly established the SCO AI Application Center in Kyrgyzstan, focusing on AI research in agriculture, education, and public governance [20].

Sixth, in data security, standards alignment, and talent development, cooperation has consolidated the foundation of "soft connectivity." Progress in regulatory alignment and human capital development has advanced steadily. Leveraging the SCO Big Data Cooperation Center (established in 2022) and its Xinjiang Branch, China organized nine special training programs for over 300 participants from Central Asian government agencies, enterprises, and universities in 2025, covering big data, AI, and cybersecurity [7]. In standardization, the two sides jointly promoted the implementation of ISO-based digital identification (MA) standards. In 2026, the China National Code Institute signed an MoU with the IT Park Dushanbe in Tajikistan to build a national MA node and training base, advancing regional unification of IoT and data application standards [21]. In cross-border data governance, the 2022 Initiative on Data Security Cooperation remains the core regional framework, with regular expert meetings to align regulatory rules, enhance cybersecurity cooperation, and combat cross-border digital crimes [1].

Overall, the digital-AI integration between China and the CACs over the past five years has delivered robust institutional, infrastructural, economic, and technological outcomes, laying a solid foundation for deeper regional digital collaboration and high-quality Belt and Road cooperation.

1. *The Effects and Mechanism of Digital-AI Integration on China-CACs' Cross-border Economic Cooperation*

Our review so far has clearly shown that the Digital-AI integration and cooperation between China and the five CACs mainly lead to cut distance costs and break down cross-border barriers. Progress in digital infrastructure, data connectivity, intelligent customs clearance, cross-border services, technical collaboration, and rule alignment has eliminated geographical and institutional obstacles. Digital technologies greatly improve the efficiency of cross-border factor flows and weaken constraints imposed by traditional boundaries, laying a solid foundation for regional connectivity and economic and trade exchanges.

1.1 A Perspective of Spatial Economics

Spatial economics provides a powerful analytical instrument for exploring the effects of digital-AI integration on China-Central Asia countries' cross-border economic cooperation. Focusing on the spatial distribution and reconstruction of economic activities, this discipline integrates and restructures traditional location theory, urban economics, and international trade theory under the general equilibrium framework [2, 3 - cited in Zhao]. Recent studies further expand its theoretical boundary, defining modern spatial economics as a branch of network economics that explains the formation and evolution of cross-border economic networks based on geographic, institutional, and digital spaces [4].

From the spatial economics framework, Zhao summarizes the core logic of this discipline as two paired concepts and one classic model: agglomeration and dispersion, centripetal force and centrifugal force, and the Core-Periphery (C-P) Model [22]. The core driver shaping regional core-periphery spatial patterns is generalized transportation cost, namely spatial distance cost. Different from narrow logistics costs, generalized transportation costs refer to all friction costs for economic entities to conduct cross-regional transactions across geographic distances. Essentially, spatial differences translate into distance friction. Geographic separation generates information, trade, and personnel exchange barriers, which further form transaction costs and spatial resistance to cross-border economic cooperation.

Baldwin classifies spatial distance cost into three dimensions: goods movement cost (trade cost), information movement cost (communication cost), and personnel face-to-face interaction cost [23, 24]. The three-dimensional distance costs constitute the comprehensive spatial resistance that restricts cross-border economic cooperation and shapes regional spatial structures.

Fig. 1 - Three forms of distance costs serve as the main constraints of globalization Source. Baldwin [24].

From the perspective of spatial economics, the effects of digital-AI integration on China-Central Asia cross-border economic cooperation exert temporally heterogeneous effects. Its value release follows a progressive phased logic: short-run cost reduction, medium-run efficiency improvement, and long-run spatial pattern restructuring, which breaks the geographic locking effect of traditional spatial economic patterns.

Specifically, in the short run, digital-AI integration drops the three types of spatial distance costs and mitigates cross-border spatial friction with differentiated effects. Communication cost (TC_2) drops most significantly and rapidly, as digital technologies support unrestricted real-time cross-border information exchange and technical sharing. Goods trade costs (TC_1) are effectively reduced by smart customs clearance, digital logistics, and cross-border product traceability systems. Those effectively promote commodity trade. By contrast, face-to-face interaction cost (TC_3) sees limited short-term improvement, constrained by visa policies, regional gaps, and offline cooperation scenarios that cannot be fully replaced by digital technologies.

In the medium run, short-run cost reduction dividends drive improvements in cross-border factor mobility and trade quality. The continuous decline of comprehensive distance costs enhances the cross-border flow efficiency of capital, technology, and talents. This expands the bilateral trade scale, optimizes trade structure and activates cross-border capital flows, realizing scale and efficiency upgrading in economic and trade cooperation between China and CACs. At this stage, economic effects are mainly concentrated in the circulation field, without fundamental changes to industrial spatial distribution.

In the long run, continuous digital and intelligent empowerment restructures cross-border industrial layout and spatial economic patterns. Sustained cost reduction breaks the geographic-dominated spatial equilibrium, driving the iterative evolution of regional agglomeration-dispersion patterns and core-periphery structures. The decline of spatial friction weakens the agglomeration siphon effect of core regions and improves the industrial undertaking capacity of peripheral regions. This promotes cross-border industrial relocation between China and Central Asia, transforming the geographically locked unbalanced spatial pattern into a coordinated and networked development pattern.

Overall, the effects of digital-AI integration on China-CACs' cross-border economic cooperation follow a dynamic progressive transmission path as follows:

distance cost drop → trade quantity increase → factor allocation efficiency improvement → regional spatial pattern restructure.

1.2 Mechanism of the Effects: a simple model

The heterogeneous mechanism of the effects from the integration of digital-AI to China-CACs' economic cooperation via the three-fold distance cost can be verified with a hierarchical model.

1.2.1 The Core Variables the model relied on

There are five groups of variables, listed as follows.

Group 1: Independent Variables:

DI refers to Digital-AI Integration level. As the core exogenous driving variable, a higher value stands for a higher degree of integration of digitization and artificial intelligence.

Group 2: Mediating Variable (Triple Distance Cost)

TC, the Total Distance Cost, referring to generalized transportation cost in spatial economics. Following Baldwin (2006, 2018), it is divided into three sub-items:

TC_1, trade cost (cost of goods flow),

TC2, communication cost (cost of idea and information flow), TC_3, face-to-face cost (cost of personnel flow)

Their functional relationship is expressed as: $TC = f(TC_1, TC_2, TC_3)$

Group 3: Dependent Variables

TR: Cross-border trade activity level (short-run outcome).

INV: Cross-border investment and industrial chain integration level (medium-run outcome).

CE: Comprehensive cross-border economic cooperation level (long-run outcome).

Group 4: Spatial Pattern Variables

Agg: Regional economic agglomeration intensity. Dis: Regional economic dispersion intensity.

Group 5, the Control Variables,

X: External environmental factors, including geography, institution, infrastructure, market scale, and industrial policies.

1.2.2 Hierarchical Mathematical Models: short run

With the above variables, the models in phases can be built in accordance with a complete dynamic transmission chain as follows:

Digital-AI integration reduces triple distance costs (short run) → improves factor flow and cross-border trade (medium run) → restructures industrial spatial patterns (long run), which is consistent with the aforementioned mechanism of temporal heterogeneity.

Short-run Mechanism: Differentiated Cost Reduction Effect of Digital-AI Integration on Triple Distance Costs.

Digital-AI integration generates differentiated cost-reduction effects. The decline magnitude follows: information cost > personnel exchange cost > goods trade cost, satisfying:

$\beta_2 > \beta_3 > \beta_1 > 0$

Sub-costs Functional Relations

$TC_1 = \alpha_1 - \beta_1 \cdot DI + \varepsilon_1$ $TC_2 = \alpha_2 - \beta_2 \cdot DI + \varepsilon_2$ $TC_3 = \alpha_3 - \beta_3 \cdot DI + \varepsilon_3$

Here, α denotes inherent baseline costs, β denotes digital empowerment intensity, and ε represents random interference. Information costs drop most rapidly due to digital real-time connectivity; personnel and tourism costs decline fast via online services; and goods trade costs decrease steadily but are constrained by physical logistics.

Total distance cost is weighted as:

$TC = w_1 TC_1 + w_2 TC_2 + w_3 TC_3, \quad w_1 + w_2 + w_3 = 1$

By substituting the function of sub-costs, the correlation formula between total distance cost and digital-AI integration is obtained:

$$TC = \sum_{i=1}^{3} \left(w_i \alpha_i - \left(\sum_{i=1}^{3} w_i \beta_i \right) \cdot DI + \sum_{i=1}^{3} w_i \varepsilon_i \right)$$

simplified as:

$TC = A - B \cdot DI + \varepsilon$

Where A is the inherent total distance cost of the region, and B represents the comprehensive weakening effect of digital-AI integration on overall s.

The reduction of s directly breaks trade barriers and forms a stable negative correlation, thereby boosting trade activities:

$TR = \varphi_0 + \varphi_1 \cdot TC + \varphi_2 \cdot X + \sigma$

1.2.3 Hierarchical Mathematical Models: medium and long run Medium-run Mechanism: Further reduction of distance Cost and Industrial Restructuring

As digital empowerment deepens, information and personnel cost advantages are further amplified:

$\beta_2' > \beta_3' \gg \beta_1' > 0$

Improved spatial efficiency facilitates cross-border capital flows (INV) and industrial collaboration:

$INV = \lambda_0 - \lambda_1 \cdot TC^* + \lambda_2 \cdot X + \tau$

Optimized information transmission and personnel mobility reduce investment risks and support offline industrial docking. Declining frictions stimulate two-way investment and drive complementary restructuring of China–Central Asian industrial chains.

Long-run Mechanism: Comprehensive Cooperation Upgrading and Spatial Pattern Restructuring

Sustained digital optimization promotes overall cross-border cooperation:

$CE = \omega_0 + \omega_1 \cdot TR + \omega_2 \cdot INV + \omega_3 \cdot X + \zeta$

Long-term friction reduction reshapes regional core-periphery structures:

$Agg = \theta_0 + \theta_1 \cdot TC^{**}$

$Dis = \eta_0 - \eta_1 \cdot TC^{**}$

$(\theta_1 > 0, \eta_1 > 0)$

Persistent cost decline weakens the agglomeration siphon of traditional core areas, enhances industrial undertaking capacity of peripheral Central Asian regions, and transforms geographically locked unequal patterns into balanced, networked cross-border economic spatial structures.

1.3 Dynamic Transmission Mechanism

Short run:

$DI\uparrow \Rightarrow TC_2\downarrow, TC_3\downarrow, TC_1\downarrow \Rightarrow TR\uparrow$

Digital-AI integration development brings about differentiated decline of three types of distance costs, and further improves the activity of cross-border trade.

Medium run:

$DI\uparrow \Rightarrow TC_2\downarrow, TC_3\downarrow \Rightarrow INV\uparrow$

The deepening of digital-AI integration optimizes information and personnel exchange costs, which promotes the growth of cross-border investment and industrial chain restructuring.

Long run:

$TR\uparrow, INV\uparrow \Rightarrow CE\uparrow \Rightarrow Agg\downarrow, Dis\uparrow$

The coordinated development of trade and investment upgrades comprehensive economic cooperation, reduces regional agglomeration and strengthens dispersion, and finally realizes the restructuring of the core-periphery spatial pattern.

Discussion and Conclusion

Major Problems and Suggestions for Improving the Cooperation between China and Central Asian Countries in Digital-AI Integration

Based on the mechanism analysis of digital-intelligent integration in promoting China-Central Asia cooperation, although bilateral digital cooperation has achieved phased progress, prominent practical constraints still hinder in-depth regional integration. Various institutional, informational, and physical barriers continuously raise multi-dimensional distance costs, restricting the free flow and efficient allocation of digital factors across borders.

First, the unbalanced development of digital infrastructure has widened the regional digital divide and increased physical connection costs. The five Central Asian countries show huge disparities in digital construction. Kazakhstan boasts a relatively mature digital system, with an optical fiber coverage rate of 87% and a 4G network coverage rate exceeding 95%, equipped with high-standard Tier III data centers. In contrast, Tajikistan and Kyrgyzstan lag far behind in digital infrastructure, with rural broadband coverage remaining at approximately 30%. The shortage of cross-border dedicated communication lines and unstable network signals frequently cause network lag and disconnection in cross-border e-commerce live streaming at the Khorgos Port. Chinese enterprises are forced to make additional investments in building exclusive private network

lines, substantially increasing the physical operating costs of cross-border digital cooperation [25].

Second, fragmented digital rules and technical standards trigger high institutional distance costs. Divergent digital governance systems among Central Asian countries result in inconsistent norms for cross-border data flow, privacy protection, and electronic certification. Kazakhstan has formulated comprehensive personal data protection regulations with strict requirements for local data storage and cross-border approval, while Tajikistan and Turkmenistan have not yet completed relevant legislative systems. The lack of multilateral mutual recognition mechanisms leads to repeated verification of electronic documents, digital signatures, and customs data for China-Europe freight trains at the China-Kazakhstan border. Such institutional frictions severely reduce the efficiency of cross-border trade and logistics [26].

Third, stringent cross-border data supervision restrictions impede information circulation and data synergy efficiency. All Central Asian countries implement data localization policies and hierarchical cross-border approval systems, setting high thresholds for transnational data transmission. Kazakhstan mandates that sensitive data in finance, energy, and other core industries must be stored on local servers, requiring special multi-level approval for cross-border transmission. This mechanism greatly increases compliance costs for China-Kazakhstan energy trade and financial settlement. Furthermore, regulatory barriers hinder the implementation of cross-border product traceability and telemedicine data sharing projects between China and Uzbekistan, failing to form a closed-loop digital service system and limiting the empowering effect of digital technology [27].

Fourth, the severe shortage of interdisciplinary digital talents constitutes a long-term developmental bottleneck. The digital industry in Central Asia started late, with an imperfect talent cultivation system and insufficient human capital stock. The proportion of ICT practitioners in Uzbekistan is merely 0.5% of the total labor force, far lower than the EU average of 3.7%. High-end talents for digital platform operation, artificial intelligence maintenance, and cross-border compliance management are extremely scarce. In Kyrgyzstan, insufficient university teaching resources lead to a massive brain drain of local technical talents, making it difficult to sustain the long-term operation and iterative upgrading of cross-border digital cooperation projects [27].

Fifth, superimposed geopolitical and cybersecurity risks elevate the uncertainty cost of regional cooperation. The complex geopolitical environment in Central Asia, external intervention forces, frequent border security incidents, and fluctuating national policies have continuously disturbed bilateral digital cooperation. The border security incident in Tajikistan at the end of 2025 negatively affected the operation of Chinese-funded digital industrial parks and threatened the security of cross-border optical cable trunk lines. In addition, Kazakhstan's

multi-vector foreign policy brings about periodic policy volatility, undermining the stability and predictable expectations of long-term digital cooperation.

To eliminate cross-border barriers, reduce multi-dimensional distance costs, and deepen China-Central Asia digital-intelligent integration, targeted optimization strategies are proposed.

First, promote coordinated cross-border digital infrastructure construction, focusing on supporting underdeveloped countries in improving network and computing infrastructure to bridge the regional digital divide and reduce physical connection costs.

Second, establish a multilateral digital governance cooperation working group to unify technical standards and certification norms and build a mutual recognition system for digital rules to eliminate institutional barriers.

Third, innovate cross-border data flow supervision models, construct a whitelist mechanism and a blockchain-based trusted data transmission system to balance data openness and cybersecurity.

Fourth, strengthen transnational talent joint cultivation through vocational workshops, joint laboratories, and university cooperation programs to build a stable interdisciplinary digital talent reserve.

Fifth, establish a multilateral cybersecurity risk prevention and control mechanism, strengthen policy communication and geopolitical risk hedging, and consolidate the long-term stable cooperation mechanism for regional digital integration.

REFERENCES

[1] Qin H. B., Li Y. K. Science and technology innovation cooperation supporting high-quality BRI development between China and Central Asia // China Foreign Affairs. – 2025. - № 2. – P.45-53.

[2] Fujita M. Spatial economics, urban dynamics, and the global economy. 2017. Cited in Zhao W.

[3] Zhao W. listen to M Fujita's lecture on spatial economics // Financial Review. – 2018. - № 1.

[4] Redding S.J. Network structures and spatial economic development // Journal of Economic Geography. – 2024. – November.

[5] Sun X.L., Li, L.F., Yuan L.L. Cooperation pattern and development path of the Digital Silk Road under the Belt and Road Initiative // Bulletin of the Chinese Academy of Sciences. - 2026. - № 41(2). – P. 381-392.

[6] Xu F., Guo C.X. The Digital Silk Road: Ten years of achievements, challenges and prospects // China Development Observation. – 2023. - № 1. – P. 78-83.

[7] Sun X.L., Li L.F., Yuan L.L., et al. Difficulties and breakthrough strategies for joint digital standards development under the Belt and Road Initiative // Bulletin of the Chinese Academy of Sciences. – 2026. - № 41(2). – P. 393-400.

[8] Wang Y. China-Kazakhstan joint construction of the Digital Silk Road: Directions, challenges and prospects // Post-Soviet Studies. – 2025.- № 43(3). – P. 210-228.

[9] Xinhua News Agency. Ten-year development report on China-Central Asia digital economic and trade cooperation. - Beijing: Xinhua Think Tank, 2025.

[10] Tursun S., Alimov R. Pilot application of AI in customs clearance and agricultural trade cooperation: Evidence from China–Uzbekistan and China–Kazakhstan projects // Eurasian Border Economy Studies. – 2025. - № 8 (2). – P. 41–56.

[11] Li H. Scale and constraints of China's cross-border AI technology service export to five Central Asian countries // Journal of Digital Silk Road Economy. – 2024. – № 7(4). - P 112–127.

[12] Zhang Y. X. Research on innovation of Central Asian digital economic cooperation mechanisms under the SCO framework // International Trade Exploratio. – 2025. - № 41(3). – P. 67-82.

[13] Oreglia E., Zheng W. The Digital Silk Road between national rhetoric and local aspirations // The China Quarterly. – 2024. - № 259. – P. 768-786.

[14] Nimatullaev S., Mavlonov A. The role of the Digital Silk Road in promoting digital development of Central Asian economies // Web of Journals. – 2025. - № 10(2). – P. 55-71.

[15] Liu Y. Digital infrastructure empowering intelligent logistics integration: Industrial chain synergy of China–Central Asia cross-border economic parks // SCO Regional Economic Research. - 2025. - № 9(1). – P. 53–69.

[16] Chen X., & Wang H. Y. Risk identification and prevention system construction for China-Central Asia digital economic cooperation // International Trade. – 2024. - № (8). – P. 36-44.

[17] Wang H., Li X. R. Research on digital development gaps and cooperation obstacles between China and CACs // Economic Geography. – 2024. -№ 44(5). – P. 12-22.

[18] People's Daily. Deepening China-Central Asia digital trade cooperation and smoothing regional economic circulation // Newspaper. – 2024. - June 15. – P.9.

[19] Saidov B. Cross-border regulatory barriers to artificial intelligence cooperation between Central Asia and China // Central Asian Economic Review. - 2025. - № 12(3). - P. 78–95.

[20] Second China-Central Asia Summit Outcomes List / Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. - Beijing: Ministry of Foreign Affairs, 2025.

[21] Weaving the Digital Silk Road: China's digital layout in Central Asia and Eurasia / Nomadit Institute. - Bishkek: Nomadit Institute, 2025.

[22] Zhao W. The Yangtze River delta Integration and Great Bay Area Strategies: A perspective of spatial economics // Social Science Front. – 2020. - № 5.

[23] Baldwin R. E. Globalisation and the great unbundling(s) / Chapter 1, in Globalisation challenges for Europe, Secretariat of the Economic Council, Finnish Prime Minister's Office. - Helsinki, 2006.

[24] Baldwin R. E. The great convergence: Information technology and the new globalization / it was a PPT file in 2016. - Harvard University Press, 2018.

[25] Liu X., Wang Y. Digital infrastructure, distance cost reduction and cross-border cooperation efficiency between China and Central Asia // Journal of Geographical Economics. – 2023. - № 3(2). – P. 45-62.

[26] Zhang, H., Li, S. Institutional barriers and data flow governance in China-Central Asia digital trade // International Trade Journal. - 2025. – № 41(3). – P. 78-95.

[27] UNCTAD. Digital Economy Report 2024: Regional Digital Integration in Central Asia. - New York: United Nations Publications, 2024.

ИНТЕГРАЦИЯ ЦИФРОВОГО И ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА НА НОВОМ ШЕЛКОВОМ ПУТИ, СТОИМОСТЬ ПРОЕЗДА И ТРАНСГРАНИЧНОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО: ПЕРСПЕКТИВЫ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ЭКОНОМИКИ

*Вэй Чжао[1], Тин Чжао[2]
*[1,2] Чжэцзянский университет, Ханчжоу
Китайская Народная Республика

Аннотация. Интеграция цифрового и искусственного интеллекта представляет собой одну из основных тенденций нынешней и будущей технологической революции. Это развитие меняет модели международного экономического сотрудничества и повышает эффективность трансграничного взаимодействия. С точки зрения пространственной экономики, в данной статье проводится предварительное исследование перспектив и потенциального влияния интеграции цифрового и искусственного интеллекта на трансграничное экономическое сотрудничество между Китаем и странами, расположенными вдоль Экономического пояса Шелкового пути, в основном странами Центральной Азии. Исследование показало, что интеграция цифрового и искусственного интеллекта снизит затраты на дистанционное взаимодействие при трансграничном сотрудничестве, а именно преодолеет три типа затрат, связанных с расстоянием: стоимость перемещения товаров, стоимость передачи информации и стоимость личного взаимодействия. Сокращение этих трех видов издержек, связанных с удаленностью, значительно укрепит экономическое сотрудничество между Китаем и странами Центральной Азии и обеспечит взаимовыгодные результаты для всех вовлеченных сторон.

Ключевые слова: интеграция цифрового и искусственного интеллекта, Китай, страны Центральной Азии, трансграничное экономическое сотрудничество, пространственная экономика

ЖАҢА ЖІБЕК ЖОЛЫНЫҢ ЦИФРЛЫҚ ЖӘНЕ ЖАСАНДЫ ИНТЕЛЛЕКТ ИНТЕГРАЦИЯСЫ, ҚАШЫҚТЫҚ ҚҰНЫ ЖӘНЕ ТРАНСШЕКАРАЛЫҚ ЭКОНОМИКАЛЫҚ ЫНТЫМАҚТАСТЫҚ: КЕҢІСТІКТІК ЭКОНОМИКАНЫҢ ПЕРСПЕКТИВАСЫ

*Вэй Чжао[1], Тин Чжао[2]
*[1,2] Чжэцзян Университеті, Ханчжоу
Қытай Халық Республикасы

Аңдатпа. Цифрлық-жасанды интеллект интеграциясы қазіргі және болашақтағы технологиялық революцияның негізгі тенденцияларының бірін білдіреді. Бұл даму халықаралық экономикалық ынтымақтастықтың құрылымын өзгертеді және трансшекаралық ынтымақтастықтың тиімділігін арттырады. Кеңістіктік экономика тұрғысынан бұл мақалада Цифрлық-жасанды интеллект интеграциясының Қытай мен Жібек Жолының Экономикалық Белдеуі бойындағы елдер, негізінен Орталық Азия елдері арасындағы трансшекаралық экономикалық ынтымақтастыққа перспективаларыменықтималәсерлеріт уралыалдынала зерттеужүргізілуде. Зерттеу көрсеткендей, цифрлық және жасанды интеллект интеграциясы трансшекаралық ынтымақтастық үшін қашықтық шығындарын азайтады, атап айтқанда қашықтыққа байланысты шығындардың үш түрін еңсереді: тауарларды тасымалдау құны, ақпаратты беру құны және бетпе-бет өзара әрекеттесу құны. Қашықтық шығындарының осы үш түрінің қысқаруы Қытай мен Орталық Азия елдері арасындағы экономикалық ынтымақтастықты едәуір нығайтады және барлық қатысушы тараптар үшін өзара тиімді нәтижелерге қол жеткізуге мүмкіндік береді.

Тірек сөздер: цифрлық-жасанды интеллект интеграциясы, Қытай, Орталық Азия елдері, трансшекаралық экономикалық ынтымақтастық, кеңістіктік экономика

Information about the authors:

Wei Zhao - Professor of Economic and Doctoral Supervisor at the School of Economics, Zhejiang University; Chief Professor of the Center for Research of Private Economy (CRPE), Zhejiang University. Zhaowei2007@zju.edu.cn, orcid.org/0000-0002-2422-8398

Ting Zhao – Associate Professor at School of Economics, Zhejiang Gongshan University, and PhD in Economics, Zhejiang University

Авторлар туралы мәлімет:

Вэй Чжао - Чжэцзян Университетінің экономика мектебінің экономика және докторантура кафедрасының профессоры; Чжэцзян Университетінің жеке экономиканы эерттеу орталығының, Бас профессоры. Zhaowei2007@zju.edu.cn, orcid.org/0000-0002-2422-8398

Тинг Чжао - ассоц.профессоры, Чжэцзян Гоншань Университетінің экономика мектебінің және PhD докторы (экономикалық ғылымдар) Чжэцзян Университетінің экономика

Информация об авторах:

Вэй Чжао - профессор экономики и научный руководитель докторантуры Школы экономики Чжэцзянского университета; главный профессор Центра исследований частной экономики (CRPE) Чжэцзянского университета. Zhaowei2007@zju.edu.cn, orcid.org/0000-0002-2422-8398

Тин Чжао – ассоц. профессор Школы экономики Чжэцзянского университета Гуншань и доктор PhD (экономические науки) Чжэцзянского университета.

Received / Мақала түсті / Статья поступила: 20.06.2026.
Accepted / Жариялауға қабылданды / Принята к публикации: 28.09.2026

УДК 327.8
МРНТИ 11.25.91
https://doi.org/10.48371/ISMO.2026.65.3.004

ИМИДЖ КАЗАХСТАНА В КИТАЙСКИХ СМИ В КОНТЕКСТЕ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ КНР В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

*Дин Циньпин[1], Мұқан С.М.[2],Абжапарова Л.Ж.[3]
*[1] Казахский национальный университет имени аль-Фараби
Алматы, Казахстан
[2] Международный университет информационных технологий
Алматы, Казахстан
[3] Университет Нархоз, Алматы, Казахстан

Аннотация. Цель исследования состоит в выявлении взаимосвязи между эволюцией внешней политики Китая в Центральной Азии и трансформацией образа Казахстана в ведущих китайских СМИ. Эмпирическую основу составляют 653 публикации о Казахстане, размещённые в газетах «Жэньминьжибао» (включая зарубежную версию), «Синьхуамэйжидяньсюнь» и «Хуаньцюшибао» в 2013–2025 гг., а также политические документы Китая по Центральной Азии. Применяется сочетание качественного контент-анализа и критического дискурс-анализа. Результаты показывают выраженную сопряжённость политической и медийной повесток: тематическая структура публикаций соотносится с приоритетами внешней политики КНР, политические концепты используются как нарративные ресурсы, а изменения внешнеполитической повестки по времени совпадают с трансформацией репрезентации Казахстана. На этой основе предлагается интегративная аналитическая рамка «политической встроенности», описывающая последовательность «внешнеполитическая повестка → политический дискурс → медийная репрезентация → изменение образа страны». В отличие от ранее опубликованного исследования на том же корпусе, где анализировались характеристики образа Казахстана и его значение для двустороннего взаимодействия, настоящая статья рассматривает обратное аналитическое направление – способы, посредством которых внешнеполитическая рамка соотносится с тематикой, дискурсом и динамикой медийного образа. Полученные результаты свидетельствуют о вероятном механизме политико-медийной сопряжённости, не предполагая автоматического доказательства прямой причинности.

Ключевые слова: Казахстан; китайские СМИ, национальный образ, внешняя политика Китая в Центральной Азии, политический дискурс, механизм формирования образа

Введение

В исследованиях международных отношений всё большее внимание уделяется когнитивным и дискурсивным факторам. С позиций конструктивизма международный образ может рассматриваться как интерсубъективная конструкция, связанная с формированием идентичностей, ожиданий и устойчивых представлений о других государствах [1]. Концепция «мягкой силы» дополняет эту перспективу, показывая, что привлекательность государства, его ценности и коммуникационные ресурсы способны становиться самостоятельными источниками внешнеполитического влияния [2]. Национальный образ, понимаемый как совокупность внешних представлений о государстве, связан не только с его символическим положением в международной системе, но и с публичной дипломатией, стратегической коммуникацией и интерпретацией внешнеполитических намерений. Средства массовой информации участвуют в этом процессе посредством отбора тем, фреймирования, цитирования политических акторов и воспроизводства стратегических нарративов [3–7]. Сравнительный подход к медиасистемам также указывает, что характер политической коммуникации зависит от институциональных связей между политической системой, государством и СМИ [8]. Поэтому анализ образа Казахстана в китайских СМИ представляет международно-политический интерес: он позволяет проследить коммуникационное измерение внешней политики КНР в Центральной Азии и соотнести изменения медийной репрезентации с трансформацией региональной дипломатической повестки.

С момента установления дипломатических отношений между Китаем и Казахстаном двусторонние отношения развиваются стабильно. В последние годы, благодаря инициативе «Один пояс, один путь» и механизмам многостороннего сотрудничества, освещение Казахстана в китайских СМИ не только отражает развитие двусторонних отношений, но и может участвовать в формировании представлений о Казахстане в китайском информационном пространстве.

В существующих исследованиях китайско-казахстанских отношений основное внимание уделяется геополитике, энергетическому сотрудничеству, региональной безопасности и экономическому взаимодействию, тогда как систематические исследования образа Казахстана в китайских СМИ остаются ограниченными. Сламгажи и соавторы, рассматривая обратное направление репрезентации – образ Китая в казахстанских СМИ, – установили, что в 2008–2018 гг. около 51% материалов имели преимущественно позитивную тональность, около 38% – нейтральную и около 11% – негативную; после выдвижения инициативы «Один пояс, один путь» число соответствующих публикаций заметно увеличилось [9]. Ланд и соавторы на основе репрезентативного опроса 965 граждан Казахстана показали, что воздействие геополитических

нарративов на восприятие Китая связано с актуализацией локальной идентичности посредством исторических сюжетов [10]. В более широком центральноазиатском контексте С. Пейруз показывает, что отношение к усиливающемуся присутствию Китая сочетает позитивные и настороженные оценки и формируется под воздействием политических, экономических и социокультурных факторов [11]. Эти работы важны для понимания связи между медиа, стратегическими нарративами и общественным восприятием, однако они не исследуют систематически, каким образом внешнеполитическая повестка Китая в Центральной Азии соотносится с тематическими и дискурсивными изменениями в китайском освещении Казахстана.

Настоящее исследование отвечает на три взаимосвязанных вопроса:

(1)Как внешнеполитическая повестка Китая в Центральной Азии соотносится с тематической структурой публикаций о Казахстане в ведущих китайских СМИ;

(2)Каким образом ключевые политические концепты преобразуются в медийные фреймы и нарративные конструкции;

(3)Как изменение внешнеполитической повестки во времени сопряжено с трансформацией образа Казахстана.

Рабочий тезис исследования формулируется осторожно: политическая повестка задаёт институциональный и дискурсивный контекст медийного освещения, однако обнаруженная временная и содержательная сопряжённость рассматривается как свидетельство вероятного механизма влияния, а не как самостоятельное доказательство строгой причинности.

Теоретически статья опирается на конструктивистское понимание идентичности и представлений, концепцию мягкой силы, исследования установления повестки дня, фрейминга, стратегических нарративов, публичной дипломатии, национального образа и медиасистем [1–8]. Применительно к КНР особое значение имеют исследования, показывающие сочетание партийно-государственного регулирования, коммерциализации и ограниченной журналистской автономии в китайской медиасистеме [12–15], а также работы, рассматривающие публичную дипломатию как составную часть внешнеполитической и имиджевой стратегии Китая [16–17]. Предлагаемая далее «политическая встроенность» не претендует на замену этих подходов; она используется как интегративная аналитическая рамка, позволяющая соединить четыре уровня анализа: внешнеполитическую повестку, политический дискурс, медийную репрезентацию и динамику национального образа. Такое уточнение усиливает международно-политическую направленность исследования и отделяет его от сугубо журналистского анализа медиатекстов.

Описание материалов и методов

Текстовой корпус настоящего исследования совпадает с корпусом ранее опубликованной статьи «Имидж Республики Казахстан в китайских СМИ как фактор внешнеполитического взаимодействия КНР и РК» [18] и включает 653 публикации за 2013–2025 гг. из «Жэньминьжибао» (включая зарубежную версию), «Синьхуамэйжидяньсюнь» и «Хуаньцюшибао». Повторное использование корпуса обусловлено принципиально иным исследовательским вопросом. В работе [18] единицей теоретического интереса являлись характеристики конструируемого медиаобраза Казахстана и его возможное значение для двустороннего внешнеполитического взаимодействия. В настоящей статье аналитическое направление развёрнуто: исследуется, как эволюция внешней политики Китая в Центральной Азии соотносится с тематикой публикаций, использованием политического дискурса и диахронической трансформацией образа Казахстана. Новыми элементами являются сопоставление медийного корпуса с политическими документами, периодизация 2013–2016 / 2017–2021 / 2022–2025 гг., категории эксплицитной и имплицитной политической встроенности и анализ цепочки «политическая повестка → политический дискурс → медийная репрезентация → образ страны». Тем самым статья использует прежний массив данных для проверки нового исследовательского вопроса и новой аналитической рамки, а не для повторения ранее опубликованных выводов.

Как зафиксировано в ранее опубликованной работе [18], эмпирический корпус был сформирован в рамках предыдущего исследования авторов и зафиксирован в объёме 653 публикаций за 2013–2025 гг. Источником медиаматериалов служит CNKI – «Полнотекстовая база данных важнейших китайских газет». Корпус формировался путём систематического поиска и отбора по тематическим сочетаниям «Казахстан», «Республика Казахстан», «Китай и Казахстан», «торговля Китая и Казахстана», «экономика Казахстана», «рынок Казахстана». Выборка охватывает различные жанры, включая новостные репортажи, комментарии, эксклюзивные интервью и др. В ранее опубликованном описании того же корпуса «Жэньминьжибао» и её зарубежная версия составляют 72% выборки, «Синьхуамэйжидяньсюнь» – 19%, «Хуаньцюшибао»—9% [18]. Выбор этих изданий позволяет сопоставить материалы центральной партийной прессы, издания системы агентства «Синьхуа» и общенациональной газеты с выраженной международно-политической тематикой. Повторяющиеся публикации удалялись вручную. Критериями включения являются принадлежность материала к указанным изданиям и временному диапазону, а также содержательное отношение к Казахстану или китайско-казахстанскому взаимодействию; исключались явные дубликаты и тексты, в которых Казахстан упоминался лишь эпизодически без содержательной связи с исследовательским вопросом.

В качестве дополнительного корпуса политических источников используются официальные материалы, фиксирующие ключевые поворотные моменты китайской политики в Центральной Азии: выступление Си Цзиньпина в Назарбаев Университете в 2013 г.; Совместное заявление Республики Казахстан и Китайской Народной Республики о вечном всестороннем стратегическом партнёрстве 2019 г.; материалы видеосаммита, посвящённого 30-летию дипломатических отношений Китая со странами Центральной Азии, 2022 г.; и Сианьская декларация первого очного саммита «Китай – Центральная Азия» 2023 г. Эти документы используются как контекстуальный корпус для сопоставления официальной внешнеполитической повестки с изменениями медийной репрезентации Казахстана.

В ранее опубликованном описании корпуса зафиксировано следующее тематическое распределение: политика и дипломатия – 40%, экономическое сотрудничество – 35%, вопросы безопасности – 15%, категория «прочее» – 10% [18]. В настоящей статье тематические категории операционализированы следующим образом: к политико-дипломатической тематике относятся межгосударственные контакты, визиты, соглашения, стратегическое партнёрство и многосторонние механизмы; к экономической – торговля, инвестиции, энергетика, инфраструктура и сопряжение инициатив развития; к сфере безопасности – региональная стабильность, противодействие угрозам и соответствующее двустороннее и многостороннее сотрудничество. Категория «прочее» используется как остаточная для публикаций, не относящихся преимущественно ни к одному из трёх основных тематических блоков. Для критического дискурс-анализа в настоящей статье задаются следующие аналитические признаки: наименование и категоризация Казахстана; оценочные характеристики; доминирующие фреймы; цитирование и интертекстуальное воспроизводство официальных политических формул; способы связывания конкретных событий с более широкими внешнеполитическими нарративами; изменение этих конструкций во времени. Такой набор признаков соответствует пониманию критического дискурс-анализа как анализа взаимосвязи текста, дискурсивной практики и социально-политического контекста [19].

Единицей тематического учёта в настоящей статье является отдельная публикация из корпуса. В публикациях, содержащих несколько тематических линий, основная категория определяется по доминирующему предмету материала с учётом заголовка, вводной части и основного содержания текста; вторичные мотивы учитываются при качественном дискурс-анализе. Кодирование выполнялось одним исследователем, поэтому показатель межкодировочной надёжности не рассчитывался. Для ограничения субъективности использовалась единая операциональная схема категорий и одинаковые критерии отнесения публикаций ко всему корпусу.

Для операционализации динамики образа Казахстана используются различимые текстовые индикаторы. Категория «соседнее государство» фиксируется при преобладании географических и добрососедских характеристик без выраженной функциональной роли; «стратегический партнёр» – при устойчивом воспроизведении формул стратегического партнёрства, политического доверия и координации; характеристики «ключевой узел / опорный пункт» – при акценте на транзитной, инфраструктурной, энергетической или регионально-координационной функции Казахстана; «важный региональный партнёр / пример сотрудничества» – при включении Казахстана в многостороннюю рамку «Китай – Центральная Азия» и описании его роли в совместном развитии и региональном взаимодействии. Эти категории используются как аналитические типы для сопоставления доминирующих способов репрезентации по периодам, а не как взаимоисключающие свойства каждой отдельной публикации.

Периодизация также имеет содержательные критерии. 2013–2016 гг. соответствуют начальному этапу институционализации инициативы «Один пояс, один путь» после её выдвижения в Казахстане; 2017–2021 гг. отражают углубление стратегического сопряжения и повышение китайско-казахстанских отношений в 2019 г. до уровня вечного всестороннего стратегического партнёрства; с 2022 г. начинается этап усиленной институционализации формата «Китай – Центральная Азия» и дискурса сообщества единой судьбы, получивший дальнейшее развитие на первом очном саммите «Китай – Центральная Азия» в 2023 г. Таким образом, границы периодов задаются не механическим делением корпуса, а поворотными моментами внешнеполитической повестки.

Таблица 1. Материалы, единицы анализа и процедура исследования

Параметр	**Операционализация в настоящем исследовании**
Эмпирический корпус	653 публикации китайских СМИ о Казахстане, ранее сформированные и зафиксированные в исследовании авторов [18].
Период исследования	2013–2025 гг.
Источник данных	CNKI — «Полнотекстовая база данных важнейших китайских газет».
Медиаисточники	«Жэньминьжибао» (включая зарубежную версию), «Синьхуамэйжидяньсюнь» и «Хуаньцюшибао».
Единица анализа	Отдельная публикация. При наличии нескольких тематических линий основная категория определяется по доминирующему предмету материала с учётом заголовка, вводной части и основного содержания.
Тематические категории	Политика и дипломатия; экономическое сотрудничество; безопасность; остаточная категория «прочее».
Методы	Качественный контент-анализ и критический дискурс-анализ.

Признаки дискурс-анализа	Наименование и категоризация Казахстана; оценочные характеристики; доминирующие фреймы; цитирование и интертекстуальное воспроизводство официальных политических формул; связь конкретных событий с внешнеполитическими нарративами; изменение этих конструкций во времени.
Кодирование	Кодирование выполнялось одним исследователем по единой операциональной схеме.
Периодизация	2013–2016, 2017–2021 и 2022–2025 гг.; границы периодов определяются поворотными моментами внешнеполитической повестки КНР в Центральной Азии.

Примечание: доли публикаций по изданиям в зафиксированном корпусе представлены отдельно на рис. 1

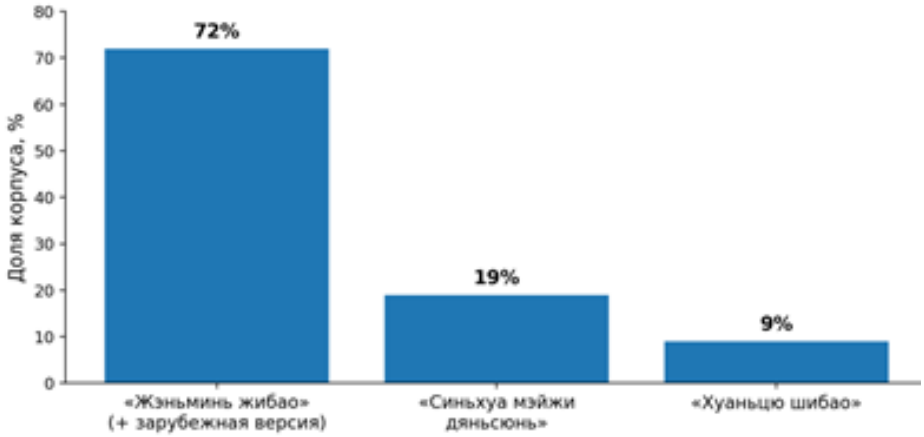

Рисунок 1. Распределение окончательного корпуса из 653 публикаций по изданиям.(по данным [18])

Результаты

Во-первых, анализ выявляет выраженную сопряжённость внешнеполитической повестки и тематической структуры медийных публикаций.

На основе систематического анализа политических документов Китая в отношении Центральной Азии можно выделить ключевую повестку китайской дипломатии в этом регионе, которая сосредоточена в следующих областях: сотрудничество в сфере безопасности, энергетическое сотрудничество, взаимосвязанность, политическое взаимодоверие. Ли Цзяньминь систематически анализировал политическую эволюцию экономического сотрудничества Китая со странами Центральной Азии за последние 30 лет и отметил, что дипломатия Китая в Центральной Азии прошла путь от начала до углубления, а экономическое сотрудничество всегда было «фундаментальной опорой» [20].

Сопоставление внешнеполитической повестки с тематической структурой 653 публикаций показывает значительное совпадение

приоритетов. На политико-дипломатическую тематику приходится 40% корпуса, на экономическое сотрудничество – 35%, на безопасность – 15%, на категорию «прочее» – 10%. Такая структура не доказывает причинную зависимость, однако демонстрирует выраженное соответствие основным направлениям китайской повестки в Центральной Азии. После выдвижения инициативы «Один пояс, один путь» в 2013 г. экономическая тематика приобретает более заметное место в материалах о Казахстане; после повышения статуса отношений в 2019 г. чаще актуализируется формула стратегического партнёрства. Эти наблюдения интерпретируются как признаки сопряжённости политической и медийной повесток, требующие осторожности при выводах о причинности.

Рисунок 2. Тематическая структура публикаций о Казахстане в корпусе 2013–2025 гг. (по данным [18])

Во-вторых, политический дискурс выступает в качестве нарративного ресурса для медийных публикаций.

Дискурс-анализ показывает, что политические формулы выступают для медиа важным источником фреймов и нарративных опор. Концепт «сообщество единой судьбы» в публикациях переносится из официального политического дискурса в интерпретацию китайско-казахстанских отношений через мотив общности интересов и совместного развития. После повышения отношений в 2019 г. до уровня «вечного всестороннего стратегического партнёрства» эта формула становится одним из устойчивых нарративных ориентиров политико-дипломатического освещения. Сопряжение инициативы «Один пояс, один путь» с казахстанской программой «Нұрлыжол», первоначально сформулированное на уровне межгосударственной политики, в медийных материалах превращается

в рамку для объяснения инфраструктурного и экономического сотрудничества. Тем самым официальные концепты не только цитируются, но и контекстуализируются применительно к конкретным событиям и проектам.

Медийные публикации при этом не сводятся к буквальному пересказу политических формул. В них происходит дискурсивная трансформация: абстрактные внешнеполитические понятия связываются с конкретными событиями, персонами, проектами и оценочными характеристиками Казахстана. Именно этот переход от официальной формулы к медийному фрейму рассматривается в статье как одно из проявлений имплицитной политической встроенности. Исследование Цзи Фанфан и Сунь Пин показывает, что углубление внешней коммуникации инициативы «Один пояс, один путь» требует не механического воспроизведения официальной повестки, а адаптации нарративов к международной аудитории и медиасреде [21].

В-третьих, анализ выявляет временную сопряжённость эволюции внешней политики и трансформации медийного образа Казахстана.

Сравнение публикаций по трём периодам показывает, что изменения в репрезентации Казахстана по времени совпадают с основными этапами трансформации китайской политики в Центральной Азии. Такая синхронность не трактуется как достаточное доказательство прямой причинности, но позволяет проследить устойчивую связь между изменением политической рамки и смещением медийных акцентов.

Первый этап (2013–2016 гг.) – начальный период реализации инициативы «Один пояс, один путь». После выступления председателя КНР Си Цзиньпина в Назарбаев Университете в сентябре 2013 г., где была выдвинута инициатива совместного строительства Экономического пояса Шёлкового пути, Казахстан в китайских публикациях всё чаще репрезентируется не только как соседнее государство, но и как место запуска ключевой региональной инициативы и один из её ранних участников. В тематике усиливается внимание к инфраструктуре, экономическому сотрудничеству и взаимосвязанности; в характеристиках образа появляется мотив «пионера совместного строительства Пояса и пути». Международно-политическое значение центральноазиатского направления для первоначального формирования сухопутного компонента инициативы «Один пояс, один путь» также отмечается М. Кларком [22].

Второй этап (2017–2021 гг.) – период углубления стратегического партнёрства. Политическая повестка всё больше акцентирует стратегическое сопряжение и качественное совместное строительство; в 2019 г. отношения Китая и Казахстана повышаются до уровня «вечного всестороннего стратегического партнёрства». В медийной репрезентации усиливаются характеристики Казахстана как надёжного стратегического партнёра,

ключевого узла евразийской транспортной взаимосвязанности, фактора региональной стабильности и сторонника многостороннего сотрудничества.

Третий этап (2022–2025 гг.) – этап усиления формата «Китай – Центральная Азия» и дискурса сообщества единой судьбы. Виртуальный саммит 2022 г., посвящённый 30-летию дипломатических отношений Китая со странами Центральной Азии, и первый очный саммит «Китай – Центральная Азия» 2023 г. обозначили новый уровень региональной институционализации. В публикациях Казахстан всё чаще помещается в многостороннюю региональную рамку и характеризуется как важный участник регионального сотрудничества, партнёр по совместному развитию и один из показательных примеров взаимодействия Китая со странами Центральной Азии.

Таким образом, диахронический анализ показывает не статичное, а изменяющееся конструирование образа Казахстана. Корректнее говорить о динамической сопряжённости: политическая повестка задаёт набор приоритетных тем и легитимных политических формул, а медиа перерабатывают их в конкретные нарративы и оценочные характеристики. Это наблюдение служит эмпирической основой для предлагаемой ниже аналитической рамки, но само по себе не снимает проблему доказательства причинности.

Таблица 2. Сопоставление этапов внешнеполитической повестки и трансформации образа Казахстана

Период	**Ключевой политический контекст**	**Доминирующий медийный акцент**	**Сдвиг в доминирующей репрезентации Казахстана**
2013–2016	Запуск инициативы «Один пояс, один путь»	Инфраструктура, взаимосвязанность, экономическое сотрудничество	Сосед → место выдвижения инициативы/ ранний участник
2017–2021	Углубление стратегического сопряжения; новый статус отношений в 2019 г.	Стратегическое партнёрство, транспортный узел, региональная стабильность	Надёжный стратегический партнёр / ключевой узел
2022–2025	Институционализация формата «Китай – Центральная Азия»; сообщество единой судьбы	Многостороннее региональное сотрудничество и совместное развитие	Важный региональный партнёр/пример сотрудничества

Обсуждение

На основе полученных результатов «политическая встроенность» определяется как степень и способы включённости внешнеполитической

повестки и политического дискурса в тематический выбор, фреймирование и динамику медийной репрезентации другой страны. Предлагаемая рамка описывает не одностороннюю детерминацию СМИ политикой, а аналитическую последовательность: внешнеполитическая повестка → политический дискурс → способы представления темы в СМИ → формирование и изменение образа страны. Встроенность рассматривается на двух уровнях – эксплицитном и имплицитном.

Схема 1. Внешнеполитическая повестка → политический дискурс → медийная репрезентация → формирование и изменение образа страны

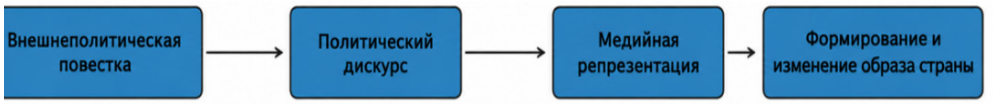

Схема объединяет четыре уровня анализа и показывает, что «политическая встроенность» используется как интегративная рамка сопряжения внешнеполитической повестки, политического дискурса, медийной репрезентации и динамики образа государства, а не как утверждение о жёсткой односторонней детерминации СМИ политикой.

Эксплицитная встроенность проявляется там, где связь между политической и медийной повестками наблюдаема непосредственно: в выборе тем, прямом цитировании официальных формулировок, ссылках на межгосударственные документы и воспроизведении институционально закреплённых характеристик отношений. В данном корпусе к таким проявлениям относятся увеличение внимания к экономическому сотрудничеству после запуска инициативы «Один пояс, один путь», а также регулярное использование формул «сообщество единой судьбы» и «вечное всестороннее стратегическое партнёрство». Эти признаки свидетельствуют о содержательной сопряжённости, но не предполагают, что все медийные сообщения механически задаются политическими институтами.

Имплицитная встроенность относится к более опосредованному уровню: политическая рамка задаёт набор смысловых ресурсов, которые журналистский текст перерабатывает посредством фрейминга, оценивания, метафоризации, отбора примеров и связывания отдельных событий с более широким нарративом. СМИ в таком случае выступают не только передатчиками, но и интерпретаторами политического дискурса. Например, абстрактная идея «сообщества единой судьбы» может переводиться в образные конструкции, подчёркивающие историческую близость, общие интересы или совместное развитие. Именно эта трансформация отличает имплицитную встроенность от простого цитирования официальной позиции.

Предлагаемая рамка пересекается с существующими теориями, но имеет более узкую интегративную задачу. Конструктивизм позволяет рассматривать образ государства как социально формируемую систему представлений [1], а концепция мягкой силы подчёркивает значение привлекательности и коммуникационных ресурсов во внешнеполитическом влиянии [2]. Теория установления повестки дня объясняет распределение внимания и значимость тем [3]; фрейминг– способы отбора и акцентирования аспектов реальности [4]; теория стратегических нарративов – производство и проецирование политическими акторами интерпретационных историй о международном порядке, идентичности и политике [5]; исследования публичной дипломатии рассматривают институциональные каналы внешней коммуникации [6], а работы по национальному брендингу – способы формирования устойчивых представлений о стране [7]. Сравнительный анализ медиасистем подчёркивает зависимость политической коммуникации от институциональной структуры СМИ [8], тогда как исследования китайской медиасистемы конкретизируют сочетание политического контроля, рыночных стимулов и журналистской агентности [12–15]; исследования публичной дипломатии КНР дополняют эту картину анализом внешнеполитических целей и механизмов проекции национального образа [16–17]. «Политическая встроенность» объединяет эти наблюдения применительно к конкретному исследовательскому вопросу – каким образом внешнеполитическая рамка обнаруживается одновременно в тематике, дискурсе и диахронической трансформации образа другой страны. Поэтому она предлагается не как универсальная замена существующих теорий, а как операциональная рамка их сопряжения в исследованиях внешнеполитической коммуникации.

Вопрос причинности требует отдельной оговорки. Выявленная корреляция между политической повесткой и медийным образом не доказывает автоматически причинно-следственную связь. Временная последовательность ключевых событий – запуск инициативы «Один пояс, один путь» в 2013 г., изменение статуса двусторонних отношений в 2019 г., усиление формата «Китай – Центральная Азия» с 2022–2023 гг. – предшествует или совпадает с соответствующими сдвигами в медийных нарративах. Это делает направление влияния от политики к медийной репрезентации теоретически правдоподобным, но не является достаточным условием строгого причинного вывода.

Институциональный контекст китайской медиасистемы также позволяет ожидать значимой связи между государственной повесткой и освещением международных вопросов, однако отношения государства и СМИ в КНР нельзя сводить к модели полностью пассивной трансляции. Исследования показывают сочетание политического контроля, институциональных ограничений, коммерческих стимулов и ограниченной

журналистской автономии [12–15]. Работы по китайской публичной дипломатии, в свою очередь, показывают, что внешняя коммуникация тесно связана с задачами международного позиционирования, репутации и легитимации внешнеполитических целей [16–17]. Поэтому в данной статье институциональная логика используется как дополнительный аргумент в пользу вероятного механизма влияния, а не как самостоятельное доказательство причинности.

Характер данных поддерживает ту же осторожную интерпретацию: политические документы фиксируют официально сформулированные приоритеты и концепты, тогда как медийные тексты преимущественно цитируют, переосмысливают и конкретизируют их. Такая асимметрия источников позволяет говорить о вероятном направлении дискурсивного влияния, но для строгой причинной проверки потребовались бы дополнительные методы – например, формализованный временной анализ, сравнение с контрольными темами или источниками и статистическая проверка динамики.

Таким образом, «политическая встроенность» описывает не «политическую зависимость» в жёстком детерминистском смысле, а структурированную сопряжённость политической рамки и медийного производства смыслов. Политика задаёт институциональный и дискурсивный контекст, а СМИ селективно воспроизводят, интерпретируют и преобразуют доступные политические концепты. Отношения между политикой и медиа корректнее представлять как взаимодействие направления и дискурсивной трансформации, степень которого должна устанавливаться эмпирически в каждом конкретном случае.

Теоретический вклад исследования поэтому состоит в операционализации четырёхзвенной связи «повестка – дискурс – медийная репрезентация – национальный образ» и в различении эксплицитного и имплицитного уровней встроенности. Эта рамка дополняет, а не дублирует, теорию установления повестки дня и теорию фрейминга: первая из названных традиций в основном фокусируется на значимости тем, вторая – на способах их представления, тогда как предлагаемая модель помещает оба механизма в контекст эволюции внешней политики и прослеживает их связь с изменением образа государства во времени. В этом состоит специфический вклад настоящей статьи по сравнению как с существующими теориями, так и с предыдущей публикацией авторов [18].

Практическая значимость результатов связана с анализом внешнеполитической коммуникации Китая в Центральной Азии. Полученные данные позволяют предположить, что согласованность официальной повестки и медийных нарративов облегчает воспроизводство устойчивых характеристик партнёрской страны, однако эффективность

такой коммуникации зависит и от журналистской интерпретации, аудитории и конкретного политического контекста. Поэтому практический вывод заключается не в необходимости жёсткого управления медиа, а в понимании того, как абстрактные политические концепты переводятся в доступные общественности нарративы и какие ограничения имеет этот процесс.

Заключение

Исследование было направлено на анализ того, как эволюция внешней политики Китая в Центральной Азии соотносится с формированием и трансформацией образа Казахстана в ведущих китайских СМИ. На материале 653 публикаций за 2013–2025 гг. и политических документов выделены три взаимосвязанных уровня: тематическая сопряжённость повесток, использование политического дискурса как нарративного ресурса и диахроническая синхронность изменений внешнеполитической рамки и медийного образа.

Во-первых, тематическая структура корпуса демонстрирует выраженное соответствие основным направлениям внешнеполитической повестки: политика и дипломатия составляют 40%, экономика – 35%, безопасность – 15%, категория «прочее» – 10%. Эти пропорции свидетельствуют о сопряжённости приоритетов, однако без дополнительной статистической проверки не позволяют использовать формулировку «строго соответствует».

Во-вторых, политический дискурс служит важным нарративным ресурсом. Формулы «сообщество единой судьбы», «вечное всестороннее стратегическое партнёрство» и сопряжение инициативы «Один пояс, один путь» с национальными программами регулярно цитируются и преобразуются в медийные рамки, связывающие политические концепты с конкретными проектами, событиями и характеристиками Казахстана.

В-третьих, периодизация 2013–2016, 2017–2021 и 2022–2025 гг. показывает динамическую сопряжённость между изменениями политического контекста и репрезентацией Казахстана: от соседнего государства и места выдвижения инициативы «Один пояс, один путь» – к надёжному стратегическому партнёру и ключевому узлу взаимосвязанности, а затем к важному участнику многостороннего формата «Китай – Центральная Азия» и совместного регионального развития.

На этой основе предлагается аналитическая рамка «политической встроенности», понимаемая как включённость внешнеполитической повестки и дискурса в выбор тем, фреймирование и динамику медийного образа. Рамка различает эксплицитную встроенность (прямая тематическая и цитатная связь) и имплицитную встроенность

(интерпретация и дискурсивная трансформация политических концептов). Она интегрирует элементы теории установления повестки дня, теории фрейминга, стратегических нарративов и исследований государственно-медийных отношений, но не заменяет эти теории.

Академическая новизна настоящей статьи по отношению к работе [18] состоит не в повторном описании того же корпуса, а в ином направлении объяснения и новой аналитической операционализации: предыдущая публикация исследовала характеристики медийного образа Казахстана и его значение для двустороннего взаимодействия, тогда как здесь анализируется сопряжённость внешнеполитической повестки с тематикой, дискурсом и временной трансформацией образа. Ограничением исследования остаётся невозможность на основании качественного сопоставления установить строгую причинность. Перспективой дальнейшей проверки являются годовая количественная динамика тематик и политических терминов, формализованная межкодировочная надёжность и сравнительный анализ других китайских и центральноазиатских медиа.

ЛИТЕРАТУРА

[1] Wendt A. Social Theory of International Politics. – Cambridge: Cambridge University Press, 1999.

[2] Nye J. S. Soft Power: The Means to Success in World Politics. – New York: PublicAffairs, 2004.

[3] McCombs M. E., Shaw D. L. The Agenda-Setting Function of Mass Media // Public Opinion Quarterly. – 1972. – Vol. 36, No. 2. – P. 176–187.

[4] Entman R. M. Framing: Toward Clarification of a Fractured Paradigm // Journal of Communication. – 1993. – Vol. 43, No. 4. – P. 51–58.

[5] Miskimmon A., O'Loughlin B., Roselle L. Strategic Narratives: Communication Power and the New World Order. – New York: Routledge, 2013.

[6] Cull N. J. Public Diplomacy: Taxonomies and Histories // The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science. – 2008. – Vol. 616, No. 1. – P. 31–54.

[7] Anholt S. Competitive Identity: The New Brand Management for Nations, Cities and Regions. – London: Palgrave Macmillan, 2007.

[8] Hallin D. C., Mancini P. Comparing Media Systems: Three Models of Media and Politics. – Cambridge: Cambridge University Press, 2004.

[9] Slamgazhy A., Liu R., Zhappassov Z., Tassilova A. Kazakhstan's Media Coverage of China: How the Belt and Road Initiative Strengthens Geopolitical Ties // Journal of Eastern European and Central Asian Research. – 2024. – Vol. 11, No. 2. – P. 362–376.

[10] Land S., Neafie J., Courtney M. The role of identity and strategic narratives on public perceptions of China: the case of the New Silk Road in

Kazakhstan // Area Development and Policy. – 2024. – Vol. 9, No. 4. – P. 568–590.

[11] Peyrouse S. Discussing China: Sinophilia and sinophobia in Central Asia // Journal of Eurasian Studies. – 2016. – Vol. 7, No. 1. – P. 14–23.

[12] Stockmann D. Media Commercialization and Authoritarian Rule in China. – Cambridge: Cambridge University Press, 2012.

[13] Repnikova M. Media Politics in China: Improvising Power under Authoritarianism. – Cambridge: Cambridge University Press, 2017.

[14] Shambaugh D. China's Propaganda System: Institutions, Processes and Efficacy // The China Journal. – 2007. – No. 57. – P. 25–58.

[15] Brady A.-M. Marketing Dictatorship: Propaganda and Thought Work in Contemporary China. – Lanham: Rowman & Littlefield, 2008.

[16] Zhao K. The Motivation Behind China's Public Diplomacy // The Chinese Journal of International Politics. – 2015. – Vol. 8, No. 2. – P. 167–196.

[17] d'Hooghe I. China's Public Diplomacy. – Leiden; Boston: Brill Nijhoff, 2015.

[18] Дин Ц., Мұқан С. Имидж Республики Казахстан в китайских СМИ как фактор внешнеполитического взаимодействия КНР и РК // Известия КазУМОиМЯ имени Абылай хана. Серия «Международные отношения и регионоведение». – 2026. – № 1. – С. 243–262.

[19] Fairclough N. Critical Discourse Analysis: The Critical Study of Language. – London; New York: Longman, 1995.

[20] Ли Ц. 30 лет экономического сотрудничества между Китаем и Центральной Азией: эволюция политики, прогресс в ключевых областях и пути будущего развития // «Исследования России». – 2022. – № 5. – С. 74–94.

[21] Цзи Ф., Сунь П. Об углублении внешней коммуникации инициативы «Один пояс, один путь» // Исследования мирового социализма. – 2020. – Т. 5, № 4. – С. 27–33, 94.

[22] Clarke M. The Belt and Road Initiative: China's New Grand Strategy? // Asia Policy. – 2017. – Vol. 24, No. 1. – P. 71–79.

REFERENCES

[1] Wendt A. Social Theory of International Politics. – Cambridge: Cambridge University Press, 1999.

[2] Nye J. S. Soft Power: The Means to Success in World Politics. – New York: PublicAffairs, 2004.

[3] McCombs M. E., Shaw D. L. The Agenda-Setting Function of Mass Media // Public Opinion Quarterly. – 1972. – Vol. 36, No. 2. – P. 176–187.

[4] Entman R. M. Framing: Toward Clarification of a Fractured Paradigm // Journal of Communication. – 1993. – Vol. 43, No. 4. – P. 51–58.

[5] Miskimmon A., O'Loughlin B., Roselle L. Strategic Narratives: Communication Power and the New World Order. – New York: Routledge, 2013.

[6] Cull N. J. Public Diplomacy: Taxonomies and Histories // The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science. – 2008. – Vol. 616, No. 1. – P. 31–54.

[7] Anholt S. Competitive Identity: The New Brand Management for Nations, Cities and Regions. – London: Palgrave Macmillan, 2007.

[8] Hallin D. C., Mancini P. Comparing Media Systems: Three Models of Media and Politics. – Cambridge: Cambridge University Press, 2004.

[9] Slamgazhy A., Liu R., Zhappassov Z., Tassilova A. Kazakhstan's Media Coverage of China: How the Belt and Road Initiative Strengthens Geopolitical Ties // Journal of Eastern European and Central Asian Research. – 2024. – Vol. 11, No. 2. – P. 362–376.

[10] Land S., Neafie J., Courtney M. The role of identity and strategic narratives on public perceptions of China: the case of the New Silk Road in Kazakhstan // Area Development and Policy. – 2024. – Vol. 9, No. 4. – P. 568–590.

[11] Peyrouse S. Discussing China: Sinophilia and sinophobia in Central Asia // Journal of Eurasian Studies. – 2016. – Vol. 7, No. 1. – P. 14–23.

[12] Stockmann D. Media Commercialization and Authoritarian Rule in China. – Cambridge: Cambridge University Press, 2012.

[13] Repnikova M. Media Politics in China: Improvising Power under Authoritarianism. – Cambridge: Cambridge University Press, 2017.

[14] Shambaugh D. China's Propaganda System: Institutions, Processes and Efficacy // The China Journal. – 2007. – No. 57. – P. 25–58.

[15] Brady A.-M. Marketing Dictatorship: Propaganda and Thought Work in Contemporary China. – Lanham: Rowman & Littlefield, 2008.

[16] Zhao K. The Motivation Behind China's Public Diplomacy // The Chinese Journal of International Politics. – 2015. – Vol. 8, No. 2. – P. 167–196.

[17] d'Hooghe I. China's Public Diplomacy. – Leiden; Boston: Brill Nijhoff, 2015.

[18] Ding Q., Mukan S. Imidzh Respubliki Kazakhstan v kitajskih SMI kak faktor vneshne politicheskogo vzaimodejstvija KNR i RK [The Image of the Republic of Kazakhstan in Chinese Media as a Factor of Foreign Policy Interaction between the PRC and the RK] // Izvestija

[19] KazUMOiMJ a imeni Abylajhana. Serija «Mezhdunarodnye otnoshenija i regionovedenie ». – 2026. – No. 1. – P. 243–262. [inRuss.]

[20] Li J. Zhongguo yu Zhongya jingji hezuo 30 nian: zhengce yanjin, zhongdian lingyu jinzhan ji weilai fazhan lujing [30 years of economic cooperation between China and Central Asia: policy evolution, progress in key areas and future development paths] // Eluosi Yanjiu [Russian Studies]. – 2022. – No. 5. – P. 74–94. [in Chinese]

[21] Ji F., Sun P. Lun shenhua "Yidai yilu" changyi de duiwai chuanbo [On Deepening the External Communication of the Belt and Road Initiative] // Shijie Shehuizhuyi Yanjiu [World Socialism Studies]. – 2020. – Vol. 5, No. 4. – P. 27–33, 94. [in Chinese]

[22] [30 years of economic cooperation between China and Central Asia: policy evolution, progress in key areas and future development paths] // EluosiYanjiu [Russian Studies]. – 2022. – No. 5. – P. 74–94. [inChinese]

[23] Ji F., Sun P. Lunshenhua “Yidaiyilu” changyi de duiwaichuanbo [On Deepening the External Communication of the Belt and Road Initiative] // Shijie Shehuizhuyi Yanjiu [World Socialism Studies]. – 2020. – Vol. 5, No. 4. – P. 27–33, 94. [in Chinese]

[24] Clarke M. The Belt and Road Initiative: China’s New Grand Strategy? // Asia Policy. – 2017. – Vol. 24, No. 1. – P. 71–79.

ҚХР-ДЫҢ ОРТАЛЫҚ АЗИЯДАҒЫ СЫРТҚЫ САЯСАТЫ АЯСЫНДАҒЫ ҚЫТАЙ БАҚ-ТАРЫНДАҒЫ ҚАЗАҚСТАННЫҢ БЕЙНЕСІ

*Дин Циньпин[1], Мұқан С.М.,[2] Абжапарова Л.Ж.[3]
*[1] әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті
Алматы, Қазақстан
[2]Халықаралық ақпараттық технологиялар университеті
Алматы, Қазақстан
[3]Нархоз университеті, Алматы, Қазақстан

Аңдатпа. Зерттеудің мақсаты – Қытайдың Орталық Азиядағы сыртқы саясатының эволюциясы мен жетекші қытайлық БАҚ-тағы Қазақстан бейнесінің өзгеруі арасындағы байланысты анықтау. Эмпирикалық база 2013–2025 жылдары «Жэньминьжибао» (шетелдік нұсқасын қоса алғанда), «Синьхуамэйжидяньсюнь» және «Хуаньцюшибао» газеттерінде жарияланған Қазақстан туралы 653 материалдан, сондай-ақ Қытайдың Орталық Азияға қатысты саяси құжаттарынан тұрады. Сапалық контент-талдау мен сыни дискурс-талдау әдістері үйлестірілді. Нәтижелер саяси және медиа күн тәртібінің айқын сабақтастығын көрсетеді: жарияланымдардың тақырыптық құрылымы сыртқы саясаттың басымдықтарымен елеулі түрде сәйкес келеді, саяси ұғымдар нарративтік ресурс ретінде пайдаланылады, ал сыртқы саяси күн тәртібіндегі өзгерістер Қазақстан бейнесінің трансформациясы мен уақыт жағынан ұштасады. Осы негізде «сыртқы саяси күн тәртібі → саяси дискурс → медиалық репрезентация → ел бейнесінің өзгеруі» тізбегін сипаттайтын «саяси кіріктірілгендік» аналитикалық шеңбері ұсынылады. Бұрын сол корпус негізінде жарияланған зерттеуден айырмашылығы, бұл мақала Қазақстан бейнесінің сипаттамаларын емес, сыртқы саяси контекстің медиа тақырыптарына, дискурсқа және бейненің уақыт ішіндегі өзгеруіне қалай қатысты екенін талдайды. Алынған нәтижелер ықтимал саяси-медиалық ықпал тетігін көрсетеді, бірақ қатаң себеп-салдарлық байланысты автоматты түрде дәлелдемейді.

Тірек сөздер: Қазақстан; Қытай БАҚ-тары; ұлттықбейне; Қытайдың Орталық Азиядағы сыртқы саясаты; саяси дискурс; бейнені қалыптастыру механизмі

THE IMAGE OF KAZAKHSTAN IN CHINESE MEDIA IN THE CONTEXT OF CHINA'S FOREIGN POLICY IN CENTRAL ASIA

*Ding Qinping[1], Mukan S.[2], Abzhaparova L.[3]
*[1]Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan
[2]International Information Technology University, Almaty, Kazakhstan
[3]Narxoz University, Almaty, Kazakhstan

Abstract. This study examines the relationship between the evolution of China's foreign policy in Central Asia and the transformation of Kazakhstan's image in leading Chinese media. The empirical corpus comprises 653 publications about Kazakhstan published in People's Daily (including its overseas edition), Xinhua Daily Telegraph, and Global Times between 2013 and 2025, together with Chinese policy documents concerning Central Asia. The study combines qualitative content analysis with critical discourse analysis. The findings reveal a pronounced alignment between political and media agendas: the thematic structure of coverage corresponds substantially to major foreign-policy priorities, official political concepts function as narrative resources, and shifts in the foreign-policy agenda temporally coincide with changes in representations of Kazakhstan. On this basis, the article proposes an integrative framework of "political embeddedness," expressed as the sequence "foreign-policy agenda → political discourse → media representation → formation and transformation of country image." Unlike the authors' previous study based on the same corpus, which focused on the characteristics of Kazakhstan's media image and its relevance to bilateral interaction, the present article reverses the analytical direction and examines how the foreign-policy framework is associated with media themes, discourse, and diachronic image change. The results support a plausible mechanism of political-media alignment but do not by themselves establish strict causality.

Keywords: Kazakhstan; Chinese media; national image; China's foreign policy in Central Asia; political discourse; image formation mechanism

Информация об авторах:

Дин Циньпин – докторант кафедры международных отношений и мировой экономики Казахского национального университета имени аль-Фараби, г. Алматы, Казахстан, https://orcid.org/0009-0001-9362-7472, электронная почта: din_tsinpin@live.kaznu.kz; 815693234@qq.com

Мұқан Сәкен Мұқанұлы – доктор философии (Ph.D) по международным отношениям, профессор кафедры медиа коммуникации и гуманитарных наук Международного университета информационных технологий, г. Алматы, Казахстан, https://orcid.org/0000-0003-0652-2806, электронная почта: s.mukan@iitu.edu.kz

Абжапарова Лаура Жексембаевна - доктор философии (Ph.D) по международным отношениям, ассоциированный профессор Школы права и государственного управления университета Нархоз, г. Алматы, Казахстан, https://orcid.org/0009-0004-3045-3649, электронная почта: zheksembaevnalaura@gmail.com

Авторлар туралы мәлімет:

Дин Циньпин – Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университетінің халықаралық қатынастар және әлемдік экономика кафедрасының докторанты, Алматы, Қазақстан, https://orcid.org/0009-0001-9362-7472, электрондық пошта: din_tsinpin@live.kaznu.kz; 815693234@qq.com

Мұқан Сәкен Мұқанұлы – халықаралық қатынастар бойынша философия докторы (Ph.D), Халықаралық ақпараттық технологиялар университетінің медиакоммуникация және гуманитарлық ғылымдар кафедрасының профессоры, Алматы қаласы, Қазақстан, https://orcid.org/0000-0003-0652-2806, электрондық пошта: s.mukan@iitu.edu.kz

Абжапарова Лаура Жексембайқызы - халықаралық қатынастар бойынша философия докторы (Ph.D), Нархоз университетінің Құқық және мемлекеттік басқару мектебінің қауымдастырылған профессоры, Алматы қаласы, Қазақстан, https://orcid.org/0009-0004-3045-3649, электрондық пошта: zheksembaevnalaura@gmail.com

Information about the authors:

Ding Qinping – PhD candidatein International Relations Department of International Relations and World Economy, Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan, https://orcid.org/0009-0001-9362-7472, e-mail: din_tsinpin@live.kaznu.kz; 815693234@qq.com

Saken Mukan – PhD in International Relations, Professor, Department of Media Communications and Humanities, International Information Technology University, Almaty, Kazakhstan, https://orcid.org/0000-0003-0652-2806, e-mail: s.mukan@iitu.edu.kz

Laura Abzhaparova - PhD in International Relations, Associate Professor, School of Law and Public Administration, Narxoz University, Almaty, Kazakhstan, https://orcid.org/0009-0004-3045-3649, e-mail: zheksembaevnalaura@gmail.com

Статья поступила / Мақала түсті / Received: 14.04.2026.
Принята к публикации / Жариялауға қабылданды / Accepted: 28.09.2026.

УДК 327
МРНТИ 11.25.19
https://doi.org/10.48371/ISMO.2026.65.3.005

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ ЯПОНИИ В УСЛОВИЯХ СОПЕРНИЧЕСТВА США И КИТАЯ: ВЫЗОВЫ ИНДО-ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА

* Кабидоллаев Т.М.[1], Султанбаева Г.С.[2]
*[1,2]Казахский университет международных отношений и мировых языков имени Абылай хана, Алматы, Республика Казахстан

Аннотация. Японское государство проделало уникальный исторический путь и оказалось в условиях доселе невиданных. Будучи главным союзником США в Индо-Тихоокеанском регионе, Япония, тем не менее, умело балансирует ради поддержания статус-кво, сотрудничая и торгуя с главным игроком Восточной Азии – КНР, с одной стороны, с другой – поддерживает квазигосударственное образование под названием Тайвань, который в свою очередь полностью рассчитывает на своих патронов в виде всё той же Японии и США в плане обеспечения своей обороны. Однако, не всё так однозначно, как может показаться на первый взгляд, в самом альянсе идёт негласное экономическое соперничество за главный ресурс XXI века – полупроводниковую промышленность. По сути, это и является камнем преткновения для стабилизации в регионе, отодвигая все политические стороны вопроса на второй план. Как оказалось, Нынешний веток нестабильности на Ближнем Востоке добавил ещё больше противоречий в баланс сил в регионе, а его первопричины, по всей видимости, будут иметь долгосрочные политические последствия для тех, кто уже давно наблюдает и анализирует способность США поддерживать статус первой державы в мире.

Непосредственной целью данного исследования является определение геополитической нестабильности, включая напряженность на Ближнем Востоке и участие США в конфликтах, на трансформацию стратегических приоритетов Японии. Анализируется роль Индо-Тихоокеанского региона как ключевого пространства конкуренции, а также возможные сценарии изменения экономических и валютных ориентиров Японии.Научнаяновизна данной работы наглядно проявляется в анализе корректировки внешнеполитических приоритетов Японии; За методологическую основу исследования взяты общенаучные методы анализа для систематизации теоретических подходов к изучению геополитической стратегии Японии для последующих выявлений ключевых факторов её влияния на негласный статус-кво в регионе.

Ключевые слова: Япония, США, КНР, Индо-Тихоокеанский Регион, система международных отношений, интересы держав, геополитический баланс, альянсы

Введение

Как известно, нынешняя система международных отношений переживает этап глубокой трансформации, в условиях формирования нового мирового порядка. Данная тенденция наиболее отчётливо проявляется в Индо-Тихоокеанском регионе. В текущем положении, Япония выступает одним из ключевых акторов, чья внешнеполитическая стратегия приобретает всё более комплексные и многовекторные очертания. В условиях нарастающей геополитической турбулентности и усиления геополитической конкуренции между ведущими мировыми державами, такими как КНР и США, Япония оказывается в положении, где от ей необходимо переосмыслить свою роль в региональной системе международных отношений. Нынешняя японская администрация находится в активном поиске новых стратегических подходов, целью которых является обеспечение устойчивости и безопасности в постоянно изменяющейся международной обстановке.

Наиболее высокое значение в формировании внешнеполитической стратегии Японии играет фактор стратегического соперничества между Соединенными Штатами Америки и Китайской Народной Республикой. Обе державы, прямо или опосредованно влияют на архитектуру безопасности Японии, а также на состояние экономики всех стран в регионе. Эскалация напряжённости вокруг острова Тайвань, сопровождается ростом военного присутствия обеих сторон, а технологическая конкуренция и торговые противоречия, ставят Японию в положение, где от неё требуется соблюдать баланс между союзническими обязательствами перед США и необходимостью поддержания прагматичных отношений с КНР, как ключевого экономического партнёра в Восточной Азии. Соответственно, в данных условиях внешняя политика Японии приобретает явные черты адаптивности, даже гибкости, всё для того, чтобы минимизировать риски и сохранить собственные экономические мощи и смоделировать будущую политическую стратегию.

Как итог, в расчёты Японии также входит преодоление кризисных явлений внутри самой страны, а обострение ситуации вокруг Ирана и вовлечённость США в ближневосточные конфликты отнюдь не способствую прагматическому подходу премьера Такаити.

Описание материалов иметодов

Современная структура системы международных отношений, интересна проявлением всё более нарастающей конкуренцией ведущих

центров принятия решения в Индо-Тихоокеанском регионе, а также формированием многополярного миропорядка. Тем самым, исследование внешнеполитической стратегии Японии требует применения комплексного и многостороннего подхода. В ходе текущего исследования были рассмотрены теоретико-аналитические труды многих авторов, которые отражают как реалистические, так и иные подходы международных процессов, что в свою очередь помогло выявить одни из ключевых факторов, определяющих стратегию государств в условиях их соперничества. Особое внимание было уделено анализу взаимодействия между США и КНР, так как обе державы являются системообразующими элементами современной международной повестки. Обе сверхдержавы, в свою очередь, оказывают прямое влияние на формирование уже внешнеполитических приоритетов самой Японии. Благодаря применению причинно-следственного анализа позволило углублённо рассмотреть механизмы адаптации японской стратегии к постоянно изменяющимся геополитическим условиям, а также выявить прямую взаимосвязь между глобальными кризисами и региональными трансформациями.

Благодаря методологической базе этого исследования, удалось проанализировать внешнюю политику Японии, описав её как динамичную и многоуровневую конструкцию, которая формируется под влиянием совокупности множества политических, экономических, военных и институциональных факторов. Одним из ключевых элементов теоретического анализа стало критическое переосмысление и обобщение научной литературы по данной тематике. Именно она и помогла выявить существующие концептуальные модели, объясняющие стратегическое поведение государств в условиях усиливающейся глобальной конкуренции. Данный подход обеспечил возможность довольно комплексного взгляда в области международных отношений, безопасности и геоэкономики, в том числе включая вопросы устойчивости и трансформации военных альянсов и эволюцию мировой архитектуры ФРС. Как итог, был сформирован целостный аналитический макет, позволяющий определить конкретное место, которое занимает Япония в современной системе международных отношений.

Эмпирическую основу работы составил метод кейс-стади, который в свою очередь базируется на исследовании конкретных кейсов, таких как политика США, активность КНР вокруг Тайваня, полупроводниковый сектор государств описываемого региона. Выбор обусловлен тем, что данные направления являются критическими точками пересечения интересов безопасности и экономической стабильности Японии в период 2024–2026 гг. Использование эмпирических данных, в частности, результатов социологических опросов PewResearchCenter и макроэкономических показателей цепочек поставок, в свою очередь позволило верифицировать гипотезу о переходе Токио к более автономной стратегии хеджирования рисков.

В рамках предложенного методологического контура обработка эмпирического материала осуществлялась посредством контент-анализа официальных стратегических документов, включая Стратегию национальной безопасности государства Япония, а также сравнительного анализа статистических показателей двусторонней торговли в высокотехнологичной сфере. Данный инструментарий позволил сопоставить декларативный уровень внешней политики Токио с реальными экономическими шагами правительства по релокации производственных мощностей и диверсификации цепочек поставок. Систематизация качественных и количественных данных обеспечила верификацию промежуточных выводов исследования, продемонстрировав, что институциональные изменения в секторе микроэлектроники, таких крупных технологических гигантов как Fujitsu и Rapidus, которые в свою очередь выступают не как изолированные экономические таргеты, а ключевые элементы комплексной оборонной стратегии хеджирования рисков в условиях биполярного соперничества Вашингтона и Пекина.

Для верификации масштабов и направленности финансовой компоненты новой военной доктрины Токио наиболее релевантным выступает метод структурно-функционального анализа государственных расходов в сочетании со сравнительно-историческим подходом. Применение данного инструментария позволяет не просто зафиксировать количественный рост ассигнований, но и детально дифференцировать их функциональное распределение между закупками наступательных вооружений, финансированием научно-исследовательских разработок в сфере искусственного интеллекта и поддержанием классической инфраструктуры сил самообороны. В результате Токио преобразует свои финансовые возможности в реальный геополитический потенциал, последовательно превращаясь из регионального экономического лидера в полноценного военно-политического игрока, способного самостоятельно сдерживать ключевые угрозы в Индо-Тихоокеанском регионе.

Можно констатировать, что метод кейс-стади позволил проанализировать конкретные примеры из современной международной практики, такие как эволюция американской политики в Индо-Тихоокеанском регионе, усиление военной активности Китая в районе Тайваня, а также развитие экономических инструментов влияния, включая расширение использования национальных валют других стран.

Результаты

В связи с геополитическими авантюрами США в отношении Ближнего Востока и Ирана, в частности, также, как и заметная неготовность

администрации Трампа вести затяжные конфликты, официальные союзники США в регионе (Япония, Южная Корея, Тайвань) пересмотрели свой кредит доверия к США и их гарантиям безопасности. Тем самым, в текущих условиях, когда формирование многополярной системы международных отношений ещё находится в зачатке, Япония начинает всё более активно рассматривать возможность диверсификации своих внешнеполитических связей и экономических активов, что проявляется в её осторожном углублении во взаимодействии с КНР и другими региональными игроками, что демонстрирует стремление официального Токио к адаптации к новым условиям глобальной конкуренции и, в целом, к нестабильной и напряжённой обстановке в мире.

Новая геополитическая реальность.

Что показательно, современная геополитическая ситуация в мире характеризуется нарастающей фрагментацией союзнических отношений и характерной для подобных периодов турбулентности переоценкой традиционных механизмов коллективной безопасности. В частности, ярким проявлением подобной тенденции стали недавние заявления руководства США, в которых Дональд Трамп подвергнул критике ограниченную вовлечённость некоторых союзников США в текущий конфликт на Ближнем Востоке, явно намекая на то, что им следовало бы чётче обозначить свою позицию касаемо Исламской Республики Иран и проявить хотя бы символическую поддержку своему главному гаранту безопасности. Как правило, подобная риторика свидетельствует о трансформации восприятия союзничества как такового. При этом акцент уходит от общих принципов коллективной ответственности к простому ожиданию взаимной и немедленной поддержки в кризисных ситуациях. Япония, Южная Корея и Австралия оказались в сложной ситуации, где от них требуется соблюсти баланс между собственными национальными интересами и союзническими обязательствами перед США.

В тот же время, самой администрацией Трампа усиливается дискуссия о перераспределении ответственности в рамках военно-политических альянсов, и в целом, о степени участия союзных государств в обеспечении глобальной безопасности. Имея значительное военное присутствие за рубежом, в том числе в Восточной Азии, США ожидает более активной поддержки со стороны союзников, что в свою очередь, непосредственно влияет на изменение характера стратегических отношений. Старая система умирает, новая ещё не родилась.

На этом фоне возрастает стратегическое значение региональных факторов, включая контроль над ключевыми транспортными артериями, такими как Ормузский пролив, который рассматривается всем мировым сообществом как критически важный элемент мировой энергетической безопасности. Как итог, данные процессы формируют новую

геополитическую реальность современности, уже в рамках которой, союзнические связи становятся всё менее устойчивыми, а государства, включая ту же Японию, всё чаще вынуждены адаптировать свою внешнюю политику к условиям текущей неопределённости и усиливающейся конкуренции. В общем и целом, можно констатировать, что снижение предсказуемости в международной среде безопасности - является общемировым трендом геополитики.

Экономические вызовы для Японии, США и Китая.

Текущие экономические процессы в Индо-Тихоокеанском регионе всё в больше определяются стремлением государств региона к укреплению цифрового и промышленного суверенитета своих экономик. К примеру, японская Fujitsu предприняла попытку создания собственных решений в области искусственного интеллекта, включая разработку специализированных вычислительных устройств на базе нейропроцессоров и центральных процессоров. Данная ставка технологического гиганта на развитие японских мощностей в сфере ИИ – на самом деле отражает более широкую стратегию Японии, направленную на снижение зависимости от внешних поставщиков критически важных технологий. Та же японская Rapidus, которая при поддержке IBM планирует более углубленное освоение передовых технологических процессов, в действительности не просто развивает свой бизнес, а формирует новую японскую индустрию, ориентированную, в первую очередь, на восстановление национальной конкурентоспособности в сфере микроэлектроники.

Одновременно с этим, усиливается давление на глобальные цепочки поставок высокотехнологичной продукции, что в свою очередь уже связано с ограничительными мерами со стороны КНР в отношении экспорта стратегически важных для самого Китая ресурсов. На сегодняшний день, что галлий, что германий - являются критически значимыми для производства полупроводников и электронной продукции. Это уже не просто материал или ресурс, а объект геоэкономического влияния. Однако, введение экспортных ограничений усиливает неопределённость на мировых рынках и способствует прямому росту цен на электронику и микроэлектронику, вместе с тем создавая предпосылки для перераспределения производственных мощностей и поиска альтернативных источников галлия и германия. Данный казус опосредованно создаёт условия для трансформации глобальных цепочек поставок государств региона, включая Японию. Правительства вынуждены адаптироваться, пересматривать свои экономические стратегии, усиливать внутренние производственные возможности и диверсифицировать внешнеэкономические связи со всем миром.

Активируется и инвестиционная деятельность, в частности в секторе производства полупроводников. Тайваньский TSMC уже давно реализует масштабные проекты на территории Японии, включая строительство

высокотехнологичных производственных мощностей, используя передовые технологические процессы. Поддержка подобных инициатив со стороны США и властей Тайваня свидетельствует о формировании транснациональных производственных альянсов, ориентированных на удовлетворение растущего рыночного спроса на решения в области ИИ. Все эти процессы отражают нарастание технологической конкуренции и усиления зависимости региона от цепочек поставок, что создаёт новые экономические вызовы для государств в условиях современной глобальной нестабильности.

Территориальный вопрос.

Территориальный вопрос также остаётся одним из ключевых источников напряжённости в Индо-Тихоокеанском регионе. Именно он и оказывает существенное влияние на стратегическое поведение государств-акторов. Наиболее явно территориальный вопрос возникает в контексте складывающейся ситуации вокруг острова Тайвань, территория которого контролируется так называемой Китайской Республикой. Китайская Народная Республика, в свою очередь, рассматривает остров как неотъемлемую часть своей исконной территории. Усиливая военное давление, КНР активизирует действия в так называемой "серой зоне", а также использует экономические инструменты воздействия, что свидетельствует о стремлении официального Пекина изменить существующий статус-кво в Тайваньском проливе. Сам Тайвань же предпринимает усиленные действия по укреплению собственной обороноспособности и расширению международной поддержки для большего признания себя как независимого субъекта. Заявления президента США Дональда Трампа и председателя КНР Си Цзиньпина о текущем положении вокруг острова Тайвань способствуют дальнейшей интернационализации конфликта и повышают его значимость в глобальной политической повестке.

Для Японии же, территориальные споры в регионе имеют не только политическое, но и стратегическое значение, так как потенциальная эскалация вокруг острова Тайвань напрямую затрагивает национальную безопасность страны восходящего солнца. Сама географическая близость японских островов к зоне потенциального конфликта, вместе с наличием собственных территориальных разногласий с КНР, усиливают восприятие нависшей угрозы. В подобных условиях, официальный Токио начинает всё более активно вовлекаться в региональные процессы безопасности, стараясь усилить сотрудничество с союзниками и одновременно пробует адаптировать свою внешнеполитическую стратегию к растущей неопределённости. Тем самым, территориальные споры в регионе являются не только источником региональной нестабильности, но и непосредственным катализатором трансформации внешнеполитического курса Японии.

Будущее региона, новый баланс сил.

Формирующийся баланс сил в Индо-Тихоокеанском регионе является индикатором постепенного перехода от однополярной модели к более многовекторной, более сложной системе взаимодействия между государствами. В подобных условиях, Япония последовательно начала выстраивать свою многоуровневую стратегию, которая предполагает новое военно-политическое и экономическое видение себя в этом мире. Не последнюю роль в этом процессе играют механизмы углубления сотрудничества с партнёрами Японии в регионе. Например, у Японии существует соглашения о взаимном доступе и взаимодействии в сфере безопасности, помимо этого страна участвует в различных форматах сотрудничества, такими как объединение союзников НАТО в Индо-Тихоокеанском регионе. Одновременно с этим, Япония активно продвигает экономическую интеграцию через инициативы по примеру «CPTPP» [1] и «RCEP» [2], а также расширяет стратегическое партнёрство со странами Европейского союза, формируя тем самым широкую сеть связей, направленных в первую очередь на снижение зависимости от определённых центров силы.

Вместе с тем, будущее региона во многом определяется динамикой соперничества между США и КНР, в рамках которого Япония стремится занять позицию активно балансирующего игрока. С одной стороны, у Японии есть опора на союз с США, как на ключевой элемент безопасности, и всё же с другой стороны, возрастает всё более явная необходимость выстраивания прагматичных экономических отношений с соседом по региону в виде Китая. Профессор Международного христианского университета (Токио) StephenNagy в своей статье «Japan'sPlaceinModeratingthe U.S.-ChinaStrategicCompetiti onintheIndo-Pacific» отмечает следующее: «Силовая политика в Индо-Тихоокеанском регионе, анализируемая с точки зрения национальных интересов и межгосударственных взаимодействий, открывает перед Японией возможность содействовать укреплению международного порядка, основанного на принципе верховенства права, в противовес макиавеллистской логике, предполагающей доминирование силы над правом» [3].

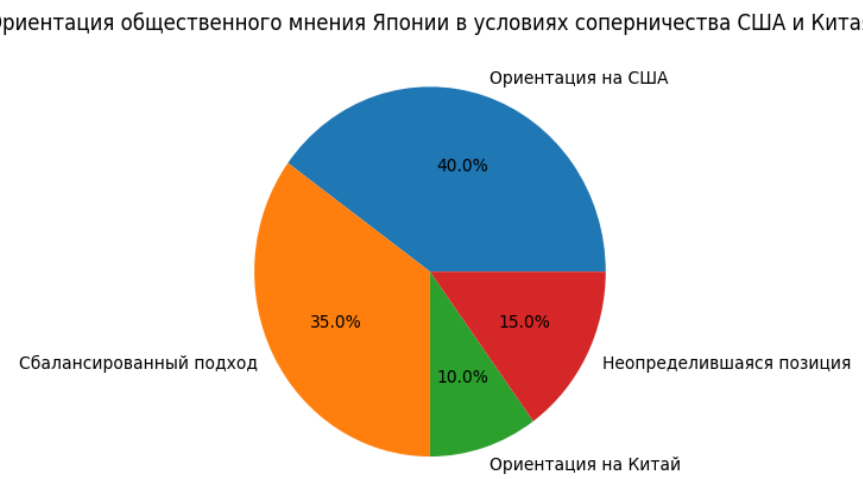

График1. Ориентация общественного мнения Японии в условиях соперничества США и Китая.

График основан на данных международного социологического исследования - «PewResearchCenter. ViewsofChina» – 2023 [4].

Обсуждение

Для более наглядной и разносторонней оценки внешнеполитической стратегии Японии формируемой под влиянием соперничества между США и Китаем, необходимо привести официальные стратегические документах страны. Так в «NationalSecurityStrategyofJapan» подчёркивается необходимость укрепления обороноспособности и повышения устойчивости к внешним угрозам [5], в то время как концепция «FreeandOpenIndo-Pacific» ориентирована на формирование открытого и основанного на правилах регионального порядка [6]. При этом союзнические отношения с США продолжают рассматриваться как краеугольный элемент национальной безопасности, несмотря на «возникающие вызовы и необходимость адаптации к изменяющейся роли Вашингтона в глобальной политике» [7]. Как отмечается в аналитических докладах, союз Японии и США проходит своего рода «стресс-тест», в рамках которого выявляются как риски, так и новые возможности для его трансформации [8]. В этих условиях Япония стремится сохранить баланс между стратегической зависимостью от США и необходимостью выстраивания более автономной внешнеполитической линии. Одновременно наблюдается усложнение отношений Японии с Китаем, что обусловлено как территориальными спорами, так и различиями в подходах к региональной безопасности, включая ситуацию вокруг Тайваня. Усиление напряжённости в двусторонних отношениях, зафиксированное в рамках дипломатического кризиса 2025 года, сопровождается ухудшением экономического взаимодействия и ростом политической конфронтации [9; 10].

Заключение

Суммируя всё вышесказанное, можно выдвинуть тезис о том, что трансформация внешнеполитической стратегии Японии отражает не столько реакцию на определённые кризисы, сколько адаптацию к резким изменениям мировой политической структуры. Пока что ещё холодная эскалация между США и Китаем, в основном с сфере тарифов и экономики, конструирует новую архитектуру международных отношений, в которой место традиционных механизмов союзничества и баланса сил, уступает вечно неопределённости завтрашнего дня. Однако, именно в подобных условиях Япония постепенно отходит от роли пассивного участника, встроенного в стратегию США по Индо-Тихоокеанскому региону, примеряя на себя более самостоятельную и проактивную политику, способную совмещать элементы сдерживания, экономической дипломатии и регионального институционального строительства. Одной из ключевых особенностей данной трансформации является стремление не к выбору между центрами силы (Пекин, Вашингтон), а к собственному управлению рисками, возникающими в результате конфронтации гегемонов.

В перспективе это может привести к формированию совершенно новой модели внешней политики, которая сочетала бы в себе элементы стратегического сдерживания и ограниченного сотрудничества. Другим фактором становится усиление роли средних игроков и региональных коалиций, что в свою очередь способствует размыванию жёсткой двуполярной обстановки. Таким образом, уже сама Япония получает возможность не только к адаптации, но и к изменению геополитической среды в которой она существует. Активно участвуя в формировании нового регионального устройства, Япония тем самым способна заложить основу для многосторонней экономической взаимозависимости и поддержания баланса сил в сфере вокруг себя.

Но стоит учесть, что при всё при этом Япония выступает не только как объект влияния глобальных процессов, но и как субъект, способный влиять на правила игры. Премьер Такаити, продвигая принципы устойчивости, взаимозависимости и верховенства права, в условиях нарастающей неопределённости, умело находится между центрами силы, что может привнести наибольший потенциал для формирования нового очертания центра силы, что делает японский опыт особенно значимым для понимания будущего Индо-Тихоокеанского региона.

ЛИТЕРАТУРА

[1] Всеобъемлющее и прогрессивное соглашение о Транстихоокеанском партнёрстве – Режимдоступа:ru.wikipedia.org/wiki/Всеобъемлющее_и_прогрессивное_соглашение_о_Транстихоокеанском_партнёрстве

[2] Всестороннее региональное экономическое партнёрство –

Режимдоступа:https://ru.wikipedia.org/wiki/Всестороннее_региональное_экономическое_партнёрство

[3] Stephen Nagy «Japan's Place in Moderating the U.S.-China Strategic Competition in the Indo-Pacific» –Режимдоступа:https://nagystephen.com/2025/11/06/japans-place-in-moderating-the-u-s-china-strategic-competition-in-the-indo-pacific/

[4] A Stress Test for Resilience: Risks & Opportunities for the U.S.-Japan Alliance. Asia Society, 2025. URL: https://asiasociety.org/policy-institute/stress-test-resilience-risks-opportunities-us-japan-alliance

[5] 2025 China–Japan diplomatic crisis. Wikipedia. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/2025_China%E2%80%93Japan_diplomatic_crisis.

[6] Escalating Japan-China Tensions: Insights from the Past and Prospects for the Future. CSIS, 2025. URL: https://www.csis.org/analysis/escalating-japan-china-tensions-insights-past-and-prospects-future

[7] China says trade cooperation with Japan 'severely damaged' by Taiwan comments. Reuters, 2025. URL: https://www.reuters.com/world/china/china-says-trade-cooperation-with-japan-taken-great-hit-2025-11-20/

[8] China–Japan relations (trade data 2024–2025). Wikipedia / OEC. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/China%E2%80%93Japan_relations

[9] Japan Narrows Ambiguity on a Taiwan Contingency. Formosan Association for Public Affairs, 2025. URL: https://fapa.org/2025-1124-senate-passes-taiwan-assurance-implementation-act-new-u-s-arms-sales-to-taiwan-japan-narrows-ambiguity-on-a-taiwan-contingency/

[10] U.S. State Department reaffirms Japan alliance, Taiwan Strait stability. Focus Taiwan, 2025. URL: https://focustaiwan.tw/politics/202511210006

REFERENCES

[1] WolffA.WhenTheTerrorBegan–Rezhimdostupa:URL:https://time.com/archive/ Comprehensive and Progressive Agreement for Trans-Pacific Partnership - https://en.wikipedia.org/wiki/Comprehensive_and_Progressive_Agreement_for_Trans-Pacific_Partnership

[2] Regional Comprehensive Economic Partnership - https://en.wikipedia.org/wiki/Regional_Comprehensive_Economic_PartnershipSullivanC.GSG9.//EncyclopediaBritannica.–December2023. – Rezhimdostupa: URL: https://www.britannica.com/topic/GSG-9 – (data obrashhenija 02.03.2026).

[3] Stephen Nagy «Japan's Place in Moderating the U.S.-China Strategic Competition in the Indo-Pacific» –Режимдоступа:https://nagystephen.com/2025/11/06/japans-place-in-moderating-the-u-s-china-strategic-competition-in-the-indo-pacific/

[4] A Stress Test for Resilience: Risks & Opportunities for the U.S.-Japan Alliance. Asia Society, 2025. URL: https://asiasociety.org/policy-institute/stress-test-resilience-risks-opportunities-us-japan-alliance

[5] 2025 China–Japan diplomatic crisis. Wikipedia. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/2025_China%E2%80%93Japan_diplomatic_crisis.

[6] Escalating Japan-China Tensions: Insights from the Past and Prospects for the Future. CSIS, 2025. URL: https://www.csis.org/analysis/escalating-japan-china-tensions-insights-past-and-prospects-future

[7] China says trade cooperation with Japan 'severely damaged' by Taiwan comments. Reuters, 2025. URL: https://www.reuters.com/world/china/china-says-trade-cooperation-with-japan-taken-great-hit-2025-11-20/

[8] China–Japan relations (trade data 2024–2025). Wikipedia / OEC. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/China%E2%80%93Japan_relations

[9] Japan Narrows Ambiguity on a Taiwan Contingency. Formosan Association for Public Affairs, 2025. URL: https://fapa.org/2025-1124-senate-passes-taiwan-assurance-implementation-act-new-u-s-arms-sales-to-taiwan-japan-narrows-ambiguity-on-a-taiwan-contingency/

[10] U.S. State Department reaffirms Japan alliance, Taiwan Strait stability. Focus Taiwan, 2025. URL: https://focustaiwan.tw/politics/202511210006

ЖАПОНИЯНЫҢ СЫРТҚЫ САЯСАТ СТРАТЕГИЯСЫ АҚШПЕН ҚЫТАЙ БӘСЕКЕЛЕСТІГІ ЖАҒДАЙЫНДА: ҮНДІ-ТЫНЫҚМҰХИТЫ АЙМАҒЫНЫҢ СЫН-ҚАТЕРЛЕРІ

*Қабидолла Т.М.[1], Султанбаева Г.С.[2]
*[1,2]Абылайхан атындағы Қазақ халықаралық қатынастар және әлем тілдері университеті, Алматы, Қазақстан

Аңдатпа. Жапония мемлекеті бірегей тарихи жолдан өтіп, бұрын-соңды болмаған геосаяси жағдайларға тап болды. Үнді-Тынықмұхиты аймағындағы АҚШ-тың негізгі одақтасы бола отырып, Жапония бір жағынан Шығыс Азиядағы басты ойыншы – Қытай Халық Республикасымен экономикалық және сауда қатынастарын сақтай отырып, екінші жағынан Тайваньмен ынтымақтастық орнату арқылы аймақтағы тепе-теңдікті ұстап тұруға ұмтылады. Тайвань өз кезегінде қауіпсіздік мәселесінде Жапония мен АҚШ-қа арқа сүйейді. Алайда бұл қатынастар бір мәнді емес, себебі одақ шеңберінде XXI ғасырдың негізгі ресурсы – жартылай өткізгіштер өнеркәсібі үшін жасырын экономикалық бәсекелестік байқалады. Дәл осы фактор аймақтағы тұрақтылықты қамтамасыз етудегі басты кедергілердің бірі болып отыр, ал саяси аспектілер екінші кезекке ысырылуда. Сонымен қатар, Таяу Шығыстағы қазіргі тұрақсыздық толқыны аймақтық күштер тепе-теңдігіне қосымша қысым түсіріп, АҚШ-тың жаһандық жетекші держава ретіндегі рөлін сақтау қабілетіне қатысты сұрақтарды күшейтуде.

Зерттеудің негізгі мақсаты – геосаяси тұрақсыздықтың, соның ішінде Таяу Шығыстағы шиеленістер мен АҚШ-тың қақтығыстарға қатысуының Жапонияның стратегиялық басымдықтарының трансформациясына

ықпалын анықтау болып табылады. Үнді-Тынық мұхиты аймағы бәсекелестіктің негізгі кеңістігі ретінде қарастырылып, Жапонияның экономикалық және валюталық бағдарларының өзгеру мүмкіндіктері талданады. Зерттеудің ғылыми жаңалығы Жапонияның сыртқы саяси басымдықтарының өзгеруін кешенді талдауда көрінеді. Әдіснамалық негіз ретінде жалпы ғылыми талдауәдістері қолданылып, Жапонияның геосаяси стратегиясын зерттеудегі теориялық тәсілдерді жүйелеу және оның аймақтық статус-квоғаықпал ететін негізгі факторларды анықтау жүзеге асырылды.

Тірек сөздер: жаңа әлемдік тәртіп, Жапония, АҚШ, Қытай Халық Республикасы, Үнді-Тынық мұхиты аймағы, халықаралық қатынастар жүйесі, державалардың мүдделері, идеологиялық негіз, геосаяси тепе-теңдік, заманауи сын-қатерлер, одақтар

JAPAN'S FOREIGN POLICY STRATEGY IN THE CONTEXT OF U.S.-CHINA RIVALRY: CHALLENGES OF THE INDO-PACIFIC REGION

*Kabidollayev T.[1], Sultanbayeva G.[2]
*[1,2]Kazakh Ablai Khan University of International Relationsand World Languages, Almaty, Kazakhstan

Abstract. Japan has undergone a unique historical trajectory and now finds itself in unprecedented geopolitical conditions. As a key ally of the United States in the Indo-Pacific region, Japan simultaneously maintains economic cooperation and trade relations with the People's Republic of China, the leading actor in East Asia, while also supporting Taiwan, a quasi-state entity that relies heavily on Japan and the United States for its security. However, these relationships are far from straightforward. Within the alliance framework, there is an implicit economic competition for the most critical resource of the 21st century – the semiconductor industry. This factor has become a major obstacle to regional stability, pushing political considerations into the background. Furthermore, the current wave of instability in the Middle East has introduced additional contradictions into the regional balance of power, raising broader questions about the long-term capacity of the United States to maintain its position as the leading global power.

The primary objective of this study is to assess the impact of geopolitical instability, including tensions in the Middle East and U.S. involvement in conflicts, on the transformation of Japan's strategic priorities. The Indo-Pacific region is analyzed as a key arena of competition, along with potential scenarios for shifts in Japan's economic and monetary orientations. The scientific novelty of this research lies in its comprehensive analysis of adjustments in Japan's foreign policy priorities. The methodological framework is based on general scientific methods of analysis, aimed at systematizing theoretical approaches to Japan's

geopolitical strategy and identifying the key factors influencing the implicit regional status quo.

Key words: new world order, Japan, United States, China, Indo-Pacific region, international relations system, great power interests, ideological foundations, geopolitical balance, contemporary challenges, alliances

Информация об авторах:

Кабидоллаев Темирлан Маратович – магистр социальных наук по специальности «Международные Отношения», докторант – PhD программы «8D03121 – Международные отношения», Казахский университет международных отношений и мировых языков имени Абылай хана, Алматы, Республика Казахстан, e-mail: temirlan.kabidollayev@gmail.com

Султанбаева Гулмира Серикбаевна – доктор политических наук, доцент, директор научного центра гуманитарных исследований «Медиасфера», профессор кафедры печати и электронных СМИ КазНУ имени аль-Фараби.e-mail:gulmira.sultanbayeva@kaznu.kz

Авторлар туралы мәлімет:

Қабидолла Темрлан Маратұлы – «Халықаралық қатынастар» мамандығы бойынша әлеуметтік ғылымдар магистрі, «8D03121 – Халықаралық қатынастар» PhD докторантура бағдарламасының докторанты, Абылай хан атындағы Қазақ халықаралық қатынастар және әлем тілдері университеті, Алматы, Қазақстан Республикасы, e-mail: temirlan.kabidollayev@gmail.com

Сұлтанбаева Гүлмира Серікбайқызы – саясат ғылымдарының докторы, доцент, «Медиасфера» гуманитарлық зерттеулер ғылыми орталығының директоры, әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университетінің баспа және электронды БАҚ кафедрасының профессоры, e-mail: gulmira.sultanbayeva@kaznu.kz

Informationabouttheauthors:

Kabidollayev Temirlan– Master of Social Sciences in International Relations, PhD candidate of the program “8D03121 – International Relations”, Ablai Khan Kazakh University of International Relations and World Languages, Almaty, Republic of Kazakhstan, e-mail: temirlan.kabidollayev@gmail.com

SultanbayevaGulmira– Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Director of the Scientific Center for Humanities Research “Mediasphere”, Professor at the Department of Print and Electronic Media, Al-Farabi Kazakh National University, e-mail: gulmira.sultanbayeva@kaznu.kz

Статья поступила/Мақала түсті/Received:06.05.2026.
Принята к публикации/Жариялауға қабылданды/Accepted:28.09.2026.

УДК 327
МРНТИ 11.25.40
https://doi.org/10.48371/ISMO.2026.65.3.006

АНАЛИЗ РАЗВИТИЯ ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИ СВЯЗЕЙ И ПЕРЕГОВОРНЫХ ПРАКТИК КАК ФАКТОР УСТОЙЧИВОСТИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ КАЗАХСТАНА

*Омаров М.М.[1]
*[1] Казахский университет международных отношений и мировых языков имени Абылай хана, Алматы, Казахстан

Аннотация. В данной статье рассматривается роль торгово-экономических отношений и переговорной практики в обеспечении устойчивости национальной экономики Республики Казахстан в условиях возрастающей геоэкономической неопределенности и трансформации мировой хозяйственной системы. Особое внимание уделяется многовекторной экономической дипломатии Казахстана, направленной на диверсификацию внешнеэкономических связей, расширение географии экспорта, привлечение иностранных инвестиций и развитие сотрудничества с ключевыми международными партнерами. Утверждается, что сочетание многовекторного внешнеполитического курса с прагматичными переговорными стратегиями способствует снижению внешнеэкономических рисков и укреплению адаптационного потенциала национальной экономики. Вместе с тем сохраняющаяся структурная зависимость Казахстана от экспорта сырьевых ресурсов, колебаний мировых цен и внешних рынков продолжает создавать существенные риски для долгосрочной экономической устойчивости. На основе смешанного метода исследования анализируется взаимосвязь между торговой диверсификацией, институциональным потенциалом и эффективностью переговорной практики. Сделан вывод о необходимости дальнейшего совершенствования институтов экономической дипломатии, развития несырьевого экспорта, повышения качества международных переговоров и углубления интеграции Казахстана в региональные и глобальные производственно-сбытовые цепочки.

Ключевые слова: Казахстан, экономическая дипломатия, торгово-экономические отношения, переговорная практика, экономическая устойчивость, многовекторность, диверсификация, внешняя торговля, глобальная интеграция

Финансирование. Данное исследование финансируется Комитетом науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан в рамках проекта «Тенденция экономизации международных отношений и экономическая дипломатия Нового Казахстана» (№ AP23490344).

Введение

С момента получения независимости в 1991 году Казахстан начал государственное строительство с помощью активной стратегии интеграции в мировое экономическое пространство. Торговля и экономическое развитие стали «краеугольным камнем» национального развития, особенно с учетом трендов, связанных с глобализацией, регионализацией и геополитического соперничества. Экономическая модель Казахстана строилась «на трех китах»: экономический рост основанный на экспорте ресурсов, привлечение прямых иностранных инвестиций и стратегическое балансирование между глобальным центрами силы. Однако недавние глобальные вызовы, заключающиеся в глобальной экономической нестабильности и геополитической напряженности, охватившей весь мир. Военные атаки Израиля и США на Иран, привели в блокировке Ормузского пролива, являющегося одним из важнейших логистических узлов мира. Остановка торговых потоков создает угрозу остановки бесперебойной мировой торговли. Мировая экономика и мировой порядок находятся в процессе структурной перестройки, проводимой великими и региональными державами, претендующими на более весомые роли в мировой политике. Все эти факторы продемонстрировали важность устойчивых торговых отношений и эффективных методов ведения переговоров. Следует признать, что государственная дипломатическая деятельность Казахстана оказалась настолько эффективной, что привела к достижению статуса «средней державы», несмотря на относительно небольшую ресурсоемкую экономику, малочисленное население и слабую армию. Целью данной статьи является проанализировать как эти факторы влияют на устойчивость экономики Казахстана.

Экономическая дипломатия Казахстана нацелена на достижение таких целей как торговая экспансия, привлечение инвестиций и доступ к глобальным рынкам через преодоление географического тупика. При этом согласно казахстанским исследователям Байсултановой К.Ч. и ШаймордановойЗ,Д. экономическая дипломатия представляет собой системный механизм продвижения национальных интересов, основанный на многоуровневой нормативной структуре. Эффективность этой сферы напрямую зависит от согласованности международных обязательств и внутренней правовой базы [1].

Экономическая устойчивость включает стабильный экономический рост, который в 2025 году достиг 6,5 %, который стал самым высоким за последние годы [2]. Устойчивая экономика, институциональное развитие, диверсификация экономической структуры и устойчивость к внешним экономическим и геополитическим воздействиям стали основой для успешных переговорных практик Казахстана.

Подтверждением эффективности экономической дипломатии Казахстана стал рост ВВП в 15 раз или на 1400%. В 1991 году уровень ВВП Казахстан был равен $24,9 млрд, в 2026 году ВВП вырос на 1400% или в 15 раз и составил $360,46 млрд ($360 456 000 000) по состоянию на 2026 год, по данным Международного валютного фонда (МВФ) [3].

С точки зрения теорий международных отношений реализм рассматривает экономические связи как инструменты силы, либерализм делает акцент на взаимозависимости и сотрудничестве, а геоэкономика подчеркивает использование экономических инструментов в стратегическом соперничестве и влиянии.

Казахстанская внешняя экономическая политика часто называется «мультивекторной», направленной на балансирование отношений с Китаем, Россией, ЕС, США, Турции и странами Центральной Азии. Такая стратегия позволяет диверсифицировать экономические взаимоотношения и снижает внешнюю зависимость.

Описание материалов и методов

Методология исследования основывается на комплексном подходе к изучению взаимосвязи между торгово-экономическими отношениями, экономической дипломатией, переговорной практикой и устойчивостью национальной экономики Казахстана. Исследовательский дизайн сочетает преимущественно качественные методы анализа с использованием отдельных количественных показателей, позволяющих проследить динамику внешнеэкономического развития страны и выявить основные тенденции его трансформации.

В рамках исследования применяется анализ научной литературы, включающий изучение отечественных и зарубежных работ по проблематике экономической дипломатии, международных экономических отношений, переговорных стратегий, экономической устойчивости и диверсификации внешнеэкономических связей. Особое значение имеет проблемно-хронологический подход, позволяющий рассмотреть эволюцию внешнеэкономической политики Казахстана, определить основные этапы формирования ее многовекторной модели и выявить изменения в характере взаимодействия с ключевыми торговыми и инвестиционными партнерами.

Для оценки экономического измерения исследуемых процессов используется анализ статистических данных, отражающих динамику внешней торговли, структуру экспорта и импорта, географическую диверсификацию торговых потоков, инвестиционное сотрудничество и степень зависимости национальной экономики от внешних рынков. Дополнительно применяется сравнительный анализ, позволяющий сопоставить различные направления внешнеэкономического сотрудничества Казахстана и определить их значение для повышения устойчивости национальной экономики.

Качественный анализ дипломатических и переговорных практик направлен на выявление механизмов, посредством которых международные переговоры, двусторонние и многосторонние соглашения и институциональные форматы экономического взаимодействия способствуют продвижению национальных экономических интересов Казахстана. Особое внимание уделяется взаимосвязи между многовекторной экономической дипломатией, диверсификацией партнерств и способностью государства адаптироваться к внешним экономическим и геополитическим шокам.

Таким образом, сочетание проблемно-хронологического, сравнительного, статистического и качественного методов позволяет комплексно оценить влияние экономической дипломатии и переговорной практики на экономическую устойчивость Казахстана и определить перспективные направления совершенствования внешнеэкономической стратегии страны.

Результаты

Рассмотрим хронологию ключевых экономических этапов развития Казахстана.

В1991-1992 годах началась либерализация экономики сразу после получения независимости. Казахстан объявил курс на построение открытой рыночной экономики, делая акцент развитие экспорта, либерализации цен на товары и остановки вмешательства государства в экономику.

В 1993-1996 годах начались реформы под руководством таких международных институтов, как Международный Валютный Фонд и правительство США. Казахстан Kazakhstan отменяет систему квот и экспортных лицензий для обеспечения финансовых траншей и технической помощи в сфере торговли. [4]

В 1997 году запускается Стратегия 2030. Правительство выпускает долгосрочный план развития, определив его конечную цель в построении независимого, процветающего и устойчивого государства с помощью открытой рыночной экономики с высоким количеством прямых иностранных инвестиций [5].Эта стратегия стала основополагающей для дальнейшего развития экономической дипломатии Казахстана.

В поздних 1990-х годах начинается разворот в сторону экономического этатизма во время которого растут доходы от продажи нефти и снижается нагрузка на бюджет и при этом правительство замедляет либерализацию. Политика начинает поворачиваться в сторону этатизма и протекционизма, сводя на нет предыдущие достижения в сфере экономической децентрализации.

В начале «тучных 2000-х», и по 2007 год сырьевой бум был обусловлен прямыми иностранными инвестициями (ПИИ) в минеральную отрасль и ростом цен, и экономика переживала двухзначный рост. И именно в этот период начинаются углубляющиеся симптомы «Голландской болезни», в которой сверхдоходы от экспорта сырья (в случае Казахстана - нефти

и металлов) вызывают укрепление национальной валюты, что делает неконкурентоспособными остальные отрасли. В итоге происходит деиндустриализация, а экономика становится критически зависимой от импорта.

В 2010-е годы казахстанская внешняя политика активизирует интеграционные процессы и страна запускает инфраструктурные мегапроекты.

С 2007 по 2009 годы разразился мировой финансовый кризис. Банковский кризис и торговый шок вынуждает правительство использовать 10 млрд долларов из Национального Фонда на спасение разоряющихся банков, которые зачастую направлялись через государственные компании, которые, к сожалению, пропали бесследно [6].

В 2010 активизируется региональная интеграция и индустриализация.

Казахстан вступает в Таможенный Союз с Россией и Беларусью и одновременно с этим запускается Государственная программа ускоренного промышленного и инновационного развития (ГПИИР), призванная исправить ранее предпринятые неудачные попытки диверсификации. Первый этап ГПИИР пришелся на 2010 - 2014 годы и был нацелен на форсированное создание базовых условий индустриализации и запуск новых производств, ориентированных на внутренний рынок и расширение экспорта. Второй этап ГПИИР проходил с 2015 по 2019 годы. При этом фокус сместился на поддержку конкурентоспособных и экспортоориентированных производств в сфере обрабатывающей промышленности (так называемая «привязка к отраслям»). Третий этап ГПИИР продолжался с 2020 по 2025 годы. Программа была направлена на усиление индустриализации, повышение производительности труда и насыщение рынка отечественными товарами [7].

В 2012 году принимается Стратегия - 2050, которая стала новой долгосрочной программой, главной целью которой являлось вступление Казахстана в тридцатку самых развитых стран мира с фокусом на экономический прагматизм и конкурентоспособность. В документе были определены главные направления, которые включают в себя экономическую политику на основе прагматизма, поддержку предпринимательства, развитие агропромышленного комплекса, модернизацию транспортной инфраструктуры, развитие инноваций и человеческого капитала, а также повышение эффективности государственного управления [8].

В 2013–2015 годах происходит укрепление позиций в ВТО и ЕАЭС. Казахстан обязался гармонизировать свое законодательство с положениями Протокола о присоединении к ВТО и принимает на себя обязательства по 10 секторам услуг (включая 116 подсекторов из 155 подсекторов, предписанных классификацией ВТО3). Казахстан принимает концепцию «зеленой экономики» в 2013 году [9]. Этот стратегический документ определил

основные направления развития страны, направленные на рациональное использование ресурсов, охрану окружающей среды и устойчивое развитие.

7 сентября 2013 года в своем выступлении в стенах «Назарбаев Университета», в столице Казахстана Астане председатель КНР Си Цзиньпин впервые обнародовал интеграционный проект «Один пояс, один путь» (OneBelt, OneRoad), объединяющий страны по историческому маршруту Великого Шелкового пути, и который был сопряжен с казахстанской инфраструктурной программой «НурлыЖол». Китайская инициатива значительно повысила транзитную привлекательность Казахстана в регионе Евразии. Инициатива правительства КНР стала «краеугольным камнем» экономической и культурной интеграции не только Китая со странами Евразийского региона, Ближнего Востока и Африки [10]. Сопряжение китайской инициативы и инфраструктурной программы «НурлыЖол», позволило Казахстану диверсифицировать торговые пути без оглядки на Россию, усилив позиции многовекторной внешней политики.

2014–2015 годах произошло подписание договора Россией, Беларусью, Казахстаном, Арменией и Кыргызстаном и начал работать Евразийский экономический союз. В современных условиях для Казахстана развитие устойчивых экономических связей с внешними партнерами - важный вектор экономического развития. Однако с 2022 года баланс партнеров сильно изменился. Доля торговли со странами Запада сократилась до 18%, хотя раньше она составляла почти половину торгового оборота ЕАЭС [11]. На сегодня следует признать, что перспективный экономический союз стал обузой для казахстанской экономики, которая также подвергается побочному санкционному воздействию со стороны западных стран после начала специальной военной операции РФ против Украины.

В 2020 году произошло принятие новой Концепции внешней политики Республики Казахстан на 2020–2030 годы. Документ определил основные приоритеты страны, включая многовекторность, прагматизм, защиту национальных интересов, активное участие в международной интеграции и закрепление за Казахстаном статуса «лидирующего государства в регионе Центральной Азии». Особый упор был сделан на развитие всестороннего стратегического партнерства с соседями (Россия, Китай, Центральная Азия) и «равноудаленное» развитие отношений с другими центрами силы (США, ЕС). В новой концепции экономическая дипломатия выводится на новый уровень. В ней сделан акцент на продвижение национальных экономических интересов, привлечение инвестиций и поддержку казахстанского экспорта [12].

Начиная с 2022 года по настоящее время происходит транзит в активному хеджированию. Военный кризис в Украине приводит к переосмыслению геополитических установок, уводя от простого балансирования к проактивному хеджированию снижая влияние и контакты какого-либо единственного центра силы [13].

В течение 2023–2024 годов Китай становится крупнейшим торговым партнером Казахстана с торговым оборотом в 41 млрд долларов. В данном контексте особый акцент был сделан на дальнейшее продвижение совместных экономических и транспортно-логистических проектов, в частности в рамках инициативы «Один пояс – один путь» [14]. Сегодня Китай постепенно занимает не только экономические позиции России в Центральной Азии после запуска инфраструктурного проекта. КНР также постепенно вытесняет Россию с ее традиционной роли главного гаранта региональной безопасности после январских событий в 2022 году, когда российские войска в рамках ОДКБ были выведены из Казахстана после настоятельных требований китайской стороны.

Что касается привлечения иностранных инвестиций и устойчивости, то Казахстан является крупнейшим получателем прямых иностранных инвестиций в Центральной Азии. Согласно докладу, Казахстан по итогам 2025 года стал крупнейшим получателем инвестиций в новые «зеленые» проекты в регионе Северной и Центральной Азии, привлекшим около 19 млрд долларов США. Это на 266% больше, чем годом ранее. На Казахстан пришлось порядка 89% всех внутрисубрегиональных инвестиций в Северной и Центральной Азии, что обеспечило стране безусловное лидерство в регионе. Основная масса инвестиций сосредоточена в энергетическом и добывающем секторах, а также в инфраструктурных проектах [15].

Создание Международного финансового центра «Астана» стало важным институциональным механизмом для привлечения глобальных инвесторов черезпринципы общего права, финансовой либерализации и международного арбитража на основе англосаксконского права [16]. Центр работает как независимая юрисдикция, где нормы гражданского права Казахстана гармонично сочетаются с принципами английского общего права, что обеспечивает инвесторам высокую степень предсказуемости и надежности. При МФЦА работает международный арбитражный центр (МАЦ), который является альтернативным независимым институтом, предоставляющим услуги арбитража и медиации. В этом центре стороны могут самостоятельно выбирать авторитетных арбитров для разрешения коммерческих и гражданских споров. Потенциал финансового центра огромный в перспективе, так как эпицентр мировой экономики в данный момент смещается в восточном направлении с течением времени и именно Евразия станет ключевым регионом в мире.

Согласно данным Азиатского Банка Развития, который признал, что потоки прямых иностранных инвестиций стали возможными благодаря росту ВВП, передаче технологий и интеграции в глобальные цепочки добавленной стоимости [17].

В последние годы Казахстан добился значительных успехов в торгово-экономической сфере, которые сопровождались эффективными

дипломатическими маневрами. Были заключены важные договора с партнерами по геополитическому периметру. Одним из наиболее существенных стал саммит С5+1 проведенный в Вашингтоне в конце 2025 года в ходе которого были подписаны документы высокого уровня на сумму 17 млрд. долларов. В сфере критических минералов США и Казахстан в 2025 году подписали Меморандумы о взаимопонимании с целью диверсификации глобальные цепочки поставок [18].

Двусторонние договоры в сфере энергетики и торговли были заключены между Казахстаном и рядом зарубежных стран. Казахстан и Индия создали «последовательные уровни» сотрудничества в энергетической сфере, включая соглашения о сотрудничестве в области гражданской ядерной энергетики, заключенные начиная с 2009 года, за которыми последовали соглашения о поставках урана в 2015 и 2019 годах, а также новое долгосрочное соглашение о поставках урана и критически важных минералов, оформленное на 2025–2026 годы [19].

Между Казахстаном и Турцией за последние 20 лет были осуществлены 98 совместных проектов на сумму равную 4 млрд долларов. На данный момент еще 50 совместных проектов находятся на стадии выполнения [20].

По результатам государственного визита президента Турции Реджепа Тайипа Ердогана в Казахстан были подписаны несколько важных договоров. Лидеры стран подписали Декларацию о вечной дружбе и расширенном стратегическом партнерстве. Было проведено шестое заседание стратегического Совета, на котором стороны обсудили укрепление взаимодействия. Подтверждена цель довести товарооборот до 15 млрд долларов. Было подписано соглашение о взаимном поощрении и защите инвестиций, а также инвестсоглашение с TAV Holding. Были заключены соглашения о сотрудничестве между НК «КазМунайГаз» и Türkiye Petrolleri Anonim Ortaklığı (нефтесервисные услуги и совместная реализация проектов), также был подписан меморандум между МФЦА и Стамбульской фондовой биржей [21].

Между Казахстаном и Европейским Союзом в 2015 был подписан договор об укреплении партнерства и сотрудничества и действует с 2020 года в качестве главнойосновы для отношений. В 2022 году были подписаны дополнительные соглашения по стратегическому партнерству в сфере устойчивых ресурсов, производства батарей и возобновляемого водорода [22].

В апреле 2026 года Казахстан и Узбекистан договорились принять дорожную карту по активизации экономического сотрудничества, уделяя особое внимание редкоземельным металлам и инициативе по улучшению качества воздуха [23]. Следует отметить, что по итогам 2025 года товарооборот между двумя странами составил 4,8 млрд долларов США, что на 16,2% выше показателей предыдущего года. В структуре торговли

преобладает экспорт из Казахстана ($3,5 млрд), а импорт из Узбекистана составил $1,3 млрд. Страны нацелены увеличить товарооборот до $10 млрд к 2030 году [24].

Казахстан заключил ряд соглашений в сфере цифровизации и инфраструктурных проектов. Так, «Цифровой Шелковый Путь» был формализован посредством нескольких сделок, ориентированных на технологии. В мае 2023 года казахстанская железная дорога КТЖ подписала стратегическую инициативу по цифровой трансформации с китайской компанией «Хуавей». В июле 2025 года уже Министерство цифрового развития Республики Казахстан подписало меморандум о взаимопонимании с компанией «Хуавей» о модернизации цифровой инфраструктуры до 2030 года [25].

Многовекторная внешняя политика подразумевает проведение двусторонних и многосторонних саммитов высокого уровня.

Формат двусторонних встреч был взят на вооружение казахстанской дипломатией с администрацией США. Президент Трамп провел двусторонние встречи в Овальном кабинете с лидерами отдельных стран Центральной Азии, а затем в формате «пять+1» для обсуждения конкретных соглашений по ресурсам и безопасности. Казахстан подписал соглашения на сумму 17 миллиардов долларов в области минеральных ресурсов, энергетики и транспорта. В частности, был подписан меморандум о сотрудничестве по критически важным полезным ископаемым между министром промышленности Казахстана и министром торговли США [26].

МГК был основан между Казахстаном и Индией в 1993 году. Реструктуризация евразийской геополитики после российско-украинского конфликта 2022 года создает стратегическое окно для углубления двустороннего сотрудничества, позиционируя Казахстан как ключевого партнера в усилиях Индии по диверсификации источников энергии, снижению геополитических рисков и укреплению своего присутствия в Евразийском регионе [27].

В апреле 2026 года на 14-ой сессии межгосударственной комиссии между Казахстаном и Турцией был обсужден широкий круг областей сотрудничества, включая торговлю, инвестиции, промышленность, транспорт и логистику, энергетику, цифровизацию, сельское хозяйство, здравоохранение и культурный обмен [28].

Казахстана в период независимого существования использовал «мультивекторную политику» для балансирования отношений между Россией, Китаем, Западом и соседями по региону. 2022 год стал поворотным и многовекторная политика эволюционировала в «активное хеджирование». В отличие от пассивного балансирования, хеджирование предполагает управление взаимозависимостью на основе правил - диверсификацию торговых коридоров (таких как Транскаспийский коридор), потоков

капитала и нормативных стандартов для преобразования многостороннего участия в конкретные политические и экономические выгоды.

Казахстан активно участвует в региональных и глобальных интеграционных инициативах, таких как, Евразийский Экономический Союз, Шанхайская Организация Сотрудничества и Всемирная Торговая Организация. Данные институты позволяют Казахстану выходить на новые рынки, либерализовать торговлю и усилить региональную связность. Китайская инициатива «Один Пояс Один Путь» также усилил роль Казахстана как транзитного хаба между Европой и Азией [29].

Трансформация глобального мирового порядка от однополярного мира к многополярному увеличила важность не столько великих держав, как государств называемых «средними державами». Такие страны имеют достаточный экономический, дипломатический и институциональный вес для влияния на региональные и глобальные процессы, однако не обладают возможностями для принуждения свойственных великим державам.

В этом контексте, переговорные практики и дипломатия средних держав стали действительно эффективными. В отличие от великих держав, средние государства в меньшей степени полагаются на военную силу и в большей степени на институциональное взаимодействие, нормотворчество и стратегические переговоры. Их дипломатическое поведение отражает смесь прагматизма, гибкости и многостороннего сотрудничества.

Рассмотрим теоретические основы дипломатии средних держав. Концепция средних держав широко рассматривалась в теории международных отношений начиная с 1990-х годов. Согласно Куперу, средним державам были свойственны склонность к многостороннему сотрудничеству, приверженность международному порядку, основанному на правилах, и активной вовлеченности к урегулированию конфликтов [30]. С позиции конструктивизма средние державы черпают влияние не столько из материальных возможностей, но и из нормативного лидерства и дипломатической репутации [31].

В теории переговорной практики средние державы часто действуют как фасилитаторы, посредники и создатели коалиций. Такие державы делают упор на использование мягкой силы и дипломатического капитала вместо военного воздействия.

Ключевой переговорной стратегией средних держав является многостороннее сотрудничество. Средние державы активно участвуют в международных организациях, таких как ООН, региональные форумы и многосторонние платформы. Многостороннее сотрудничество позволяет им усилить свой голос, влиять на установление повестки и строить коалиции государств. Казахстан в качестве средней державы был активен на уровне многосторонней дипломатии и соглашений о безопасности. В 2022 году на десятый год своего членства Казахстан председательствовал в ВТО

на 12 Министерской Конференции и под председательством Казахстана завершилась принятием важнейших решений в области международной торговли, переговоры которых по ряду соглашений длились десятилетиями.

Казахстан официально присоединился к «Авраамовым Соглашениям» в ноябре 2025 года для углубления дипломатических и экономических отношений с Израилем и ОАЭ, несмотря на критику со стороны исламских стран Ближнего Востока. Для страны Центральной Азии этот шаг позиционирует Казахстан как мост между Евразией и Ближним Востоком, уделяя особое внимание торговле, технологиям и региональной безопасности [32].

Главной особенностью внешней политики всех стран Центральной Азии, и в особенности, Казахстана является многовекторная внешняя политика. Она подразумевает диверсифицированное партнерство с ведущими акторами мировой политики, такими как, США, Россия, Китай, ЕС, Турция и Индия для максимизации стратегической автономии, одновременно не разрывая связи с Россией. Такая стратегия требует постоянных корректировок и компромиссов для удовлетворения интересов России при одновременном продвижении национального суверенитета.

Посредничество и разрешение конфликтов также являются инструментами влияния средних держав, которые обычно выступают нейтральными площадками в международных конфликтах.

К примеру, Казахстан принимал переговоры по сирийскому конфликту (Астанский процесс), демонстрируя свою роль дипломатического моста между конфликтующими сторонами.

На сегодняшний день политическая ситуация в регионе Ближнего Востока кардинально меняется. Отмечается стремление к восстановлению отношений арабских государств с Дамаском. Возобновлено членство Сирии в Лиге арабских государств. В этой связи, постепенный выход Сирии из изоляции в регионе с твердой уверенностью можно расценивать как успешный результат усилий т.н. Астанинского процесса по Сирии [33].

Формирование коалиций является следующей переговорной практикой средних держав, а именно, Казахстана. Средние державы усиливают свое влияние, формируя альянсы с другими средними державами, региональными блоками, коалициями, основанными на конкретных проблемах. Наиболее яркой коалицией средних держав стала Организация Тюркских Государств, в которой одну из наиболее активных ролей играет Казахстан.

Казахстан, являясь региональным лидером Центральной Азии, с момента обретения независимости уделяет особое внимание укреплению единства тюркского мира. В 1993 году в Алматы была создана организация ТЮРКСОЙ, ставшая первым шагом на этом пути. Позже именно Казахстан придал новый импульс процессу, инициировав в 2006 году саммит в Анталье после долгого затишья. А Нахичеванская декларация 2009 года

проложила путь к созданию нынешней Организации тюркских государств. Таким образом, Казахстан стал связующим звеном тюркского единства [34].

Стратегия создания коалиций позволяет средним державам коллективно проводить успешные переговоры с ведущими державами. Следующим переговорным инструментом средних держав служит «нишевая дипломатия». Средние державы часто специализируются в таких сферах как миротворчество, экологическая дипломатия, нераспространение ядерного оружия и посредничество в экономических вопросах. Эта концепция, известная как «нишевая дипломатия», позволяет средним державам максимизировать влияние с минимальными ресурсами [35].

Теории «нишевой дипломатии» разрабатывались начиная с 1990-х годов, инициированных австралийским министром иностранных дел Гарретом Эвансом, который рассматривал данный вид дипломатии как тематическую специализацию внешней политики. Нишевая дипломатия наиболее характерна для стран среднего и малого размера, к которым относится и Казахстан. Способность концентрировать дипломатическую активность на одной или нескольких сферах является конкурентным преимуществом для средних держав. Чем меньше ресурсов есть у страны, тем более ценными они становятся. Для малых и средних стран такие ресурсы являются инструментами внешней политики. Поэтому они поддерживают институционализацию международного права, усиление коллективных действий, создание международных организаций и систем коллективной безопасности. Таким образом, ядерная дипломатия Казахстана формирует специализированную или нишевую дипломатию.

Отказ от ядерного оружия должен был подчеркнуть не только миролюбивый характер внешней политики независимого Казахстана, но и его разрыв с советским прошлым. Многие казахстанские политические тексты настаивают на безусловном историческом первенстве страны в деле добровольного ядерного разоружения, что дает Астане право выступать в качестве глобального лидера ответственности за ядерную безопасность[36]. Представляется, что такие инициативы Казахстана как Астанинская переговорная площадка, активное участие в ядерном нераспространении и многие другие инициативы хотя напрямую не влияют на экономическое развитие Казахстана, они выступают в качестве инструментов мягкой силы и косвенно усиливают переговорные позиции при заключении экономических договоров.

Еще одним инструментом, который широко используется средними державами является стратегическое балансирование. Средние державы проводят так называемую многовекторную внешнюю политику, балансируя между великими державами.

К примеру, Казахстан установил стратегические отношения с КНР,

Россией, ЕС, США и Турцией. Это позволяет проводить более гибкую внешнюю политику.

Вместе с тем, существуют риски и вызовы, стоящие перед средними державами. Несмотря на растущее влияние средние державы сталкиваются с вызовами. Их можно разделить на структурные недостатки: ограниченные военные возможности и зависимость от глобальных структур влияния; внешнее давление: влияние великих держав и геополитическое соперничество; институциональные ограничения: слабые механизмы региональной интеграции.

Обсуждение

Проведенный анализ показывает, что развитие экономики Казахстана с момента обретения независимости в 1991 году носило преимущественно эволюционный характер и сопровождалось последовательным формированием институтов рыночной экономики, расширением внешнеэкономических связей и постепенной интеграцией страны в мировую хозяйственную систему. Установлено, что внешнеэкономическая деятельность стала одним из ключевых факторов укрепления позиций Казахстана в Центральной Евразии и повышения его роли в региональных и международных экономических процессах.

Исследование выявило, что экономическая дипломатия Казахстана характеризуется использованием широкого комплекса взаимодополняющих инструментов. К их числу относятся привлечение прямых иностранных инвестиций, проведение двусторонних и многосторонних переговоров и саммитов, развитие форматов сотрудничества С5+1, участие в интеграционных объединениях, продвижение транспортно-логистических и инфраструктурных проектов, а также диверсификация торгово-экономических партнерств. В совокупности данные инструменты способствовали расширению внешнеэкономических возможностей государства и повышению его способности адаптироваться к изменениям международной конъюнктуры.

Анализ стратегических документов показал значимость долгосрочного государственного планирования для формирования внешнеэкономического курса. Важнейшими концептуальными ориентирами выступили стратегии «Казахстан–2030» и «Казахстан–2050», а также Концепция внешней политики Республики Казахстан, определившие приоритеты экономической модернизации, международной интеграции и многовекторного взаимодействия.

Результаты исследования подтверждают наличие устойчивой взаимосвязи между многовекторной внешней политикой, экономической дипломатией, переговорными практиками и экономической устойчивостью Казахстана. Гибкое взаимодействие с различными центрами силы позволило

стране одновременно развивать отношения с Китаем, Европейским союзом, Россией, США, государствами Центральной Азии и другими партнерами, не ограничивая внешнеэкономическую стратегию одним направлением.

Таким образом, сочетание многовекторности, прагматичной экономической дипломатии и гибких переговорных механизмов стало одним из факторов укрепления международной субъектности Казахстана, повышения его экономической устойчивости и формирования предпосылок для закрепления страны в качестве средней державы Центральной Евразии.

Заключение

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что переговорные практики и многовекторная экономическая дипломатия Казахстана как средней державы выступают важными инструментами продвижения национальных интересов и обеспечения устойчивости экономики в условиях возрастающей геополитической и геоэкономической неопределенности. Диверсификация внешнеэкономических связей позволяет Казахстану развивать торговое, инвестиционное и технологическое сотрудничество с различными центрами мировой экономики, одновременно снижая риски чрезмерной зависимости от какого-либо одного внешнего партнера.

Использование многосторонней дипломатии, посредничества, формирования ситуативных коалиций и стратегического балансирования дает Казахстану возможность оказывать международное влияние, частично компенсирующее ограниченность его материальных и военно-политических ресурсов. В данном контексте переговорная практика приобретает не только внешнеполитическое, но и непосредственное экономическое значение, способствуя расширению рынков сбыта, привлечению инвестиций, развитию транзитно-транспортного потенциала и интеграции страны в региональные и глобальные производственно-сбытовые цепочки.

Вместе с тем долгосрочная устойчивость данной модели требует дальнейшей диверсификации структуры национальной экономики, сокращения зависимости от сырьевого экспорта, развития несырьевых отраслей, повышения институционального потенциала экономической дипломатии и совершенствования профессиональных компетенций в сфере международных переговоров. Особое значение приобретает способность Казахстана сочетать сотрудничество с ведущими державами с сохранением самостоятельности внешнеэкономического курса.

В условиях формирования более фрагментированного и многополярного мирового порядка значение дипломатии средних держав, вероятно, будет возрастать. Перспективными направлениями для Казахстана являются более активное участие в глобальном и региональном управлении, развитие цифровой и экономической дипломатии, посредничество в

урегулировании международных противоречий, а также расширение участия в энергетических, климатических и транспортно-логистических переговорах. В результате Казахстан способен укрепить свою роль стабилизатора, посредника и связующего звена между конкурирующими центрами силы, одновременно используя дипломатический потенциал для обеспечения устойчивого экономического развития и укрепления своих позиций в мировой экономике.

ЛИТЕРАТУРА

[1] Байсултанова К.Ч., Шайморданова З.Д. Нормативно-правовые основы экономической дипломатии: современное состояние и проблемы развития // Известия КазУМОиМЯ им. Абылай хана. Серия «Международные отношения и регионоведение». – 2026. – № 63(1).

[2] Рост ВВП Казахстана за 2025 год составил 6,5%. https://primeminister.kz/ru/news/rost-vvp-kazaxstana-za-2025-god-sostavil-65-30945

[3] ВВП Казахстана. 2026. https://www.worldometers.info/ru/ввп/казахстан-ввп/

[4] Khakimzhanov S., Seitenova A.G. In Search of Coherence: Kazakhstan's Trade and Industrial Policy / University of Central Asia–Institute of Public Policy and Administration (IPPA) // Working Paper. – 2018. - №18.

[5] The strategy for development of the Republic of Kazakhstan. https://agksit.kz/index.php/en-us/menu1/the-strategy-for-development-of-the-republic-of-kazakhstan

[6] Казахстан выделяет 10 млрд долларов для преодоления финкризиса. https://www.banki.ru/news/lenta/?id=672108

[7] Мухамедиев Б. М., Темербулатова Ж. С., Иляшова Г. К. Влияние Евразийского экономического союза на торговлю Казахстана: оценка влияния с использованием метода синтетического контроля // Экономика: стратегия и практика. – 2020. - № 15(2). – P. 55-64.

[8] "Kazakhstan-2050" Strategy". https://www.akorda.kz/en/official_documents/strategies_and_programs

[9] Accession to the World Trade Organization. https://www.pwc.com/kz/en/PwC%20News/tax-alerts/tax-legal-alert-4-special-eng.pdf In 2015, https://www.freemovehub.com/regimes/eurasian-economic-union/

[10] «Один пояс - один путь» - спустя пять лет... https://www.inform.kz/ru/odin-poyas-odin-put-spustya-pyat-let_a3333554

[11] Товарооборот ЕАЭС с Западом рухнул до 18%. https://inbusiness.kz/ru/last/tovarooborot-eaes-s-zapadom-ruhnul-do-18

[12] Концепция внешней политики Казахстана на 2020-2030 гг. https://kzaif.kz/politic/koncepciya_vneshney_politiki_kazahstana_na_2020-2030

[13] Kukeyeva F. From Balancing to Active Hedging: The Transformation of Kazakhstan's Multi-Vector Foreign Policy After 2022 // YSU Journal of

International Affairs. – 2025. - № 1(2). – P. 93-117.

[14] Товарооборот Китая и Казахстана в 2023 году вырос почти на треть и достиг $41 млрд. https://ru.sputnik.kz/20240329/tovarooborot-kitaya-i-kazakhstana-v-2023-godu-vyros-pochti-na-tret-i-dostig-41-mlrd-43294976.html

[15] Казахстан в 2025 году стал крупнейшим получателем инвестиций в Центральной Азии. https://forbes.kz/articles/kazahstan-v-2025-godu-stal-krupneyshim-poluchatelem-investitsiy-v-tsentralnoy-azii-b2fbef

[16] Kazakhstan on the way to sustainable development. Scientific publication edited by Aigul Kosherbayeva - Astana: The Kazakhstan Institute for Strategic Studies under the President of the Republic of Kazakhstan, 2024. - 50 p.

[17] Kazakhstan's resource economy diversification through global value chains. https://www.adb.org/sites/default/files/publication/1000726/kazakhstan-resource-economy.pdf

[18] C5+1: The renaissance of American influence in Central Asia. https://caliber.az/en/post/c5-1-the-renaissance-of-american-influence-in-central-asia

[19] Kayal, T. (2026). Revisiting India's energy security: Strategic engagement with Kazakhstan in a changing Eurasian order. International Journal of Novel Research and Development, 11(4), 743–750. https://www.ijnrd.org/papers/IJNRD2604089.pdf

[20] Kazakhstan, Türkiye Build on $6 Billion Investment Base with New Deals.

https://astanatimes.com/2026/04/kazakhstan-turkiye-build-on-6-billion-investment-base-with-new-deals/

[21] Касым-Жомарт Токаев и Реджеп Тайип Эрдоган провели шестое заседание Совета стратегического сотрудничества высокого уровня. https://www.akorda.kz/ru/kasym-zhomart-tokaev-i-redzhep-tayip-erdogan-proveli-shestoe-zasedanie-soveta-strategicheskogo-sotrudnichestva-vysokogo-urovnya-144231

[22] Relations with the EU. The European Union and Kazakhstan. https://www.eeas.europa.eu/kazakhstan/european-union-and-kazakhstan_en?s=222

[23] Kazakhstan, Uzbekistan agree on intergovernmental roadmap to boost economic co-op. https://www.trend.az/casia/kazakhstan/4173744.html

[24] МИД: Товарооборот Казахстана и Узбекистана увеличился на 16,2%, до $4,8 млрд. https://www.kt.kz/rus/politics/mid_tovarooborot_kazahstana_i_uzbekistana_uvelichilsya_na_1377989628.html

[25] The Middle Corridor: where trade routes meet digital control. https://www.strategeast.org/all_reports/The_Middle_Corridor.pdf

[26] C5+1: Central Asia and US. Background. https://www.state.gov/c51

[27] Dendukuri S. S. Rethinking India's energy security and a window for cooperation. // Eurasia Review. – 2026. - March 23. https://www.eurasiareview.com/23032026-rethinking-indias-energy-security-and-a-window-for-cooperation-oped/

[28] Kazakhstan, Türkiye Build on $6 Billion Investment Base with New Deals. https://astanatimes.com/2026/04/kazakhstan-turkiye-build-on-6-billion-investment-base-with-new-deals/ https://astanatimes.com/2026/04/kazakhstan-turkiye-build-on-6-billion-investment-base-with-new-deals/

[29] Seriyeva Z., Medukhanova L. Sustainability and trade relations of Kazakhstan with central Asian countries and China // Rivista di studisullasostenibilita. – 2022. - № 1.

[30] Cooper, A. F. Niche Diplomacy: Middle Powers after the Cold War. - Macmillan, 1997. – 221 p.

[31] Acharya A. The End of American World Order. - John Wiley & Sons, 2018.- 224 p.

[32] Putz C. A C5+1 or 5 C1+1s: The New Math of US Central Asia Policy// The Diplomat. – 11.11.2025.https://thediplomat.com/2025/11/a-c51-or-5-c11s-the-new-math-of-us-central-asia-policy/

[33] Комментарий МИД РК к итогам 20-й Международной встречи высокого уровня по Сирии в Астанинском формате. https://www.gov.kz/memleket/entities/mfa/press/news/details/578402?lang=ru

[34] Казахстан укрепляет позиции в ОТГ. https://24.kz/ru/news/ai-and-digitalization/768089-kazakhstan-ukreplyaet-pozitsii-v-otg

[35] Cooper, A. F., Higgott, R. A., & Nossal, K. R. Relocating middle powers: Australia and Canada in a changing world order. - Ubc Press, 1993.

[36] За мир без ядерного оружия и глобальную безопасность. https://www.nnc.kz/ru/news/show/186

REFERENCES

[1] Baysultanova K. Ch., Shaymordanova Z. D. Normativno-pravovyye osnovy ekonomicheskoy diplomatii: sovremennoye sostoyaniye i problemy razvitiya [Regulatory and Legal Foundations of Economic Diplomacy: Current State and Development Challenges]. IzvestiyaKazUMOiMYaim. Ablaikhana. Seriya «Mezhdunarodnyye otnosheniyai regionovedeniye». 2026, № 63(1) [in Rus.].

[2] Rost VVP Kazakhstana za 2025 god sostavil 6,5% [Kazakhstan's GDP Growth in 2025 Amounted to 6.5%]. Ofitsial'nyyin formatsionnyy resurs Prem'yer-Ministra Respubliki Kazakhstan. 2026 https://primeminister.kz/ru/news/rost-vvp-kazaxstana-za-2025-god-sostavil-65-30945 [in Rus.].

[3] VVP Kazakhstana. 2026 [GDP of Kazakhstan. 2026]. Worldometer. 2026 https://www.worldometers.info/ru/ввп/казахстан-ввп/ [in Rus.].

[4] Khakimzhanov, S., Seitenova, A. G. In Search of Coherence: Kazakhstan's Trade and Industrial Policy. University of Central Asia, Institute of Public Policy and Administration (IPPA). Working Paper. 2013, № 18. DOI: 10.2139/ssrn.2943889.

[5] The Strategy for Development of the Republic of Kazakhstan until the Year 2030. 1997. Available at: https://agksit.kz/index.php/en-us/menu1/the-strategy-for-development-of-the-republic-of-kazakhstan (accessed: 19.08.2026).

[6] Kazakhstan vydelyayet 10 mlrd dollarov dlya preodoleniya finkrizisa [Kazakhstan Allocates USD 10 Billion to Overcome the Financial Crisis]. Banki.ru. 2008. https://www.banki.ru/news/lenta/?id=672108 [in Rus.].

[7] Mukhamediyev B. M., Temerbulatova Zh. S., Ilyashova G. K. Vliyaniye Evraziyskogo ekonomicheskogo soyuza na torgovlyu Kazakhstana: otsenka vozdeystviya s ispol'zovaniyem metoda sinteticheskogo kontrolya [The Effect of the Eurasian Economic Union on Trade of Kazakhstan: Impact Evaluation Using the Synthetic Control Method]. Ekonomika: strategiya i praktika. 2020, Vol. 15, № 2, pp. 55–64. DOI: 10.51176/JESP/issue_2_T5 [in Rus.].

[8] "Kazakhstan-2050" Strategy". https://www.akorda.kz/en/official_documents/strategies_and_programs

[9] PwC Kazakhstan. Accession to the World Trade Organization. Tax and Legal Alert. 2015. Available at: https://www.pwc.com/kz/en/PwC%20News/tax-alerts/tax-legal-alert-4-special-eng.pdf (accessed: 19.08.2026).

[10] «Odin poyas – odin put'» – spustya pyat' let... [The Belt and Road – Five Years Later...]. Kazinform. 2018 https://www.inform.kz/ru/odin-poyas-odin-put-spustya-pyat-let_a3333554 [in Rus.].

[11] Tovarooborot EAES s Zapadom rukhnul do 18% [EAEU Trade Turnover with the West Fell to 18%]. Inbusiness.kz. 2026 https://inbusiness.kz/ru/last/tovarooborot-eaes-s-zapadom-ruhnul-do-18 [in Rus.].

[12] Kontseptsiya vneshney politiki Kazakhstana na 2020–2030 gg. [Concept of the Foreign Policy of Kazakhstan for 2020–2030]. 2020 https://kzaif.kz/politic/koncepciya_vneshney_politiki_kazahstana_na_2020-2030 [in Rus.].

[13] Kukeyeva F. From Balancing to Active Hedging: The Transformation of Kazakhstan's Multi-Vector Foreign Policy After 2022. YSU Journal of International Affairs. 2025, Vol. 1, № 2, pp. 93–117. DOI: 10.46991/jia.2025.1.2.093.

[14] Tovarooborot Kitaya i Kazakhstana v 2023 godu vyros pochti na tret' i dostig $41 mlrd [China–Kazakhstan Trade Turnover Grew by Almost One Third in 2023 and Reached USD 41 Billion]. Sputnik Kazakhstan. 2024. https://ru.sputnik.kz/20240329/tovarooborot-kitaya-i-kazakhstana-v-2023-godu-vyros-pochti-na-tret-i-dostig-41-mlrd-43294976.html [in Rus.].

[15] Kazakhstan v 2025 godu stal krupneyshim poluchatelem investitsiy v Tsentral'noy Azii [Kazakhstan Became the Largest Recipient of Investment in Central Asia in 2025]. Forbes Kazakhstan. 2025. https://forbes.kz/articles/kazahstan-v-2025-godu-stal-krupneyshim-poluchatelem-investitsiy-v-tsentralnoy-azii-b2fbef [in Rus.].

[16] Kosherbayeva A. (ed.). Kazakhstan on the Way to Sustainable Development. - Astana: Kazakhstan Institute for Strategic Studies under the President of the Republic of Kazakhstan, 2024. - 50 p.

[17] Asian Development Bank, Islamic Development Bank. Kazakhstan's Resource Economy: Diversification Through Global Value Chains. Manila: Asian Development Bank, 2024. https://www.adb.org/sites/default/files/publication/1000726/kazakhstan-resource-economy.pdf

[18] C5+1: The Renaissance of American Influence in Central Asia. Caliber. Az. 2025. https://caliber.az/en/post/c5-1-the-renaissance-of-american-influence-in-central-asia

[19] Kayal T. Revisiting India's Energy Security: Strategic Engagement with Kazakhstan in a Changing Eurasian Order. International Journal of Novel Research and Development (IJNRD). 2026, Vol. 11, Issue 4, pp. a772–a780. https://www.ijnrd.org/papers/IJNRD2604089.pdf

[20] Kazakhstan, Türkiye Build on $6 Billion Investment Base with New Deals. The Astana Times. 2026. https://astanatimes.com/2026/04/kazakhstan-turkiye-build-on-6-billion-investment-base-with-new-deals/

[21] Kasym-Zhomart Tokayev i Redzhep Tayyip Erdogan proveli shestoye zasedaniye Soveta strategicheskogo sotrudnichestva vysokogo urovnya [Kassym-Jomart Tokayev and Recep Tayyip Erdoğan Held the Sixth Meeting of the High-Level Strategic Cooperation Council]. Ofitsial'nyy sayt Prezidenta Respubliki Kazakhstan. 2026. https://www.akorda.kz/ru/kasym-zhomart-tokaev-i-redzhep-tayip-erdogan-proveli-shestoe-zasedanie-soveta-strategicheskogo-sotrudnichestva-vysokogo-urovnya-144231 [in Rus.].

[22] European External Action Service. The European Union and Kazakhstan. https://www.eeas.europa.eu/kazakhstan/european-union-and-kazakhstan_en?s=222

[23] Kazakhstan, Uzbekistan Agree on Intergovernmental Roadmap to Boost Economic Co-op. Trend News Agency. 2026. https://www.trend.az/casia/kazakhstan/4173744.html

[24] MID: Tovarooborot Kazakhstana i Uzbekistana uvelichilsya na 16,2%, do $4,8 mlrd [Foreign Ministry: Kazakhstan–Uzbekistan Trade Turnover Increased by 16.2% to USD 4.8 Billion]. Kazakhstan Today. 2026. https://www.kt.kz/rus/politics/mid_tovarooborot_kazahstana_i_uzbekistana_uvelichilsya_na_1377989628.html [in Rus.].

[25] The Middle Corridor: Where Trade Routes Meet Digital Control. https://www.strategeast.org/all_reports/The_Middle_Corridor.pdf

[26] C5+1: Central Asia and US. Background. https://www.state.gov/c51

[27] Sai Sowmya Dendukuri. Rethinking India's Energy Security And A Window For Cooperation – OpEd. 23.03/ 2026. https://www.eurasiareview.com/23032026-rethinking-indias-energy-security-and-a-window-for-cooperation-oped/

[28] Kazakhstan, Türkiye Build on $6 Billion Investment Base with New Deals. The Astana Times. 2026.: https://astanatimes.com/2026/04/kazakhstan-turkiye-build-on-6-billion-investment-base-with-new-deals/

[29] Seriyeva Z., Medukhanova L. Sustainability and Trade Relations of Kazakhstan with Central Asian Countries and China. Rivista di Studi sulla Sostenibilità. 2022, № 1, pp. 49–67.

[30] Cooper A. F. (ed.). Niche Diplomacy: Middle Powers after the Cold War. London: Macmillan Press, 1997, 221 p.

[31] Acharya A. The End of American World Order. 2nd ed. Cambridge: Polity, 2018. 224 p.

[32] Putz C. A C5+1 or 5 C1+1s: The New Math of US Central Asia Policy // The Diplomat. – 11.11.2025. https://thediplomat.com/2025/11/a-c51-or-5-c11s-the-new-math-of-us-central-asia-policy/

[33] Kommentariy MID RK k itogam 20-y Mezhdunarodnoy vstrechi vysokogo urovnya po Sirii v Astana formate [Comment by the Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Kazakhstan on the Results of the 20th International High-Level Meeting on Syria in the Astana Format]. Ministerstvo inostrannykh del Respubliki Kazakhstan. 2023 https://www.gov.kz/memleket/entities/mfa/press/news/details/578402?lang=ru [in Rus.].

[34] Kazakhstan ukreplyayet pozitsii v OTG [Kazakhstan Strengthens Its Position in the Organization of Turkic States]. 2026. https://24.kz/ru/news/ai-and-digitalization/768089-kazakhstan-ukreplyaet-pozitsii-v-otg [in Rus.].

[35] Cooper A. F., Higgott R. A., Nossal K. R. Relocating Middle Powers: Australia and Canada in a Changing World Order. Vancouver: UBC Press, 1993. 240 p.

[36] Za mir bez yadernogo oruzhiya i global'nuyu bezopasnost' [For a World Free of Nuclear Weapons and for Global Security]. Natsional'nyy yadernyy tsentr Respubliki Kazakhstan [National Nuclear Center of the Republic of Kazakhstan]. https://www.nnc.kz/ru/news/show/186 [in Rus.].

САУДА-ЭКОНОМИКАЛЫҚ ҚАТЫНАСТАРДЫҢ ДАМУЫН ЖӘНЕ КЕЛІССӨЗДЕР ЖҮРГІЗУ ТӘЖІРИБЕСІН ҚАЗАҚСТАН ҰЛТТЫҚ ЭКОНОМИКАСЫНЫҢ ТҰРАҚТЫЛЫҒЫНЫҢ ФАКТОРЫ РЕТІНДЕ ТАЛДАУ

* Омаров М.М.[1]

*[1] Абылай хан атындағы Қазақ халықаралық қатынастар және әлем тілдері университеті, Алматы, Қазақстан

Аңдатпа. Бұл мақалада геоэкономикалық белгісіздіктің артуы және жаһандық экономикалық жүйенің трансформациясы жағдайында Қазақстан Республикасының ұлттық экономикасының тұрақтылығын қамтамасыз етудегі сауда-экономикалық қатынастар мен келіссөздер тәжірибесінің рөлі

қарастырылады. Сыртқы экономикалық байланыстарды әртараптандыруға, экспорт географиясын кеңейтуге, шетелдік инвестицияларды тартуға және негізгі халықаралық серіктестермен ынтымақтастықты дамытуға бағытталған Қазақстанның көп векторлы экономикалық дипломатиясына ерекше назар аударылады. Көп векторлы сыртқы саясаттың прагматикалық келіссөздер стратегиялары мен үйлесуі сыртқы экономикалық тәуекелдерді азайтуға және ұлттық экономиканың бейімделу әлеуетін нығайтуға көмектесетіні айтылады. Сонымен қатар, Қазақстанның шикізат экспортына құрылымдық тәуелділігі, әлемдік бағалардың ауытқуы және сыртқы нарықтар ұзақ мерзімді экономикалық тұрақтылыққа айтарлықтай қауіп төндіруде. Аралас әдісті қолдана отырып, бұл мақалада сауданы әртараптандыру, институционалдық әлеует және келіссөздер тәжірибесінің тиімділігі арасындағы байланыс талданады. Онда экономикалық дипломатия институттарын одан әрі жетілдіру, шикізаттық емес экспортты дамыту, халықаралық келіссөздердің сапасы және Қазақстанның аймақтық және жаһандық құндылықтар тізбегіне интеграциясын тереңдету қажет деген қорытынды жасалады.

Кілт сөздер: Қазақстан, экономикалық дипломатия, сауда-экономикалық қатынастар, келіссөздер тәжірибесі, экономикалық тұрақтылық, көп векторлы тәсіл, әртараптандыру, сыртқы сауда, жаһандық интеграция.

Тірек сөздер: Қазақстан, экономикалық дипломатия, сауда-экономикалық қатынастар, келіссөздер тәжірибесі, экономикалық тұрақтылық, көп векторлы тәсіл, әртараптандыру, сыртқы сауда, жаһандық интеграция.

Қаржыландыру. Бұл зерттеу Қазақстан Республикасы Ғылым және жоғары білім министрлігінің Ғылым комитеті тарапынан «Халықаралық қатынастарды экономикаландыру үрдісі және Жаңа Қазақстанның экономикалық дипломатиясы» (№ AP23490344) жобасы аясында қаржыландырылады.

ANALYSIS OF THE DEVELOPMENT OF TRADE AND ECONOMIC RELATIONS AND NEGOTIATION PRACTICES AS A FACTOR IN THE SUSTAINABILITY OF THE NATIONAL ECONOMY OF KAZAKHSTAN

*Omarov M.M.[1]

*[1] Kazakh Ablai khan University of International Relations and World Languages, Almaty, Kazakhstan

Abstract. This article examines the role of trade and economic relations and negotiation practices in ensuring the sustainability of the national economy of the Republic of Kazakhstan in the context of increasing geoeconomic uncertainty and the transformation of the global economic system. Particular attention is

paid to Kazakhstan's multi-vector economic diplomacy aimed at diversifying foreign economic relations, expanding the geography of exports, attracting foreign investment, and developing cooperation with key international partners. It is argued that the combination of a multi-vector foreign policy with pragmatic negotiation strategies helps reduce foreign economic risks and strengthen the adaptive capacity of the national economy. At the same time, Kazakhstan's continued structural dependence on commodity exports, fluctuations in global prices, and foreign markets continues to pose significant risks to long-term economic sustainability. Using a mixed-method approach, this article analyzes the relationship between trade diversification, institutional capacity, and the effectiveness of negotiation practices. It concludes that further improvements in economic diplomacy institutions, the development of non-resource exports, the quality of international negotiations, and the deepening of Kazakhstan's integration into regional and global value chains are necessary.

Key words: Kazakhstan, economic diplomacy, trade and economic relations, negotiation practice, economic sustainability, multi-vector approach, diversification, foreign trade, global integration.

Funding. This research is funded by the Science Committee of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan within the framework of the project "The Trend Toward the Economization of International Relations and Economic Diplomacy of New Kazakhstan" (No. AP23490344).

Автор туралы мәлімет:

Омаров М.М. - саяси ғылымдар кандидаты, Абылай хан атындағы Қазақ халықаралық қатынастар және әлем тілдері университетінің халықаралық қатынастар және аймақтану кафедрасының доценті, Алматы, Қазақстан, электрондық пошта: meirat.omarov@gmail.com

Сведения об авторе:

Омаров М.М. - кандидат политических наук, ассоциированный профессор кафедры международных отношений и регионоведения Казахского университета международных отношений и мировых языков имени Абылай хана, Алматы, Казахстан, e-mail: meirat.omarov@gmail.com

Information about the author:

Omarov M.M. - Candidate of Political Sciences, Associate Professor of the Department of International Relations and Regional Studies at the Kazakh University of International Relations and World Languages named after Ablai Khan, Almaty, Kazakhstan, E-mail: meirat.omarov@gmail.com

Статья поступила / Мақала түсті / Received: 30.05.2026.
Принята к публикации / Жариялауға қабылданды / Accepted: 28.09.2026

УДК 327.8
МРНТИ 11.25.67
https://doi.org/10.48371/ISMO.2026.65.3.007

ЦИФРОВОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ С ДИАСПОРОЙ В КОНТЕКСТЕ ЗАЩИТЫ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ МЕЖДУНАРОДНЫХ ПРАКТИК

Бокаев Б.Н.[1], Шайхутдинов Т.М.[2], *Наурызбек М.Д.[3], Наурызбек К.Д.[4]
[1] Карагандинский индустриальный университет, Темиртау, Казахстан
[2] Академия государственного управления при Президенте Республики Казахстан, Международный университет Астана, Астана, Казахстан
*[3] Центр исследований и развития интеллектуального потенциала, Астана, Казахстан
[4] АО «Самрук-Энерго», Астана, Казахстан

Аннотация. Статья посвящена анализу цифровых платформ, используемых для взаимодействия с диаспорой и зарубежными сообществами. На основе сравнительного анализа платформ iDiaspora, GlobalScot, Uzbekistan’s Club, OQ.gov.kz, Erulik.kz, KoreanNet (Overseas Koreans Agency) и We Are Global Irish рассмотрены современные подходы к поддержанию связей с соотечественниками за рубежом. Результаты исследования показывают, что цифровые платформы выполняют различные функции и используются для развития профессиональных и экспертных сетей, обмена знаниями, информационной поддержки и укрепления связей с диаспорой. На основе проведенного анализа выделены основные модели цифрового взаимодействия с зарубежными сообществами и раскрыты особенности их применения в различных странах. Показано, каким образом выделенные модели соотносятся с национальными интересами стран происхождения в сферах человеческого капитала, экономического развития и международных связей. Полученные результаты позволяют расширить понимание современных механизмов взаимодействия с диаспорой и роли цифровых платформ в поддержании устойчивых связей между государствами и зарубежными сообществами.

Ключевые слова: диаспора, цифровые платформы, международная миграция, экспертные сети, обмен знаниями, зарубежные сообщества, взаимодействие с диаспорой, национальные интересы, зарубежные соотечественники, транснациональные профессиональные сети.

Финансирование. Исследование выполнено в рамках грантового финансирования Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан (грант № AP26104137).

Введение

Одной из основных характеристик современной мировой экономики является международная миграция. Согласно данным International Organization for Migration, в 2020 году в мире насчитывалось около 281 миллиона мигрантов, что составляет 3,6% от общей численности населения. Это свидетельствует о том, что мобильность населения перестала быть маргинальным явлением и стала важным компонентом глобального развития экономики, социальных и профессиональных сфер [1].

В более ранних обсуждениях миграции перемещение высококвалифицированных специалистов часто рассматривалось в контексте «утечки мозгов», когда эмиграция интерпретировалась в первую очередь как потеря человеческого капитала для стран происхождения. Тем не менее более поздние исследования сосредоточились на транснациональных профессиональных сетях и циркуляции мозгов. Исследование Saxenian, посвященное инженерам из Индии и Китая в Силиконовой долине, показало, что квалифицированные мигранты, даже если они не возвращаются навсегда, могут способствовать развитию своих стран посредством предпринимательства, инвестиций, профессиональных связей и обмена знаниями [2].

Исследования вовлеченности диаспоры, ориентированные на политику, также отражают это более широкое понимание. Согласно Newland и Plaza, диаспоры вносят вклад в страны происхождения не только посредством денежных переводов, но и посредством предпринимательства, торговли, прямых иностранных инвестиций и передачи знаний и навыков. Это означает, что участие в диаспоре является важным политическим инструментом для стран, стремящихся мобилизовать потенциал своих граждан за рубежом, а также их потомков [3].

Международная организация по миграции также подчеркивает, что диаспоры могут вносить вклад в развитие посредством навыков, капитала, инноваций и транснациональных сетей. Такой подход выводит обсуждение политики за рамки физической миграции на родину и подчеркивает важность создания институциональных механизмов, позволяющих мигрантам и специалистам из диаспоры оставаться на связи со своими странами происхождения независимо от места жительства [4].

В то же время усиливается конкуренция за таланты во всем мире. В докладе Всемирного экономического форума «Будущее рабочих мест 2025» говорится, что с 2025 по 2030 год рынок труда изменится из-за технологических изменений, искусственного интеллекта, цифровизации, демографических изменений и «зеленого» перехода. Доклад основан на ответах более чем 1000 работодателей, представляющих более 14 миллионов сотрудников в 22 отраслевых кластерах и 55 странах. В свете этих тенденций страны будут все чаще конкурировать как за инвестиции, так и за опыт,

инновации, навыки и доступ к глобальным профессиональным сетям [5].

Работа с диаспорой все чаще рассматривается как элемент государственной стратегии, а не только как культурная или гуманитарная задача. По данным Gamlen [6], специальные государственные институты по работе с диаспорой к середине 2010-х годов имелись более чем в половине государств-членов ООН. Через такие институты государства стремятся привлекать ресурсы диаспоры и включать ее в национальное сообщество. Ragazzi [7] на материале 35 государств выделяет пять типов диаспорной политики и отмечает, что государства все чаще воспринимают диаспору как актив для экономического развития. В теории международных отношений национальные интересы принято раскладывать на базовые измерения. Nuechterlein [8] выделяет интересы обороны, экономические интересы, интересы мирового порядка и идеологические интересы. Применительно к диаспоре наиболее значимо экономическое измерение, которое охватывает человеческий капитал, знания и технологии, а также измерение международных связей, через которое диаспора расширяет присутствие государства за рубежом. Национальное право закрепляет сходное понимание. В Казахстане национальные интересы определены как совокупность законодательно признанных политических, экономических, социальных и других потребностей государства [9], а в Республике Корея статус зарубежных корейцев и меры их поддержки урегулированы отдельным законом [10]. Цифровые платформы в этом контексте выступают инструментом, через который государства реализуют свои интересы в отношении зарубежных сообществ.

В этом контексте электронные платформы становятся важными институциональными инструментами для работы с диаспорой. Они позволяют специалистам устанавливать связи с зарубежными сообществами, создавать профили экспертов, создавать профессиональные сети, организовать обмен знаниями и участвовать в консультациях, наставничестве, образовательных программах и совместных проектах. Международный опыт показывает, как электронные платформы используются для поддержания связей с диаспорой, развития экспертных сетей, обмена информацией и вовлечения зарубежных экспертов в совместные проекты.

Несмотря на растущий интерес к вовлечению диаспоры, роль цифровых платформ в поддержании устойчивых профессиональных, экспертных и институциональных связей между государствами и зарубежными сообществами остается недостаточно изученной. Особенно важным становится сравнительный анализ различных страновых кейсов, поскольку Казахстан, Узбекистан, Республика Корея, Шотландия и Ирландия используют разные подходы к работе с диаспорой, сочетая элементы культурной связи, экспертного взаимодействия, общественного признания, экономического сотрудничества и передачи знаний.

Цель статьи состоит в том, чтобы на основе сравнения международных практик определить функциональную направленность цифровых платформ взаимодействия с диаспорой и их потенциал для поддержания профессиональных, экспертных и институциональных связей. Отдельно рассматривается, как эти платформы соотносятся с национальными интересами стран происхождения.

Описание материалов и методов

Давно считается, что мобильность высококвалифицированных специалистов имеет решающее значение для экономического развития, инноваций и накопления человеческого капитала. Первые исследования миграции квалифицированных кадров основывались на идее утечки мозгов, которая утверждала, что отток квалифицированных кадров привел к потере человеческого капитала, снижению инновационного потенциала и потере конкурентоспособности страны происхождения. Эта интерпретация базируется на теории человеческого капитала, которая утверждает, что образование, знания и навыки являются основными ресурсами экономического роста [11].

Впоследствии исследователи пришли к выводу, что последствия квалифицированной миграции значительно сложнее. Помимо потерь, она может принести пользу через инвестиции, предпринимательство, международные связи и трансфер технологий. Согласно Docquier and Rapoport [12], влияние миграции зависит от того, насколько хорошо государства связаны со своими гражданами за рубежом. Данное понимание легло в основу концепции циркуляции мозгов. Согласно исследованию Saxenian, индийские и китайские инженеры в Силиконовой долине продолжают поддерживать профессиональные и деловые связи со своими странами происхождения, помогая обмену знаниями, технологиями, инвестициями и предпринимательскими практиками [2].

Концепция циркуляции мозгов привела к разработке стратегий для привлечения диаспоры. Согласно современным исследованиям, диаспорные сообщества являются не только людьми, проживающими за рубежом, но и источниками знаний, инноваций, инвестиций, наставничества и связей с другими странами. Newland and Plaza [3] отмечают, что вклад диаспоры выходит за рамки денежных переводов и включает в себя развитие бизнеса, торговли, прямых иностранных инвестиций и передачи знаний. Международная организация по миграции занимает аналогичную позицию, подчеркивая роль диаспоры в распространении навыков, инноваций и транснационального сотрудничества.

Понятия, которыми описываются сообщества за рубежом, различаются по объему и по основанию выделения. Классическое определение диаспоры у Safran [13] опирается на рассеяние из общего центра, сохранение

коллективной памяти о родине и поддержание связи с ней. Cohen [14] расширяет это понимание и выделяет несколько типов диаспор, в том числе трудовые и торговые, что позволяет применять термин к широкому кругу сообществ. Brubaker [15] сводит определение к трем элементам, рассеянию, ориентации на родину и поддержанию границ группы, и предлагает рассматривать диаспору не как фиксированную группу, а как позицию и практику. Vertovec [16] различает диаспору как социальную форму, как тип сознания и как способ культурного производства.

Понятие «зарубежные соотечественники» относится не к научной, а к правовой и политической лексике. Оно закрепляется в национальном законодательстве и очерчивает круг лиц, на которых распространяется государственная политика. В Казахстане такой круг задан Законом «О миграции населения». Этническим казахом в нем признается иностранный гражданин или лицо без гражданства казахской национальности, а кандасом этнический казах и члены его семьи казахской национальности, ранее не состоявшие в гражданстве Республики Казахстан и получившие соответствующий статус [17]. Термин «кандас» заменил ранее применявшийся термин «оралман» в 2020 году. В Республике Корея аналогичный круг лиц определен Законом об иммиграции и правовом положении зарубежных корейцев [10]. Термин «этнические сообщества» описывает группы, объединенные общим происхождением или культурой. В отличие от диаспоры такое сообщество может не сохранять ориентацию на страну происхождения, то есть второй из трех элементов, названных Brubaker [15].

Транснациональные профессиональные сети объединяют специалистов по профессиональному, а не по этническому признаку. Saxenian [2] и Meyer [18] показывают, что такие сети формируются вокруг отраслей и деловых контактов, а их участники могут не идентифицировать себя с диаспорой в культурном смысле. Сборник под редакцией Kuznetsov [19] описывает поддержку таких сетей как отдельное направление политики и содержит, в частности, анализ GlobalScot как одной из первых сетей этого типа. Agunias и Newland [20] относят профессиональные сети к одному из инструментов вовлечения диаспоры наряду с культурными и сервисными программами.

В настоящей статье термин «диаспора» используется как обобщающий. Термин «зарубежные соотечественники» применяется при описании казахстанских платформ и корейского портала, где он соответствует правовому статусу пользователей. Термин «транснациональные профессиональные сети» относится к платформам, которые объединяют участников по профессиональному признаку, таким как GlobalScot и We Are Global Irish.

На фоне усиливающейся глобальной конкуренции за таланты роль диаспоры становится все более важной. OECD считает мобильность талантов важной частью формирования навыков, развития рынков труда и международной конкурентоспособности [21]. В свою очередь, World Economic Forum отмечает, что цифровизация, искусственный интеллект, демографические изменения и технологическая трансформация будут определять спрос на компетенции в ближайшие годы [5]. В этих условиях страны конкурируют не только за инвестиции, но и за доступ к знаниям, инновациям и высококвалифицированным специалистам. Исследователи отмечают, что мобильность по всему миру приводит как к новым возможностям для прогресса, так и к рискам потери человеческого капитала, что требует поиска надежных способов поддержания связей со специалистами, работающими за рубежом [22].

Между тем расширяются возможности международного взаимодействия между профессионалами. В последнее время становятся все более важными транснациональные экспертные сети, профессиональные сообщества и различные механизмы сотрудничества, которые позволяют специалистам сохранять связи со своими странами происхождения независимо от места проживания. В таких обстоятельствах особое значение приобретает поиск инструментов, которые могут обеспечить устойчивое взаимодействие между государствами и их сообществами за пределами страны.

В этой связи особую роль приобретают цифровые платформы. Parker, Van Alstyne and Choudary [23] рассматривают платформы как многосторонние системы, создающие ценность за счет взаимодействия различных групп пользователей. Tiwana [24] подчеркивает, что платформенные экосистемы включают не только технологическую инфраструктуру, но и механизмы управления, правила участия и сети взаимодополняющих участников. Цифровые платформы облегчают поиск экспертов, обмен информацией, участие в совместных проектах и развитие профессиональных связей в контексте взаимодействия с зарубежными сообществами и профессиональными сетями. Как отмечают Nambisan, Wright and Feldman [25], подобные платформы становятся все более распространенной инфраструктурой для инноваций, сотрудничества и распределенного создания знаний.

Несмотря на растущий интерес к вопросам циркуляции знаний, взаимодействия с диаспорой и транснациональных профессиональных сетей, роль цифровых платформ как инструмента поддержания устойчивых связей между государствами и зарубежными сообществами остается изученной недостаточно.

Особую актуальность данный вопрос приобретает для государств, заинтересованных в развитии сотрудничества с диаспорой, исследователями,

предпринимателями и другими высококвалифицированными специалистами, проживающими за рубежом. До сих пор остается открытым вопрос о том, какие платформенные решения обладают наибольшим потенциалом для развития профессиональных связей, обмена знаниями и вовлечения зарубежных экспертов в совместные инициативы.

Для поиска ответа в исследовании проведен сравнительный анализ цифровых платформ, используемых для взаимодействия с диаспорой в различных странах. Эти цифровые платформы включают iDiaspora (международная платформа Международной организации по миграции), GlobalScot (Шотландия), Uzbekistan's Club (Узбекистан), OQ.gov.kz и Erulik.kz (Казахстан), KoreanNet (Республика Корея) и We Are Global Irish (Ирландия). В рассматриваемых случаях представлены различные методы поддержания связей с зарубежными сообществами, создания экспертных сетей, обмена знаниями и вовлечения представителей диаспоры в образовательные, профессиональные и общественные проекты.

В рамках исследования цифровые платформы рассматриваются как инструменты взаимодействия с диаспорой и зарубежными профессиональными сообществами. Основное внимание уделяется их возможностям по формированию экспертных сетей, обмену знаниями, развитию профессиональных контактов и вовлечению специалистов в совместную деятельность. Именно эта логика лежит в основе дальнейшего анализа.

В исследовании использован качественный сравнительный анализ цифровых платформ, направленных на взаимодействие с диаспорой и зарубежными сообществами. Основное внимание уделено изучению инструментов, которые используются для поддержания связей с соотечественниками за рубежом, обмена знаниями, развития профессиональных контактов и вовлечения представителей диаспоры в различные инициативы.

В рамках исследования рассмотрены платформы iDiaspora (Международная организация по миграции), GlobalScot (Шотландия), Uzbekistan's Club (Узбекистан), OQ.gov.kz (Казахстан), Erulik.kz (Казахстан), KoreanNet (Республика Корея) и We Are Global Irish (Ирландия). Выбор данных кейсов обусловлен тем, что они представляют различные подходы к взаимодействию с диаспорой и отличаются как по целям, так и по функциональным возможностям. Одни платформы ориентированы на развитие экспертных сетей и обмен знаниями, другие же на укрепление связей с соотечественниками, информационную поддержку или продвижение успешных представителей диаспоры.

Для обеспечения сопоставимости платформ использовалась единая аналитическая рамка, включающая цели платформы, целевую аудиторию, функциональные возможности, механизмы взаимодействия пользователей,

особенности управления, ориентацию на национальные приоритеты, а также сильные стороны и ограничения каждой платформы.

Для структурирования сравнения дополнительно использована матрица из шести критериев. Она включает уровень профессионального нетворкинга, возможности экспертного взаимодействия, наличие наставничества, возможности проектного сотрудничества, степень институциональной интеграции и ориентацию на национальные приоритеты. Каждый критерий оценивался по трем уровням в зависимости от того, представлен ли соответствующий функционал на официальном сайте платформы в явном виде, частично или отсутствует. Матрица фиксирует наличие функций, а не результативность их использования. Количественные показатели активности пользователей и реализованных проектов в открытых источниках представлены неполно и несопоставимо между платформами, поэтому в исследовании они не использовались. Выводы статьи характеризуют функциональную направленность и потенциал платформ, а не их эффективность.

Анализ проводился на основе информации, размещенной на официальных сайтах платформ, а также материалов открытых источников, по состоянию на сентябрь 2026 года. Сравнение кейсов позволило выявить наиболее распространенные модели цифрового взаимодействия с диаспорой и определить особенности различных подходов поддержания связей с зарубежными сообществами.

Таблица 1. Аналитическая основа для сравнения платформ

Аналитический аспект	**Фокус анализа**
Цели платформы и целевая аудитория	Миссия, задачи и основные группы пользователей
Структура и функциональность платформы	Основные разделы платформы, цифровые сервисы и доступные инструменты
Механизмы вовлечения и взаимодействия пользователей	Нетворкинг, наставничество, консультации, участие в сообществах и совместных инициативах
Модель управления и поддержки	Организация управления платформой, источники поддержки и институциональная основа
Сильные стороны и ограничения	Преимущества платформы, ограничения и возможные проблемы использования
Вклад во взаимодействие с диаспорой	Формы поддержания связей с зарубежными сообществами и вовлечения представителей диаспоры
Ориентация на национальные приоритеты	Связь функций платформы с задачами страны происхождения в области человеческого капитала, экономического развития и международных связей

Результаты

Сравнительный анализ показывает, что рассмотренные платформы различаются не только по своему техническому устройству, но и по

моделям взаимодействия с зарубежными сообществами. Одни платформы ориентированы на укрепление связей с диаспорой и формирование чувства принадлежности, другие развивают экспертные сети, обмен знаниями, наставничество, информационную поддержку или механизмы общественного признания. Это демонстрирует, что взаимодействие с диаспорой может осуществляться через различные цифровые инструменты, каждый из которых решает собственный круг задач.

iDiaspora, запущенная Международной организацией по миграции (IOM) в 2018 году, является одной из наиболее сложных цифровых экосистем взаимодействия с диаспорами. В отличие от многих национальных инициатив, ориентированных преимущественно на информационную поддержку или поддержание культурных связей, iDiaspora объединяет функции профессионального нетворкинга, обучения, обмена знаниями, продвижения инициатив и поиска партнерств в рамках единой цифровой среды.

Архитектура платформы основана на трех взаимосвязанных направлениях Connect, Learn, Contribute (Объединяйся, обучайся, вноси вклад) [26]. Пользователям доступны инструменты поиска профилей и тематических сообществ, образовательные ресурсы, онлайн-курсы, мероприятия, публикации и аналитические материалы по вопросам взаимодействия с диаспорами. Наличие механизмов для поиска возможностей для сотрудничества, финансирования и реализации инициатив является дополнительным преимуществом.

Важной особенностью платформы выступает ее мультиакторный характер. Регистрация предусмотрена не только для индивидуальных участников, но и для бизнеса, общественных организаций и государственных учреждений, что создает условия для формирования устойчивых партнерств между различными заинтересованными сторонами. Таким образом, диаспора рассматривается как полноценный участник социально-экономического развития, а не как объект государственной политики.

Сильной стороной iDiaspora является ориентация на создание глобального сообщества практиков и экспертов, объединенных общими задачами развития диаспорного потенциала. Вместе с тем платформа не привязана к конкретной стране происхождения, что обеспечивает высокий уровень международного обмена опытом, но одновременно снижает возможности для адресного решения национальных задач, связанных с возвращением талантов, инвестициями или привлечением квалифицированных специалистов.

GlobalScot представляет собой транснациональную профессиональную сеть специалистов, предпринимателей и руководителей, связанных с Шотландией и проживающих в разных странах мира. Платформа действует с 2001 года, создана при поддержке Scottish Enterprise и Scottish Development

International и направлена на поддержание связей между зарубежными профессиональными сообществами и организациями внутри страны. Государственные институты развития обеспечивают организационную поддержку и координацию деятельности сети, управляя платформой.

В отличие от iDiaspora, ориентированной преимущественно на формирование сообщества и обмен знаниями, GlobalScot делает упор на практическое сотрудничество. Структура платформы включает каталог участников, поиск экспертов по странам, секторам и направлениям деятельности, разделы с историями успеха, мероприятиями и вебинарами, а также механизм подачи запросов на получение экспертной поддержки. Пользователи могут устанавливать профессиональные контакты, обращаться за консультациями и привлекать специалистов к решению конкретных задач [27].

Одним из главных преимуществ GlobalScot является наличие широкой международной сети участников с разнообразным профессиональным опытом и отраслевой экспертизой. Кроме того, инструменты прямого взаимодействия, которые позволяют организации связываться с необходимыми специалистами, создают дополнительную ценность. Важной особенностью платформы является ориентация на конкретный результат, что способствует превращению профессиональных контактов в реальные проекты, консультации и партнерства. Сеть рассматривается в литературе как одна из первых моделей диаспорных профессиональных сетей [19]. Однако платформа более специализирована по сравнению с общими платформами взаимодействия с диаспорой, поскольку она сосредоточена на вопросах предпринимательства и экономического развития.

Опыт GlobalScot показывает, что взаимодействие с диаспорой и зарубежными сообществами может строиться не только на основе культурных и социальных связей, но и через профессиональное сотрудничество, обмен опытом и экспертную поддержку. Анализ данного кейса демонстрирует потенциал цифровых платформ в мобилизации знаний, международных контактов и профессиональных ресурсов зарубежных сообществ для решения практических задач и развития устойчивых связей со страной происхождения.

Uzbekistan's Club

Особое место среди рассмотренных кейсов занимает Uzbekistan's Club, поскольку платформа сочетает элементы диаспорного сообщества, медийной площадки и сети профессиональных контактов. Платформа развивается с 2021 года как частная инициатива команды из сферы медиа и креативных индустрий, без участия государственных органов. Основная цель инициативы состоит в том, чтобы укрепить связи с соотечественниками, проживающими за рубежом, продвигать их достижения и стимулировать их участие в развитии Узбекистана [28].

Структура платформы состоит из нескольких взаимосвязанных частей. Категория *Residents* объединяет представителей диаспоры из различных стран и профессиональных сфер, предоставляя возможность поиска участников по направлениям деятельности. Раздел *Master Residents* формирует сообщество наиболее успешных специалистов и предпринимателей, готовых делиться знаниями, опытом и участвовать в проектах платформы. Отдельное направление *Media Residents* объединяет журналистов, блогеров и представителей медиаиндустрии, способствуя распространению информации о деятельности сообщества. Дополнительно платформа реализует собственные медиапроекты, посвященные историям успеха соотечественников, обучению, предпринимательству и жизни за рубежом. Онлайн-каталог дополняется очными форумами O'zbekistonlik, которые проводятся в разных городах мира.

Особенностью Uzbekistan's Club является сочетание профессионального каталога участников с инструментами общественного признания и медийного продвижения. В отличие от многих платформ, ориентированных исключительно на нетворкинг, здесь значительное внимание уделяется формированию позитивного образа диаспоры через интервью, документальные проекты и публичные истории успеха.

К сильным сторонам платформы можно отнести наличие структурированной базы участников, распределенной по сферам деятельности, использование медиаконтента для поддержания интереса аудитории и создание механизмов общественного признания достижений соотечественников. Вместе с тем у платформы остаются ограниченные возможности в области экспертного консультирования, наставничества и реализации совместных профессиональных проектов. Основной упор сделан на коммуникационной и имиджевой составляющей взаимодействия.

Опыт Uzbekistan's Club показывает, что сочетание профессионального сообщества, медийных проектов и механизмов общественного признания обладает потенциалом для поддержания связей с зарубежной диаспорой. Однако эта модель требует дальнейшего развития сервисов экспертного сотрудничества и передачи профессиональных знаний, чтобы увеличить практический вклад в развитие страны.

OQ.gov.kz и Erulik.kz

Еще один подход к взаимодействию с зарубежными соотечественниками демонстрируют платформы OQ.gov.kz (фонд «Отандастар») и Erulik.kz, ориентированные на поддержку этнических казахов, проживающих за пределами страны, а также кандасов, рассматривающих возможность переезда в Казахстан.

Платформа OQ.gov.kz развивается при поддержке фонда «Отандастар» и выступает цифровой площадкой для сохранения и укрепления связей с казахскими сообществами за рубежом. Фонд создан постановлением

Правительства Республики Казахстан в 2017 году со стопроцентным участием государства и работает с 2018 года. Структура сайта состоит из разделов, посвященных проектам фонда, обучению в Казахстане, образовательным программам, инициативам, связанным с культурой, международному сотрудничеству и информационной поддержке соотечественников. Среди представленных направлений работы можно выделить встречи с казахами за рубежом, исследовательские проекты, образовательные программы, молодежные инициативы и мероприятия, направленные на развитие связей с зарубежными сообществами [29].

Платформа Erulik.kz имеет более прикладную направленность и ориентирована на этнических казахов, планирующих переезд на историческую родину. Сайт содержит информацию о регионах расселения, условиях миграции, мерах государственной поддержки, трудоустройстве, жилищных проблемах и доступе к государственным услугам. Пользователи могут использовать цифровой интерфейс для получения информации, необходимой для принятия решения о переезде и адаптации [30]. Оформление статуса кандаса ведется через государственную платформу migration.enbek.kz, а Erulik.kz выполняет информационную и консультационную функцию.

Сильная сторона обеих платформ заключается в том, что информация и услуги объединены в цифровом пространстве. Erulik.kz помогает в интеграции и репатриации, а OQ.gov.kz поддерживает культурные, образовательные и общественные связи с зарубежными соотечественниками. Однако обе платформы имеют ограниченные возможности в области профессионального взаимодействия. В их структуре отсутствуют инструменты для поиска экспертов, профессиональные сообщества, механизмы наставничества и сервисы для реализации проектов с партнерами.

Анализ показывает, что OQ.gov.kz и Erulik.kz играют важную роль в поддержании связи с зарубежными соотечественниками, предоставляя им информацию, образование и консультации. Тем не менее взаимодействие больше ориентировано на предоставление услуг пользователям, чем на создание устойчивых профессиональных и экспертных сетей среди зарубежных соотечественников.

KoreanNet

Портал KoreanNet представляет собой государственный цифровой ресурс, ориентированный на поддержку корейцев, проживающих за рубежом. До 2023 года портал администрировался Overseas Koreans Foundation, затем функции фонда перешли к созданному при Министерстве иностранных дел Республики Корея Агентству по делам зарубежных корейцев (Overseas Koreans Agency). Данный ресурс преимущественно выполняет информационные и сервисные функции, в отличие от платформ, основной целью которых является создание профессиональных связей или объединение участников в сообществе.

Платформа состоит из нескольких взаимосвязанных направлений. Раздел Support Services for Overseas Koreans содержит сведения о программах поддержки и возможностях участия в инициативах агентства. В разделе Civil Services for Overseas Koreans размещена информация о законодательстве, административных процедурах и консультационных услугах. Отдельное направление Overseas Koreans Platform объединяет новости зарубежных корейских организаций и материалы о деятельности диаспорных сообществ. Кроме того, пользователи могут найти статистические данные, справочную информацию о корейцах в других странах и ссылки на профильные организации [31].

Платформа отличается высоким уровнем интеграции с государственными организациями. Большая часть ресурсов предназначена для предоставления официальной информации, консультационной помощи и помощи зарубежным корейцам во взаимодействии с государством. Таким образом, можно обеспечить единый доступ к необходимым услугам и новостям независимо от страны проживания пользователя.

Сильные стороны платформы включают в себя систематизацию информации о зарубежных корейских сообществах, регулярные обновления новостей и различные информационные и консультационные услуги. Другое преимущество заключается в том, что различные государственные программы и услуги объединены в один цифровой ресурс.

Однако на платформе остаются ограниченные возможности для создания профессиональных связей между участниками. На сайте отсутствуют продвинутые механизмы для поиска экспертов, наставничества, сотрудничества с профессионалами и реализации совместных проектов. Основное внимание сосредоточено на информировании пользователей и предоставлении им доступа к государственным услугам и программам поддержки.

Опыт KoreanNet показывает, что взаимодействие с зарубежными соотечественниками может строиться через модель цифрового сопровождения и сервисной поддержки. В данном случае зарубежные соотечественники рассматриваются прежде всего как получатели информации, консультаций и государственных услуг, что позволяет поддерживать устойчивую связь между государством и зарубежными сообществами независимо от их места проживания.

We Are Global Irish

We Are Global Irish представляет собой профессиональную сеть, созданную для объединения ирландцев, проживающих в разных странах мира. Платформа является частной инициативой и действует как социальное предприятие без государственного финансирования. Основная цель инициативы заключается в том, чтобы поддерживать профессиональные связи между членами ирландской диаспоры и развивать сотрудничество с Ирландией.

Прежде всего, платформа предназначена для представителей бизнеса, предпринимателей и специалистов, заинтересованных в расширении деловых контактов. Пользователи могут знакомиться друг с другом, обмениваться опытом и находить партнеров для совместной работы. Значительное внимание уделяется развитию международных связей и поиску новых возможностей для сотрудничества [32].

Особенностью платформы является ее четкая экономическая направленность. Если многие диаспорные ресурсы сосредоточены на культурных проектах или информационной поддержке соотечественников, то We Are Global Irish делает акцент на профессиональном взаимодействии и развитии деловых контактов.

К сильным сторонам платформы относится наличие международного сообщества специалистов и предпринимателей, заинтересованных в сотрудничестве. Платформа помогает расширить профессиональные связи и поддерживать связи между зарубежными ирландскими сообществами и сообществами страны происхождения.

Вместе с тем на платформе представлены программы развития навыков, реализуемые с партнерами, однако механизмы наставничества и экспертного консультирования по конкретным запросам отсутствуют. Основное внимание уделяется развитию деловых связей и взаимодействию профессионального сообщества.

Опыт We Are Global Irish показывает, что взаимодействие с диаспорой может строиться через профессиональные и предпринимательские сети. Благодаря такому подходу можно использовать знания, опыт и контакты соотечественников для развития международного сотрудничества и укрепления связей с зарубежными сообществами.

Сравнительная характеристика платформ по единой аналитической рамке представлена в таблице 2.

Таблица 2. Сравнительная характеристика цифровых платформ взаимодействия с диаспорой

Платформа	**Страна**	**Основная цель**	**Ключевые инструменты**	**Вклад во взаимодействие с диаспорой**	**Ограничения**
iDiaspora	Международная платформа	Создание глобального пространства сотрудничества между диаспорами	Сообщества, обучение, мероприятия, публикации, поиск возможностей	Объединяет представителей диаспоры, организации и экспертов в единую международную сеть	Ограниченная ориентация на задачи отдельных государств
GlobalScot	Шотландия	Вовлечение зарубежных специалистов в развитие экономики страны	Каталог экспертов, консультации, мероприятия, истории успеха	Обеспечивает передачу знаний, опыта и международных контактов через экспертные сети	Основное внимание уделяется предпринимательству и бизнесу

Uzbekistan's Club	Узбекистан	Повышение видимости и общественного признания достижений диаспоры	Каталог участников, интервью, медиапроекты, истории успеха	Укрепляет связь соотечественников со страной происхождения через публичное признание и профессиональное сообщество	Ограниченные возможности для экспертного консультирования и совместных проектов
OQ.gov.kz	Казахстан	Поддержание культурных, образовательных и общественных связей с зарубежными казахами	Образовательные программы, проекты, мероприятия, информационные ресурсы	Способствует сохранению устойчивых связей между зарубежными сообществами и страной происхождения	Ограниченно представлены профессиональные и экспертные сети
Erulik.kz	Казахстан	Содействие возвращению и адаптации этнических казахов	Консультации, информация о переселении, трудоустройстве и мерах поддержки	Поддерживает связь с исторической родиной через практические механизмы сопровождения репатриации	Не ориентирована на развитие профессионального взаимодействия внутри диаспоры
KoreanNet (Overseas Koreans Agency)	Республика Корея	Обеспечение информационной и государственной поддержки зарубежных корейцев	Консультационные сервисы, программы поддержки, справочные и информационные ресурсы	Формирует устойчивые каналы взаимодействия между государством и зарубежными корейскими сообществами	Ограниченные инструменты профессионального нетворкинга
We Are Global Irish	Ирландия	Развитие деловых и профессиональных связей ирландской диаспоры	Профессиональная сеть участников, мероприятия, деловые контакты	Использует потенциал диаспоры для расширения международного сотрудничества и деловых связей	Основное внимание сосредоточено на профессиональном сообществе

Результаты оценки платформ по шести критериям обобщены в таблице 3.

Таблица 3. Оценка платформ по критериям функциональной направленности

Платформа	**Профессиональный нетворкинг**	**Экспертное взаимодействие**	**Наставничество**	**Проектное сотрудничество**	**Профессиональная интеграция**	**Ориентация на национальные приоритеты**
iDiaspora	+	±	–	+	±	–
GlobalScot	+	+	+	+	+	+
Uzbekistan's Club	+	±	±	–	–	+
OQ.gov.kz	–	–	–	±	+	+
Erulik.kz	–	–	–	–	+	+
KoreanNet	–	–	–	±	+	+
We Are Global Irish	+	±	±	±	–	±

Примечание: «+» функционал представлен в явном виде, «±» представлен частично, «–» отсутствует. Оценка по официальным сайтам платформ по состоянию на сентябрь 2026 года.

Матрица показывает, что профессиональное измерение, которое охватывает первые четыре критерия, наиболее полно представлено в GlobalScot и We Are Global Irish. Институциональная интеграция и ориентация на национальные приоритеты сильнее всего выражены у платформ, созданных государственными структурами, таких как OQ.gov.kz, Erulik.kz и KoreanNet. Ни одна из платформ не сочетает высокие значения по всем шести критериям. Наставничество в явном виде представлено только в GlobalScot, а проектное сотрудничество в полном объеме поддерживают iDiaspora и GlobalScot.

Обсуждение

Результаты исследования подтверждают выводы научной литературы о том, что современные диаспоры являются не только источником денежных переводов, но и важным ресурсом знаний, профессионального опыта, международных контактов и экспертного потенциала. Как показывают работы Saxenian [2], Newland and Plaza [3], а также исследования International Organization for Migration [1], поддержание устойчивых связей с зарубежными сообществами позволяет использовать преимущества международной мобильности специалистов независимо от их места проживания.

По данным проведенного анализа, цифровые платформы стали одним из наиболее важных инструментов для такого рода взаимодействия. Однако данные исследования показывают, что не существует единой модели работы с диаспорой. По своим целям, способам вовлечения пользователей и способам поддержания связей с зарубежными сообществами рассматриваемые платформы значительно отличаются друг от друга.

Так, iDiaspora ориентирована на развитие международного сотрудничества, обмен знаниями и формирование глобальных профессиональных сетей. GlobalScot и We Are Global Irish используют потенциал зарубежных специалистов через экспертное и деловое взаимодействие. Uzbekistan’s Club делает акцент на общественном признании достижений соотечественников и укреплении связей с исторической родиной. В свою очередь OQ.gov.kz, Erulik.kz и KoreanNet сосредоточены на информационной, консультационной и организационной поддержке зарубежных сообществ.

Результаты исследования позволяют выделить несколько основных моделей цифрового взаимодействия с диаспорой. Первая модель основана на развитии профессиональных и экспертных сетей и предполагает вовлечение зарубежных специалистов в обмен знаниями, консультационную

деятельность и развитие международного сотрудничества. Вторая модель ориентирована на формирование сообщества и поддержание устойчивых связей между представителями диаспоры независимо от страны проживания. Третья модель связана с предоставлением информационной, образовательной и консультационной поддержки. Четвертая модель сосредоточена на вопросах общественного признания и популяризации достижений представителей диаспоры.

Выделенные модели по-разному соотносятся с национальными интересами страны происхождения, если использовать измерения, предложенные Nuechterlein [8]. Профессиональная и экспертная модель работает прежде всего на экономическое измерение, поскольку открывает доступ к знаниям, отраслевой экспертизе и деловым контактам зарубежных специалистов. GlobalScot и We Are Global Irish показывают, как такой доступ превращается в консультации и партнерства. Модель сетевого взаимодействия и обмена знаниями, представленная iDiaspora, укрепляет международные связи и встраивает национальные инициативы в глобальный контекст, хотя ее вклад в задачи конкретного государства остается опосредованным. Информационно-сервисная модель связана с демографической составляющей интересов и с сохранением человеческого капитала. OQ.gov.kz, Erulik.kz и KoreanNet решают эту задачу сходным образом, через сопровождение репатриации и поддержание связи с соотечественниками, которые не планируют переезд. Модель общественного признания и укрепления идентичности работает на репутацию страны и лояльность диаспоры, то есть на ресурс, который в исследованиях диаспорной политики связывают с расширением присутствия государства за рубежом [6, 7]. Таким образом, каждая модель охватывает лишь часть спектра национальных интересов. Наиболее полное покрытие достигается при сочетании моделей, а не при выборе одной из них.

Особого внимания заслуживает то, что платформы с наиболее выраженной функциональной направленностью предлагают пользователям понятную ценность участия. Анализ функционала показывает, что потенциал платформы определяется не количеством функций, а тем, насколько они отвечают конкретным потребностям зарубежных сообществ. Так, GlobalScot обеспечивает доступ к экспертным сетям и профессиональным консультациям, We Are Global Irish способствует развитию деловых контактов, Uzbekistan’s Club предоставляет площадку для общественного признания достижений соотечественников, а KoreanNet ориентирован на информационную и консультационную поддержку. Это показывает, что участие в деятельности диаспорных платформ основывается не только на культурной или национальной идентичности, но и на наличии практической пользы для пользователей.

Результаты также показывают, что взаимодействие с диаспорой в современном мире не ограничивается сохранением культурных связей. Если ранее основное внимание уделялось вопросам языка, традиций и национальной идентичности, то сегодня все большее значение приобретают знания, профессиональный опыт, экспертные контакты, предпринимательские инициативы и международные сети сотрудничества. Рассмотренные платформы показывают, что диаспора больше не рассматривается только как сообщество, проживающее за пределами страны происхождения, а как активный участник социального, экономического и интеллектуального развития.

Данный вывод согласуется с концепцией циркуляции мозгов, согласно которой специалисты, проживающие за рубежом, способны сохранять активные связи со страной происхождения через профессиональные сети, обмен знаниями и участие в совместных инициативах [2, 3]. Анализ рассмотренных платформ демонстрирует, что цифровые технологии создают дополнительные возможности для поддержания таких связей независимо от места проживания представителей диаспоры и позволяют трансформировать международную мобильность в ресурс долгосрочного сотрудничества.

Полученные результаты дополняют существующие исследования цифровых платформ. Так, Parker, Van Alstyne and Choudary [23] рассматривают платформы как механизм организации взаимодействия между различными группами пользователей. В свою очередь, анализ диаспорных платформ показывает, что такие решения одновременно выполняют социальные, профессиональные и институциональные функции. Они помогают не только обмену информацией, но и поддержанию долгосрочных связей между государствами и зарубежными сообществами.

Таким образом, цифровые платформы становятся важным элементом современной политики взаимодействия с диаспорой. Они позволяют поддерживать профессиональные, экспертные и общественные связи независимо от места проживания участников и создают дополнительные возможности для обмена знаниями, опытом и международными контактами. Распределение платформ по выделенным моделям представлено в таблице 4.

Таблица 4. Модели взаимодействия с диаспорой, выявленные в ходе исследования

Модель взаимодействия	**Основная цель**	**Платформы**
Профессиональная и экспертная	Использование знаний, опыта и деловых контактов зарубежных специалистов	GlobalScot, We Are Global Irish
Сетевое взаимодействие и обмен знаниями	Формирование международных сообществ и профессиональных связей	iDiaspora

Информационно-сервисная поддержка	Предоставление консультаций, программ поддержки и доступа к государственным услугам	OQ.gov.kz, Erulik.kz, KoreanNet
Общественное признание и укрепление идентичности	Поддержание связи со страной происхождения через истории успеха и публичное признание достижений	Uzbekistan's Club

Заключение

Проведенное исследование позволило проанализировать международный опыт использования цифровых платформ для взаимодействия с диаспорой и зарубежными сообществами. Результаты показывают, что цифровые технологии становятся одним из ключевых инструментов поддержания устойчивых связей между государствами и соотечественниками, проживающими за рубежом.

Сравнительный анализ показал, что нет универсальной модели взаимодействия с диаспорой. По своим целям, механизмам работы и способам вовлечения пользователей рассматриваемые платформы отличаются друг от друга. Одни из них ориентированы на развитие профессиональных и экспертных сетей, другие на поддержку культурных и общественных связей, третьи на предоставление информационных и консультационных услуг. Вместе с тем все рассмотренные платформы направлены на сохранение устойчивого взаимодействия между зарубежными сообществами и страной происхождения.

Исследование позволило выделить четыре основные модели цифрового взаимодействия с диаспорой. К ним относятся профессиональная и экспертная модель, модель сетевого взаимодействия и обмена знаниями, информационно-сервисная модель, а также модель общественного признания и укрепления идентичности. Каждая из них решает определенный круг задач и отражает определенный подход к использованию потенциала зарубежных сообществ.

Результаты анализа подтверждают выводы научной литературы о том, что современные диаспоры выступают не только носителями культурной идентичности, но и важным источником знаний, профессионального опыта, международных контактов и экспертного потенциала. В этих условиях значение приобретают не только меры по возвращению специалистов, но и механизмы поддержания устойчивых связей независимо от страны их проживания.

Практическая значимость исследования заключается в выявлении наиболее распространенных инструментов цифрового взаимодействия с диаспорой, которые могут быть использованы при совершенствовании государственной политики и разработке новых цифровых решений для работы с зарубежными сообществами. Полученные результаты могут

представлять интерес для государственных органов, исследователей и организаций, занимающихся вопросами миграции, развития человеческого капитала и международного сотрудничества.

Сопоставление моделей с измерениями национальных интересов показывает, что платформы, созданные государственными структурами, сильнее ориентированы на сервисное и культурное измерения. Профессиональное и экспертное измерение полнее представлено в сетях, которые развиваются при участии институтов развития или частных инициатив. Это наблюдение относится ко всем рассмотренным странам. Оно указывает на то, что сочетание нескольких моделей в рамках одной национальной экосистемы расширяет вклад диаспоры в реализацию национальных интересов.

Таким образом, результаты исследования показывают, что потенциал цифрового взаимодействия с диаспорой определяется не количеством функций платформы, а тем, насколько они соответствуют задачам зарубежных сообществ. Выделенные модели взаимодействия могут быть использованы при разработке новых цифровых решений и совершенствовании политики взаимодействия с диаспорой.

ЛИТЕРАТУРА

[1] International Organization for Migration. World migration report 2024 [Электронный ресурс]. Geneva: International Organization for Migration, 2024. URL: https://worldmigrationreport.iom.int/msite/wmr-2024-interactive/ (дата обращения: 09.09.2026).

[2] Saxenian A. L. From brain drain to brain circulation: Transnational communities and regional upgrading in India and China // Studies in Comparative International Development. - 2005. - Vol. 40, No. 2. - P. 35–61. https://doi.org/10.1007/BF02686293.

[3] Newland K., Plaza S. What we know about diasporas and economic development. - Washington, DC: Migration Policy Institute, 2013. URL: https://www.migrationpolicy.org/research/what-we-know-about-diasporas-and-economic-development (дата обращения: 09.09.2026).

[4] International Organization for Migration. Diaspora engagement [Электронный ресурс]. URL: https://www.iom.int/diaspora-engagement (дата обращения: 09.09.2026).

[5] World Economic Forum. The future of jobs report 2025. - Geneva: World Economic Forum, 2025. URL: https://www.weforum.org/publications/the-future-of-jobs-report-2025/ (дата обращения: 09.09.2026).

[6] Gamlen A. Diaspora institutions and diaspora governance // International Migration Review. - 2014. - Vol. 48, No. S1. - P. S180–S217. https://doi.org/10.1111/imre.12136.

[7] Ragazzi F. A comparative analysis of diaspora policies // Political

Geography. - 2014. -Vol. 41. - P. 74–89. https://doi.org/10.1016/j.polgeo.2013.12.004.

[8] Nuechterlein D. E. National interests and foreign policy: A conceptual framework for analysis and decision-making // British Journal of International Studies. - 1976. - Vol. 2, No. 3. - P. 246–266. https://doi.org/10.1017/S0260210500116729.

[9] О национальной безопасности Республики Казахстан: Закон Республики Казахстан от 6 января 2012 года № 527-IV (с изменениями и дополнениями) [Электронный ресурс]. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1200000527 (дата обращения: 09.09.2026).

[10] Act on the Immigration and Legal Status of Overseas Koreans: Act No. 6015 of 2 September 1999, as amended by Act No. 16917 of 4 February 2020 [Электронный ресурс] / Korea Law Information Center. URL: https://www.law.go.kr/LSW/lsInfoP.do?lsiSeq=213807&chrClsCd=010203&urlMode=engLsInfoR&viewCls=engLsInfoR (дата обращения: 09.09.2026).

[11] Becker G. S. Human capital: A theoretical and empirical analysis, with special reference to education. 3rd ed. Chicago: University of Chicago Press, 1994.

[12] Docquier F., Rapoport H. Globalization, brain drain, and development // Journal of Economic Literature. - 2012. - Vol. 50, No. 3. - P. 681–730. https://doi.org/10.1257/jel.50.3.681.

[13] Safran W. Diasporas in modern societies: Myths of homeland and return // Diaspora: A Journal of Transnational Studies. - 1991. - Vol. 1, No. 1. - P. 83–99. https://doi.org/10.1353/dsp.1991.0004.

[14] Cohen R. Global diasporas: An introduction. 2nd ed. London: Routledge, 2008.

[15] Brubaker R. The ‘diaspora’ diaspora // Ethnic and Racial Studies. - 2005. - Vol. 28, No. 1. - P. 1–19. https://doi.org/10.1080/0141987042000289997.

[16] Vertovec S. Three meanings of “diaspora”, exemplified among South Asian religions // Diaspora: A Journal of Transnational Studies. - 1997. - Vol. 6, No. 3. - P. 277–299. https://doi.org/10.1353/dsp.1997.0010.

[17] О миграции населения: Закон Республики Казахстан от 22 июля 2011 года № 477-IV (с изменениями и дополнениями) [Электронный ресурс]. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1100000477 (дата обращения: 09.09.2026).

[18] Meyer J.-B. Network approach versus brain drain: Lessons from the diaspora // International Migration. - 2001. Vol. 39, No. 5. - P. 91–110. https://doi.org/10.1111/1468-2435.00173.

[19] Kuznetsov Y. (ed.). Diaspora networks and the international migration of skills: How countries can draw on their talent abroad. Washington, DC: World Bank, 2006.

[20] Agunias D. R., Newland K. Developing a road map for engaging diasporas in development: A handbook for policymakers and practitioners in

home and host countries. Geneva; Washington, DC: International Organization for Migration; Migration Policy Institute, 2012 [Электронный ресурс]. URL: https://www.migrationpolicy.org/sites/default/files/publications/thediasporahandbook-Chapt7.pdf (дата обращения: 09.09.2026).

[21] Organisation for Economic Co-operation and Development. International migration [Электронный ресурс]. URL: https://www.oecd.org/migration/ (дата обращения: 09.09.2026).

[22] Ismailova R., Bokaev B. Challenges and opportunities of Kazakhstan's migration policy // Public Administration and Civil Service. - 2020. - Vol. 73, No. 2. - P. 4–14. https://doi.org/10.52123/1994-2370-2020-73-2-4-14.

[23] Parker G. G., Van Alstyne M. W., Choudary S. P. Platform revolution: How networked markets are transforming the economy and how to make them work for you. New York: W. W. Norton & Company, 2016.

[24] Tiwana A. Platform ecosystems: Aligning architecture, governance, and strategy. Burlington, MA: Morgan Kaufmann, 2013.

[25] Nambisan S., Wright M., Feldman M. The digital transformation of innovation and entrepreneurship: Progress, challenges and key themes // Research Policy. - 2019. - Vol. 48, No. 8. Article 103773. https://doi.org/10.1016/j.respol.2019.03.018.

[26] iDiaspora [Электронный ресурс] / International Organization for Migration. URL: https://www.idiaspora.org/en/home-public (дата обращения: 09.09.2026).

[27] GlobalScot [Электронный ресурс] / Scottish Enterprise. URL: https://www.globalscot.com/ (дата обращения: 09.09.2026).

[28] Uzbekistan's Club. About us [Электронный ресурс]. URL: https://uzbekistans.club/about-us (дата обращения: 09.09.2026).

[29] OQ [Электронный ресурс] / Otandastar Foundation. URL: https://oq.gov.kz/ru (дата обращения: 09.09.2026).

[30] Erulik [Электронный ресурс] / Otandastar Foundation. URL: https://erulik.kz/ (дата обращения: 09.09.2026).

[31] KoreanNet [Электронный ресурс] / Overseas Koreans Agency. URL: https://okocc.or.kr/portal_en/main.do (дата обращения: 09.09.2026).

[32] We Are Global Irish. About us [Электронный ресурс]. URL: https://weareglobalirish.com/ (дата обращения: 09.09.2026).

REFERENCES

[1] International Organization for Migration. World migration report 2024. Geneva: International Organization for Migration, 2024. https://worldmigrationreport.iom.int/msite/wmr-2024-interactive/ (accessed 09.09.2026).

[2] Saxenian A. L. From brain drain to brain circulation: Transnational communities and regional upgrading in India and China. Studies in Comparative International Development, 2005, Vol. 40, No. 2, p. 35–61. https://doi.org/10.1007/BF02686293.

[3] Newland K., Plaza S. What we know about diasporas and economic development. Washington, DC: Migration Policy Institute, 2013. https://www.migrationpolicy.org/research/what-we-know-about-diasporas-and-economic-development (accessed 09.09.2026).

[4] International Organization for Migration. Diaspora engagement. https://www.iom.int/diaspora-engagement (accessed 09.09.2026).

[5] World Economic Forum. The future of jobs report 2025. Geneva: World Economic Forum, 2025. https://www.weforum.org/publications/the-future-of-jobs-report-2025/ (accessed 09.09.2026).

[6] Gamlen A. Diaspora institutions and diaspora governance. International Migration Review, 2014, Vol. 48, No. S1, p. S180–S217. https://doi.org/10.1111/imre.12136.

[7] Ragazzi F. A comparative analysis of diaspora policies. Political Geography, 2014, Vol. 41, p. 74–89. https://doi.org/10.1016/j.polgeo.2013.12.004.

[8] Nuechterlein D. E. National interests and foreign policy: A conceptual framework for analysis and decision-making. British Journal of International Studies, 1976, Vol. 2, No. 3, p. 246–266. https://doi.org/10.1017/S0260210500116729.

[9] O natsional'noy bezopasnosti Respubliki Kazakhstan: Zakon Respubliki Kazakhstan ot 6 yanvarya 2012 goda № 527-IV (s izmeneniyami i dopolneniyami) [On National Security of the Republic of Kazakhstan: Law of the Republic of Kazakhstan of 6 January 2012 No. 527-IV (as amended)]. https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1200000527 (accessed 09.09.2026) [in Russ.].

[10] Act on the Immigration and Legal Status of Overseas Koreans: Act No. 6015 of 2 September 1999, as amended by Act No. 16917 of 4 February 2020. Korea Law Information Center. https://www.law.go.kr/LSW/lsInfoP.do?lsiSeq=213807&chrClsCd=010203&urlMode=engLsInfoR&viewCls=engLsInfoR (accessed 09.09.2026).

[11] Becker G. S. Human capital: A theoretical and empirical analysis, with special reference to education. 3rd ed. Chicago: University of Chicago Press, 1994.

[12] Docquier F., Rapoport H. Globalization, brain drain, and development. Journal of Economic Literature, 2012, Vol. 50, No. 3, p. 681–730. https://doi.org/10.1257/jel.50.3.681.

[13] Safran W. Diasporas in modern societies: Myths of homeland and return. Diaspora: A Journal of Transnational Studies, 1991, Vol. 1, No. 1, p. 83–99. https://doi.org/10.1353/dsp.1991.0004.

[14] Cohen R. Global diasporas: An introduction. 2nd ed. London: Routledge, 2008.

[15] Brubaker R. The 'diaspora' diaspora. Ethnic and Racial Studies, 2005, Vol. 28, No. 1, p. 1–19. https://doi.org/10.1080/0141987042000289997.

[16] Vertovec S. Three meanings of “diaspora”, exemplified among South Asian religions. Diaspora: A Journal of Transnational Studies, 1997, Vol. 6, No. 3, p. 277–299. https://doi.org/10.1353/dsp.1997.0010.

[17] O migratsii naseleniya: Zakon Respubliki Kazakhstan ot 22 iyulya 2011 goda № 477-IV (s izmeneniyami i dopolneniyami) [On Migration of Population: Law of the Republic of Kazakhstan of 22 July 2011 No. 477-IV (as amended)]. https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1100000477 (accessed 09.09.2026) [in Russ.].

[18] Meyer J.-B. Network approach versus brain drain: Lessons from the diaspora. International Migration, 2001, Vol. 39, No. 5, p. 91–110. https://doi.org/10.1111/1468-2435.00173.

[19] Kuznetsov Y. (ed.). Diaspora networks and the international migration of skills: How countries can draw on their talent abroad. Washington, DC: World Bank, 2006.

[20] Agunias D. R., Newland K. Developing a road map for engaging diasporas in development: A handbook for policymakers and practitioners in home and host countries. Geneva; Washington, DC: International Organization for Migration; Migration Policy Institute, 2012. https://www.migrationpolicy.org/sites/default/files/publications/thediasporahandbook-Chapt7.pdf (accessed 09.09.2026).

[21] Organisation for Economic Co-operation and Development. International migration. https://www.oecd.org/migration/ (accessed 09.09.2026).

[22] Ismailova R., Bokaev B. Challenges and opportunities of Kazakhstan’s migration policy. Public Administration and Civil Service, 2020, Vol. 73, No. 2, p. 4–14. https://doi.org/10.52123/1994-2370-2020-73-2-4-14.

[23] Parker G. G., Van Alstyne M. W., Choudary S. P. Platform revolution: How networked markets are transforming the economy and how to make them work for you. New York: W. W. Norton & Company, 2016.

[24] Tiwana A. Platform ecosystems: Aligning architecture, governance, and strategy. Burlington, MA: Morgan Kaufmann, 2013.

[25] Nambisan S., Wright M., Feldman M. The digital transformation of innovation and entrepreneurship: Progress, challenges and key themes. Research Policy, 2019, Vol. 48, No. 8, Article 103773. https://doi.org/10.1016/j.respol.2019.03.018.

[26] iDiaspora. International Organization for Migration. https://www.idiaspora.org/en/home-public (accessed 09.09.2026).

[27] GlobalScot. Scottish Enterprise. https://www.globalscot.com/ (accessed 09.09.2026).

[28] Uzbekistan’s Club. About us. https://uzbekistans.club/about-us (accessed 09.09.2026).

[29] OQ. Otandastar Foundation. https://oq.gov.kz/ru (accessed 09.09.2026).

[30] Erulik. Otandastar Foundation. https://erulik.kz/ (accessed 09.09.2026).

[31] KoreanNet. Overseas Koreans Agency. https://okocc.or.kr/portal_en/main.do (accessed 09.09.2026).

[32] We Are Global Irish. About. https://weareglobalirish.com/ (accessed 09.09.2026).

ҰЛТТЫҚ МҮДДЕЛЕРДІ ҚОРҒАУ КОНТЕКСТІНДЕГІ ДИАСПОРАМЕН ЦИФРЛЫҚ ӨЗАРА ІС-ҚИМЫЛ: ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ТӘЖІРИБЕЛЕРДІҢ САЛЫСТЫРМАЛЫ ТАЛДАУЫ

Бокаев Б.Н.[1], Шайхутдинов Т.М.[2], *Наурызбек М.Д.[3], Наурызбек К.Д.[4]

[1] Қарағанды индустриялық университеті, Теміртау, Қазақстан

[2] Қазақстан Республикасы Президентінің жанындағы Мемлекеттік басқару академиясы, Астана халықаралық университеті, Астана, Қазақстан

*[3] Зияткерлік әлеуетті зерттеу және дамыту орталығы, Астана, Қазақстан

[4] «Самұрық-Энерго» АҚ, Астана, Қазақстан

Аңдатпа. Мақала диаспорамен және шетелдегі қауымдастықтармен өзара іс-қимыл жасау үшін қолданылатын цифрлық платформаларды талдауға арналған. iDiaspora, GlobalScot, Uzbekistan's Club, OQ.gov.kz, Erulik.kz, KoreanNet (Overseas Koreans Agency) және We Are Global Irish платформаларының салыстырмалы талдауы негізінде шетелдегі отандастармен байланысты сақтаудың заманауи тәсілдері қарастырылды. Зерттеу нәтижелері цифрлық платформалардың әртүрлі функцияларды атқаратынын және кәсіби әрі сарапшылық желілерді дамыту, білім алмасу, ақпараттық қолдау көрсету және диаспорамен байланыстарды нығайту мақсатында пайдаланылатынын көрсетті. Жүргізілген талдау негізінде шетелдегі қауымдастықтармен цифрлық өзара іс-қимылдың негізгі үлгілері айқындалып, олардың әртүрлі елдердегі қолданылу ерекшеліктері ашып көрсетілді. Айқындалған үлгілердің шығу елдеріндегі адами капитал, экономикалық даму және халықаралық байланыстар салаларындағы ұлттық мүдделермен қалай арақатынаста болатыны көрсетілді. Алынған нәтижелер диаспорамен өзара іс-қимылдың заманауи тетіктерін және мемлекеттер мен шетелдегі қауымдастықтар арасындағы тұрақты байланыстарды қолдаудағы цифрлық платформалардың рөлін тереңірек түсінуге мүмкіндік береді.

Тірек сөздер: диаспора, цифрлық платформалар, халықаралық көші-қон, сарапшылық желілер, білім алмасу, шетелдегі қауымдастықтар, диаспорамен өзара іс-қимыл, ұлттық мүдделер, шетелдегі отандастар, трансұлттық кәсіби желілер

Қаржыландыру. Зерттеу Қазақстан Республикасы Ғылым және жоғары білім министрлігі Ғылым комитетінің № AP26104137 гранты шеңберінде жүзеге асырылды.

DIGITAL ENGAGEMENT WITH DIASPORAS IN THE CONTEXT OF PROTECTING NATIONAL INTERESTS: A COMPARATIVE ANALYSIS OF INTERNATIONAL PRACTICES

Bokayev B.N.[1], Shaikhutdinov T.M.[2], *Nauryzbek M.D.[3], Nauryzbek K.D.[4]
[1] Karaganda Industrial University, Temirtau city, Kazakhstan
[2] Academy of Public Administration under the President of the Republic of Kazakhstan, Astana International University, Astana, Kazakhstan
*[3] Center for Research and Development of Intellectual Potential Astana, Kazakhstan
[4] Samruk-Energy JSC, Astana, Kazakhstan

Abstract. This article analyzes digital platforms used for interaction with the diaspora and foreign communities. A comparative analysis of the platforms iDiaspora, GlobalScot, Uzbekistan's Club, OQ.gov.kz, Erulik.kz, KoreanNet (Overseas Koreans Agency), and We Are Global Irish examines modern approaches to maintaining ties with compatriots abroad. The study's findings demonstrate that digital platforms serve various functions and are used to develop professional and expert networks, exchange knowledge, provide information support, and strengthen ties with the diaspora. Based on the analysis, the main models of digital interaction with foreign communities are identified and the specifics of their application in various countries are revealed. The article shows how the identified models relate to the national interests of countries of origin in the areas of human capital, economic development and international ties. The findings provide a broader understanding of modern mechanisms for interaction with the diaspora and the role of digital platforms in maintaining sustainable ties between states and foreign communities.

Keywords: diaspora, digital platforms, international migration, expert networks, knowledge exchange, foreign communities, interaction with the diaspora, national interests, compatriots abroad, transnational professional networks.

Funding. This research was funded by the Science Committee of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan (Grant No. AP26104137).

Сведения об авторах:

Бокаев Бауржан Нурланович - PhD, профессор, Карагандинский индустриальный университет, г. Темиртау, Казахстан, e-mail: baurzhanbokayev@gmail.com, https://orcid.org/0000-0002-1037-7085

Шайхутдинов Темирлан Маратович — докторант, Академия государственного управления при Президенте Республики Казахстан, член Наблюдательного совета Международного университета Астана, г. Астана, Казахстан, e-mail: t.shaikh@aiu.edu.kz, https://orcid.org/0009-0007-8124-1090

Наурызбек Мадина Дулатқызы — доктор государственного управления, старший научный сотрудник, Центр исследований и развития интеллектуального потенциала, г. Астана, Казахстан, e-mail: m.nauryz@gmail.com, https://orcid.org/0009-0002-1576-1913

Наурызбек Камиля Дулатқызы — магистр экономики, со-главный директор по инвестициям, АО «Самрук-Энерго», г. Астана, Казахстан, e-mail: k.nauryzbek@samruk-energy.kz, https://orcid.org/0009-0001-8621-1890

Авторлар туралы мәліметтер:

Бокаев Бауыржан Нұрланұлы — PhD, профессор, Қарағанды индустриялық университеті, Теміртау қ., Қазақстан, e-mail: baurzhanbokayev@gmail.com, https://orcid.org/0000-0002-1037-7085

Шайхутдинов Темірлан Маратұлы — докторант, Қазақстан Республикасы Президентінің жанындағы Мемлекеттік басқару академиясы, Астана халықаралық университеті Бақылау кеңесінің мүшесі, Астана қ., Қазақстан, e-mail: t.shaikh@aiu.edu.kz, https://orcid.org/0009-0007-8124-1090

Наурызбек Мадина Дулатқызы — мемлекеттік басқару докторы, аға ғылыми қызметкер, Зияткерлік әлеуетті зерттеу және дамыту орталығы, Астана қ., Қазақстан, e-mail: m.nauryz@gmail.com, https://orcid.org/0009-0002-1576-1913

Наурызбек Камиля Дулатқызы — экономика магистрі, инвестициялар жөніндегі қосалқы бас директор, «Самұрық-Энерго» АҚ, Астана қ., Қазақстан, e-mail: k.nauryzbek@samruk-energy.kz, https://orcid.org/0009-0001-8621-1890

Information about authors:

Bokayev Baurzhan Nurlanovich — Ph.D., Professor, Karaganda Industrial University, Temirtau city, Kazakhstan, e-mail: baurzhanbokayev@gmail.com, https://orcid.org/0000-0002-1037-7085

Shaikhutdinov Temirlan Maratovich — PhD Candidate, Academy of Public Administration under the President of the Republic of Kazakhstan, Member of the Board of Trustees of Astana International University, Astana, Kazakhstan, e-mail: t.shaikh@aiu.edu.kz, https://orcid.org/0009-0007-8124-1090

Nauryzbek Madina Dulatkyzy — Doctor of Public Administration, Senior Researcher, Center for Research and Development of Intellectual Potential, Astana, Kazakhstan, e-mail: m.nauryz@gmail.com, https://orcid.org/0009-0002-1576-1913

Nauryzbek Kamilya Dulatkyzy — MSc in Economics, Co-Chief Investment Officer, Samruk-Energy JSC, Astana, Kazakhstan, e-mail: k.nauryzbek@samruk-energy.kz, https://orcid.org/0009-0001-8621-1890

Статья поступила / Мақала түсті / Received: 17.06.2026.
Принята к публикации / Жариялауға қабылданды / Accepted: 28.09.2026

УДК 321.022
МРНТИ 11.15.89
https://doi.org/10.48371/ISMO.2026.65.3.008

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В СОВРЕМЕННОМ КАЗАХСТАНЕ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

* Мармонтова Т.В.[1], Кабазиев М.Ш.[2], Шакенов А.А.[3]
*[1,3] Научный институт изучения Улуса Джучи, Астана, Казахстан
[2] Институт внешнеполитических исследований при МИД РК
Астана, Казахстан

Аннотация. Рост международной нестабильности приводит к росту значения исторической памяти как инструмента формирования и воспроизводства политической идентичности. Важное место в современных практиках политики памяти занимает память о Второй мировой войне, обладающая высоким консолидирующим общество потенциалом.

Цель данной статьи состоит в выявлении механизмов воспроизводства политической идентичности в современном Казахстане принимая во внимание роль исторической памяти о Великой Отечественной войне. Достижение цели возможно через реализацию таких задач, как определение структуры коллективной памяти и каналов ее воспроизводства. Важным инструментом достижения исследовательских задач является сравнительный анализ моделей политики памяти в странах Европейского союза, России, Беларуси и Казахстана.

Научная значимость работы заключается в развитии представлений о роли исторической памяти как механизма воспроизводства политической идентичности. Практическая значимость заключается в возможности использования полученных результатов при разработке государственной политики памяти, образовательных программ и мемориальных практик.

Методология построена на применении стратегии смешанных методов, которая включает количественный и качественный анализ данных социологического опроса 606 респондентов, тематическое кодирование открытых ответов и интерпретацию результатов с использованием современных концепций коллективной памяти и политической идентичности.

В результате исследования были сделаны выводы о том, что коллективной памяти молодых казахстанцев доминируют нарративы героизма, коллективного труда и общего вклада в Победу. Эти нарративы формируют общее символическое пространство политического сообщества. Ведущими каналами воспроизводства исторической памяти являются образование, музеи, мемориальные практики и средства массовой

информации. Обращает на себя внимание факт отсутствия статистически значимой связи между языком повседневной коммуникации и политической идентичностью, что подводит к выводу о формировании инклюзивной надэтнической и надъязыковой модели политической идентичности.

Исследователи смогли разработать многоуровневую модель воспроизводства политической идентичности, состоящей из институционального, символического, когнитивного и интегративного уровней. Полученные результаты возможно применить в рамках совершенствования образовательной, мемориальной и государственной политики, направленной на укрепление общественной консолидации и гражданской идентичности.

Ключевые слова: историческая память; политическая идентичность; политика памяти; Великая Отечественная война; Казахстан; коллективная память; общественная консолидация; политическое сообщество.

Финансирование. Статья подготовлена в рамках научного проекта грантового финансирования Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан ИРН AP26104221 «Влияние локальной коллективной памяти на развитие местных сообществ».

Введение

В условиях роста международной нестабильности историческая память становиться стратегическим ресурсом, служащим для воспроизведения ценностей, символов и представлений, необходимых для формирования сплоченного гражданского общества. Под политической идентичностью в данной статье понимается разделяемое представление о принадлежности к единому политическому сообществу, воспроизводимое посредством общих символов и исторической памяти. Эти представления о прошлом обеспечивают воспроизводство исторического нарратива, без которого затрудняется функционирование единого политического пространства. Описываемая проблема активно изучалась и продолжает изучаться в общественных науках. В классической работе Б. Андерсона, нация определяется как «воображаемое сообщество», существование которого поддерживается через разделяемые символы и коллективные представления о прошлом [1, с.6], что сильно связывает вопрос с проблемой формирования идентичности. Интегральность национальной идентичности в трактовке Э. Геллнера представляется как результат деятельности институтов социализации, главным образом, образования и государственной культурной политики [2, с. 34–38]. По сути, классические конструктивистские работы отводят исторической памяти роль одного из механизмов воспроизводства политической идентичности.

Ход времени все больше отделяет нас от событий Второй мировой войны, и это влияет на текущие механизмы передачи памяти. Главным каналом передачи памяти становиться институциональный, потому что практически не осталось живых носителей. Однако, как замечает Я. Ассман коллективная память может существовать в двух взаимосвязанных формах - коммуникативной и культурной. Смена поколений приводит к тому, что память, основанная на прямой коммуникации современников, институционализируется и переходит в культурную память, закрепленную в различных формах репрезентации [3, с.36-38]. П. Нора связывает сохранение коллективной идентичности с функционированием «мест памяти», компенсирующих исчезновение живой памяти поколений [4, с.7-8]. Память о Второй мировой войне из-за своего высокого консолидирующего потенциала занимает особое место в современных практиках политики памяти. Для Казахстана рассматриваемый вопрос представляет собой особый исследовательский кейс. В Республике Казахстан, поликультурном и полиэтническом обществе память о Великой Отечественной войне является одним из объединяющих общество исторических нарративов. Представления о коллективном подвиге, трудовом вкладе, единстве общества и общей Победе образуют одно из символических оснований гражданского сообщества Казахстана. Все это обосновывает актуальность изучения того, имеются ли такие исторические нарративы, содержание которых может воспроизводиться в общественном сознании вне зависимости от языковых и социокультурных особенностей, способны ли они выступать основаниями общей казахстанской политической идентичности.

Исследовательский интерес к данной проблеме обусловлен возможностью выявить механизмы формирования единого политического сообщества посредством анализа структуры коллективной памяти. Причем значимость здесь не ограничивается исключительно теоретическими вопросами. Эмпирический анализ дает возможность установить какие исторические нарративы разделяются обществом, а какие присутствуют исключительно в официальном дискурсе. Так представляется возможным на основе данных оценить интеграционный потенциал политики памяти для развития гражданской идентичности. Несмотря на значительное число исследований политики памяти, вопросы внутренней структуры коллективной памяти и механизмов ее воспроизводства остаются недостаточно изученными. Научная новизна исследования заключается в выявлении внутренней структуры коллективной памяти о Великой Отечественной войне в современном Казахстане, определении механизмов ее воспроизводства и эмпирической оценке ее влияния на формирование политической идентичности.

Описание материалов и методов

В исследовании использована стратегия смешанных методов, позволившая объединить количественный и качественный анализ исторической памяти как механизма воспроизводства политической идентичности. Количественный этап был направлен на выявление распространенности исторических представлений о Великой Отечественной войне, их структуры и различий между социально-демографическими группами респондентов. Качественный этап исследования состоял в проведении тематического анализа открытых ответов респондентов, которые были подвергнуты индуктивному тематическому кодированию, в результате которого были выделены основные смысловые категории коллективной памяти. Сочетание подходов обеспечило возможность перейти от описания структуры коллективной памяти к объяснению ее роли как одного из механизмов формирования и воспроизводства политического сообщества.

Для получения первичного массива данных в 2025 году был проведен опрос с участием 606 респондентов. Распространение анкеты велось через личные, профессиональные и экспертные сети участников исследования, что создало возможности для привлечения респондентов из всех регионов Казахстана. Территориальное распределение выборки получилось неравномерным. 57,9 % участников опроса проживали в Западном Казахстане (Актюбинская, Атырауская, Западно-Казахстанская и Мангыстауская области). 17,5 % респондентов проживали в Южном Казахстане. Центральный Казахстан представили 9,2% опрошенных, Северный Казахстан - 8,3%, Восточный Казахстан - 7,1%. Полученные результаты дают возможность фиксировать тенденции в рамках собранного массива данных, не экстраполируя на население Казахстана в целом. Так как участниками исследования стали в основном городские жители (76,7%), против 23,3% участников из сельской местности полученное распределение позволяет рассматривать полученные результаты как отражающие, прежде всего, взгляды горожан. Женщины составили 63,7% всех участников опроса, тогда как доля мужчин - 31,4%. Ещё 5,0 % респондентов предпочли не указывать пол. Полученные результаты интерпретируются как взгляды молодого поколения, в опросе приняло участие 55,4% (в возрасте от 18-29 лет). Вторую по численности группу составили респонденты в возрасте 30-49 лет, на которых приходится 33,3% выборки. Их значительная доля позволяет частично уравновесить «молодёжный» характер выборки. Наиболее многочисленную группу составили респонденты с высшим образованием (51,0%), эта категория формирует интерпретационное ядро исследования. Значительную долю занимают участники со средним образованием (35,5%), их присутствие расширяет социальный охват и повышает прикладную ценность результатов. Социально-профессиональная

структура выборки отражает преобладание экономически и социально активных групп, находящихся в фазе обучения, занятости или гибких форм трудовой деятельности. Это усиливает ориентацию результатов на текущую повестку, индивидуальные стратегии и практический опыт, при относительном снижении роли пенсионного и маргинального сегментов.

Теоретическая интерпретация результатов осуществлялась посредством сопоставления эмпирических данных с современными теориями политики памяти и политической идентичности. Исследования все чаще рассматривают историческую память как инструмент государственной политики. А. Сирп отмечает, что рост секьюритизации и политизации коллективной памяти привел к ее превращению в ресурс конструирования политической идентичности [5, с.1464–1465]. Й. Шульц видит в проработке прошлого динамический процесс, в рамках которого социальная группа переосмысливает моральные катастрофы прошлого и интегрирует их в коллективную идентичность [6, с.396]. К. Стенлунд рассматривает память о Холокосте и нарратив «Never Again» как базис формирования современных общеевропейских ценностей и коллективной идентичности [7, с.277-278]. Влияние государственной политики и СМИ на процесс формирования коллективной памяти оценивают российские исследователи Ю. Никитина и М. Акаткин, делая акцент на ее различных проявлениях [8, с.80]. Важно обратить внимание на то, что институциональное закрепление исторической памяти в официальных документах и законодательстве характерно для части государств Евразии. В частности, это можно видеть на примере Конституции Российской Федерации [9] и Закона Республики Беларусь «О геноциде белорусского народа» [10].

Отечественные исследования сосредоточены на проблемах национального строительства, трансформации общественного сознания и символической политики. В работе М. Шайкемелева процессы формирования идентичности определяются как один из определяющих шагов в процессе модернизации общественного сознания и национально-государственного строительства [11, с.4-6]. М. Кабазиев считает политическую идентичность одной из форм развитой коллективной идентичности, которая не в полной мере совпадает с другими идентичностями, такими как этническая, национальная или государственная [12, с.16]. В контексте данного исследования положения Р.К. Кадыржанова становятся теоретическим фундаментом для выводов о значении исторической памяти при формировании коллективных представлений о принадлежности к единой гражданской общности [13]. Ж. Ж. Молдабеков прямо связывает развитие гражданской идентичности с культурными факторами общественного развития [14]. Ж.К. Нургалиева рассматривает как в казахстанском обществе соотносится гражданский и

этнический компоненты идентичности [15], при этом С. З. Баймагамбетов видит в культурной политике важный институционально обусловленный механизмов формирования общей национальной идентичности [16]. Вопрос о том, что из конкретных исторических нарративов влияет на воспроизводство политической идентичности современного Казахстана требует изучение с применением эмпирического массива данных. Особый интерес в данном контексте представляет память о Великой Отечественной войне как исторический нарратив, обладающий значительным консолидирующим потенциалом.

Результаты

В современных государствах историческая память представляет собой один из инструментов формирования политической идентичности, но механизмы институционализации имеют выраженные различия. Самыми типичными каналами воспроизводства памяти выступают образовательная и музейная политика, нормативно-правовое закрепление отдельных исторических нарративов.

В Европе политика памяти строится вокруг идеи недопущения катастрофы двух мировых войн и формирования единой системы общегражданских мемориальных символов. Ее ключевыми элементами выступают нарратив «Never Again» («Никогда снова») [7, с.394-399], германская политика Vergangenheitsbewältigung («преодоление прошлого») [6, с.276-278] и память о Холокосте [17] как общеевропейская мемориальная основа. Через названные элементы происходит институционализация памяти о Второй мировой войне как основы европейской общегражданской идентичности.

Историческая память о Великой Отечественной войны, на территории Евразии также работает на укрепление национального единства и общественного согласия, выступая одним из ресурсов формирования политической идентичности. Однако институционализация исторической памяти в большей степени идет нормативным путем, посредством закрепления в законодательстве и идеологическом продвижении. В Конституции РФ прямо указано том, что государство «чтит память защитников Отечества» и «обеспечивает защиту исторической правды» [9]. В Республике Беларусь для сохранения исторической памяти, защиты фундаментальных ценностей нации и противодействия фальсификации истории 2022 году был принят Закон «О геноциде беларуского народа» [10]. Республика Казахстан, хотя и находится в общем с Россией и Беларусью историко-символическом пространстве, если иметь в виду историческую память о Великой Отечественной войне, но продвигает данный нарратив иными инструментами. В частности, в поздравлениях по случаю

празднования Дня Победы Президент Республики Казахстан К.-Ж. Токаева, начиная с 2022 года, последовательно подчеркиваются ценность мира, память о предках и уважение к подвигу поколения Победы [18, с.11].

Сравнение позволяет говорить о том, что механизм формирования политической идентичности при различии конкретных инструментов в разных политических культурах применяет историческую память как инструмент. В Европе фокус направлен на общие ценности, мемориальные практики и критическое осмысление прошлого, а государства Евразии более активно оперируют возможностями государственной политики памяти, продвигая официальный исторический нарратив через нормативное закрепление. Казахстан занимает особое место делая основной акцент на консолидирующий потенциал исторической памяти как основы гражданского общества.

Проведенное исследование подтверждает, что историческая память представляется не только формой сохранения коллективного прошлого, но и одним из механизмов воспроизводства политической идентичности. В ходе исследования представилось возможным реконструировать структуру коллективной памяти молодого поколения Казахстана и определить ее значение как ресурса формирования политической идентичности. Эмпирически проверить данное положение удалось в ходе анализа ответов на вопрос о том, какие ассоциации связаны с фразой «Казахстан в годы Великой Отечественной войны». На вопрос ответили 592 из 606 опрошенных. Ассоциативный вопрос применялся как исследовательский инструмент так как психолингвистика рассматривает такие методы для выявления существующих ассоциативных связей, формирование которых обусловлено предшествующим опытом [19, с.128-129]. Последующая компьютерная обработка и тематическое кодирование ответов позволили провести количественную оценку выявленных 10 смысловых категорий. Содержание выявленных категорий отражает основные смысловые поля коллективной памяти о Великой Отечественной войне: героизм и подвиг, тыловой труд, эвакуация и госпитали, промышленность и сырье, трагический опыт войны, Победа, единство и СССР, герои и ключевые сражения, семейная память, критическая и рефлексивная рамка. Результаты проведенного анализа приведены в таблице 1, которая отражает структуру ассоциативного поля, формирующего коллективную память о Великой Отечественной войне.

Таблица 1. Тематическая структура ассоциативного поля коллективной памяти о Великой Отечественной войне

Тема	Доля, %	Кол-во ответов
Героизм/подвиг	33,1	196
Тыловой труд	22,5	133
Герои и битвы	15,5	92
Победа	12,0	71
Трагедия	11,8	70
Эвакуация/госпитали	9,5	56
Единство/СССР	7,8	46
Промышленность/сырьё	7,6	45
Семейная память	2,5	15
Рамка и критика	1,0	6

Респонденты имели возможность назвать несколько вариантов ответов, их сумма больше 100%. Полученные данные показывают не распределение ответов между взаимоисключающими категориями, а степень того, как отдельные смысловые компоненты актуализируются в коллективной памяти.

Установлено, что наиболее выраженными нарративами коллективной памяти о Великой Отечественной войне в Казахстане выступают самоотверженность, долг и коллективное усилие. Героизм и подвиг упоминают в 33,1% ответов (196 упоминаний), тыловой труд звучит в 22,5% (133 упоминания). Рассматривая нарративы в политологическом контексте, можно сделать вывод о том, что они являются символическими основаниями формирования идентичности, основанной на идеях общего исторического опыта и коллективного вклада в достижение Победы.

Второй уровень иерархии образуют нарративы персонализированных и событийных элементов памяти. В 15,5% ответов (92 упоминания) представлены герои и ключевые сражения, собственно Победа как итог войны прозвучала в 12,0% (71 упоминание). Актуализация коллективной памяти происходит посредством конкретных символических фигур и событий, обеспечивая таким образом преемственность исторического нарратива.

Менее выраженный, третий уровень структуры памяти формируют нарративы отражающие институциональные и социально-экономические аспекты войны. Эвакуация и деятельность госпиталей составляют 9,5% (56 упоминаний), промышленность и сырьевой вклад - 7,6% (45 упоминаний), единство и советская общность - 7,8% (46 упоминаний). Несмотря на малую частоту упоминаний эти нарративы также формируют модель исторической памяти, но через коллективные практики взаимодействия, что позволяет утверждать о том, что и они составляют казахстанскую политическую идентичность.

Слабо представлены семейная память (2,5%; 15 упоминаний) и критико-рефлексивные интерпретации войны (1,0%; 6 упоминаний), что подтверждает эмпирическим путем данные о доминировании общегосударственного исторического нарратива над индивидуальным биографическим опытом.

Выявленная на основе анализа эмпирических данных структура коллективной памяти показывает выраженность интегрирующих символов по отношению над разделительными сюжетами. Историческая память за счет преобладания категорий героизма, коллективного труда и общего вклада в Победу может оцениваться как реальный инструмент государственной политики, который может работать на укрепления общественного согласия в Казахстане. Но распределение ассоциаций по тематическим категориям не дает возможность в полной мере раскрыть механизмы формирования политической идентичности. Для решения этой задачи выделенные категории были объединены в более крупные смысловые уровни, отражающие доминирующие способы интерпретации Великой Отечественной войны. Результаты представлены в таблице 2.

Таблица 2. Смысловые уровни исторической памяти и их значение для формирования политической идентичности

Доминирующая смысловая оптика	**Интерпретация и значение в формировании политической идентичности**
Морально-ценностная (героизм, подвиг)	Война - моральный ориентир, источник примеров долга, мужества и уважения. Память выполняет функцию социальной и ценностной социализации для респондентов.
Трудовая и тыловая	Труд в тылу интерпретирован как форма подвига, равнозначная фронтовому опыту. Способствует формированию представлений об общем историческом опыте и укреплению интеграционного потенциала политической идентичности.
Персонализированная и символическая	На этом уровне происходит формирование «якорей памяти», через конкретные имена, воинские подразделения и ключевые сражения. Эти символы обеспечивают воспроизводство исторического нарратива и выступают элементами общего символического пространства.
Трагическая и победная (сбалансированная)	Сосуществование памяти о подвиге и памяти о трагедии формирует модель исторического сознания, в основе которой лежит признание как героического, так и трагического опыта. Это укрепляет устойчивость политической идентичности за счет интеграции различных аспектов коллективной памяти.

Сконструированная модель позволяет перейти к выявлению механизмов воспроизводства политической идентичности. Коллективная память о Великой Отечественной войне имеет выраженную иерархическую структуру.

Следует принять во внимание, что само наличие общего символического пространства не позволяет однозначно делать вывод о глубине усвоения исторического содержания. Устойчивость политической идентичности

определяется также через оценку уровня исторической информированности. На следующем этапе исследования была проведена оценка субъективного уровня знаний респондентов о вкладе Казахстана в Победу в Великой Отечественной войне. Участников опроса попросили оценить, насколько хорошо они осведомлены о вкладе Республики Казахстан в Победу в Великой Отечественной войне. Результаты говорят о сохранении высокого уровня символической значимости темы Великой Отечественной войны в общественном сознании. Порядка трех четвертей респондентов (72,6%) оценили свои знания как хорошие или удовлетворительные, еще 17,5% сообщили о высоком уровне информированности, дающим возможность подробно характеризовать вклад Казахстана в Победу. Доля респондентов со слабыми знаниями либо их отсутствием не превысила 9,9%. Существенных региональных различий в уровне исторической информированности не выявлено, а это говорит об относительной однородности исторического пространства республики. Жители сельской местности оценивают свои знания выше, чем горожане. Для городских жителей более характерна модель общей осведомленности без глубокой детализации исторического материала. Возрастной анализ выявил устойчивую тенденцию, по мере увеличения возраста возрастает и субъективная оценка глубины знаний о вкладе Казахстана в Победу.

Исследование показало, что историческая память в рамках анализируемой выборки имеет два уровня: символический и когнитивный. На символическом уровне память о Великой Отечественной войне остается общим основанием политической идентичности, разделяемым большинством респондентов независимо от региона проживания. При этом на когнитивном уровне имеет место неоднородность исторических знаний, что говорит о разной глубине усвоения общего исторического нарратива. Укрепление политической идентичности требует не только сохранения единого символического пространства, но и повышения уровня исторической информированности через образовательную и мемориальную политику. Определить эффективные направления такой работы возможно посредством установления каналов воспроизводства исторической памяти молодого поколения. Это было сделано через анализ ответов на вопрос об источниках формирования представлений о вкладе Казахстана в Победу в Великой Отечественной войне. Установлено, что ведущим источником формирования представлений о Великой Отечественной войне выступает система образования, которую назвали 66,2% респондентов. Значимую роль играют также документальные фильмы и телевидение (52,1%), книги и статьи (42,9%), музеи и памятные места (39,3%), семейные рассказы (35,5%). Наименьшую распространенность получили социальные сети и блоги (31,0%), тогда как иные источники упомянули лишь 1,2% участников исследования. Так как методика исследования позволяла респондентам

давать на данный вопрос несколько вариантов ответа сумма ответов больше 100%. Воспроизводство исторической памяти молодого поколения идет в основном через институциональные каналы, семейная память и цифровые медиа играют вспомогательную роль.

Выявить лакуны коллективной памяти позволила оценка данных, полученных в ходе изучения структуры ответов на вопрос о сюжетах ВОВ, которые по респондентов, чаще всего остаются вне общественного внимания. Всего было выделено 1153 смысловые единицы, ответы были подвергнуты кодировке, очистке и унификации. Анализ показал, что большинство ответов носят общий характер, тогда как примерно четверть (25,9%) содержала указание на конкретные исторические события, явления или социальные практики. Далее выявленные темы были объединены в более крупные смысловые блоки для того, чтобы перейти от отдельных упоминаний к анализу структуры коллективной памяти, 52,2% содержательных ответов относятся к гендерно-возрастному вкладу в тыл. 33,1% ответов оказались связаны с повседневно-материальным опытом войны, таким как тяжелые условия труда, голод и бытовые лишения. 14,7% ответов представляли собой упоминания символико-нормативных аспектов, таких как самоотверженность, чувство долга и моральная ответственность. Полученные результаты позволяют сделать вывод о том, что воспроизводство политической идентичности в современном Казахстане в значительной степени опирается на героико-интегративную модель исторической памяти. Центральное место в ней занимают символы коллективного подвига, единства и общей Победы, тогда как повседневный опыт тыла, социальные практики выживания и институциональные механизмы функционирования военного времени остаются менее артикулированными. Следовательно, коллективная память сохраняет те элементы исторического опыта, которые обладают наибольшим потенциалом общественной консолидации и воспроизводства политической идентичности.

Одним из наиболее значимых результатов исследования стало отсутствие статистически значимой связи между языком повседневной коммуникации и политической идентичностью. Несмотря на практически паритетное распределение языков заполнения анкеты (русский - 53,6 %, казахский - 46,4 %), доминирующей формой самоидентификации в обеих языковых группах остается казахская идентичность (75-80% ответов). Русская идентичность составила 12-15 %, другие этнические идентичности - 5-7 %, смешанные формы самоидентификации - 1-2 %. Эмпирически на выборке в 606 человек получены данные о формировании надъязыковой модели политической идентичности, где язык повседневной коммуникации не дает возможности определить принадлежность к единому политическому сообществу. Интегрирующую функцию здесь выполняет историческая

память о Великой Отечественной войне, которая становится ресурсом общественной консолидации, не коррелируясь с языковым выбором респондентов.

Обсуждение

Полученные результаты сочетаются с классическими идеями Андерсона, Геллнера, рассматривающих историческую память как один из механизмов формирования и воспроизводства политической идентичности. Эмпирически результаты проведенного исследования подтверждают основную роль институциональных каналов в процессе воспроизводства коллективной памяти молодого поколения Казахстана. С использованием массива данных удалось доказать, что интеграционный потенциал исторической памяти определяется наличием общего символического пространства, разделяемого большинством членов сообщества. Исследование выявило специфическую характеристику исторической памяти о ВОВ, она имеет высокую символическую устойчивость, но характеризуется когнитивной неоднородностью, при различии глубины исторических знаний, память как нарратив сохраняет символическое единство. При этом стоит принять во внимание, что разрыв между символическим признанием и содержательным знанием создает потенциальную уязвимость памяти при смене поколений.

Проведенное исследование зафиксировало процесс перехода от семейной памяти к институциональной. Получено эмпирическое подтверждение тезисов Я. Ассмана о возможности существования коллективной памяти в нескольких формах. В связи с тем, что практически ушло из жизни поколение непосредственных участников Великой отечественной войны, память, которая долгое время была основана на прямой коммуникации современников, переходит в другую, институциализированную форму. Результаты опроса показывают, что семейная память в общем ассоциативном поле составляет всего 2,5%, тогда как образование назвали источником знаний 66,2% опрошенных, телевидение/документалистику указали 52,1% респондентов, книги и статьи в качестве источника знаний указали 42,9%, музеи 39,3% опрошенных. Важно заметить, что сумма ответов составляет более 100%, так как методология предполагала возможность нескольких ответов на данный вопрос.

Установленное отсутствие корреляции по линии «язык - идентичность» дает возможность сделать вывод о присутствии в выборке надъязыкового характер идентичности. При, этом нет прямых доказательств того, что именно память о ВОВ является причиной этого эффекта. При этом можно утверждать, что память о войне можно называть выступает одним

из общих символических ресурсов, совместимых с надъязыковой моделью политической идентичности.

Сравнительный анализ выявил существование различных моделей политики памяти. Европейская модель ориентируется на критическое переосмысление прошлого, предотвращение конфликтов и формирование общей гражданской идентичности через универсальные ценности. В государствах Центральной Евразии историческая память имеет более выраженные нормативные и интегративные функции, направленные на воспроизводство общегосударственного исторического нарратива посредством образовательной политики, официальных памятных практик и государственных институтов. Модель политики памяти, функционирующая в Казахстане имеет специфику, делающую ее отличной как от европейской, так и российско-беларуской модели. В Республике Казахстан консолидирующий эффект достигается посредством актуализации общего вклада народа Казахстана в Победу. Доминирование нарративов героизма, коллективного труда и общего исторического опыта формирует символическое пространство, объединяющее представителей различных этнических, языковых и социальных групп. Зафиксирован процесс формирования инклюзивной, модели политической идентичности, где разделяемая историческая память о Великой Отечественной войне является одним из оснований. Историческая память выступает еще и как механизм общественной консолидации и воспроизводства единого политического сообщества.

Вместе с тем результаты исследования следует интерпретировать с учетом его ограничений. Анализ основан на данных одного социологического опроса и посвящен памяти о Великой Отечественной войне как одному из ключевых исторических сюжетов. В дальнейшем исследование может быть расширено посредством сравнительного анализа других исторических нарративов и возрастных когорт, а также на сопоставление казахстанской модели с практиками других государств Центральной Азии.

Заключение

Историческая память является механизмом воспроизводства политической идентичности, которая воспроизводиться одновременно на четырех уровнях. За функционирование, первого, институционального уровня отвечают система образования, государственные памятные практики, музеи и массмедиа. Второй, символический уровень воспроизводства политической идентичности связан с доминированием в общественном сознании казахстанцев образов героизма, коллективного труда, Победы и общего исторического опыта. Третий, когнитивный уровень определяется глубиной исторической информированности и полнотой усвоения исторического содержания. Четвертый, интегративный уровень

находит проявление в способности исторической памяти объединять представителей различных социальных, этнических и языковых групп в рамках единого политического сообщества. Это может определяться как главный теоретический результат проведенного исследования.

Эмпирически доказано, что в рассмотренной выборке консолидирующее ядро памяти образуется вокруг ценностных категорий, таких как героизм, коллективный труд, общий вклад в Победу. При этом слабее выражены критико-рефлексивные и разделительные сюжеты. Полученный результат позволяет делать выводы о героико-интегративном характере выявленной модели исторической памяти памяти.

Практической рекомендацией для сохранения консолидирующего потенциала памяти является необходимость работать не столько в направлении усиления нормативного исторического нарратива, сколько в направлении поддержания содержательной исторической информированности. Основную роль в этом процессе продолжает играть образование, музейные учреждения и мемориальные практики. Следующим этапом изучения должно стать сравнение позиций разных возрастных когорт и проверка полученных результатов на других исторических нарративах, что даст возможность ответить на вопрос является ли обнаруженная четырехуровневая модель специфичной для памяти о ВОВ или имеет более общий характер.

ЛИТЕРАТУРА

[1] Anderson B. Imagined communities: reflections on the origin and spread of nationalism. – London: Verso, 1983. - 160 p.

[2] Gellner E. Nations and nationalism. - Oxford: Blackwell, 1983. -150 p.

[3] Assmann J. Cultural memory and early civilization: Writing, remembrance, and political imagination. - Cambridge: Cambridge University Press, 2011. - 319 p.

[4] Nora P. Between memory and history: Les lieux de mémoire // Representations. - 1989. - №. 26. -p. 7-24.

[5] Sierp A. The politics of memory: Between history, identity and conflict // Government and Opposition. - 2025. - Vol. 60, № 4. - p. 1464–1483.

[6] Schulz J. «Vergangenheitsbewältigung» revisited: Distinguishing two paradigms of working through the past // Philosophy & Social Criticism. - 2024. – Vol. 50, № 2. – p. 391–415.

[7] Stenlund K. Memory is but the slave to purpose? On the selective uses of Holocaust memory in European law making // Law and Critique. - 2025. - Vol. 36, № 2. - p. 275–294.

[8] Никитина Ю. С., Акаткин М. Ю. Историческая память о Великой Отечественной войне // Наука в жизни человека. -2026. - № 1. - с.80-86.

[9] КонсультантПлюс: справочно-правовая система. Конституция

Российской Федерации. // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 11.06.2026).

[10] Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. О геноциде белорусского народа. Закон Республики Беларусь от 5 января 2022 г. № 146-З. // URL: https://etalonline.by/document/?regnum=H12200146 (дата обращения: 11.06.2026).

[11] Шайкемелев М. С. Казахская идентичность в контексте модернизации общества. - Алматы: Институт философии, политологии и религиоведения КН МОН РК, 2020. - 232 с.

[12] Кабазиев М.Ш. Политическая идентичность в Казахстане: тренды и вызовы. - Астана: ИП Булатов А.Ж., 2025. - 143 с.

[13] Кадыржанов Р. К. Этнокультурный символизм и национальная идентичность Казахстана / под общ. ред. З. К. Шаукеновой. - Алматы: Институт философии, политологии и религиоведения КН МОН РК, 2014. - 168 с.

[14] Молдабеков Ж. Ж. Государственность Казахстана: эволюция становления. - Алматы: Білім, 2001. - 160 с.

[15] Нургалиева Ж. К. Конструирование этнической и гражданской идентичности в национализирующем государстве на примере Республики Казахстан: дис. ... канд. социол. нау : 22.00.04. - Санкт-Петербург, 2012. - 190 с.

[16] Баймагамбетов С. З. Культурная политика: разработка, реализация, проблемы (исторический анализ). - Алматы: Казахстан, 1998. -159 с.

[17] European Parliament. «Never again»: EP commemorates International Holocaust Remembrance Day // URL: https://www.europarl.europa.eu/news/en/press-room/20220120IPR21417/never-again-ep-commemorates-international-holocaust-remembrance-day (дата обращения: 11.06.2026).

[18] Плотников Д. С. Политика памяти о великой отечественной войне как элемент внешнеполитической идентичности (на примере Казахстана и Кыргызстана) // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. - 2025. - №2. - с.5–14.

[19] Кузина О. А., Вецпер Н. Н., Родченкова Е. С., Поминова А. М. Ассоциативный эксперимент: методические подходы и практические аспекты // Управление образованием: теория и практика. - 2025. -Т. 15, № 1-1. - с. 127–139.

REFERENCES

[1] Anderson B. Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. London: Verso, 1983.

[2] Gellner E. Nations and Nationalism. Oxford: Blackwell, 1983.

[3] Assmann J. Cultural Memory and Early Civilization: Writing, Remembrance, and Political Imagination. Cambridge: Cambridge University Press, 2011.

[4] Nora P. Between Memory and History: Les Lieux de Mémoire. Representations. 1989;(26), p. 7–24.

[5] Sierp A. The Politics of Memory: Between History, Identity and Conflict. Government and Opposition. 2025;60(4), p. 1464-1483.

[6] Schulz J. "Vergangenheitsbewältigung" Revisited: Distinguishing Two Paradigms of Working Through the Past. Philosophy & Social Criticism. 2024;50(2), p. 391–415.

[7] Stenlund K. Memory Is but the Slave to Purpose? On the Selective Uses of Holocaust Memory in European Law Making. Law and Critique. 2025;36(2), p. 275–294.

[8] Nikitina Iu.S., Akatkin M.Iu. Istoricheskaia pamiat' o Velikoi Otechestvennoi voine [Historical memory of the Great Patriotic War]. Nauka v zhizni cheloveka. 2026;(1), p. 80–86. [in Russ.].

[9] Konsul'tantPlius: spravochno-pravovaia sistema. Konstitutsiia Rossiiskoi Federatsii [ConsultantPlus legal reference system. Constitution of the Russian Federation]. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/. [in Russ.].

[10] Natsional'nyi pravovoi Internet-portal Respubliki Belarus'. O genotside belorusskogo naroda. Zakon Respubliki Belarus' ot 5 ianvaria 2022 g. № 146-Z [National Legal Internet Portal of the Republic of Belarus. On the Genocide of the Belarusian People. Law of the Republic of Belarus of 5 January 2022 No. 146-Z]. Available at: https://etalonline.by/document/?regnum=H12200146. [in Russ.].

[11] Shaikemelev M.S. Kazakhskaia identichnost' v kontekste modernizatsii obshchestva [Kazakh Identity in the Context of Societal Modernization]. Almaty: Institut filosofii, politologii i religiovedeniia KN MON RK; 2020. [in Russ.].

[12] Kabaziev M.Sh. Politicheskaia identichnost' v Kazakhstane: trendy i vyzovy [Political Identity in Kazakhstan: Trends and Challenges]. Astana: IP Bulatov A.Zh.; 2025. [in Russ.].

[13] Kadyrzhanov R.K. Etnokul'turnyi simvolizm i natsional'naia identichnost' Kazakhstana [Ethnocultural Symbolism and National Identity of Kazakhstan]. Ed. by Z.K. Shaukenova. Almaty: Institut filosofii, politologii i religiovedeniia KN MON RK; 2014. 168 p. [in Russ.].

[14] Moldabekov Zh.Zh. Gosudarstvennost' Kazakhstana: evoliutsiia stanovleniia [Statehood of Kazakhstan: Evolution of Formation]. Almaty: Bilim; 2001. 160 p. [in Russ.].

[15] Nurgalieva Zh.K. Konstruirovanie etnicheskoi i grazhdanskoi identichnosti v natsionaliziruiushchem gosudarstve na primere Respubliki Kazakhstan [Construction of Ethnic and Civic Identity in a Nationalizing State: The Case of the Republic of Kazakhstan]. Cand. Sociol. Sci. Diss. Saint Petersburg; 2012. 190 p. [in Russ.].

[16] Baimagambetov S.Z. Kul'turnaia politika: razrabotka, realizatsiia, problemy (istoricheskii analiz) [Cultural Policy: Development, Implementation, Problems (Historical Analysis)]. Almaty: Kazakhstan; 1998. 159 p. [in Russ.].

[17] European Parliament. "Never Again": EP Commemorates International Holocaust Remembrance Day. Available at: https://www.europarl.europa.eu/news/en/press-room/20220120IPR21417/never-again-ep-commemorates-international-holocaust-remembrance-day (accessed 11 June 2026).

[18] Plotnikov D.S. Politika pamiati o Velikoi Otechestvennoi voine kak element vneshnepoliticheskoi identichnosti (na primere Kazakhstana i Kyrgyzstana) [Politics of Memory of the Great Patriotic War as an Element of Foreign Policy Identity (A Case Study of Kazakhstan and Kyrgyzstan)]. Vestnik Permskogo universiteta. Seriia: Politologiia. 2025;(2):5–14. [in Russ.].

[19] Kuzina O.A., Vetsper N.N., Rodchenkova E.S., Pominova A.M. Assotsiativnyi eksperiment: metodicheskie podkhody i prakticheskie aspekty [Associative Experiment: Methodological Approaches and Practical Aspects]. Upravlenie obrazovaniem: teoriia i praktika. 2025;15(1-1):127–139. [in Russ.].

ҰЛЫ ОТАН СОҒЫСЫ ТУРАЛЫ ТАРИХИ ЕСТЕЛІК ПРИЗМАСЫ АРҚЫЛЫ ҚАЗІРГІ ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ САЯСИ БІРЕГЕЙЛІК

*Мармонтова Т.В. [1], Кабазиев М.Ш. [2], Шәкенов Ә.А. [3]
*[1,3] Жошы Ұлысын зерделеу ғылыми институты, Астана, Қазақстан
[2] ҚР СІМ жанындағы Сыртқы саяси зерттеулер институты
Астана, Қазақстан

Аңдатпа. Халықаралық тұрақсыздықтың күшеюі саяси бірегейлікті қалыптастыру мен қайта жаңғыртудың құралы ретіндегі тарихи жадтың маңызын арттыруда. Қоғамды топтастыру әлеуеті жоғары Екінші дүниежүзілік соғыс туралы тарихи жады қазіргі заманғы жады саясаты тәжірибелерінде ерекше орын алады.

Осы мақаланың мақсаты Ұлы Отан соғысы туралы тарихи жадтың рөлін ескере отырып, қазіргі Қазақстандағы саяси бірегейлікті қайта жаңғырту тетіктерін анықтау. Бұл мақсатқа ұжымдық жадтың құрылымын және оны қайта жаңғырту арналарының ерекшеліктерін айқындау арқылы қол жеткізіледі. Зерттеу міндеттерін іске асырудың маңызды құралдарының бірі Еуропалық одақ елдеріндегі, Ресейдегі, Беларусьтегі және Қазақстандағы жады саясаты модельдерін салыстырмалы талдау.

Зерттеудің ғылыми маңыздылығы тарихи жадтың саяси бірегейлікті қайта жаңғырту тетігі ретіндегі рөлі туралы ғылыми түсініктерді дамытуымен айқындалады. Оның практикалық маңыздылығы алынған нәтижелерді мемлекеттік жады саясатын, білім беру бағдарламаларын және мемориалдық тәжірибелерді әзірлеу барысында пайдалану мүмкіндігімен байланысты.

Зерттеу әдіснамасы аралас әдістер стратегиясына негізделген. Ол 606 респондент қатысқан әлеуметтанулық сауалнама деректерін сандық және сапалық тұрғыдан талдауды, ашық жауаптарды тақырыптық кодтауды, сондай-ақ алынған нәтижелерді ұжымдық жады мен саяси бірегейліктің қазіргі заманғы тұжырымдамалары негізінде түсіндіруді қамтиды.

Зерттеу нәтижелері қазақстандық жастардың ұжымдық жадында қаһармандық, ұжымдық еңбек және Жеңіске қосылған ортақ үлес туралы нарративтердің басым екенін көрсетті. Аталған нарративтер саяси қауымдастықтың ортақ символдық кеңістігін қалыптастырады. Тарихи жадыны қайта жаңғыртудың негізгі арналары ретінде білім беру жүйесі, музейлер, мемориалдық тәжірибелер және бұқаралық ақпарат құралдары айқындалды.

Күнделікті қарым-қатынас тілі мен саяси бірегейлік арасында статистикалық тұрғыдан мәнді байланыстың болмауы ерекше назар аудартады. Бұл қазіргі Қазақстанда этностық және тілдік шекаралардан жоғары тұратын инклюзивті саяси бірегейлік моделінің қалыптасып келе жатқаны туралы қорытынды жасауға мүмкіндік береді.

Зерттеу барысында саяси бірегейлікті қайта жаңғыртудың институционалдық, символдық, когнитивтік және интегративтік деңгейлерден тұратын көпдеңгейлі моделі әзірленді. Алынған нәтижелерді қоғамдық топтасу мен азаматтық бірегейлікті нығайтуға бағытталған білім беру, мемориалдық және мемлекеттік саясатты жетілдіру аясында қолдануға болады.

Тірек сөздер: Тарихи жады, саяси бірегейлік, жады саясаты, Ұлы Отан соғысы, Қазақстан, ұжымдық жады, қоғамдық топтасу, саяси қауымдастық

Қаржыландыру: Мақала Қазақстан Республикасы Ғылым және жоғары білім министрлігінің Ғылым комитетінің гранттық қаржыландыруы аясында жүзеге асырылатын IRN AP26104221 «Жергілікті ұжымдық жадтың жергілікті қауымдастықтардың дамуына ықпалы» ғылыми жобасы шеңберінде дайындалды.

POLITICAL IDENTITY IN MODERN KAZAKHSTAN THROUGH THE PRISM OF HISTORICAL MEMORY OF THE GREAT PATRIOTIC WAR

* Marmontova T.V.[1], Kabaziev M.SH.[2], Shakenov A.A.[3]
*[1,3] Institute for the Study of the Ulus of Jochi, Astana, Kazakhstan
[2] Foreign Policy Research Institute under the MFA RK, Astana, Kazakhstan

Abstract. Growing international instability has increased the importance of historical memory as a mechanism for shaping and reproducing political identity. Within contemporary memory politics, the memory of the Second World War

occupies a central place due to its strong potential to foster social cohesion.

This article aims to identify the mechanisms through which political identity is reproduced in contemporary Kazakhstan, with particular attention to the role of historical memory of the Great Patriotic War. This objective is pursued by examining the structure of collective memory and the principal channels through which it is transmitted and reproduced. A comparative analysis of memory politics in the European Union, Russia, Belarus, and Kazakhstan provides an additional analytical framework for the study.

The scientific contribution of the research lies in advancing the understanding of historical memory as a mechanism for the reproduction of political identity. Its practical significance stems from the possibility of applying the findings to the development of state memory policy, educational programmes, and commemorative practices.

The study employs a mixed-methods research design combining quantitative and qualitative analyses of a sociological survey of 606 respondents, thematic coding of open-ended responses, and interpretation of the findings through the theoretical perspectives of collective memory and political identity.

The findings demonstrate that the collective memory of young people in Kazakhstan is predominantly structured around narratives of heroism, collective labour, and the shared contribution to Victory. These narratives create a common symbolic space that underpins the political community. Education, museums, commemorative practices, and mass media constitute the principal channels through which historical memory is reproduced. The analysis also reveals no statistically significant relationship between the language of everyday communication and political identity, suggesting the emergence of an inclusive model of political identity that transcends both ethnic and linguistic boundaries.

The study develops a multi-level model of political identity reproduction consisting of institutional, symbolic, cognitive, and integrative dimensions. The proposed framework may be applied to improve educational policy, commemorative practices, and state memory policy aimed at strengthening social cohesion and civic identity.

Keywords: historical memory; political identity; memory politics; Great Patriotic War; Kazakhstan; collective memory; social cohesion; political community.

Funding: The article was prepared within the framework of a research project funded by a grant from the Science Committee of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan, IRN AP26104221, “The Impact of Local Collective Memory on the Development of Local Communities.”

Информация об авторах:

Мармонтова Таисия Викторовна, https://orcid.org/0000-0001-9162-297X, кандидат исторических наук, главный научный сотрудник Научного института изучения Улуса Джучи, marmontova@mail.ru

Кабазиев Манарбек Шакирович, https://orcid.org/0000-0002-2285-3421, кандидат политических наук, заместитель председателя правления Института внешнеполитических исследований при МИД РК

Шакенов Алихан Айдарханович, https://orcid.org/0009-0009-7575-6412, старший научный сотрудник Научного института изучения Улуса Джучи

Авторалар туралы мәлімет:

Мармонтова Таисия Викторовна, https://orcid.org/0000-0001-9162-297X, тарих ғылымдарының кандидаты, Жошы Ұлысын зерделеу ғылыми институтының бас ғылыми қызметкер, marmontova@mail.ru

Қабазиев Манарбек Шәкірұлы, https://orcid.org/0000-0002-2285-3421, саяси ғылымдарының кандидаты, ҚР СІМ жанындағы Сыртқы саяси зерттеулер институтының Басқарма төрағасының орынбасары

Шәкенов Әлихан Айдарханұлы, https://orcid.org/0009-0009-7575-6412, Жошы Ұлысын зерделеу ғылыми институтының аға ғылыми қызметкер

Information about the authors:

Marmontova Taissiya Victorovna, https://orcid.org/0000-0001-9162-297X, Candidate of Sciences (History), chief researcher at the Institute for the Study of the Ulus of Jochi, marmontova@mail.ru

Kabaziev Manarbek Shakirovich, https://orcid.org/0000-0002-2285-3421, Candidate of Political Sciences, Deputy Chairman of the Board of the Foreign Policy Research Institute under the MFA RK

Shakenov Alikhan Aidarkhanovich, https://orcid.org/0009-0009-7575-6412, senior researcher at the Institute for the Study of the Ulus of Jochi

Статья поступила / Мақала түсті / Received: 29.07.2026.
Принята к публикации / Жариялауға қабылданды / Accepted: 28.09.2026

II. БӨЛІМ. АЙМАҚТАНУ
РАЗДЕЛ II. РЕГИОНОВЕДЕНИЕ
PART II. REGIONAL STUDIES

UDC 327.8
IRSTI 11.25.07
https://doi.org/10.48371/ISMO.2026.65.3.009

KAMBAR-ATA HYDROELECTRIC POWER PLANT: MULTILATERALISM AS A TOOL OF REGIONAL WATER SECURITY

*Zatilla Nurdaulet [1]
*[1]L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan

Abstract. This article examines the Kambar-Ata (Kambarata-1) Hydroelectric Power Plant project as a case study of multilateral cooperation in addressing transboundary water security challenges in Central Asia. The research analyzes the trilateral partnership between Kazakhstan, Kyrgyzstan, and Uzbekistan in developing this 1,860 MW facility on the Naryn River. The study traces the project’s evolution from Soviet-era origins through failed bilateral attempts to the current multilateral framework established in 2023-2024. Using qualitative analysis of international agreements, policy documents, and expert assessments, the article demonstrates how multilateral cooperation mechanisms can overcome traditional water-energy tensions in the region. The findings reveal that the Kambar-Ata project represents a paradigm shift from zero-sum competition to shared benefits distribution, with equal ownership shares and proportional electricity allocation among partners. The involvement of international financial institutions, such as the World Bank and the EBRD, provides technical expertise and legitimacy while helping to mobilize the estimated $4.2 billion required for construction. The article concludes that this multilateral approach addresses both upstream hydropower generation needs and downstream irrigation requirements, offering a replicable model for managing transboundary water resources. The success of this framework depends on sustained political commitment, transparent governance structures, and equitable benefit-sharing mechanisms that balance national interests with regional water security imperatives.

Keywords: Kambar-Ata hydroelectric power plant, multilateralism, transboundary water cooperation, Central Asia, regional security, water-energy nexus, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Uzbekistan, hydropower development, international cooperation

Introduction

Central Asia faces critical water security challenges stemming from the complex interplay of transboundary river management, competing national

interests, and increasing climate pressures. The region's two major river systems, the Amu Darya and Syr Darya, originate in the water-rich upstream countries of Kyrgyzstan and Tajikistan but flow through the water-scarce downstream nations of Kazakhstan and Uzbekistan. This geographical reality creates fundamental tensions between upstream hydropower generation priorities and downstream agricultural irrigation needs. The collapse of the Soviet Union in 1991 dismantled the centralized water-energy exchange system that had previously coordinated these competing demands, leaving Central Asian states to navigate water diplomacy through bilateral and multilateral frameworks of varying effectiveness.

The Kambar-Ata Hydroelectric Power Plant project, located on the Naryn River in Kyrgyzstan, represents a significant departure from previous approaches to transboundary water management in the region (Figure 1).

Figure 1 – Location of the Kambar-Ata Hydroelectric Power Plant

First conceived during the Soviet era with construction beginning in 1986, the project was abandoned following the USSR's dissolution. Subsequent attempts at bilateral cooperation, including Russian involvement from 2008 to 2015, failed to materialize due to funding constraints and political complications. The current trilateral framework, formalized through agreements signed in 2023-2024 between Kazakhstan, Kyrgyzstan, and Uzbekistan, marks a new chapter in regional water cooperation characterized by shared ownership, proportional benefit distribution, and extensive international institutional support.

Despite numerous bilateral and multilateral agreements since independence, Central Asia continues to struggle with effective transboundary water governance. Existing cooperative frameworks, including the Interstate Commission for Water Coordination established by the 1992 Almaty Agreement, have proven largely ineffective in resolving water-energy conflicts [1]. The region faces water losses of up to 40% due to outdated Soviet-era infrastructure and management practices, while population growth and climate change intensify resource pressures [2]. Climate modelling studies further suggest that flows of the Amu Darya and Syr Darya may decline by roughly 10-20% under warming scenarios, largely due to glacier retreat and changing precipitation patterns [3].

The primary objective of this research is to analyze how the Kambar-Ata project's multilateral framework addresses longstanding water security challenges in Central Asia. Specific research questions include: How is the trilateral partnership structured? What historical tensions are addressed? How do international financial institutions contribute to project legitimacy and sustainability? What implications does this model hold for future transboundary water cooperation in the region? By examining these questions, this study aims to identify the conditions under which multilateral cooperation can successfully transform water from a source of regional tension into a platform for integration and shared prosperity.

Description of Materials and Methods

Literature Review and Theoretical Framework

Scholarly literature on transboundary water management emphasizes that cooperation among riparian states is essential for equitable and sustainable resource governance [4]. International water law principles, including the duty to cooperate, equitable utilization, and the obligation not to cause significant harm, provide normative foundations for transboundary agreements [5]. However, the effective implementation of these principles depends on political will, institutional capacity, and power dynamics among states [6]. Research on Central Asian water governance highlights the persistence of Soviet-era allocation systems despite changed political and economic realities, creating structural obstacles to adaptive management [5].

The water-energy nexus presents particular challenges in Central Asia, where upstream countries rich in hydropower potential prioritize electricity generation while downstream nations depend on coordinated water releases for irrigation-intensive agriculture. This asymmetry generates what scholars characterize as a hydro-hegemonic relationship, wherein downstream states with greater economic and political power historically opposed upstream dam construction despite their own energy security needs [4]. Recent diplomatic shifts, particularly following political transitions in Uzbekistan and Kyrgyzstan, have created opportunities for moving beyond zero-sum framings toward cooperative arrangements that acknowledge interdependencies.

Multilateralism theory suggests that international cooperation institutions can facilitate agreement by reducing transaction costs, providing information, and creating credible commitment mechanisms. In the context of shared water resources, multilateral frameworks potentially offer advantages over bilateral approaches by enabling broader stakeholder participation, distributing costs and benefits across multiple parties, and engaging international actors who can provide technical expertise and financial resources. The involvement of international development banks and multilateral organizations can enhance project legitimacy while imposing governance standards that increase transparency and accountability.

Theoretically, multilateralism is best understood not merely as cooperation among several states but as a distinct institutional form that coordinates state

behavior according to generalized principles of conduct rather than case-by-case bargaining [7]. Neoliberal institutionalist scholarship further argues that international regimes can sustain cooperation even in the absence of a dominant hegemonic power, by lowering transaction costs, providing reliable information, and enabling issue-linkage among participating states [8]. Applied to transboundary rivers, this institutionalist logic underpins the benefit-sharing paradigm, which reframes water negotiations away from zero-sum allocation disputes toward the joint production and distribution of benefits to, from, through, and beyond the river [9]. This shift from volumetric water-sharing to benefit-sharing helps explain why the Kambar-Ata framework emphasizes proportional electricity allocation and joint ownership rather than fixed water quotas.

The broader literature on transboundary water conflict and cooperation similarly emphasizes that formal treaties and joint infrastructure, rather than water scarcity per se, are among the strongest predictors of sustained cooperation between riparian states [10]. Studies specific to Central Asia trace how the erosion of the Soviet-era barter system generated recurring disputes over the operating regime of upstream reservoirs, while noting that these disputes rarely escalated into open conflict [11]. Case-study research on other regional hydropower projects, notably the Rogun Dam in Tajikistan, illustrates how downstream opposition can be softened through diplomatic engagement, donor involvement, and reframing of large dams as regional public goods rather than unilateral national projects [12]. More recent scholarship on the securitization of water in Central Asia highlights how domestic political transitions and generational leadership change have reshaped threat perceptions around upstream hydropower, opening space for cooperative arrangements that would previously have been politically unfeasible [13]. Comparative geopolitical analyses of Kyrgyz hydropower development further suggest that the alignment of national energy strategies with international project-finance logics, rather than water availability alone, ultimately determines whether large dam projects move from proposal to construction [14]. Taken together, this body of work indicates that the Kambar-Ata case both draws on and extends existing theoretical models of transboundary cooperation, benefit-sharing, and hydro-diplomacy in Central Asia.

Beyond this broader theoretical and regional literature, a smaller body of scholarship has focused directly on the Kambar-Ata project itself, though largely along disconnected disciplinary lines. Geopolitical analyses have examined the involvement of non-regional powers, such as Russia, Iran, China, the United States and the EU, in financing and negotiating Kambar-Ata and other Central Asian hydropower projects, arguing that external actors have not consistently played a stabilizing role and have at times used the water-energy nexus as a geopolitical lever [15]. Legal and water-security-oriented studies have situated the project within the broader framework of Soviet-era water allocation, the 1992 Almaty Agreement, and the unresolved disputes surrounding the Rogun and Kambar-Ata dams, showing how shifting Russian and Chinese financing commitments repeatedly stalled construction over the past two decades [16]. From an engineering and dam-safety perspective, geophysical monitoring and 3D

geomechanical modelling of the neighboring Kambar-Ata-2 blast-fill dam have demonstrated both the technical feasibility and the seismic vulnerabilities of blast-fill dam construction in the Naryn river gorge, offering directly relevant technical context for assessing the structural risks facing the still-unbuilt Kambarata-1 facility [17]. Most recently, GIS-based ecological impact assessments using remote sensing and terrain analysis have quantified the environmental footprint of the future Kambarata-1 reservoir, finding that its location within a confined gorge limits the loss of floodplain and riparian ecosystems relative to steppe habitats, and that downstream ecological effects are likely to be minor given the reservoirж's position immediately upstream of the already-modified Toktogul reservoir [18]. Taken together, this project-specific literature underscores that assessments of Kambar-Ata have so far proceeded largely in parallel along geopolitical, legal, engineering and ecological lines, with comparatively little cross-disciplinary synthesis – a gap that the multilateral-cooperation framing of the present study aims to help bridge.

Research Methodology

This study employs qualitative research methods, combining document analysis with systematic examination of policy statements, international agreements, and expert assessments. Primary sources include the 2023 trilateral roadmap agreement, ministerial statements from successive coordination meetings, and technical documentation prepared by the World Bank and other international financial institutions supporting the Kambar-Ata project. Secondary sources encompass scholarly literature on transboundary water governance, regional security analyses, and media coverage of diplomatic developments related to the project.

The analytical framework draws on international relations theories of multilateral cooperation and regime effectiveness, examining how institutional design features influence outcomes in transboundary resource management. Key variables studied include ownership structure, historical water distribution tensions, and the role of third-party actors. The research traces the evolution of cooperation frameworks from initial bilateral attempts through the current trilateral arrangement, identifying critical junctures and enabling factors that facilitated the transition to multilateral collaboration.

Data collection focused on publicly available documents from government sources, international organizations, and academic publications. Content analysis identified recurring themes related to cooperation mechanisms, stated interests of participating countries, and anticipated challenges to project implementation. The research limitations include reliance on official sources that may not fully capture informal dynamics and the ongoing nature of project development, which prevents definitive assessment of long-term outcomes.

Results and Discussion

The Trilateral Partnership Structure

The economic landscape of water management in Central Asia is fundamentally shaped by resource disparity. As noted by Medeu et al. (2025),

while Kazakhstan, Uzbekistan, and Turkmenistan act as energy exporters, Tajikistan and Kyrgyzstan remain significantly dependent on energy imports. This imbalance directly shapes their national strategies regarding transboundary river management, often prioritizing national security over regional cooperation [19]. Within this framework, the Syr Darya basin functions as a "regional security complex" where conflicting national priorities can obstruct integrated management efforts [19].

In this regard, the Kambar-Ata multilateral framework represents a fundamental shift in Central Asian water cooperation through its emphasis on shared ownership and equitable participation. The June 2024 ministerial agreement established that Kyrgyzstan will hold a 34% ownership share in the project, with Kazakhstan and Uzbekistan each receiving 33% [20] (Figure 2).

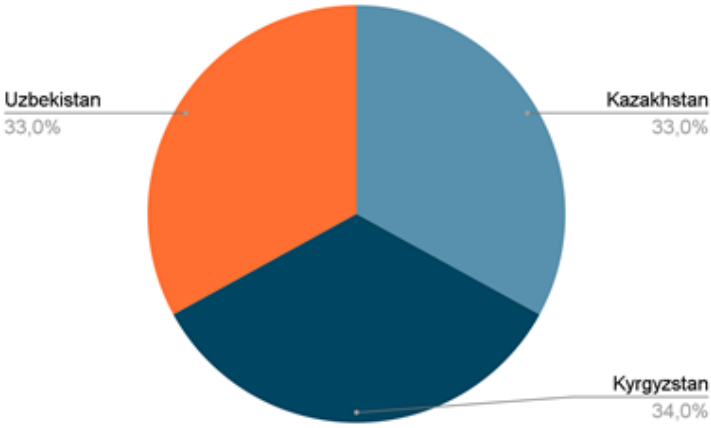

Figure 2 – Ownership shares in the Kambar-Ata HPP project

This nearly equal distribution reflects political recognition that successful project implementation requires balancing the interests of the host country with meaningful participation from downstream partners. Electricity generation will be allocated proportionally to ownership shares, with provisions for seasonal adjustments and market-driven flexibility to accommodate varying demand patterns [20].

The operational structure includes creation of a joint-stock company in Kyrgyzstan responsible for project execution, with governance mechanisms ensuring representation from all three countries. Decision-making regarding the power plant's operation mode requires consensus among parties, particularly concerning agreed water release volumes. This arrangement addresses the core tension in Central Asian water management by institutionalizing coordination between electricity generation schedules and downstream irrigation needs. Rather than leaving water releases to unilateral decisions by the upstream country, the multilateral framework creates binding commitments to consider all parties' requirements.

The estimated project cost of $4.2 billion significantly exceeds the financial capacity of any single Central Asian state, making multilateral cost-sharing

essential for feasibility. The establishment of a Coordination Donor Committee including the World Bank, Asian Development Bank, European Bank for Reconstruction and Development, Asian Infrastructure Investment Bank, OPEC Fund, and European Investment Bank demonstrates the project's integration into the international development architecture [21]. These institutions provide not only financial resources but also technical expertise in feasibility studies, environmental and social impact assessments, and commercial structuring according to international standards [20].

Addressing Historical Water-Energy Tensions

The Kambar-Ata-1 project addresses a "wicked problem" of post-Soviet Central Asian geopolitics: the collapse of the integrated Central Asian Power System (CAPS) (Figure 3). Under the USSR command economy, a seasonal barter system existed where upstream republics (Kyrgyzstan and Tajikistan) released water in the summer for downstream irrigation in exchange for winter energy deliveries (coal and gas) from Kazakhstan and Uzbekistan. The system consisted of approximately 30% hydropower plants in upstream countries and 70% thermal power plants in downstream countries [22].

Figure 3 – Schematic map of the main 220-500 kV power lines of the CAPS

The dissolution of the USSR replaced centralized coordination with national sovereignty over natural resources, resulting in the fragmentation of water and energy governance. Although the newly independent states attempted to preserve cooperative arrangements, most notably through the 1998 Framework Agreement on the Use of Water and Energy Resources of the Syr Darya Basin, the agreement relied heavily on annually negotiated bilateral protocols that were frequently disputed or only partially implemented [23]. As downstream states transitioned toward market-based fuel pricing, the economic rationale for non-monetized barter arrangements weakened substantially.

By the early 2000s, Kyrgyzstan increasingly operated the Toktogul reservoir in "energy mode," prioritizing winter electricity production over summer irrigation releases. This shift generated recurrent tensions, including winter flooding risks in southern Kazakhstan and reduced summer flows affecting Uzbekistan's irrigation-dependent agriculture [24] [25].

Large upstream dam projects became particularly contentious. Uzbek leadership under Islam Karimov framed such projects as threats to downstream food security and regional stability, contributing to stalled attempts to advance Kambar-Ata-1 during the late 2000s, including negotiations involving Russian investment [23] [26]. A significant diplomatic shift occurred after 2016, when Uzbekistan under Shavkat Mirziyoyev adopted a more regionally cooperative foreign policy orientation [27].

However, Kazakhstan has also played a critical stabilizing role in reframing Kambar-Ata-1 from a zero-sum upstream–downstream dispute into a shared regional infrastructure initiative. In particular, Kazakhstan has consistently advocated multilateral approaches within the framework of the International Fund for Saving the Aral Sea (IFAS). By promoting the principle that water should function as a mechanism of regional cooperation rather than confrontation, Astana has supported basin-level dialogue and institutional confidence-building [23]. Moreover, Kazakhstan's decision to participate financially in Kambar-Ata-1 marks an important evolution from downstream complaint to shared governance.

Wegerich argues that joint ownership structures reduce the classical hydro-hegemonic asymmetry described in Central Asian water scholarship [28]. By internalizing both costs and benefits, downstream countries gain influence over operational regimes, including seasonal discharge coordination affecting reservoirs such as Shardara.

Under President Kassym-Jomart Tokayev, Kazakhstan has emphasized modernization of energy infrastructure and regional electricity trade integration. Long-term power purchase agreements and cross-border transmission upgrades enhance the financial viability of upstream hydropower while reducing incentives for unilateral water releases. Market-based electricity trade mechanisms increasingly substitute for the informal barter system of the 1990s, reflecting a transition toward institutionalized regional energy markets [29].

The emerging trilateral framework effectively internalizes transboundary externalities within a shared governance structure. Rather than framing water allocation as a zero-sum security dilemma, participating states are embedding cooperation within joint infrastructure ownership and commercial energy exchange. This evolution corresponds with broader theoretical arguments that economic interdependence and institutionalization reduce conflict risks within regional security complexes [30].

International Institutional Support and Legitimacy

The involvement of international financial institutions, particularly the World Bank, plays a critical role in enhancing technical feasibility, financial credibility, and political legitimacy.

Technically, international financial institutions provide updated feasibility assessments, dam safety evaluations, environmental and social impact assessments, and climate resilience modeling—areas that exceed the domestic capacity of individual Central Asian states. Compliance with international safeguard standards reduces investment risk and enhances long-term sustainability [20].

Politically, international financial institutions' engagement serves as a neutral platform for coordination among historically contentious partners. Multilateral convenings in European diplomatic venues during 2023–2024 illustrate how external actors create structured spaces for high-level negotiation and donor alignment. Such institutional scaffolding mitigates information asymmetries, reduces mistrust, and strengthens governance transparency.

Beyond financial support, international involvement establishes accountability mechanisms through procurement standards, environmental safeguards, and monitoring frameworks. While these requirements increase procedural complexity, they provide downstream stakeholders with assurances regarding ecological impacts and water-flow management. For Kyrgyzstan, external engagement brings not only capital but also implementation capacity necessary for a large-scale hydropower project.

Regional Security Implications

The Kambar-Ata framework's emphasis on multilateral cooperation extends beyond water management to broader regional security dynamics. Central Asia's chronic energy deficits—particularly acute during winter months due to seasonal hydropower dependence and aging thermal infrastructure—underscore the need for new generation capacity [31] [32]. The projected 5.6 billion kWh annually from Kambar-Ata-1 would contribute to reducing winter shortages and enhancing system stability.

The project's contribution to regional energy security may reduce structural vulnerabilities linked to fuel import dependence and fragmented grid management. Scholars have long argued that the breakdown of Soviet-era coordination transformed technical interdependence into political leverage [26]. By contrast, institutionalized infrastructure co-ownership can reduce securitization of resource interdependence [30]. Success in this high-profile initiative could therefore generate trust spillovers facilitating cooperation in other sensitive domains, including border management and trade integration—areas where functional cooperation has historically lagged behind political declarations [33].

The timing of the Kambar-Ata agreement coincides with broader geopolitical recalibration in Central Asia. Regional states have increasingly pursued "multi-vector" foreign policies aimed at diversifying partnerships while preserving sovereignty [28]. The trilateral Kambar-Ata framework represents intra-regional institutionalization that, while dependent on international financial support, maintains Central Asian ownership in governance design. This balance reflects patterns identified in post-Soviet regionalism literature, where external actors facilitate but do not fully determine institutional outcomes [34].

Environmental considerations add urgency to regional cooperation on water infrastructure. Climate change impacts in Central Asia include accelerated glacier retreat in the Tien Shan and Pamir ranges, altered hydrological regimes, and increased seasonal variability [24] [35]. These trends intensify uncertainty in the Syr Darya basin and reinforce the importance of adaptive reservoir management. The planned reservoir capacity of approximately 5.4 billion cubic meters would expand storage flexibility, potentially mitigating interannual variability.

However, large dams also entail ecological and social trade-offs. Research on Central Asian hydraulic infrastructure highlights risks including downstream ecosystem alteration, sedimentation dynamics, and population displacement [24] [28]. The incorporation of environmental and social impact assessments in project preparation aligns with international safeguard norms that aim to mitigate such risks through structured oversight and stakeholder consultation.

Challenges and Sustainability Considerations

Despite the promising framework, significant implementation challenges remain. Large hydropower projects globally are associated with extended construction timelines, cost overruns, and governance risks [36]. A projected construction period of approximately ten years introduces exposure to political turnover, macroeconomic volatility, and shifting regional alignments. Early commissioning of initial generating units may provide symbolic and financial momentum, but sustained intergovernmental coordination will be required.

Financial sustainability depends on both capital mobilization and long-term revenue reliability. The project's commercial logic partly rests on cross-border electricity exports through the CASA-1000 transmission initiative, designed to connect Central Asian producers (Kyrgyzstan, Tajikistan) with South Asian markets (Afghanistan, Pakistan) (Figure 4).

Figure 4 – Electricity integration in Central and South Asia after CASA-1000

Scholarly analyses note that CASA-1000's viability depends on political stability in transit states and consistent regulatory frameworks [31]. Instability in Afghanistan and transmission security concerns represent structural uncertainties affecting projected revenue flows.

Governance arrangements present additional complexity. Joint-stock hydropower structures in transboundary contexts often face tension between host-state sovereignty and investor-state influence [28]. Concentration of formal authority within a Kyrgyz legal entity may generate downstream concerns regarding operational transparency, while strict consensus requirements could impede timely decision-making. Comparative research on transboundary river basin institutions suggests that durable cooperation depends on transparency, monitoring mechanisms, and dispute-resolution procedures embedded in formal agreements [37].

The broader regional context presents both opportunity and constraint for institutional diffusion. Successful implementation could influence perceptions surrounding other controversial hydropower projects, including Rogun Dam in Tajikistan. Rogun has similarly generated downstream apprehension and geopolitical contestation [24]. However, transboundary basins differ in hydrology, political economy, and power asymmetries, limiting direct institutional transferability.

Ultimately, the Kambar-Ata framework's regional security significance will depend not only on technical completion but on whether the cooperative process consolidates norms of multilateral water governance. As regional security complex theory suggests, shifts from securitized rivalry toward institutionalized interdependence require sustained practice rather than singular agreements [30].

Conclusion

The Kambar-Ata Hydroelectric Power Plant project represents a significant evolution in Central Asian transboundary water governance, moving from historical patterns of bilateral conflict toward multilateral cooperation frameworks emphasizing shared ownership and mutual benefit. The trilateral partnership among Kazakhstan, Kyrgyzstan, and Uzbekistan demonstrates that upstream and downstream countries can overcome traditional water-energy tensions through institutional designs that align incentives and distribute both costs and returns equitably. The nearly equal ownership shares, proportional electricity allocation, and consensus-based operational decision-making create structural interdependencies that transform water from a source of regional competition into a platform for integration.

International institutional involvement through the World Bank, European Bank for Reconstruction and Development and other multilateral organizations provides essential technical expertise, financial resources, and legitimacy that enable project implementation while establishing accountability mechanisms through environmental and social safeguards. This combination of regional ownership and international partnership offers a potentially replicable model for addressing transboundary resource management challenges in contexts where historical mistrust and capacity constraints have impeded cooperation.

The research findings indicate that multilateralism serves as an effective tool for regional water security when several conditions are met: political leadership committed to cooperative rather than zero-sum approaches; institutional

frameworks ensuring equitable participation and transparent governance; international actors providing resources and neutral convening capacity; and benefit-sharing mechanisms that distribute returns proportionally while accommodating varying national priorities. The Kambar-Ata project's success in meeting these conditions remains contingent on sustained political commitment, effective financial mobilization, and adaptive governance capable of managing emerging challenges during the extended construction and operational periods ahead.

Beyond immediate energy and water benefits, the Kambar-Ata framework's broader significance lies in its potential to establish new norms and expectations for regional cooperation in Central Asia. Success could inspire similar multilateral approaches to other infrastructure projects, environmental challenges, and economic integration initiatives. The project thus represents both a practical response to pressing energy deficits and water management needs, and a diplomatic investment in building institutional capacity and trust that can support broader regional stability and prosperity in an era of increasing global uncertainty and climate change pressures.

REFERENCES

[1] Janusz-Pawletta B. Current legal challenges to institutional governance of transboundary water resources in Central Asia and joint management arrangements // Environmental Earth Sciences. - 2014. - Vol. 73, № 2. - P. 887–896.

[2] Cohen A., Alexander Hill W., Alejandro Sánchez W. The West's role in solving Central Asia's water crisis // Atlantic Council. - 2024.

[3] Sorg A. et al. Climate change impacts on glaciers and runoff in Tien Shan (Central Asia) // Nature Climate Change. - 2012. - Vol. 2, № 10. - P. 725–731.

[4] Zeitoun M., Warner J. Hydro-hegemony – a framework for analysis of trans-boundary water conflicts // Water Policy. - 2006. - Vol. 8, № 5. - P. 435–460.

[5] Keskinen M., Varis O. Water-Energy-Food Nexus in Large Asian River Basins // Water. - 2016. - Vol. 8, № 10. - P. 446.

[6] Sehring J. Path Dependencies and Institutional Bricolage in Post-Soviet Water Governance // Water alternatives. - 2009. - Vol. 2, № 1.

[7] Ruggie J.G. Multilateralism: the anatomy of an institution // International Organization. - 1992. - Vol. 46, № 3. - P. 561–598.

[8] Keohane R.O. After Hegemony: Cooperation and Discord in the World Political Economy. Princeton: Princeton University Press, 1984.

[9] Sadoff C.W., Grey D. Beyond the river: the benefits of cooperation on international rivers // Water Policy. - 2002. - Vol. 4, № 5. - P. 389–403.

[10] Wolf A.T. Shared waters: conflict and cooperation // Annual Review of Environment and Resources. - 2007. - Vol. 32. - P. 241–269.

[11] Weinthal E. Water Conflict and Cooperation in Central Asia. Human Development Report 2006 Background Paper. New York: United Nations Development Programme, 2006.

[12] Menga F., Mirumachi N. Fostering Tajik hydraulic development: examining the role of soft power in the case of the Rogun Dam // Water Alternatives. - 2016. - Vol. 9, № 2. - P. 373–388.

[13] Mohapatra N.K. Geopolitics of water securitisation in Central Asia // GeoJournal. - 2023. - Vol. 88, № 1. - P. 897–916.

[14] Kraak E.P. The geopolitics of hydropower in Central Asia: the Syr Darya // The Asia-Pacific Journal. - 2012. - Vol. 10, Issue 15.

[15] Kayumov A., Omelchenko E. The Role of Non-Regional Powers in Central Asian Water and Energy Nexus // Central Asia and the Caucasus. - 2014. - Vol. 15, № 1. - P. 44–53.

[16] Duzdaban E. Water Issue in Central Asia: Challenges and Opportunities // Eurasian Research Journal. - 2021. - Vol. 3, № 1. - P. 45–62.

[17] Havenith H.-B., Torgoev I., Torgoev A., Strom A., Xu Y., Fernandez-Steeger T. The Kambarata 2 Blast-Fill Dam, Kyrgyz Republic: Blast Event, Geophysical Monitoring and Dam Structure Modelling // Geoenvironmental Disasters. - 2015. - Vol. 2, № 11. - P. 1–15.

[18] Betz F., Chymyrov A., Lauermann M., Cyffka B., Chontoev D. Assessing the Impacts on Natural Ecosystems of the Future Kambarata-1 Hydropower Station on the Naryn River, Kyrgyzstan: A GIS-based Approach // GI_Forum. - 2022. - Issue 1. - P. 48–57.

[19] Medeu A., Gubaidullina M., Anuash Zh. Water Security In The Syr Darya Basin // Bulletin of Kazakh Abylai Khan University of International Relations and World Languages. Series: International Relations and Regional Studies. - 2025. - Vol. 62, № 4.

[20] Kambarata-1 Hydropower Plant Project (HPP) [Electronic resource] // World Bank. 2025. URL: https://www.worldbank.org/en/programs/kambarata-1-hpp (accessed: 19.02.2026).

[21] Аксенова Е., Сарачакова Ю. Казахстан поможет построить ГЭС в Кыргызстане: зачем это нужно // Tengrinews.kz. 2025.

[22] Shamsiev K. Issues of regional cooperation within the Central Asia Integrated Power System // Carecprogram.org. Almaty, 2009.

[23] Libert B., Trombitcaia I. Advancing Dam Safety in Central Asia: The Contribution of the UNECE Water Convention // The UNECE Convention on the Protection and Use of Transboundary Watercourses and International Lakes. Brill | Nijhoff, 2015. - P. 394–407.

[24] Micklin P. Introduction to the Aral Sea and Its Region // The Aral Sea. Berlin, Heidelberg: Springer Berlin Heidelberg, 2013. - P. 15–40.

[25] Abdullaev I. et al. Water User Groups in Central Asia: Emerging Form of Collective Action in Irrigation Water Management // Water Resources Management. - 2009. - Vol. 24, № 5. - P. 1029–1043.

[26] Cooley A. The New Great Power Contest in Central Asia // Great Games, Local Rules. Oxford University Press, 2012. - P. 3–15.

[27] Akromov O. Uzbekistan's New Foreign Policy: Rekindling Regional Ties in Central Asia // Atlas Institute for International Affairs, 2020.

[28] Wegerich K. Hydro-hegemony in the Amu Darya Basin // Water Policy. - 2008. - Vol. 10, № S2. - P. 71–88.

[29] World Bank. Central Asia Water and Energy (CAWEP) Annual Report 2022 and 2023. Washington, D.C.: World Bank Group, 2023.

[30] Buzan B., Waver O. Regions and Powers: The Structure of International Security Cambridge Studies in International Relations. Cambridge University Press, 2003.

[31] Bahgat G. Central Asia and energy security // Asian Affairs. - 2006. - Vol. 37, № 1. - P. 1–16.

[32] Caspian Energy Politics / edit. Overland I., Kjaernet H., Kendall-Taylor A. Routledge, 2010.

[33] Laruelle M., Peyrouse S. Globalizing Central Asia: Geopolitics and the Challenges of Economic Development. New York: Routledge, 2015.

[34] Allison R. Virtual regionalism, regional structures and regime security in Central Asia // Central Asian Survey. 2008. Vol. 27, № 2. P. 185–202.

[35] Reyer C.P.O. et al. Climate change impacts in Central Asia and their implications for development // Regional Environmental Change. - 2015. - Vol. 17, № 6. - P. 1639–1650.

[36] Ansar A. et al. Should we build more large dams? The actual costs of hydropower megaproject development // Energy Policy. - 2014. - Vol. 69. - P. 43–56.

[37] Dinar S. et al. Climate change, conflict, and cooperation: Global analysis of the effectiveness of international river treaties in addressing water variability // Political Geography. - 2015. - Vol. 45. - P. 55–66.

ҚАМБАР-АТА СУ ЭЛЕКТР СТАНЦИЯСЫ: КӨПЖАҚТЫЛЫҚ АЙМАҚТЫҚ СУ ҚАУІПСІЗДІГІНІҢ ҚҰРАЛЫ РЕТІНДЕ

*Затилла Н.Ж.[1]

*[1] Л.Н. Гумилёв атындағы Еуразия ұлттық университеті
Астана, Қазақстан

Аннотация. Бұл мақалада Орталық Азиядағы трансшекаралық су қауіпсіздігі мәселелерін шешуде көпжақты ынтымақтастықтың тәжірибелік мысалы ретінде Камбар-Ата (Камбарата-1) су электр станциясы жобасы зерттеледі. Зерттеу Нарын өзеніндегі 1,860 МВт қуатты бұл құрылысты дамытуда Қазақстан, Қырғызстан және Өзбекстан арасындағы үшжақты әріптестікті талдайды. Жұмыс жобаның кеңестік кезеңнен бастап сәтсіз екіжақты әрекеттер арқылы 2023-2024 жылдары қалыптасқан қазіргі көпжақты шеңберге дейінгі эволюциясын қарастырады. Халықаралық келісімдер, саяси құжаттар және сарапшылық бағалаулардың сапалық талдауын пайдалана отырып, мақалада көпжақты ынтымақтастық механизмдері аймақтағы дәстүрлі су-энергетикалық қақтығыстарды қалай жеңе алатыны көрсетіледі. Нәтижелер Камбар-Ата жобасы нөлдік қосындылы бәсекелестіктен ортақ пайда бөлуге өтуді білдіретінін, серіктестер арасында тең меншік үлестері мен электр энергиясын

пропорциялық түрде бөлуді қамтитынын көрсетеді. Дүниежүзілік банк, ЕҚДБ, т.с.с халықаралық қаржы институттарының қатысуы техникалық сараптама мен заңдылықты қамтамасыз ете отырып, құрылысқа қажетті шамамен 4,2 миллиард долларды жұмылдыруға көмектеседі. Мақалада бұл көпжақты тәсіл жоғарғы ағыстағы су энергиясын өндіру қажеттіліктері мен төменгі ағыстағы суару талаптарын қанағаттандырып, трансшекаралық су ресурстарын басқарудың қайталанатын моделін ұсынатыны туралы қорытынды жасалады. Бұл шеңбердің табысы тұрақты саяси міндеттемеге, мөлдір басқару құрылымдарына және ұлттық мүдделерді аймақтық су қауіпсіздігі императивтерімен теңестіретін әділ пайда бөлу механизмдеріне байланысты.

Тірек сөздер: Камбар-Ата гидроэлектр станциясы, көпжақтылық, трансшекаралық су ынтымақтастығы, Орталық Азия, аймақтық қауіпсіздік, су-энергетика байланысы, Қырғызстан, Қазақстан, Өзбекстан, гидроэнергетиканы дамыту, халықаралық ынтымақтастық

ГИДРОЭЛЕКТРОСТАНЦИЯ КАМБАР-АТА: МНОГОСТОРОННОСТЬ КАК ИНСТРУМЕНТ РЕГИОНАЛЬНОЙ ВОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

*Затилла Н.Ж. [1]

*[1]Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилёва
Астана, Казахстан

Аннотация. В данной статье рассматривается проект гидроэлектростанции Камбар-Ата (Камбарата-1) как практический пример многостороннего сотрудничества в решении проблем трансграничной водной безопасности в Центральной Азии. Исследование анализирует трехстороннее партнерство между Казахстаном, Кыргызстаном и Узбекистаном в разработке этого объекта мощностью 1860 МВт на реке Нарын. Работа прослеживает эволюцию проекта от советских истоков через неудачные двусторонние попытки к нынешней многосторонней структуре, сформированной в 2023-2024 годах. Используя качественный анализ международных соглашений, политических документов и экспертных оценок, статья демонстрирует, как механизмы многостороннего сотрудничества могут преодолеть традиционные водно-энергетические противоречия в регионе. Результаты показывают, что проект Камбар-Ата представляет собой парадигмальный сдвиг от конкуренции с нулевой суммой к распределению общих выгод с равными долями владения и пропорциональным распределением электроэнергии между партнерами. Участие международных финансовых институтов, включая Всемирный банк, ЕБРР и др. обеспечивает техническую экспертизу и легитимность, помогая мобилизовать примерно 4,2 миллиарда долларов, необходимых для строительства. В статье делается вывод, что этот многосторонний подход учитывает как потребности в гидроэнергетике верхних стран, так и требования к ирригации нижних стран, предлагая воспроизводимую модель управления трансграничными водными ресурсами. Успех этой структуры

зависит от устойчивой политической приверженности, прозрачных структур управления и справедливых механизмов распределения выгод, которые уравновешивают национальные интересы с императивами региональной водной безопасности.

Ключевые слова: гидроэлектростанция Камбар-Ата, многосторонность, трансграничное водное сотрудничество, Центральная Азия, региональная безопасность, водно-энергетическая связь, Кыргызстан, Казахстан, Узбекистан, развитие гидроэнергетики, международное сотрудничество

Автор туралы мәлімет:

Затилла Н.Ж. – PhD докторанты, Халықаралық қатынастар факультеті, Л.Н. Гумилёв атындағы Еуразия ұлттық университеті, Астана қаласы, Қазақстан, zatillanz@gmail.com

Информация об авторе:

Затилла Н.Ж. – докторант PhD, Факультет международных отношений, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилёва, Астана, Казахстан, zatillanz@gmail.com

Information about the author:

Zatilla N. – PhD student, Faculty of International Relations, L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan, zatillanz@gmail.com

Received / Мақала түсті / Статья поступила: 16.03.2026.
Accepted / Жариялауға қабылданды / Принята к публикации: 28.09.2026

УДК 378.4:811.531(575.2)
МРНТИ 14.35.09
https://doi.org/10.48371/ISMO.2026.65.3.010

KOREAN STUDIES IN KYRGYZSTAN: INSTITUTIONAL DEVELOPMENT, ACADEMIC MOBILITY, AND INTERNATIONAL COOPERATION

*Yem N.B.[1]
*[1] Al-Farabi Kazakh National University
Almaty, Kazakhstan

Abstract. The expansion of Korean Studies beyond the Korean Peninsula has contributed to the growing development of Korean language education and Korean Studies programs in many regions of the world, including Central Asia. While previous studies have examined Korean Studies in Central Asia more broadly, the institutional development of Korean Studies in Kyrgyzstan has received limited scholarly attention. This article examines the current state of Korean Studies in Kyrgyzstan and identifies the key factors supporting its development within the country’s higher education system.

The study is based on the analysis of university documents, educational programs, institutional reports, academic mobility materials, and information available on official university websites. The research focuses on the major universities involved in Korean Studies education and examines educational programs, human resources, international cooperation, and academic mobility.

The findings demonstrate that Korean Studies in Kyrgyzstan has evolved into a relatively stable academic field supported by a network of university-based centers. Its development is sustained through the interaction of educational programs, faculty development, international partnerships, and academic mobility initiatives. The study identifies the principal institutions involved in Korean Studies and highlights the role of cooperation with Korean universities and organizations in strengthening the field.

The scientific significance of the article lies in providing a systematized analysis of the institutional development of Korean Studies in Kyrgyzstan and in identifying the main factors contributing to its sustainability. The practical significance of the study is related to the possibility of using its findings for the further development of educational programs, academic partnerships, and international cooperation between Kyrgyzstan and the Republic of Korea.

Keywords: Korean Studies, Kyrgyzstan, higher education, academic mobility, international cooperation, educational programs, human resources, Central Asia

Funding. This work was supported by the Academy of Korean Studies (AKS) under the project “Establishment of DB and Utilization Platform for the Humanities Topography of the Korean Studies Belt in Central Asia” [Project No. AKS-2025-INC-2250002].

Introduction

The internationalization of Korean Studies has become an increasingly important feature of contemporary higher education over the past three decades. Supported by academic cooperation, educational mobility, and cultural diplomacy initiatives, Korean Studies programs have expanded beyond East Asia and established a growing presence across diverse world regions. Recent scholarship suggests that overseas Korean Studies has evolved from a narrowly defined area studies field into a broader platform for international academic exchange, educational cooperation, and cross-cultural engagement [1; 2]. Among the regions where this development has been particularly dynamic, Central Asia occupies a distinctive position due to its historical connections with Korea, the presence of Koryo-saram communities, and the expanding educational, cultural, and economic ties between the Republic of Korea and Central Asian states [2; 3]. As a result, Korean Studies in Central Asia has developed through a network of university-based programs and transnational academic partnerships that support language education, academic mobility, and international cooperation.

Several studies have examined the development of Korean Studies in Central Asia, focusing on its institutional foundations, educational functions, and international dimensions. Existing research has highlighted the growing role of Korean language education, academic mobility, international partnerships, and cultural diplomacy in supporting the expansion of Korean Studies across the region [1–4]. Scholars have also emphasized the importance of curriculum development, faculty training, and interdisciplinary approaches for strengthening Korean Studies programs in Central Asian universities [1; 2]. More recent studies have situated overseas Korean Studies within broader discussions of global citizenship education and international academic cooperation, pointing to both the achievements and structural challenges of the field [2–4].

Despite these contributions, an important research gap remains, the existing literature has primarily examined Korean Studies at the regional level, treating Central Asia as a relatively unified educational space. Consequently, the institutional trajectories of individual countries remain insufficiently explored. In particular, the development of Korean Studies in Kyrgyzstan has received limited scholarly attention, despite the expansion of university-based programs, academic mobility initiatives, and cooperation with Korean educational organizations. This gap highlights the need for a focused analysis of the institutional mechanisms that have shaped the development of Korean Studies in Kyrgyzstan.

Central Asia occupies a distinctive position within the global landscape of Korean Studies. Unlike many regions where interest in Korea emerged primarily through the expansion of contemporary Korean popular culture, the development of Korean Studies in Central Asia has been shaped by a combination of historical and educational factors. The presence of Koryo-saram communities provided

an important foundation for Korea-related education and cultural exchange, while the establishment of diplomatic relations between the Republic of Korea and the newly independent Central Asian states in the early 1990s created new opportunities for educational cooperation, academic exchange, and institutional partnerships. These historical and institutional conditions contributed to the emergence of Korean Studies as an increasingly visible component of higher education across the region.

Despite the growing body of scholarship on Korean Studies in Central Asia, existing research remains unevenly distributed across the region. Most studies have focused on Kazakhstan and Uzbekistan, where Korean Studies programs are more extensive and institutionally established and where long-term cooperation with Korean governmental and academic organizations has supported their development [1; 2; 4]. The existing literature has primarily examined Korean language education, curriculum development, academic mobility, cultural exchange, and the activities of major universities, contributing significantly to our understanding of regional trends in Korean Studies [1–4].

However, the institutional development of Korean Studies in Kyrgyzstan has received comparatively limited scholarly attention. Although Kyrgyzstan is regularly included in broader regional surveys, its Korean Studies infrastructure has rarely been examined as an independent object of analysis [1; 4]. Consequently, the historical evolution, organizational structure, educational programs, international partnerships, and institutional mechanisms supporting Korean Studies in Kyrgyzstan remain insufficiently documented in the international literature. This gap underscores the need for a focused examination of how Korean Studies has been institutionalized within Kyrgyzstan's higher education system and what factors have contributed to its development.

To address this research gap, this article examines the development of Korean Studies in Kyrgyzstan from the establishment of diplomatic relations between Kyrgyzstan and the Republic of Korea to the present. It seeks to answer two interrelated questions: how has Korean Studies been institutionalized within Kyrgyzstan's higher education system, and what mechanisms have supported its development? Drawing upon university documents, educational programs, institutional reports, academic mobility materials, and official university information, the study analyzes the institutional landscape of Korean Studies, its educational infrastructure, and the role of academic mobility, international cooperation, and university partnerships in sustaining the field.

The contribution of this study is twofold. By focusing on a comparatively underexplored case, the article contributes to the literature on Korean Studies in Central Asia in two ways. First, it provides a systematic overview of the principal institutions involved in Korean Studies education in Kyrgyzstan. Second, it identifies the institutional mechanisms that have facilitated the development

of Korean Studies and examines how transnational academic networks have contributed to its expansion and sustainability. In doing so, the article offers a broader understanding of the diverse trajectories through which Korean Studies has developed across Central Asia.

Description of Materials and Methods

This study examines the development and current state of Korean Studies in Kyrgyzstan through the analysis of institutional and educational materials collected within the framework of the international research project "Establishment of a Database and Utilization Platform for the Humanities Topography of the Korean Studies Belt in Central Asia," supported by the Academy of Korean Studies (AKS). The research focuses on higher education institutions in Kyrgyzstan where Korean language instruction, Korean Studies programs, or Korea-related academic activities are currently represented. The selected universities include institutions with identifiable Korean-language education, specialized academic units or programs, and documented international cooperation or academic mobility related to Korean Studies.

The empirical materials include official university websites, educational programs, curriculum documents, graduate competency models, competency matrices, working curricula, faculty and departmental documentation, faculty information, academic mobility records, institutional reports, cooperation agreements, official institutional news materials and other publicly available documents. Particular attention was given to universities identified as major centers of Korean Studies in Kyrgyzstan, including Kyrgyz National University named after J. Balasagyn, Bishkek State University named after K. Karasaev, Osh State University, Kyrgyz-Russian Slavic University, Kyrgyz State University named after I. Arabaev, and several additional institutions involved in Korean language education and academic cooperation. The documentary corpus was initially compiled in December 2025 and subsequently expanded and verified through additional documentary collection and institutional updates completed in March 2026.

Methodologically, the study applies qualitative document analysis and institutional mapping. The analysis focuses on four dimensions that reflect the development of Korean Studies within higher education: educational programs, faculty resources, academic mobility, and international cooperation. The documentary materials were organized and compared according to indicators including program level and disciplinary profile, faculty composition, documented academic mobility activities, and institutional partnerships and cooperation arrangements. These indicators were selected because they capture both the organizational capacity of Korean Studies programs and their integration into broader national and international academic networks. Together, they make it possible to examine not only the presence of Korean Studies within individual universities but also the mechanisms through which the field has been sustained and expanded in Kyrgyzstan.

The study does not seek to provide a complete statistical census of Korean Studies in the country. The availability, format, and level of detail of institutional information vary considerably across universities. While some institutions provide detailed data on educational programs, student numbers, academic mobility, and faculty composition, others publish only limited information. Therefore, the analysis is based on verified information obtained from official institutional sources and supplementary project materials. Because the study relied primarily on publicly available institutional documentation, access to complete internal university records was not available, and some institutional information was not publicly available for all universities. The purpose of the study is to reconstruct the current institutional landscape of Korean Studies in Kyrgyzstan rather than to evaluate or rank individual universities.

The analytical framework is informed by recent scholarship on overseas Korean Studies and Korean Studies education, particularly studies examining the development of Korean Studies in Central Asia and other regions outside the Korean Peninsula [1–4]. Building upon this literature, the present study approaches Korean Studies in Kyrgyzstan as an institutional field shaped by the interaction of educational programs, human resources, academic mobility, and international cooperation. The Kyrgyzstani case is therefore examined as part of the broader expansion of overseas Korean Studies and the institutional processes that have supported its development beyond the Korean Peninsula.

Results

Main Centers of Korean Studies in Kyrgyzstan

Korean Studies in Kyrgyzstan has developed through a decentralized institutional structure rather than around a single national center. Korean language education and Korea-related academic activities are currently represented across a network of universities that differ in size, organizational profile, and academic specialization. As of the 2024–2025 academic year, Korean language instruction and elements of Korean Studies education were represented in at least six universities located in both Bishkek and the southern regions of the country. This network includes national and state universities, an intergovernmental university, and a technological university, as well as institutions with pedagogical and regional educational profiles, reflecting the diverse institutional pathways through which Korean Studies has become integrated into Kyrgyzstan's higher education system.

The analysis identified Korean Studies-related activities at Kyrgyz National University named after J. Balasagyn, Bishkek State University named after K. Karasaev, Osh State University, Kyrgyz-Russian Slavic University, Kyrgyz State University named after I. Arabaev, and Osh Technological University named after M. M. Adyshev.

The institutional structure of Korean Studies in Kyrgyzstan reflects the broader diversification of the country's higher education system following independence. Korean language education and Korea-related academic activities have been incorporated into a variety of academic units, including departments

of Oriental Studies, international relations, foreign languages, linguistics, and regional studies. At Bishkek State University, Korean Studies is organized through a specialized Department of Korean Philology, established in 1991 and constituted as an independent unit in 1996, whereas at Osh Technological University Korean language education is integrated into Regional Studies and International Relations programs and supported through a King Sejong Institute. As a result, Korean Studies has developed across multiple organizational settings, allowing the field to expand within universities with different educational profiles and academic missions.

A notable feature of the Kyrgyzstani case is the coexistence of different organizational models of Korean Studies. While some universities maintain relatively well-established programs within faculties of Oriental Studies, others incorporate Korean language instruction into broader curricula in international relations, foreign languages, linguistics, or regional studies. Kyrgyz-Russian Slavic University illustrates another institutional trajectory: its Korean Language and Culture Center, established in 2001 with support from the Embassy of the Republic of Korea, was formally reorganized as the Sector of Korean Language and Culture in 2025. Kyrgyz State University named after I. Arabaev, by contrast, incorporates Korean language into a pedagogically oriented model focused on the preparation of teachers, linguists, and translators. This diversity suggests that Korean Studies in Kyrgyzstan has expanded through adaptation to existing university structures rather than through the creation of specialized national centers. Despite these organizational differences, Korean language education remains the core component of Korean Studies activities across all examined universities and serves as the principal foundation for further academic, cultural, and international engagement.

International cooperation and academic mobility are common features across most Korean Studies programs in Kyrgyzstan and constitute important mechanisms supporting their development. Their role in sustaining Korean Studies and strengthening connections between Kyrgyzstani and Korean institutions is examined in greater detail in the following sections.

At the same time, universities differ in the scope of their educational activities, organizational structures, faculty capacity, academic mobility opportunities, and the availability of graduate-level programs. Master's-level training is available at Kyrgyz National University, Bishkek State University, and Osh State University, whereas Kyrgyz-Russian Slavic University and Osh Technological University do not offer graduate-level Korean Studies programs, and Korean at Kyrgyz State University named after I. Arabaev remains integrated into broader linguistic and pedagogical trajectories. These differences reflect the diverse trajectories through which Korean Studies has evolved within Kyrgyzstan's higher education system and illustrate varying levels of institutional development across universities. Nevertheless, the presence of Korean language instruction and sustained international cooperation across multiple institutions suggests that Korean Studies has become an established, though decentralized, component of Kyrgyzstan's higher education landscape.

Based on the analysis of institutional materials, three universities currently represent the *leading centers of Korean Studies* in Kyrgyzstan: Kyrgyz National University named after J. Balasagyn (KNU), Bishkek State University named after K. Karasaev (BSU), and Osh State University (OshSU). These institutions demonstrate the most developed Korean Studies infrastructure among the universities examined in this study, combining established educational programs, academic mobility opportunities, graduate-level training, and sustained cooperation with Korean partner institutions. Their leading position is also reflected in the scale of their educational activity: KNU reports approximately 230 undergraduate students, 10 master's students, and around 100 additional students studying Korean as a second foreign language; BSU reports more than 200 undergraduate and master's students and approximately 80 second-language learners; and OshSU reports approximately 192 undergraduate and master's students, with around 30 additional students studying Korean as a second foreign language. As a result, they play a central role in the development of Korean Studies within Kyrgyzstan's higher education system.

Kyrgyz National University named after J. Balasagyn (KNU) represents one of the principal centers of Korean Studies in Kyrgyzstan. Korean Studies-related education is conducted within the Faculty of International Relations and Oriental Studies, where Korean language, regional studies, and East Asian studies are incorporated into broader Oriental Studies programs [6]. The Korean-language track is embedded in a formal educational structure based on the main educational program, graduate model, competency matrix, and working curriculum, and includes practical Korean language, country-studies disciplines, and professional training for future Oriental Studies specialists. The university provides both undergraduate and graduate-level training and maintains extensive cooperation with Korean partner institutions through academic mobility, exchange programs, and joint educational initiatives [6]. Its staffing structure includes seven instructors, comprising four local specialists and three instructors from the Republic of Korea. A distinctive feature of KNU is the integration of Korean Studies into a broader framework of international academic cooperation. Available institutional materials indicate active participation in exchange programs, language training opportunities, international educational projects, and cooperation with Korean universities and educational organizations [6]. These activities include the KF Global e-School project in 2025 and academic exchanges with Hanbat National University, Paichai University, and Keimyung University. As a result, Korean Studies activities at KNU extend beyond language instruction and function as part of a wider network of academic, cultural, and institutional engagement with the Republic of Korea.

Bishkek State University named after K. Karasaev (BSU) represents one of the oldest and most specialized centers of Korean language education in Kyrgyzstan. The Department of Korean Philology, established during the early years of Kyrgyzstan's independence, has played a significant role in the training of Korean language specialists, translators, and future educators [7]. The department was established in 1991 and became an independent institutional

unit in 1996. It provides bachelor's and master's-level education in Linguistics and Oriental Studies and African Studies, with Korean as the principal language and courses in Korean history, culture, literature, economy, foreign policy, and religion. Unlike programs that incorporate Korean Studies into broader Oriental Studies curricula, BSU has developed a more specialized philological orientation centered on language instruction and linguistic training.

At the same time, Korean Studies activities at BSU extend beyond language education and include cultural programs, academic exchanges, and cooperation with Korean educational institutions [7]. Long-term partnerships with Korean universities and organizations have contributed to the continuity of educational activities and supported the institutional development of Korean Studies at the university. In the 2024–2025 academic year, 17 BSU students studied in the Republic of Korea as part of the university's international mobility activities. Cooperation with Hanbat National University includes academic exchange and discussion of short-term and 2+2 formats, while a memorandum with Daegu Haany University was signed in September 2025 to support academic and research exchanges, joint educational programs, and faculty development. As a result, BSU occupies an important position in the preparation of human resources for Korean language education and Korea-related professional activities in Kyrgyzstan.

Osh State University (OshSU) serves as the principal center of Korean Studies in southern Kyrgyzstan and represents an important example of the geographical expansion of Korean Studies beyond the capital city. Korean language education is integrated into the activities of the Institute of Oriental Studies, where Korea-related courses form part of broader Oriental Studies programs [8]. Training is provided within program «530900, Oriental Studies and African Studies», which combines eastern-language education with regional studies and includes both undergraduate and graduate-level trajectories. The university offers both undergraduate and graduate-level education and maintains cooperation with Korean universities, educational organizations, and language centers [8]. Its Korean Studies-related staff includes five instructors, four local specialists and one instructor from the Republic of Korea, and the university maintains cooperation agreements with Ansan University, Chungcheong University, Konkuk University, Paichai University, and Hanbat National University for the 2024–2029 period.

A distinctive feature of OshSU is its role in extending access to Korean Studies education to students outside Bishkek. The development of Korean Studies at OshSU demonstrates that the institutionalization of the field in Kyrgyzstan has not been confined to the country's principal academic centers but has also taken place at the regional level. The university also maintains a Center of Korean Language and Culture, reinforcing the institutional presence of Korean Studies beyond the degree program itself. Through educational programs, academic mobility opportunities, and international partnerships, OshSU contributes to the formation of human resources and the strengthening of academic cooperation between southern Kyrgyzstan and the Republic of Korea [8].

Taken together, these universities constitute the principal institutional nodes of Korean Studies in Kyrgyzstan and illustrate the diverse pathways through which the field has been institutionalized within the country's higher education system. While KNU functions as a major center of international academic cooperation, BSU has developed a specialized profile in Korean language and philological training, and OshSU plays a key role in extending Korean Studies beyond the capital city. Collectively, these institutions provide the strongest evidence of sustained educational activity, academic mobility, and international cooperation and have contributed significantly to the consolidation of Korean Studies as an established field within Kyrgyzstan's higher education landscape.

Additional Institutional Platforms

In addition to the leading centers discussed above, Korean language education and Korean Studies-related activities are also represented in several other higher education institutions in Kyrgyzstan. These include Kyrgyz-Russian Slavic University (KRSU), Kyrgyz State University named after I. Arabaev (KSU), and Osh Technological University named after M. M. Adyshev (OshTU). Although these institutions generally operate on a smaller scale than the leading centers of Korean Studies, they contribute to the broader institutional diversification of the field by expanding access to Korean language education and Korea-related academic activities across different educational settings. Each institution represents a distinct organizational pathway: KRSU integrates Korean Studies within an intergovernmental university through the Sector of Korean Language and Culture; KSU develops Korean language education within teacher training and linguistics; and OshTU combines Korean language education with Regional Studies and International Relations through the activities of the King Sejong Institute.

The available materials indicate a continuing interest in Korean language education and academic cooperation with the Republic of Korea across these institutions. In most cases, Korean language instruction is incorporated into broader programs in foreign languages, international relations, Oriental Studies, linguistics, or regional studies rather than being organized as an independent academic specialization. At KRSU, Korean is taught within International Relations, Linguistics, and Translation Studies, while OshTU offers Korean language within the bachelor's program in Regional Studies (East Asia profile) and bachelor's and master's programs in International Relations. At KSU named after I. Arabaev, Korean language instruction is integrated into linguistics and foreign-language teacher education, with an emphasis on the preparation of teachers and translators rather than an autonomous Korean Studies degree. This pattern demonstrates the flexibility of Korean Studies within Kyrgyzstan's higher education system and its capacity to develop within universities with diverse academic profiles and organizational structures.

At the same time, differences in institutional resources, program structures, reporting practices, and the availability of publicly accessible information limit the possibility of systematic comparison across universities. Available institutional documentation also demonstrates considerable variation in organizational

capacity. KRSU maintains a dedicated Sector of Korean Language and Culture, originally established as the Korean Language and Culture Center in 2001 and reorganized in 2025; OshTU operates through the King Sejong Institute and broader international cooperation initiatives; while KSU named after I. Arabaev develops Korean language education primarily within its Institute of World Languages and International Relations. As a result, the present study focuses on identifying major institutional patterns rather than evaluating the relative performance of individual institutions.

Taken together, these universities complement the activities of the leading centers and contribute to the broader geographical distribution of Korean Studies within Kyrgyzstan. Their presence demonstrates that Korean language education and Korea-related academic activities have expanded beyond the country's principal academic institutions and have become embedded within a wider network of higher education organizations. Although their scale differs from that of KNU, BSU, and OshSU, these institutions broaden the institutional base of Korean Studies by extending Korea-related education into multilingual, pedagogical, technological, and professionally oriented university environments, thereby reinforcing the decentralized character of Korean Studies development in Kyrgyzstan.

Discussion

Institutional Foundations of Korean Studies

Educational programs constitute a key institutional foundation for the development of Korean Studies in Kyrgyzstan. The analysis demonstrates that Korean Studies has been incorporated into a variety of academic programs, including Oriental Studies, regional studies, foreign language education, linguistics, and international relations. Rather than developing as a separate academic discipline, Korean Studies has expanded through integration into existing educational structures, allowing universities with different profiles to incorporate Korea-related teaching and training activities. This institutional pattern is evident across the examined universities: Korean Studies is embedded within Oriental Studies at Kyrgyz National University and Osh State University, within Korean Philology and Linguistics at Bishkek State University, within teacher education and linguistics at Kyrgyz State University named after I. Arabaev, and within Regional Studies and International Relations at Osh Technological University.

Despite differences in organizational arrangements, Korean language instruction remains the central component of Korean Studies education across all examined institutions. It serves as the primary entry point for student engagement with Korea-related studies and provides the foundation for subsequent academic, cultural, and professional activities associated with the field. The prominence of language training across universities suggests that the development of Korean Studies in Kyrgyzstan has been closely associated with practical educational engagement with the Republic of Korea and the growing demand for Korean

language education. Even where autonomous Korean Studies departments are absent, Korean language is systematically incorporated into broader educational trajectories through state-regulated educational programs, graduate competency models, and curriculum frameworks, ensuring continuity of Korea-related education across diverse institutional settings.

Another important characteristic of Korean Studies development in Kyrgyzstan is the gradual diversification of educational programs. While language training remains the central element of most curricula, universities increasingly offer courses related to Korean culture, history, society, intercultural communication, regional studies, and contemporary Korea [1; 3]. This trend indicates that Korean Studies education is gradually expanding beyond language instruction and incorporating broader area studies components. As a result, educational programs increasingly combine linguistic training with knowledge of Korean society, culture, and regional affairs, reflecting the growing institutional maturity of Korean Studies within Kyrgyzstan's higher education system. The findings further demonstrate that this diversification follows different institutional trajectories: while BSU has developed a specialized philological model centered on Korean language and Korea-related disciplines, KNU and OshSU integrate Korean Studies into broader Oriental Studies curricula that combine language education with regional expertise and professional preparation.

Graduate-level education has also become an important component of Korean Studies infrastructure in Kyrgyzstan. Available institutional materials indicate that master's-level programs and advanced training opportunities have been established in several leading universities, particularly within Oriental Studies and related fields [6–8]. The concentration of graduate education in Kyrgyz National University, Bishkek State University, and Osh State University further distinguishes these institutions from universities where Korean language remains integrated into broader undergraduate linguistic or international studies programs. The emergence of graduate education reflects a higher degree of institutional development, as it enables universities not only to provide language instruction but also to support the training of future teachers, translators, researchers, and specialists with advanced expertise in Korea-related studies.

In this respect, graduate programs contribute to the long-term sustainability of Korean Studies by strengthening local academic capacity and supporting the reproduction of human resources within the field. Their presence suggests that Korean Studies in Kyrgyzstan has gradually moved beyond introductory language education toward more advanced forms of academic and professional training.

Faculty resources constitute another important dimension of Korean Studies development in Kyrgyzstan. The examined universities demonstrate different levels of staffing capacity, with Korean language instruction being provided by both local specialists and visiting instructors from the Republic of Korea. The

combination of locally trained academic personnel and international educational cooperation has played an important role in maintaining the continuity, quality, and institutional stability of Korean Studies programs. The leading Korean Studies centers illustrate this pattern through mixed staffing models that combine local faculty with instructors from the Republic of Korea, whereas smaller institutional platforms generally rely on more limited teaching capacity integrated into broader academic units.

The availability of qualified faculty members remains one of the key factors shaping differences among universities. Variations in staffing capacity influence the scope of educational programs, the availability of graduate-level training, participation in academic mobility initiatives, and opportunities for international cooperation. In this respect, human resources represent not only an educational asset but also an important indicator of the institutional development of Korean Studies within Kyrgyzstan's higher education system [1; 4]. The report also indicates that faculty development has been supported through overseas training, professional development programs, visiting instructors, and long-term cooperation with Korean partner universities and organizations, demonstrating that staffing capacity has evolved through sustained international collaboration rather than exclusively through domestic institutional resources. These findings are consistent with previous studies emphasizing the importance of curriculum development, faculty capacity, and educational infrastructure for the institutionalization of Korean Studies outside the Korean Peninsula [1–4]. At the same time, the Kyrgyzstani case demonstrates that these processes may develop through multiple organizational models rather than a single institutional pathway.

Academic mobility has become one of the most important mechanisms supporting the development of Korean Studies in Kyrgyzstan. Institutional materials indicate that cooperation with universities and educational organizations in the Republic of Korea has created opportunities for student exchanges, language training, short-term study visits, scholarship programs, and graduate education [6–11]. Through these activities, students gain access to educational experiences that extend beyond the domestic university environment and strengthen their linguistic, academic, and professional competencies. The analysis further demonstrates that mobility opportunities are supported through multiple institutional formats, including semester exchanges, summer schools, joint educational projects, and scholarship-based study programs implemented through long-term university partnerships.

Academic mobility functions not only as an educational instrument but also as an important mechanism of institutional development. By facilitating knowledge exchange, strengthening international academic networks, and supporting long-term cooperation between Kyrgyzstani and Korean universities, mobility programs contribute to the sustainability and continued expansion of Korean Studies within the country. Documentary evidence further indicates that

mobility is embedded within formal inter-university agreements and institutional cooperation frameworks rather than operating as isolated student initiatives, reinforcing its role as a stable component of Korean Studies infrastructure.

The most active mobility initiatives are concentrated in the leading Korean Studies centers, particularly Kyrgyz National University named after J. Balasagyn, Bishkek State University named after K. Karasaev, and Osh State University [6–8]. These universities maintain partnerships with Korean higher education institutions and regularly participate in exchange programs, language internships, summer schools, and other forms of educational cooperation. The evidence suggests that universities with stronger international partnerships generally provide broader mobility opportunities and maintain closer academic links with Korean partner institutions. As a result, academic mobility has become closely associated with the broader institutional development of Korean Studies programs. The findings also indicate that these universities maintain sustained cooperation with multiple Korean partner institutions rather than relying on single bilateral relationships, thereby creating more stable and diversified opportunities for student and faculty mobility.

Academic mobility also contributes to the development of local academic capacity. Students and graduates who participate in educational programs in the Republic of Korea acquire advanced language proficiency, professional competencies, and international experience that may subsequently be applied in education, translation, business, public administration, and international cooperation. In this respect, mobility programs contribute not only to individual educational advancement but also to the formation of future educators, researchers, translators, and specialists capable of supporting the continued development of Korean Studies in Kyrgyzstan. The analysis further suggests that mobility supports the long-term reproduction of academic capacity by strengthening professional qualifications and expanding the pool of locally trained specialists able to participate in teaching, translation, and internationally oriented educational activities.

At the same time, the scale and intensity of academic mobility vary considerably across institutions. Universities with long-established international partnerships generally demonstrate broader mobility opportunities, whereas smaller programs remain more dependent on external support and project-based cooperation. These differences reflect broader variations in institutional capacity and international connectivity across Korean Studies programs in Kyrgyzstan. This variation is consistent with broader differences in graduate-level provision, staffing capacity, and the institutionalization of international cooperation observed across the examined universities, indicating that academic mobility develops most successfully where these organizational resources reinforce one another.

Nevertheless, the available evidence suggests that academic mobility has become one of the principal mechanisms supporting the institutionalization of Korean Studies within the country. By strengthening international cooperation, expanding academic networks, and contributing to the development of local expertise, mobility programs have played an important role in the long-term

sustainability and growth of Korean Studies within Kyrgyzstan's higher education system. This observation supports previous research identifying academic mobility as a central mechanism in the development of overseas Korean Studies [2–4], while demonstrating that its institutional effects depend on the broader interaction of graduate education, staffing capacity, and long-term university partnerships.

International cooperation represents one of the principal foundations supporting the development of Korean Studies in Kyrgyzstan. Beyond academic mobility, cooperation with Korean universities, governmental agencies, and educational organizations has contributed to the establishment and expansion of Korean Studies programs, curriculum development, faculty support, educational infrastructure, and the organization of academic and cultural activities [6–11]. Institutional evidence indicates that this cooperation has also been implemented through formal inter-university agreements, joint educational initiatives, and the establishment of specialized Korean language and cultural centers within participating universities. As a result, international cooperation has become an integral component of Korean Studies and functions as a key mechanism linking Kyrgyzstani universities with broader transnational academic networks.

A particularly important role is played by Korean organizations that have consistently supported Korean Studies and Korean language education in Central Asia. Among them, the Korea Foundation (KF), the Academy of Korean Studies (AKS), the Korea International Cooperation Agency (KOICA), and the Embassy of the Republic of Korea in the Kyrgyz Republic have contributed to educational development, academic mobility, research activities, faculty development, and cultural initiatives [4]. Through scholarships, mobility programs, educational projects, visiting professors, faculty support initiatives, institutional partnerships, and academic exchanges, these organizations have strengthened cooperation between Kyrgyzstani and Korean academic institutions and expanded the educational opportunities available to students and faculty members. Their activities have facilitated the integration of local universities into broader international academic networks and have increased the institutional resources available for Korean Studies education. The analysis further demonstrates that these initiatives have been complemented by university-level cooperation with institutions such as Hanbat National University, Paichai University, Keimyung University, Konkuk University, and Daegu Haany University, thereby linking national support programs with long-term institutional partnerships.

International cooperation has also facilitated the integration of Kyrgyzstani universities into broader regional and global academic networks. Through participation in exchange programs, joint research projects, conferences, institutional partnerships, and educational initiatives, Korean Studies programs in Kyrgyzstan have gained access to academic resources, professional expertise, and opportunities for long-term collaboration [4; 6–11]. These forms of cooperation have strengthened educational infrastructure, supported faculty development, expanded research activities, and enhanced opportunities for academic mobility. The findings further suggest that cooperation has supported not only exchanges

and research collaboration but also the development of teaching resources, specialized library collections, and educational infrastructure that remain embedded within university programs.

The available evidence suggests that international cooperation functions not merely as a source of external support but as one of the principal mechanisms through which Korean Studies has been maintained and expanded in Kyrgyzstan. By connecting local universities with transnational academic networks, international cooperation has played a central role in the sustainability and continued development of Korean Studies in the country. These findings extend previous discussions of international cooperation by showing that external support contributes not only organizational resources but also reinforces the long-term institutional sustainability of Korean Studies through stable academic networks [2–4].

Current Challenges and Development Prospects

The analysis demonstrates that Korean Studies in Kyrgyzstan has undergone a gradual process of institutional consolidation over the past three decades. What initially emerged as limited Korean language instruction has evolved into a distributed network of educational programs supported by universities, academic mobility initiatives, and transnational partnerships. The findings indicate that this process has been shaped not by a single institutional center but by the interaction of multiple universities, academic networks, and external educational partners. This distributed model is reflected in the complementary roles of Kyrgyz National University, Bishkek State University, Osh State University, and several smaller institutional platforms that contribute through different organizational profiles rather than a unified institutional structure.

However, the pace and scope of growth vary considerably across institutions. Universities differ in terms of educational infrastructure, faculty resources, graduate-level training opportunities, mobility programs, and external partnerships. These differences affect the capacity of individual institutions to maintain and expand Korea-related activities and contribute to uneven patterns across the country. Strengthening institutional capacity therefore remains one of the principal tasks facing the field.

Another important challenge concerns human resource development. The long-term viability of Korean Studies programs depends on the availability of qualified faculty members, opportunities for professional advancement, and the preparation of new specialists. Given the relatively limited scale of Korean Studies in Kyrgyzstan, the training and retention of academic personnel remain essential for future progress.

In this context, graduate education, academic exchanges, and collaboration with Korean partner institutions play an important role in strengthening local expertise and supporting the next generation of scholars, educators, and translators. Existing institutional cooperation—including faculty exchanges, visiting instructors from the Republic of Korea, and participation in projects such as the KF Global e-School initiative—illustrates the types of long-term capacity-building mechanisms that can support this objective. The continued expansion

of these opportunities will be critical for maintaining academic continuity and renewing the field over time.

The continuing visibility of the Republic of Korea in the spheres of education, culture, digital media, and international engagement creates favorable conditions for further expansion. The growing presence of Korea-related educational and cultural initiatives across Central Asia has contributed to sustained interest in Korean language education and Korea-related academic programs [2–4].

For Kyrgyzstani universities, these developments create opportunities for the diversification of curricula, the expansion of mobility opportunities, and the strengthening of international partnerships. In this context, Korean Studies possesses considerable potential for future growth through the continued integration of language education, area studies, research activities, and global academic engagement. Sustaining this trajectory will depend not only on expanding external cooperation but also on consolidating graduate education, institutional partnerships, and faculty development across universities with different levels of organizational capacity.

Future trajectories are also likely to be influenced by the broader relationship between Kyrgyzstan and the Republic of Korea. Expanding educational, cultural, and academic ties create favorable conditions for strengthening connections between Kyrgyzstani universities and international scholarly communities. Korean Studies may therefore increasingly function not only as a field of language and area studies but also as a platform for academic exchange, professional training, and cross-border collaboration.

Overall, the findings suggest that Korean Studies in Kyrgyzstan has advanced through the interaction of educational programs, human resources, academic mobility, and international partnerships. Rather than emerging around a single dominant institution, the field has developed through a distributed network of universities and transnational academic connections. This pattern underscores the importance of interconnected educational and organizational mechanisms in supporting its future growth and resilience.

Conclusion

This article examined the development of Korean Studies in Kyrgyzstan through the analysis of university documents, educational programs, institutional materials, and publicly available sources. Korean Studies has become an established component of Kyrgyzstan's higher education landscape and has evolved through a decentralized network of universities rather than through a single specialized institution. The Kyrgyzstani case illustrates how Korean Studies can expand through the interaction of university initiatives, academic mobility, and international partnerships within a relatively small higher education system.

The development of Korean Studies in Kyrgyzstan has been supported by the interaction of educational infrastructure, academic personnel, mobility opportunities, and cooperation with Korean partner institutions and organizations. While Korean language education remains the foundation of most programs,

the field has gradually expanded to include broader educational, cultural, and academic activities. These processes have enabled Korean Studies to become integrated into both national higher education structures and wider transnational academic networks.

The study contributes to the literature on Korean Studies in Central Asia by providing the first systematic overview of Korean Studies in Kyrgyzstan and by identifying the principal mechanisms supporting its expansion. Beyond documenting existing institutions and programs, the analysis highlights the importance of long-term academic cooperation, mobility, and capacity building in sustaining Korean Studies outside the Korean Peninsula.

More broadly, the Kyrgyzstani case demonstrates that the development of Korean Studies depends on the interaction of local educational initiatives and international academic support. This experience may be relevant for understanding the evolution of Korean Studies in other small and decentralized higher education systems. Future research may build upon these findings through comparative studies across Central Asia and through the incorporation of additional statistical, archival, and interview-based materials.

REFERENCES

[1] Back T. H., Sherikulova M. Current Status and Tasks of Korean Studies Education in Central Asia // Proceedings of the International Conference of the Northeast Asia Culture Society. – 2019. – Vol. 7. – P. 13–15.

[2] Belyalova A. E., Park S. H. Development Task and Direction of Overseas Korean Studies to Foster Global Citizens: Focusing on Central Asia // The Review of Korean Studies. – 2022. – Vol. 25, No. 2. – P. 259–288.

[3] Kim J. Expansion of Korean Language and Korean Studies Education in Central Asia with Future Visions // The Journal of Yeongju Language & Literature. – 2024. – Vol. 57. – Pp. 277–313.

[4] Belyalova A. E. Overseas Korean Studies as a Pathway to Global Citizenship: Challenges and Prospects in Central Asia // Kazakhstan Oriental Studies. – 2025. – Vol. 15, No. 3. – P. 290–305.

[5] Project Summary. Establishment of a Database and Utilization Platform for the Humanities Topography of the Korean Studies Belt in Central Asia. Research Project Documentation. – Almaty: Al-Farabi Kazakh National University, 2025.

[6] Kyrgyz National University named after J. Balasagyn. Faculty of International Relations and Oriental Studies // Official website of Kyrgyz National University named after J. Balasagyn. https://www.knu.kg/ky/ru/faculties 03.06.2026.

[7] Bishkek State University named after K. Karasaev. Department of Korean Philology // Official website of Bishkek State University named after K. Karasaev. https://bhu.kg/ru/kafedra-korejskoj-filologii/ 03.06.2026.

[8] Osh State University. Institute of Oriental Studies. Official website. http://institut-vostokovedenie.oshsu.kg/ 03.06.2026.

[9] Kyrgyz-Russian Slavic University named after B. N. Yeltsin. Sector of Korean Language and Culture // Official website of Kyrgyz-Russian Slavic University. https://www.krsu.edu.kg/the_center_for_korean_language 03.06.2026.

[10] Kyrgyz State University named after I. Arabaev. Institute of World Languages and International Relations named after Sh. Kadyrova // Official website of Kyrgyz State University named after I. Arabaev. https://arabaevksu.edu.kg/ru/institutes/chet-tilder-zhana-komp-yuterdik-lingvistika-institutunun 03.06.2026.

[11] Osh Technological University named after M. M. Adyshev. Center of Korean Language and International Cooperation // Official website of Osh Technological University. https://oshtu.kg/mezhdunarodnyj-otdel/#center 03.06.2026.

КОРЕЕВЕДЕНИЕ В КЫРГЫЗСТАНЕ: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ, АКАДЕМИЧЕСКАЯ МОБИЛЬНОСТЬ И МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

*Ем Н.Б.[1]

*[1] Казахский национальный университет имени аль-Фараби
Алматы, Казахстан

Аннотация. Расширение кореееведения за пределы Корейского полуострова способствовало развитию преподавания корейского языка и программ по кореееведению во многих регионах мира, включая Центральную Азию. Несмотря на то, что в предыдущих исследованиях рассматривалось развитие кореееведения в Центральной Азии в целом, институциональное развитие кореееведения в Кыргызстане до настоящего времени получило ограниченное освещение в научной литературе. В данной статье анализируется современное состояние кореееведения в Кыргызстане и выявляются ключевые факторы, обеспечивающие его развитие в системе высшего образования страны.

Исследование основано на анализе университетской документации, образовательных программ, институциональных отчетов, материалов по академической мобильности, а также информации, размещенной на официальных сайтах университетов. Основное внимание уделено ведущим университетам, реализующим образовательные программы по кореееведению. Анализ охватывает образовательные программы, кадровый потенциал, международное сотрудничество и академическую мобильность.

Результаты исследования показывают, что кореееведение в Кыргызстане сформировалось как относительно устойчивая академическая область, поддерживаемая сетью университетских центров. Его развитие обеспечивается взаимодействием образовательных программ, подготовки профессорско-преподавательских кадров, международного партнерства и

инициатив в области академической мобильности. В статье определены основные учреждения, участвующие в развитии кореесведения, а также показана роль сотрудничества с университетами и организациями Республики Корея в укреплении данной области.

Научная значимость статьи заключается в систематизированном анализе институционального развития кореесведения в Кыргызстане и выявлении основных факторов, обеспечивающих его устойчивость. Практическая значимость исследования связана с возможностью использования полученных результатов для дальнейшего развития образовательных программ, академических партнерств и международного сотрудничества между Кыргызской Республикой и Республикой Корея.

Ключевые слова: кореесведение, Кыргызстан; высшее образование, академическая мобильность, международное сотрудничество, образовательные программы, кадровый потенциал, Центральная Азия

Финансирование: Данная работа выполнена при поддержке Академии кореесведения (Academy of Korean Studies, AKS) в рамках проекта «Создание базы данных и платформы для использования материалов по гуманитарной топографии кореесведческого пояса в Центральной Азии» [проект № AKS-2025-INC-2250002].

ҚЫРҒЫЗСТАНДАҒЫ КОРЕЙТАНУ: ИНСТИТУЦИОНАЛДЫҚ ДАМУ, АКАДЕМИЯЛЫҚ ҰТҚЫРЛЫҚ ЖӘНЕ ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ЫНТЫМАҚТАСТЫҚ

*Ем Н.Б.[1]

*[1] әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті

Алматы, Қазақстан

Аңдатпа. Корей түбегінен тыс жерлерде корейтанудың кеңеюі әлемнің көптеген өңірлерінде, соның ішінде Орталық Азияда да корей тілін оқыту мен корейтану бағдарламаларының қарқынды дамуына ықпал етті. Бұған дейінгі зерттеулерде Орталық Азиядағы корейтанудың дамуы жалпы қарастырылғанымен, Қырғызстандағы корейтанудың институционалдық дамуы ғылыми әдебиеттерде жеткілікті деңгейде зерттелмеген. Бұл мақалада Қырғызстандағы корейтанудың қазіргі жай-күйі талданып, оның елдің жоғары білім беру жүйесіндегі дамуын қамтамасыз ететін негізгі факторлар айқындалады.

Зерттеу университеттік құжаттарды, білім беру бағдарламаларын, институционалдық есептерді, академиялық ұтқырлық материалдарын, сондай-ақ университеттердің ресми веб-сайттарында жарияланған ақпаратты талдауға негізделген. Зерттеудің негізгі нысаны ретінде корейтану бойынша білім беретін жетекші жоғары оқу орындары қарастырылып, олардың білім беру бағдарламалары, кадрлық әлеуеті, халықаралық ынтымақтастығы және академиялық ұтқырлық бағыттары зерделенді.

Зерттеу нәтижелері Қырғызстандағы корейтанудың университеттік орталықтар желісінің қолдауымен қалыптасқан салыстырмалы түрде тұрақты академиялық салаға айналғанын көрсетеді. Оның дамуы білім беру бағдарламаларының, профессор-оқытушылар құрамын дамытудың, халықаралық әріптестіктің және академиялық ұтқырлық бастамаларының өзара ықпалы арқылы қамтамасыз етіледі. Мақалада корейтанудың дамуына қатысатын негізгі жоғары оқу орындары айқындалып, бұл саланы нығайтудағы Корея Республикасының университеттері мен ұйымдарымен ынтымақтастықтың рөлі көрсетілген.

Зерттеудің ғылыми маңыздылығы Қырғызстандағы корейтанудың институционалдық дамуына жүйелі талдау жасауында және оның тұрақты дамуына ықпал ететін негізгі факторларды анықтауында жатыр. Зерттеудің практикалық маңыздылығы оның нәтижелерін білім беру бағдарламаларын, академиялық серіктестікті және Қырғыз Республикасы мен Корея Республикасы арасындағы халықаралық ынтымақтастықты одан әрі дамыту мақсатында пайдалану мүмкіндігімен байланысты.

Тірек сөздер: корейтану, Қырғызстан, жоғары білім, академиялық ұтқырлық, халықаралық ынтымақтастық, білім беру бағдарламалары, кадрлық әлеует, Орталық Азия

Қаржыландыру: Бұл жұмыс Корея академиясының (Academy of Korean Studies, AKS) «Орталық Азиядағы Корейтану белдеуінің гуманитарлық топографиясы бойынша деректер базасы мен оны пайдалану платформасын құру» жобасы аясында [Жоба № AKS-2025-INC-2250002] қолдауымен орындалды.

Information about the Author:

Natalya Borisovna Yem — Candidate of Sciences, Associate Professor, Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan. e-mail: Natalya.Yem@kaznu.edu.kz, ORCID: 0000-0002-1286-1452

Автор туралы мәлімет:

Ем Наталья Борисовна — ғылым кандидаты, қауымдастырылған профессор, Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, Алматы, Қазақстан. e-mail: Natalya.Yem@kaznu.edu.kz, ORCID: 0000-0002-1286-1452

Сведения об авторе:

Ем Наталья Борисовна — кандидат наук, ассоциированный профессор, Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Алматы, Казахстан. e-mail: Natalya.Yem@kaznu.edu.kz, ORCID: 0000-0002-1286-1452

Received / Мақала түсті / Статья поступила: 06.06.2026.
Accepted / Жариялауға қабылданды / Принята к публикации: 28.09.2026

UDC 327
IRSTI 11.25.43
https://doi.org/10.48371/ISMO.2026.65.3.011

THE COMMON INTEGRATION AND STABILITY POLICY OF CENTRAL ASIAN COUNTRIES IN RESPONSE TO THE GLOBAL CRISIS

*Anlamassova M.[1], Massadikov K.[2]
*[1,2] Khoja Akhmet Yassawi International Kazakh-Turkish University, Turkistan, Kazakhstan

Abstract. This study examines the impact of global and regional crises on the regional cooperation trends and shared stability policies of Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan, Turkmenistan, and Uzbekistan during the 2018-2025 period. The COVID-19 pandemic, the Russia-Ukraine War, supply chain disruptions, energy and food security issues, and border, water, and security crises constitute the main areas of investigation. The research assesses the capacity of the five countries to identify common risks, develop regional agendas, and produce coordinated policy tools without establishing a supranational structure. Based on a qualitative comparative case design, the study examines official documents, decisions from the Central Asian Heads of State Consultative Meetings, international organization reports, and academic studies through document analysis. The findings show that regional coordination is concentrated in areas where cross-border externalities are high and perceived sovereignty costs are relatively low, such as health, transportation, trade facilitation, water-energy, and disaster management. In contrast, national and central decisions remain dominant in areas related to security preferences, sanctions, and regime stability. Diversification of transportation routes and external economic partnerships has strengthened the pursuit of a multifaceted foreign policy and strategic autonomy. However, economic asymmetries, differing organizational affiliations, sovereignty sensitivities, and limited implementation mechanisms hinder more binding institutionalization. This study concludes that the most viable approach in Central Asia is sovereignty-sensitive functional regionalization based on measurable obligations, technical coordination, and variable participation, rather than supranational integration.

Keywords: Central Asia, regional integration, joint stability policy, global crises, regional cooperation, regional resilience, Consultative Meetings of the Heads of State of Central Asia

Funding: This research work was funded by the Science Committee of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan within the framework of the project AP27508567 Evolving Regional Identity of Kazakhstan: Political, Social and Economic Integration of Central Asia in the Context of Geopolitical Turbulence.

Introduction

In recent years, the regional integration and stability policies pursued by the Central Asian countries in response to global and regional crises have emerged as one of the principal areas of research in regional studies. Especially since 2018, Central Asia has been affected by a series of multifaceted shocks that have followed and often overlapped. While the COVID-19 pandemic negatively impacted health systems, border crossings, trade networks, and the incomes of migrant workers, the return of the Taliban to power in Afghanistan in August 2021 increased regional security uncertainties. The Russia-Ukraine War, which began in February 2022, simultaneously affected five Central Asian countries through international sanctions, payment systems, food and energy prices, remittances, foreign trade, and transportation routes. Climate change, water scarcity, energy sharing, and border disputes also constitute the persistent structural dimensions of this crisis environment.

These interconnected crises have brought back to the forefront the question of the extent to which regional states can develop coordination in the face of common problems. This situation necessitates a reassessment of established approaches that primarily evaluate Central Asian regionalism through the lens of institutional failure [1, p. 3]. Previous literature has explained the weakness of regional cooperation through sovereignty sensitivities, economic asymmetries, leadership competition, border disputes, and institutional competition from external powers [2, p. 186; 3, p. 485; 4, p. 249; 5, p. 97]. These structural barriers have also directly impacted the institutional development of region-centered integration initiatives launched after independence.

Indeed, although regional integration has occupied a significant place on the political agenda of Central Asian states since the 1990s, organizational initiatives developed within the region have failed to transform into a lasting and binding institutional structure. Initiatives continued under the names of the Central Asian Union, the Central Asian Economic Community, and later the Central Asian Cooperation Organization, have failed to develop binding decisions, a common budget, permanent institutional bodies, and effective implementation mechanisms. In the subsequent period, Central Asian states, although varying in membership and participation levels, have been involved in broader Eurasian-scale multilateral frameworks in which Russia and China have played significant roles, such as the Shanghai Cooperation Organization, the Collective Security Treaty Organization, and later the Eurasian Economic Union. While this development does not mean that region-centered integration initiatives have completely ended, it has led to regional cooperation being conducted significantly through broader Eurasian institutions in the 2000s [6, p. 71].

However, the inability of region-centered initiatives to evolve into binding organizations does not necessitate a purely failure-based assessment of regional cooperation in Central Asia. Alternative approaches interpret low institutionalization as a preference for intergovernmental cooperation compatible with the sensitivities of regional states regarding sovereignty and decision-making autonomy. Costa Buranelli suggests that Central Asia should be examined not

only in terms of the number and binding mandates of regional organizations, but also as a "regional order" structured around sovereignty, diplomacy, international law, authoritarianism, and great power management [1, pp. 1, 17-21]. This approach links the absence of a formal secretariat, common market, or supranational decision-making body not to a lack of cooperation, but rather to a flexible institutional choice that keeps the cost to national decision-making autonomy low.

Launched in 2018, the Central Asian Heads of State Consultative Meetings are one of the most visible political mechanisms of this flexible and intergovernmental regional order. The fact that the first meeting was called a "consultation meeting" rather than a "summit" indicates that the format prioritizes consensus, flexibility, and regular dialogue between leaders rather than binding institutionalization [7; 8, p. 131]. Rather than establishing a new supranational organization, these meetings have created a political platform where regional states can directly discuss common problems, formulate sectoral agendas, and link bilateral or multilateral cooperation mechanisms. The expanding agenda of the Consultative Meetings during times of crisis raises the question of whether this mechanism is merely a platform for diplomatic dialogue or a coordination space where shared regional policies are developed.

This article investigates whether Central Asian countries have developed common regional integration and stability policies in the face of global and regional crises during the 2018-2025 period. In the study, the concept of "common policies" is not used in the sense of the five countries establishing a single legal order, common government or common foreign policy. The concept is defined as regional states identifying common threats and risks, developing regular consultation mechanisms, ensuring policy coordination in specific sectors, and working together to produce regional stability. Functional regionalization is used as an analytical concept to describe this process, which develops through sectoral coordination without the establishment of a binding superstructure.

The main research question of this study is: Through what mechanisms have global and regional crises that emerged during the 2018-2025 period strengthened or limited the regional policy coordination and shared stability-generating capacity of Central Asian countries? Two sub-questions are examined in relation to this main question. First, in which sectors have different types of crises fostered regional cooperation? Secondly, how have the economic structures, organizational memberships, institutional capacities, and foreign policy preferences of the five countries differentiated their levels of developing a common response?

The article's central premise is that crises do not automatically or linearly deepen regional integration. The impact of crises on regional policy coordination depends on the intensity of the transboundary externalities they generate, the perceived cost of cooperation on national decision-making autonomy, and the degree to which the area is linked to regime security. Functional regionalization is expected to strengthen in areas such as transportation, trade, health, disaster management, border crossings, and energy connections, where cross-border

externalities are high and the cost of sovereignty is relatively low. In contrast, centralized and national responses are expected to prevail in areas directly related to national decision-making autonomy and regime security, such as defense, internal security, information management, common financial funds, burden-sharing, and supranational oversight mechanisms.

In this context, the dependent variable of the study is the level and form of regional policy coordination. Coordination is assessed through the development of common threat definitions, the regularity of meetings at the leaders' and ministerial levels, the adoption of joint statements and action plans, the establishment of sectoral working mechanisms, the development of bilateral and multilateral agreements, and the implementation of decisions taken.

The conditional relationship between crises and regional integration also applies to the consequences of integration on stability. Regional cooperation can reduce economic uncertainties, facilitate the management of border issues, and strengthen state capacity to respond to crises. However, it cannot be assumed that regional coordination, when focused solely on the mutual protection of ruling elites and the maintenance of regime security, will automatically increase social trust, accountability, and long-term institutional resilience. Building on the work of Costa Buranelli and Debre, this article argues that regime resilience and social and institutional resilience should be analytically distinguished from each other [9, p. 1005; 10, p. 394]. Therefore, the study examines, on the one hand, the conditions under which crises strengthen regional coordination, and on the other hand, the types of stability and resilience that the resulting coordination produces.

This study makes three key contributions to the literature. Firstly, this study analyzes the Central Asian Heads of State Consultative Meetings since 2018 in the context of the COVID-19 pandemic, security uncertainties stemming from Afghanistan, the Russia-Ukraine War, border disputes, and water-energy issues, revealing the functions the consultation mechanism undertakes during periods of crisis. Secondly, it conceptualizes the institutional form of regionalization in Central Asia not as a completed and binding integration project, but as a coordination process with variable geometry developing at different intensities in different sectors. Thirdly, it develops a conditional model that explains the impact of different types of crises on sectoral coordination through cross-border externalities, sovereignty costs, and regime security variables.

Description of Materials and Methods

To examine the conditional regionalization proposition of the study, the research is based on a qualitative comparative case design that addresses five Central Asian countries sharing a common historical and geopolitical environment through structured-focused comparison. Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan, Turkmenistan, and Uzbekistan have been considered comparable cases due to their shared Soviet institutional legacy, lack of direct access to the open seas, interconnected water-energy systems, close relations with Russia and China, and similar regional security environments. While the research design utilized the logic of most similar systems, differences in economic size, hydrocarbon

resources, dependence on remittances from migrant workers, foreign policy orientation, membership in regional organizations, and governance capacity were considered as explanatory sources of variation between countries. This approach allows for the examination of why countries exposed to similar structural conditions develop different national responses and regional cooperation trends in the face of global and regional crises.

The main unit of analysis in this study is the country-crisis-sector composite, which represents the sectoral policy responses developed at the country and regional levels in response to a specific crisis.

The review period has been defined as 2018-2025. 2018 is considered an institutional turning point due to the start of the Central Asian Heads of State Consultative Meetings and the regularization of intra-regional political dialogue. The year 2025 was chosen as the analytical closing point due to the signing of the border agreement between Kyrgyzstan and Tajikistan and the trilateral agreement regarding the intersection of the borders of Uzbekistan, Kyrgyzstan, and Tajikistan in Khujand. These developments offer important indicators regarding the capacity for diplomatic solutions within the region. The period 1991-2017 has been used as a background period to explain the institutional limitations of previous regional integration initiatives and the historical context of the changes that emerged after 2018.

The study examined the COVID-19 pandemic, the Russia-Ukraine War, border crises, and water-energy crises as key crisis cases. These crises were chosen because they produce transnational effects in economic, social and security areas, and because they are suitable for comparing the relationship between national responses and regional coordination. The Taliban's return to power in Afghanistan in August 2021 has been viewed not as an isolated crisis, but rather as a contextual shock affecting the security perceptions, border management, and regional consultation agenda of Central Asian states. Climate change has been included in the analysis not as a singular crisis event, but as a structural pressure element that exacerbates problems of water, energy, food, and border management.

Four main source groups were used in the data collection process. The first group consists of joint statements, speeches by heads of state, national government statements, agreements, and other official documents related to the Central Asian Heads of State Consultative Meetings held during the 2018-2025 period. The second group consists of reports published by the World Bank and the OECD on regional trade, transport connectivity, supply chain resilience, and the economic impacts of COVID-19, as well as studies by CAREC/Asian Development Bank on water-energy relations and food security [11-15]. The third group comprises peer-reviewed academic literature on Central Asian regionalism, regional order, functional cooperation, and authoritarian resilience. The fourth group consists of policy analyses from the Kazakhstan Institute for Strategic Studies, the Tomsk State University Center for Eurasian Studies, and other regional research institutions.

The document corpus is limited to texts published between January 1, 2018, and December 31, 2025, that directly relate to identified crisis cases, Central Asian Heads of State Consultative Meetings, or selected areas of sectoral cooperation. Repetitions of the same official statement published on different platforms, uncredited commentary, and general news not directly related to the research questions were not included in the data corpus. Think Tank and policy analysis texts were used to trace the chronology of events and the development of the official agenda; theoretical and causal inferences were primarily based on peer-reviewed academic studies. Where national accounts of the same event differed, official documents, reports from international organizations, and independent academic studies were cross-examined.

The final body of analysis consists of official documents relating to the Central Asian Heads of State Consultative Meetings held during the 2018-2025 period, as well as reports from international organizations addressing selected crisis and sectoral cooperation areas. The theoretical and contextual framework of this study is supported by peer-reviewed academic papers and regional policy analyses. Official documents include presidential statements, speeches, joint declarations, and adopted policy documents relating to the seven Consultative Meetings. International organizations' resources were selected based on areas such as trade, transport connectivity, the economic impact of COVID-19, worker remittances, water-energy relations, food security, and regional resilience. The documents were examined primarily through texts published in Russian and English, and, depending on the availability of sources, in the official languages of the countries in the region. Where multiple official versions of the same document exist in different languages, the original text or the official English or Russian translation of the relevant institution shall prevail.

The analysis was conducted in three stages. In the first stage, the agendas, joint statements, and policy outcomes of the Consultative Meetings were examined through thematic document analysis. The coding framework comprises categories such as security, trade and investment, transport and logistics, health, food safety, water and energy, climate, disaster management, and cultural cooperation. These categories were predetermined based on research questions and theoretical frameworks, and expanded upon with sub-themes that emerged during the examination of the documents. A document is classified under multiple industry codes depending on its content.

In the second stage, selected crisis cases were examined using a process monitoring method. Process monitoring was used to determine whether crisis shocks translated into a shared risk perception, whether this perception translated into political consultation, and whether this consultation translated into concrete policy tools. The causal mechanism under investigation consists of the following stages: crisis shock, the visibility of transboundary costs, the formation of a shared risk definition, consultation at the level of leaders or relevant institutions, the development of a coordination mechanism, the emergence of a concrete policy outcome, and the evaluation of the stability result to the extent that it can be observed. Within this framework, not only the existence of meetings

and statements was evaluated, but also whether these produced an action plan, agreement, working group, joint project, or implementation arrangement.

In the third stage, five countries were subjected to structured-focused comparison. The same analytical questions were asked of each country and crisis case: Through what economic, social, or security channels has the country been affected by the crisis? What national stabilization tools did the country use in response to the crisis? Which bilateral or regional coordination mechanisms has it resorted to? What have been the main sovereignty, capacity, and foreign policy limitations hindering coordination? Has the developed mechanism produced a concrete policy outcome? Which dimension of stability or resilience has the resulting outcome affected? These common questions have enabled systematic comparisons between country cases and types of crises.

The level and form of regional policy coordination constitute the primary dependent variable of this study, serving as the empirical manifestation of the shared regional policies defined in the introduction. Regional coordination was assessed through indicators such as the development of common threat definitions, information sharing, regular political consultations, harmonization of technical standards, preparation of joint projects, creation of bilateral and multilateral agreements, and the development of a coordinated approach with external partners. The continuity, binding nature, and level of application of these indicators were used to determine the extent to which coordination approached functional integration. According to the analytical framework of the study, the increase in cross-border externalities raises the demand for regional coordination, while the rising perceived costs of sovereignty and regime security limit binding institutionalization; thus highlighting flexible, voluntary, and sectoral forms of cooperation.

In this study, stability was examined in four dimensions. Macroeconomic continuity has been assessed based on the ability of trade flows, remittances, and essential economic activities to continue under crisis conditions. Continuity of public services has been linked to the ability to maintain healthcare services, border crossings, energy supply, and food delivery under crisis conditions. Security stability has been examined through the prevention of violent border and internal conflicts, the maintenance of ceasefires, and the management of disputes through negotiation. Social resilience, on the other hand, was assessed through policy outcomes related to reducing vulnerabilities such as migration, employment, poverty, and food insecurity. This distinction prevents the equation of regime continuity with social and institutional resilience.

The main limitations of the study are the limited accessibility of economic and social data on Turkmenistan and the low statistical comparability among the five countries. Since the scope and level of detail of official documents vary between countries, there is also an asymmetry in terms of document density. Furthermore, presidential and government statements tend to present regional cooperation in a positive and successful light. This source bias has been mitigated by cross-referencing different document and source groups. This study does not make claims of statistical causality due to its current data structure and qualitative

research design; it makes analytical generalizations based on document analysis, process monitoring, and comparative patterns. Furthermore, since the long-term effects of the decisions adopted during the 2024-2025 period have not yet been fully observed, the analysis for this period has been largely limited to policy outcomes.

Results

Institutional Development of Consultative Regionalization After 2018

The first indication of Central Asia's regional transformation after 2018 is the establishment of a regular leaders' dialogue among the five countries without the direct involvement of external actors. In line with the initiative put forward by the President of Uzbekistan, Shavkat Mirziyoyev, in 2017 [16], the first Central Asian Heads of State Consultative Meeting was held in Astana on 15 March 2018 with the hosting and diplomatic support of Kazakhstan [17-18]. The meeting was attended by the presidents of Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan, and Uzbekistan, as well as the Speaker of the Parliament of Turkmenistan. Turkmenistan's lower-level representation reflects its cautious stance consistent with its policy of permanent neutrality, but it has not eliminated the regional nature of the consultation format, which includes five countries.

The 2018 [17] and 2019 [19] meetings demonstrated that the format's agenda-setting capacity has progressively expanded. While security, trade, transportation, border issues, Afghanistan, and water resources were highlighted in the first meeting, investment, energy, tourism, and cultural cooperation were added to the agenda in 2019. Pogorelskaya's comparative analysis views this development as a sectoral diversification of leaders' dialogue [7, pp. 3-5]. However, the fact that some proposals, such as the investment fund, the common market, and the regional council, could not be implemented quickly revealed a significant gap between the capacity to generate agendas and the level of implementation of decisions.

The fact that the third meeting, which could not be held in 2020 due to COVID-19, was held again in Avaza in August 2021 [20], showed that the consultation mechanism was continued even under crisis conditions. At the meeting, issues such as reactivating trade and transport links, food safety, mutual recognition of vaccine certificates, biosecurity, health research and green transformation were discussed. Thus, health security and pandemic resilience have been added to the regional agenda, which was previously focused on trade and transportation. At the fourth meeting, held in Cholpon-Ata in July 2022, regional stability, food security, industrial cooperation, and the preservation of transport links were highlighted in the context of the uncertainties created by the Russia-Ukraine War.

The "Treaty on Friendship, Good Neighborliness and Cooperation for the Development of Central Asia in the 21st Century," signed by Kazakhstan, Kyrgyzstan, and Uzbekistan during the fourth meeting, provided a normative framework for the consultation process. The fact that the agreement was not signed by all five countries at the same time indicates that regional cooperation

is progressing in a way that is open to different levels of participation, rather than a uniform and simultaneous integration. This has created a variable geometry structure that allows states that are ready to deepen their cooperation, while opening it up to the participation of other states in later stages [21].

The Fifth Consultative Meeting was held in Dushanbe on September 14, 2023, and demonstrated that the regional agenda has become more comprehensive from a sectoral perspective [22]. The meeting addressed the development of trade, investment, industry, transportation, energy, agriculture, environment, and cultural relations, as well as joint action against current security threats. Proposals were submitted for developing a free trade area, digitizing customs procedures, preparing a transport and transit agreement, creating an industrial cooperation strategy, and strengthening energy infrastructure. In addition, the regular meetings of the Security Council secretaries and the development of regional mechanisms for border protection, early warning, and joint emergency response were brought to the agenda. These developments indicate that the Consultative Meetings have shifted from general political dialogue to seeking more concrete sectoral coordination in areas such as trade, transport, energy, climate, and security.

This institutional approach gained a longer-term orientation at the sixth meeting held in Astana in August 2024. The "Central Asia-2040" Regional Cooperation Concept, prepared by Kazakhstan, defined the priorities of five-way cooperation in the fields of security, economy, transport, energy, digitalization, and environment, while the 2025-2027 roadmap provided an implementation framework for these priorities [23-24]. Kazakhstan's President Kassym-Jomart Tokayev's announcement in May 2024 that intra-regional trade had increased by more than 80 percent in the last five years, exceeding $10 billion, also indicates that political dialogue is progressing simultaneously with the intensification of economic relations [25]. However, this simultaneity does not indicate that the increase in trade stemmed solely from the Consultative Meetings; it suggests that the leaders' dialogue is one element of the broader regional context supporting economic convergence.

The Seventh Consultative Meeting, to be held in Tashkent on November 16, 2025, marked the final stage of institutional development during the review period [26]. The acceptance of Azerbaijan as a full participant in the Consultative Meetings format at the meeting demonstrated that the mechanism's initial five-regional framework was expanding towards a broader area of cooperation linked to the South Caucasus. As a result of the meeting, a joint statement was adopted, as well as the Concept for Regional Security and Stability in Central Asia and a catalog of security risks and preventive measures for the period 2026-2028. Thus, the process that began as an informal leaders' dialogue in 2018 has reached a more systematic level of coordination by 2025, focusing on jointly identifying regional security risks and developing medium-term preventive measures. However, this development does not mean that the format has transformed into a supranational or binding organization; it shows that it has expanded its institutional agenda while retaining its consultative and intergovernmental character.

A defining feature of institutional development during the 2018-2025 period is not the establishment of a supranational or heavily bureaucratic structure, but rather the support of leadership-level consultations with sectoral contacts between ministries, parliaments, business circles, and security institutions. Although this structure does not rely on a permanent and robust secretariat, it has gained the capacity to generate regular contact, agenda setting, and coordination in specific areas. The findings indicate that the Consultative Meetings did not evolve into a binding regional organization; rather, they became a flexible regional coordination mechanism where common problems were identified, sectoral initiatives were developed, and different levels of participation were reconciled. Therefore, post-2018 institutional development has given rise to a form of regionalization based more on consultation and functional cooperation than on deep integration in the classical sense.

COVID-19: The Limits of Solidarity, Health Security, and Institutional Capacity

The COVID-19 pandemic has highlighted the interdependence of Central Asian countries in areas such as healthcare, food supply, labor mobility, and border management [13, pp. 2, 6]. During the initial phase of the pandemic, unilateral measures such as border closures, quarantines, national support packages, and export restrictions came to the forefront [13, p. 6]. These responses indicate that crisis management was initially conducted through national institutions rather than regional mechanisms. According to the OECD's assessment, the pandemic has exacerbated existing pressures on economic and societal resilience in the region by impacting countries in areas such as debt sustainability, migration, employment, private sector vulnerability, and connectivity [13, p. 1].

As the crisis progressed, bilateral coordination improved in areas such as food, medicine and medical supplies, evacuation of citizens, and the reorganization of border crossings. In his speech at the 2022 Cholpon-Ata meeting, Kazakhstan President Kassym-Jomart Tokayev stated that during the most difficult times of the pandemic, the countries of the region demonstrated solidarity by providing each other with food, medicine, and necessary humanitarian aid [21]. However, the documents examined indicate that this cooperation was carried out through contacts between leaders and bilateral decisions, rather than through a pre-established common health protocol. While the pandemic has thus demonstrated the capacity of the consultative order to produce rapid and flexible responses, it has also made it apparent that there is no permanent regional health mechanism.

The pursuit of coordination in the health sector took on a more concrete agenda at the Third Consultative Meeting held in Avaza in August 2021. The meeting proposed re-establishing transport links in a manner compliant with health regulations, regular meetings of agriculture ministers, and the creation of a regional food security monitoring system. In addition, a joint information system to ensure mutual recognition of COVID-19 test results and vaccine certificates, sharing expertise on the prevention and treatment of infectious diseases, training of healthcare personnel, scientific cooperation in the field of pharmacology, and joint production of essential medicines were brought up [20].

These recommendations demonstrate that health and food safety are beginning to be addressed not merely as national policy areas, but as shared regional issues requiring cross-border coordination. However, the sources examined do not contain sufficient evidence to show that all of these proposals have been translated into a binding and permanent regional mechanism.

The health and biosafety agenda that emerged from the Consultative Meetings was subsequently complemented by regional initiatives supported by international organizations. The Central Asian "One Health" Framework for Action, adopted by government representatives of five Central Asian countries in November 2023, envisages joint action in the areas of pandemic prevention and preparedness, agricultural competitiveness, trade, environmental health, zoonotic diseases, antimicrobial resistance, and food security [27]. The framework also defined the sharing of information and resources relating to human and animal health as an element of regional cooperation. This development points to a layered form of regionalization where the regional states' own consultative agendas are combined with the technical and financial support of international organizations.

The economic and social impacts of the pandemic were not evenly distributed among countries due to differences in their economic structures, channels of external dependence, and policy capacities. OECD assessments indicate that the recovery process varies depending on factors such as migration, employment, connectivity, public finances, private sector capacity, and the level of implementation of economic reforms [28]. Therefore, a shared regional shock has not produced uniform national policies in the five countries. In contrast, reopening trade and transport links, protecting food supplies, sharing pandemic data, and harmonizing border crossings have emerged as common regional interests.

Consequently, the COVID-19 pandemic has not created integration deep enough to warrant a common procurement system, binding data sharing, or a permanent regional health institution. However, high levels of cross-border externalities have increased the demand for coordination in the areas of health security, biosafety, food supply, and border crossings. Instead of a binding structure requiring the transfer of sovereignty, regional states have turned to consultations between leaders, bilateral assistance, and sectoral mechanisms supported by international organizations. In this respect, the pandemic has simultaneously revealed the possibilities and institutional limitations of functional regionalization in Central Asia.

The Russia-Ukraine War: Corridor Diversification and Multilateral Diplomacy

While the Russia-Ukraine War kept Central Asian countries out of direct military conflict, it highlighted the vulnerabilities stemming from the region's Russia-centric economic, financial, and logistical ties. Sanctions imposed on Russia increased uncertainty in Central Asia's trade and financial relations, while rising food and energy prices deepened economic and societal vulnerabilities across the region [29]. The Russian labor market and associated remittance flows remained particularly important for Kyrgyzstan and Tajikistan, while remittances

also constituted a major source of external financing for Uzbekistan [30]. The fact that the majority of Kazakhstan's oil exports are carried out via the Caspian Pipeline Consortium route reaching Russia's Novorossiysk Port reveals its transit dependency in energy exports [31]. These different dependency channels demonstrate that a common external shock did not produce the same economic outcomes and national policy responses in the five countries.

The most significant impact of the war on regional policy coordination is that it has accelerated the search for diversification of transportation routes and external economic links. The Trans-Caspian International Transport Route, or Middle Corridor, has gained increasing importance as an alternative route connecting China and Europe via Central Asia, the Caspian Sea, and the South Caucasus. The World Bank states that the route's potential to increase trade volume depends not only on infrastructure investments but also on accelerating border crossings, developing port and rail capacity, and improving operational coordination between countries [12]. The OECD also indicates that the disruptions caused by the Russia-Ukraine War have increased interest in the Middle Corridor; however, its functionality requires simplification of customs procedures, widespread use of digital documents, harmonization of tariffs, and coordination between public and private sector actors [32].

These findings indicate that corridor diversification does not automatically equate to regional economic integration. Unless the development of physical infrastructure is supported by common standards between countries, harmonized customs procedures, and regional logistics services, Central Asia is likely to remain a transit area for global trade. According to the OECD's assessment, the long-term sustainability of the Middle Corridor depends on its ability to create trade, production, and value chains within Central Asia and the South Caucasus, going beyond simply meeting the transit needs of external actors [32]. Therefore, the transportation pressure created by the war increased the demand for regional coordination in low-sovereignty cost technical fields; however, it did not produce a deep enough integration to create a common market or a binding economic governance mechanism.

In parallel with the diversification of transportation, the diplomacy conducted by Central Asian states with external partners in five-party formats has also acquired a high level of quality. The first China-Central Asia Summit held in May 2023 and the first C5+1 meeting at the heads of state level in September 2023 reinforced the tendency of the five countries to be represented in a common regional format with their external partners [33-34]. At the first European Union-Central Asia Summit held in April 2025, relations were elevated to the level of strategic partnership; trade diversification, the Middle Corridor, energy, critical raw materials, and regional security were identified as common agenda areas [35]. These developments indicate a strengthening tendency among external partners to treat the five countries not merely as separate states, but as a regional group with common issues and connections.

As Hanova points out, the regionality of Central Asia is produced not only through the discourses of the states in the region but also through the interaction

of external actors, such as the European Union, with their narratives and policy practices towards the region [36, p. 699]. However, the proliferation of "Central Asia+" formats does not mean that the five countries are pursuing a single foreign policy. Countries continue to develop different approaches in their relations with Russia, China, the European Union, the United States, and other partners, in line with their own economic interests, security concerns, and existing obligations. The primary function of the five-party format is not to create a common foreign policy, but rather to present the regional agenda to external partners in a more visible and coordinated manner in areas such as connectivity, investment, security, and trade.

Consequently, the Russo-Ukrainian War did not lead to a geopolitical rupture in Central Asia, where relations with Russia were entirely replaced by another power center. Conversely, the war has accelerated the diversification of transportation routes, trade partnerships, and diplomatic platforms by making the risks of existing dependencies visible. The regional response has evolved into a form of multifaceted diplomacy, where countries maintain their relations with Russia while expanding their ties with China, the European Union, the United States, and other actors, rather than a common and binding foreign policy. This pattern shows that war promotes functional regionalization in the areas of technical connectivity and external economic relations; however, national decisions retain their decisive influence on issues with high sovereign costs, such as sanctions, security preferences, and foreign policy orientation.

Border, Water and Energy Crises: Intra-Regional Diplomacy and Technical Cooperation

Border, water and energy issues are among the most sensitive areas of regional coordination in Central Asia and where concrete policy results are most needed. Water and energy infrastructure, which was managed within an integrated economic system during the Soviet era, was divided into five separate sovereign territories after independence. Kyrgyzstan and Tajikistan, located in the upper basin, prioritize the operation of reservoirs for hydroelectric power generation and winter energy needs; while Kazakhstan, Turkmenistan, and Uzbekistan, in the lower basin, require a regular flow of water for agricultural irrigation during the summer months. This seasonal and sectoral divergence of interests generates regional tensions in the absence of reliable data sharing, joint planning, and mutual compensation mechanisms [37].

The economic cost of a lack of coordination in the water and energy sectors also demonstrates the importance of regional cooperation. The World Bank estimates that the annual cost stemming from inadequate coordination of shared water and energy resources exceeds $4.5 billion, while developing regional electricity trade could yield up to $6.4 billion in economic benefits between 2020 and 2030 [38]. These data demonstrate that water-energy cooperation is not merely a matter of normative regional solidarity, but a functional necessity associated with measurable economic costs and gains. While programs like CAWEP provide support in terms of data production, institutional capacity, investment and technical dialogue, sustainable coordination requires stronger

regional cooperation linking reservoir operations, electricity trade and agricultural water use [37-38].

Disputes over water and infrastructure sharing, combined with border disputes, have highlighted the security dimension of this interdependence. The armed clashes on the Kyrgyzstan-Tajikistan border in September 2022 generated a serious regional crisis involving the use of heavy weapons, casualties, and damage to civilian infrastructure [40]. While the CSTO was able to deploy a collective peacekeeping force in January 2022 at the request of the Kazakh government [39], its role in the Kyrgyzstan-Tajikistan conflict was limited to calling on the parties to observe a ceasefire and engage in political and diplomatic negotiations [40]. A comparison of these two official responses shows that the organization's capacity to respond to internal security threats directed at the government of one of its member states is not at the same level as its capacity to resolve border disputes between two members.

Bilateral negotiations culminated in the signing of the State Border Agreement between Kyrgyzstan and Tajikistan on March 13, 2025 [41]. The ratification of the border agreement and supplementary arrangements concerning transport links and access to water and energy facilities demonstrate that the settlement extended beyond the demarcation of the border line [41-43]. This development indicates that security, economic connectivity, and shared resource management have become complementary elements of a single negotiation process.

The intra-regional diplomatic solution process gained a trilateral dimension on March 31, 2025, in Khujand, with the signing of an agreement and joint declaration by the leaders of Uzbekistan, Kyrgyzstan, and Tajikistan regarding the point where the borders of the three states intersect [44]. The meeting also addressed the development of customs and transportation infrastructure in border regions, the establishment of new transportation links, and cooperation in the fields of water, environment, and green energy. Thus, the legal definition of borders was not limited to the discourse of good neighborliness; it was linked to agendas such as trade, transportation, energy, and local development.

The 2025 agreements cannot be considered as direct results produced solely by the Central Asian Heads of State Consultative Meetings. The agreements are the product of years of bilateral and trilateral negotiations between the parties. However, these developments are consistent with the trend, which has strengthened since 2018, towards regular leaders' dialogue, the norm of good neighborliness, and the ownership of regional issues by regional states. Therefore, the border resolution can be seen not so much as the intervention of a formal regional organization, but rather as an example of layered coordination where intra-regional diplomacy and sectoral and technical arrangements complement each other.

In conclusion, border, water, and energy crises demonstrate that stability in Central Asia cannot be achieved solely through military security means. Sustainable stability requires a combination of defining the legal status of borders, opening border crossings, improving transport links, regulating access to

water and energy facilities, and re-establishing local economic relations. In these areas, high transboundary externalities increase the demand for cooperation, while sovereignty and security concerns limit the formation of binding regional institutions. The resulting model is a functional form of regionalization based on bilateral and tripartite agreements, technical coordination and regular political dialogue rather than a supranational structure.

The Differing Participation of Five Countries in Regional Coordination

While Central Asian countries face the same global and regional crises, they participate in regional coordination based on different economic capacities, channels of external dependence, security priorities, and foreign policy preferences. These differences lead to shared regional policies being based not on uniform obligations, but on a variable geometry structure where countries participate with varying intensity in specific areas. Table 1 compares how the five countries are exposed to crises, their main national capacities and tools, regional contributions, and key limitations.

Table 1. Forms of Participation of Five Central Asian Countries in Regional Coordination

Country	Main crisis exposure	Key national capacities and tools	Regional contribution model	Basic limitation
Kazakhstan	Hydrocarbon prices, transit through Russia, climate and water risks	Financial resources, energy and transportation infrastructure, a multifaceted foreign policy	Agenda setting, development of the Middle Corridor and the "Central Asia-2040" framework	Hydrocarbon and transit dependency; perception of economic asymmetry
Uzbekistan	Food and energy prices, migration, security risks stemming from Afghanistan, and water stress	A large domestic market, public investment, economic reforms, and an active neighborhood policy	Initiating a consultation process, normalizing border relations, and developing trade and connectivity	High water demand, the state's weight in the economy, and the level of institutionalization of reforms
Kyrgyzstan	Worker remittances, foreign trade shocks, energy deficits, and border disputes	External financing, worker remittances, hydroelectric resources, and transit location	Supporting border cooperation, free movement, transport and energy links	Limited financial capacity, economic dependence on foreign countries, and political instability
Tajikistan	Worker remittances, Afghanistan, border security, and energy seasonality	Workers' remittances, central government administration, and hydroelectric investments	Selective participation in security, border management, transport and water-energy cooperation	High external dependence, limited economic diversification, and the fragility of border regions

Turkmenistan	Increased natural gas exports, water stress, and food security	Hydrocarbon revenues, energy infrastructure, and a foreign policy based on neutrality	Cautious participation in energy and transportation projects and involvement in leaders' consultations	Export focus, limited data access, and a distanced approach to binding obligations

Sources: World Bank [45; 48-51], President of the Republic of Uzbekistan [46-47], and United Nations General Assembly [52]

Comparative findings show that Kazakhstan and Uzbekistan play complementary roles in regional coordination. Thanks to its economic capacity, transport infrastructure, and multifaceted diplomacy, Kazakhstan has a more visible position in terms of financing regional projects, diversifying external connections, and establishing long-term agendas [45-46]. Uzbekistan, with its active neighborhood policy developed after 2016, its proposal for the normalization of border relations and regular leader consultations, has been one of the main driving forces of regional political rapprochement [47]. However, regional order does not rely solely on the agreement of these two countries; it can only be sustained through an open format that takes into account the sovereign sensitivities and diverse participation capacities of other states.

Although Kyrgyzstan and Tajikistan are more vulnerable to external economic shocks due to their limited financial capacity and high reliance on remittances from migrant workers, they are not passive actors in regional coordination [48-50]. Kyrgyzstan's hydroelectric resources, border crossings, and location on regional transportation routes; and Tajikistan's water resources, hydroelectric capacity, border with Afghanistan, and its weight in the security agenda, give the two countries strategic importance in certain sectors. Therefore, economic size and regional function are not synonymous; small economies can become indispensable in areas of high interdependence such as water, energy, migration, border management, and transportation.

Turkmenistan's participation, however, is developing in a more cautious and project-based manner due to its permanent neutrality status and its economic structure based on natural gas exports [51-52]. While the country's distanced approach to binding security arrangements limits the scope of joint institutionalization, its participation in energy, transport, water, and leaders'-level consultations preserves the regional inclusiveness of the five-party format. Consequently, the weight of countries in regional coordination forms a fixed hierarchy, varying according to policy area. This pattern demonstrates that collaborative policies in Central Asia are based on variable-geometry coordination that reconciles diverse national capacities, functional needs, and sovereign sensitivities, rather than on uniform memberships and obligations.

Discussion

The findings show that crises in Central Asia do not automatically and linearly produce deeper integration; however, they do alter the cost-benefit balance of cooperation in specific policy areas. The COVID-19 pandemic highlighted the

transnational nature of health, food security, and border management; the Russia-Ukraine War demonstrated the need to diversify transportation routes and external economic partners; and border, water, and energy crises showed that local conflicts cannot be resolved sustainably without diplomatic and technical coordination. This result is consistent with the functionalist assumption that common problems increase the demand for technical cooperation. However, in the case of Central Asia, cooperation that begins in one area does not automatically spill over into other sectors; the intensity of cross-border externalities, the political will of the leaders, and the perceived cost of cooperation on sovereignty and regime security become decisive factors in each policy area. Therefore, short-term continuity of the state and regime should not be equated with social trust, accountability, and long-term institutional resilience [9, p. 1005; 10, p. 394].

The transformation in Central Asia can be described not so much as a gradual and continuously deepening integration in the new functionalist sense, but rather as a crisis-driven functional regionalization. The first characteristic of this model is that it relies on regular leaders' consultations and intergovernmental consensus, rather than supranational delegation of authority. Its second characteristic is that it has a variable geometry structure, which does not require all countries to participate in every sector at the same level. The third characteristic is that regional cooperation is shaped according to the priorities and sovereign sensitivities of the regional states, rather than becoming completely independent of external actors. Tukumov [53, p. 20] argued that Central Asian states should not wait for external actors to propose a model of regional security and cooperation, but should develop such a model themselves, primarily on the basis of their own interests. Norov [54, pp. 28–29] linked Uzbekistan's regional priorities to stronger intra-regional cooperation, good-neighborly relations, regional stability, sustainable development, and regular political consultations. Leadership consultations and sectoral contacts that have developed since 2018 show that this regional ownership approach has found partial institutional acceptance.

The intra-regional consultation mechanism does not replace existing external and regional organizations; rather, it forms a layered institutional structure alongside them. The SCO, Eurasian Economic Union, CSTO, Organization of Turkic States, CAREC, and various "Central Asia+" formats undertake different functions in the fields of security, trade, transportation, investment, and diplomatic representation. Kaczmarski [55, p. 1357] argues that China and Russia advance different visions of regionalism and distinct views of regional order through the New Silk Road and the Eurasian Economic Union. Krapohl and Vasileva-Dienes [56, p. 347] argue that the failure of regional integration in Central Asia is strongly shaped by the extra-regional economic dependence of the regional economies and the influence of external powers. While the study's findings confirm this limitation, they also demonstrate that overlapping institutions are not merely instruments of external power competition. Central Asian countries also use these platforms to diversify their external connections, access alternative financing and transportation options, and reduce the risks associated with dependence on a single external actor. Therefore, institutional pluralism, while limiting comprehensive

integration, also creates room for maneuver for a multifaceted foreign policy.

The main advantage of Consultative Meetings is that they combine low institutional entry costs with high political visibility. Regular contact between leaders facilitates bringing common issues directly to the forefront, keeping communication channels open during times of crisis, and mobilizing sectoral institutions. However, a persistent weakness of the format has been the gap between agenda expansion and the implementation of proposed initiatives. As Pogorelskaya [7] shows, a number of proposed sectoral bodies and platforms remained on paper, while some initiatives reappeared on successive meeting agendas without being implemented. The decision in 2023 to establish a mechanism for monitoring the implementation of proposals represented an attempt to address this problem. Nevertheless, the consultation format's agenda-setting capacity has developed faster than its implementation and monitoring capacity. The next stage of the process should focus less on creating new and cumbersome bureaucratic institutions and more on identifying the responsible institutions for adopted decisions, establishing implementation timelines, measurable indicators, and publicly available annual progress reports.

The different capacities of the five countries should be viewed not as a weakness in regional cooperation, but on the basis of complementarity. Kazakhstan and Uzbekistan are taking on more visible roles in terms of economic capacity, diplomatic initiatives, and regional agenda setting. In contrast, Kyrgyzstan and Tajikistan are indispensable actors in the regional order in terms of water resources, hydroelectric power generation, border crossings, and security related to Afghanistan. Turkmenistan's cautious participation, based on neutrality, preserves the inclusiveness of the five-party format. Therefore, regional stability should rely not on the hierarchical leadership of a single state, but rather on the pooling of diverse national capacities in the production of regional public goods such as health security, transport connectivity, water management, energy supply, and border stability.

In terms of economic connectivity, the key issue is not so much the number of new corridors, but rather their capacity to generate intra-regional economic interaction. If the Middle Corridor and other transit projects fail to improve intermediate goods trade, joint production, logistics services, and local value chains among the five countries, a "connected but not integrated" regional economy may emerge. Physical infrastructure investments should therefore be complemented by the digitization of customs documents, the sharing of transit data, the harmonization of tariffs, the establishment of regional logistics centers, and facilitating access of small and medium-sized enterprises to cross-border markets. CAREC, the World Bank, and other external partners can provide financing and technical expertise; however, prioritization and political ownership of projects must be maintained by the five regional countries.

The water and energy sector is one of the strongest candidates for functional regionalization due to the high transboundary externalities and measurable mutual economic gains. Flexible trade-off mechanisms based on transparent rules can be developed between seasonal water release and electricity, energy, or financial

compensation. Joint hydrometeorological data production, drought and flood early warning systems, agricultural water efficiency, and regional electricity trading are also areas that can be advanced without requiring supranational delegation of authority. However, the operation of reservoirs, water allocation, energy pricing, and the sharing of infrastructure costs are directly linked to national sovereignty and economic security concerns. Therefore, it seems more feasible to develop water-energy cooperation gradually through data sharing, joint estimation, pilot applications, and bilateral or multilateral swap agreements before a binding and comprehensive regime.

Common policy in the field of security should not be evaluated solely through the lens of military alliances and collective defense. Resolving border disputes, combating terrorism and smuggling, disaster response, cybersecurity, and managing risks originating from Afghanistan require different institutional and technical tools. The State Border Treaty signed between Kyrgyzstan and Tajikistan in March 2025 and the Treaty on the junction point of the state borders of Uzbekistan, Tajikistan and Kyrgyzstan signed in Khujand later that month demonstrate that intra-regional diplomacy can produce concrete results in conflict settlement [41-44]. However, these results should not be attributed solely to the Consultative Meetings, as the agreements emerged from bilateral and trilateral negotiation processes. The contribution of the consultative framework lies rather in strengthening a normative environment that supports political communication, good-neighborly relations, and regional ownership of problem-solving. The transformation of these agreements into lasting stability will also depend on improved transport connectivity, access to water and energy facilities, economic opportunities, and stronger contacts between communities in border regions [42-44].

From a policy perspective, five priorities stand out. Firstly, annual performance indicators, responsible institutions, and publicly available progress reports should be prepared for the goals adopted within the framework of “Central Asia-2040”. Secondly, common early warning, mutual assistance, and emergency protocols should be developed in the areas of health, disaster, and food security. Thirdly, the mutual recognition of customs and transit documents and the exchange of digital data should be widespread. Fourth, a continuous technical platform for water-energy swaps, regional electricity trading, and climate data sharing should be strengthened. Fifth, joint development projects in border regions, contacts between local governments, and cross-border economic activities should be supported. These steps do not require the establishment of a supranational union; they complement the existing consultative framework with measurable obligations, implementation timelines, and accountable monitoring tools. Thus, regionalization in Central Asia can transform from a discourse of symbolic unity into a functional model of cooperation that generates concrete resilience against crises.

Conclusion

This study has shown that the shared integration and stabilization policies developed by Central Asian countries in response to global and regional crises during the 2018-2025 period did not manifest themselves in a single treaty, organization, or common foreign policy form. Regional coordination has developed through a layered structure involving regular consultations at the level of heads of state, bilateral and trilateral agreements, sectoral technical programs, and the joint use of overlapping international institutions. This structure allows states to produce gradual and flexible responses to transnational issues while protecting their sovereign sensitivities.

The crises examined have intensified regional cooperation in different policy areas. The COVID-19 pandemic highlighted interdependence in health, food security, and border management; however, it did not create a binding and sustainable regional health mechanism. The Russia-Ukraine War highlighted the risks associated with Russia-centric economic and logistical links, accelerating the diversification of transportation routes and foreign partnerships. During this process, the strategic importance of the Middle Corridor and the "Central Asia+" formats has increased. Border, water, and energy crises have demonstrated the capacity of regional diplomacy and technical cooperation to produce tangible results. While the Kyrgyzstan-Tajikistan border agreement and the trilateral agreements signed in Khujand cannot be considered a direct result of the Consultative Meetings, they are consistent with the strengthened dialogue, good neighborliness, and regional ownership understanding that has developed since 2018.

The contributions of the five countries to this process differ according to their economic size, external dependencies, security priorities, and diplomatic preferences. Kazakhstan contributes to regional coordination with its economic, logistical, and diplomatic capacity; Uzbekistan with its neighborhood policy that revitalizes regional dialogue; Kyrgyzstan and Tajikistan with their strategic positions in the fields of water, hydroelectricity, border management, and migration; and Turkmenistan with its neutrality approach, energy resources, and project-based participation. Therefore, the resulting structure is based not on a fixed leadership hierarchy, but on complementary national roles that vary according to the policy area and on participation with variable geometry.

The main theoretical conclusion of the study is that the low level of institutionalization in Central Asia produces both flexibility and limitations. Informal and leader-centered consultations allow for rapid communication, agenda setting, and adaptation to varying levels of participation during times of crisis. However, significant gaps remain in terms of decision-making, institutional continuity, public monitoring, and accountability. Therefore, the potential direction of development for the regional process can be defined not as European-style supranational integration, but rather as sovereignty-sensitive functional regionalization supported by common data systems, technical standards, implementation timelines, and measurable obligations.

In conclusion, crises in Central Asia have not spontaneously created deep integration; however, they have increased the demand for cooperation in sectors where transboundary externalities are high and sovereign costs are relatively low. Transportation, trade facilitation, health security, disaster management, border crossings, and water-energy connections have emerged as areas more conducive to functional coordination. Conversely, national decisions have remained decisive in matters with high sovereign costs, such as security preferences, sanctions, foreign policy orientation, and binding resource sharing. The Central Asian example thus demonstrates that the impact of crises on regionalization depends less on the existence of the crisis itself and more on the nature of the transboundary costs it generates and how states evaluate cooperation in terms of their sovereignty.

Future research should develop datasets suitable for comparing the implementation rate of decisions adopted at Consultative Meetings and the tangible outcomes of regional cooperation. Indicators such as border crossing times, intra-regional electricity trade, intermediate goods trade, joint disaster responses, sharing of health data, and social trust in border regions can provide a more accurate assessment of the extent to which regional dialogue has translated from symbolic rapprochement to material resilience.

REFERENCES

[1] Costa Buranelli F. Central Asian Regionalism or Central Asian Order? Some Reflections // Central Asian Affairs. - 2021. - No. 8. - P. 1-26.

[2] Allison R. Virtual regionalism, regional structures and regime security in Central Asia // Central Asian Survey. - 2008. - Vol. 27, No. 2. - P. 185-202. https://doi.org/10.1080/02634930802355121

[3] Bohr A. Regionalism in Central Asia: New geopolitics, old regional order // International Affairs. - 2004. - Vol. 80, No. 3. - P. 485–502. https://doi.org/10.1111/j.1468-2346.2004.00394.x

[4] Collins K. Economic and security regionalism among patrimonial authoritarian regimes: The case of Central Asia // Europe-Asia Studies. - 2009. - Vol. 61, No. 2. - P. 249-281. https://doi.org/10.1080/09668130802630854

[5] Rakhimov M. Internal and external dynamics of regional cooperation in Central Asia // Journal of Eurasian Studies. - 2010. - Vol. 1, No. 2. - P. 95-101. https://doi.org/10.1016/j.euras.2010.04.002

[6] Golunov S., Bitabar A. Central Asian Cross-Border Cooperation // Bridging Borders: Central Asian Cross-Border Cooperation in a Comparative Global Perspective. - Cham: Springer Nature Switzerland, 2025. - P. 71-106. https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-3-031-84253-5_3

[7] Погорельская А. М. Формат консультативных встреч лидеров стран Центральной Азии: эволюция повестки // Аналитический обзор. - Томск: Центр евразийских исследований Томского государственного университета. - 2023. - № 12. - С. 1-21. https://eurasian-studies.tsu.ru/analitika/publikatcii/anastasiia-pogorel-skaia-format-konsul-tativnykh-vstrech-liderov-stran-tcentral-noi-azii-evoliutciia-povestki/

[8] Costa Buranelli F. The Consultative Meetings of Heads of State of Central Asia: Local norms, institutions and the fundamentals of regional order // International Affairs. - 2026. - Vol. 102, No. 1. - P. 121-145. https://doi.org/10.1093/ia/iiaf225

[9] Costa Buranelli F. Authoritarianism as an institution? The case of Central Asia // International Studies Quarterly. - 2020. - Vol. 64, No. 4. - P. 1005-1016. https://doi.org/10.1093/isq/sqaa058

[10] Debre M.J. The dark side of regionalism: How regional organizations help authoritarian regimes to boost survival // Democratization. - 2021. - Vol. 28, No. 2. - P. 394-413. https://doi.org/10.1080/13510347.2020.1823970

[11] OECD. Trade Facilitation in Central Asia. - Paris: OECD Publishing, 2023. - 77 p. https://doi.org/10.1787/80ed999c-en

[12] World Bank. Middle Trade and Transport Corridor: Policies and Investments to Triple Freight Volumes and Halve Travel Time by 2030. - Washington, DC: World Bank, 2023. - Report No. 185892. - 65 p. https://thedocs.worldbank.org/en/doc/6248f697aed4be0f770d319dcaa4ca52-0080062023/original/Middle-Trade-and-Transport-Corridor-World-Bank-FINAL.pdf

[13] OECD. COVID-19 crisis response in Central Asia // OECD Policy Responses to Coronavirus (COVID-19). - Paris: OECD Publishing, 2020. - 22 p. https://www.oecd.org/content/dam/oecd/en/publications/reports/2020/11/covid-19-crisis-response-in-central-asia_a456db3e/5305f172-en.pdf

[14] Central Asia Regional Economic Cooperation Program. Central Asia Regional Economic Cooperation (CAREC): Developing the Water Pillar: Scoping Report. - Manila: Asian Development Bank, 2021. - 81 p. https://www.carecprogram.org/uploads/NFP_Session1.5_CAREC_Water_Pillar_Scoping_Report_20211012_EN.pdf

[15] Bui G.M. COVID-19 Pandemic Impacts on Food Security in Central and West Asia: Key Issues and Strategic Options. - ADB Central and West Asia Working Paper Series. - Manila: Asian Development Bank, 2020. - No. 9. - 20 p. https://www.adb.org/sites/default/files/publication/656091/cwwp-009-covid-19-impacts-food-security.pdf

[16] President of the Republic of Uzbekistan. President Shavkat Mirziyoyev addressed the 72nd Session of the United Nations General Assembly. - 2017. - 20 September. http://president.uz/en/lists/view/1063

[17] President of the Republic of Kazakhstan. Participation in the Working (Consultative) Meeting of the Heads of Central Asian States. - 2018. - 15 March. https://www.akorda.kz/en/events/akorda_news/meetings_and_receptions/participation-in-the-working-consultative-meeting-of-the-heads-of-central-asian-states

[18] Karin E. Central Asian leaders meeting represents unity, understanding // The Astana Times. - 2018. - 21 March. http://astanatimes.com/2018/03/central-asian-leaders-meeting-represents-unity-understanding/

[19] Президент Республики Узбекистан. На пути к устойчивому региональному развитию. - 2019. - 29 ноябрь. http://president.uz/ru/lists/view/3105

[20] President of the Republic of Uzbekistan. President Delivers a Speech at the Consultative Meeting of the Heads of Central Asian States. - 2021. - 6 August. http://president.uz/en/lists/view/4530

[21] President of the Republic of Uzbekistan. The President Calls for Increasing the Effectiveness of Multilateral Cooperation in the Region. - 2022. - 21 July. https://president.uz/en/lists/view/5357

[22] President of the Republic of Uzbekistan. The President of the Republic of Uzbekistan Puts Forward Proposals on Prospects for Further Interaction among Central Asian States. - 2023. - 14 September. http://president.uz/en/lists/view/6659

[23] Президент Республики Казахстан. Под председательством Касым-Жомарта Токаева состоялась VI Консультативная встреча глав государств Центральной Азии . - 2024. - 9 август. http://www.akorda.kz/ru/pod-predsedatelstvom-kasym-zhomarta-tokaeva-sostoyalas-vi-konsultativnaya-vstrecha-glav-gosudarstv-centralnoy-azii-971327

[24] Kazakhstan Institute for Strategic Studies. What to expect from the 6th Consultative Meeting of Central Asian Heads of State. - 2024. - 7 August. https://kisi.kz/en/what-to-expect-from-the-6th-consultative-meeting-of-central-asian-heads-of-state/

[25] Ақорда. Президент Қасым-Жомарт Тоқаев Орталық Азия елдері қауіпсіздік кеңестерінің хатшыларын қабылдады. - 2024. - 16 мамыр. https://www.akorda.kz/kz/prezident-kasym-zhomart-tokaev-ortalyk-aziya-elderi-kauipsizdik-kenesterinin-hatshylaryn-kabyldady-164174

[26] President of the Republic of Uzbekistan. The Seventh Consultative Meeting of the Heads of State of Central Asia Concludes. - 2025. - 16 November. http://president.uz/en/lists/view/8677, Significant decisions adopted by the heads of state of Central Asia, - 2025. - 16 November. https://president.uz/en/lists/view/8676

[27] World Bank. Preventing future pandemics, protecting food systems and the environment: Central Asia One Health Framework for Action. - 2023. - 28 November. https://www.worldbank.org/en/events/2023/11/28/central-asia-one-health-meeting

[28] OECD. Beyond COVID-19: Prospects for Economic Recovery in Central Asia. - Paris: OECD Publishing, 2021. - 84 p. https://doi.org/10.1787/03882e7b-en

[29] Asian Development Bank. Russia's Invasion of Ukraine: Implications for Developing Asia. - Manila: Asian Development Bank, 2022. https://www.adb.org/sites/default/files/publication/784041/ado2022-russian-invasion.pdf

[30] Kim E. J. Remittances to Europe and Central Asia post a strong growth // World Bank Blogs. - 2023. - 1 September. https://blogs.worldbank.org/en/peoplemove/remittances-europe-and-central-asia-post-strong-growth

[31] U.S. Energy Information Administration. Caspian Sea Region. - Washington, DC: U.S. Energy Information Administration, 2024. https://www.eia.gov/international/content/analysis/regions_of_interest/caspian_sea/

[32] OECD. Realising the Potential of the Middle Corridor. - Paris: OECD Publishing, 2023. - 142 p. https://doi.org/10.1787/635ad854-en

[33] Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. President Xi Jinping chairs the inaugural China-Central Asia Summit and delivers a keynote speech. - 2023. - 19 May. https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/gjhdq_665435/2675_665437/3235_664362/3237_664366/202305/t20230519_11080116.html

[34] U.S. Department of State, Office of the Historian. 2023: Visits by Foreign Leaders. - Washington, DC: U.S. Department of State, 2023. https://history.state.gov/departmenthistory/visits/2023

[35] European Council. First EU-Central Asia Summit, - Brussels: Council of the European Union. - 2025. - 4 April. https://www.consilium.europa.eu/en/meetings/international-summit/2025/04/04/

[36] Hanova S. The interplay of narratives on regionness, regionhood and regionality: European Union and Central Asia // Central Asian Survey. - 2022. - Vol. 41, No. 4. - P. 699-714. https://doi.org/10.1080/02634937.2022.2117134

[37] World Bank. Central Asia Water & Energy Program. - Washington, DC: World Bank. https://www.worldbank.org/en/region/eca/brief/cawep

[38] World Bank. Regional cooperation reduces poverty and builds resilience in Central Asia. - 2023. - 6 December. https://www.worldbank.org/en/results/2023/12/06/regional-cooperation-reduces-poverty-and-builds-resilience-in-central-asia

[39] Collective Security Treaty Organization. On January 10, an extraordinary session of the CSTO Collective Security Council was held via videoconferencing: The discussion focused on the situation in the Republic of Kazakhstan and measures to normalize the situation in the country. - 2022. - 10 January. https://en.odkb-csto.org/session/2022/10-yanvarya-2022-goda-v-formate-videokonferentsii-sostoyalos-vneocherednaya-sessiya-soveta-kollektiv/

[40] Collective Security Treaty Organization. The CSTO Secretariat commentary on the situation on the Kyrgyz-Tajik border. - 2022. - 17 September. https://en.odkb-csto.org/news/news_odkb/kommentariy-sekretariata-odkb-po-situatsii-na-kyrgyzsko-tadzhikskoy-granitse/

[41] President of the Republic of Tajikistan. Signing of new cooperation documents between the Republic of Tajikistan and the Kyrgyz Republic. - 2025. - 13 March. https://president.tj/event/news/49971

[42] Президент Кыргызской Республики. Ратифицирован Договор между Кыргызстаном и Таджикистаном о кыргызско-таджикской государственной границе. - 2025. - 25 март. https://president.kg/ru/news/21/38975

[43] Президент Кыргызской Республики. Ратифицировано Соглашение между Кабинетом Министров Кыргызской Республики и Правительством Республики Таджикистан по обеспечению доступа к водохозяйственным и энергетическим объектам. - 2025. - 26 март. https://president.kg/ru/news/21/38978

[44] President of the Republic of Uzbekistan. President of Uzbekistan participates in a trilateral meeting of the heads of state. - 2025. - 31 March. https://president.uz/en/lists/view/8001

[45] World Bank. Kazakhstan: Overview. - Washington, DC: World Bank. https://www.worldbank.org/en/country/kazakhstan/overview

[46] President of the Republic of Uzbekistan. Central Asia on the verge of a new era. - 2025. - 13 November. https://president.uz/en/lists/view/8653

[47] President of the Republic of Uzbekistan. The New Uzbekistan is becoming a country of democratic transformations, big opportunities and practical deeds. - 2021. - 17 August. https://president.uz/en/lists/view/4547

[48] World Bank. Kyrgyz Republic: Overview. - Washington, DC: World Bank. https://www.worldbank.org/en/country/kyrgyzrepublic/overview

[49] World Bank. Tajikistan Economic Update 2025: Focusing on Digital Transformation of Trade in Tajikistan. - Washington, DC: World Bank, 2025. https://www.worldbank.org/en/country/tajikistan/publication/economic-update-2025

[50] World Bank. Migration and Development Brief 40: Remittances Slowed in 2023, Expected to Grow Faster in 2024. - Washington, DC: World Bank, 2024. - 56 p. https://documents1.worldbank.org/curated/en/099714008132436612/pdf/IDU-a9cf73b5-fcad-425a-a0dd-cc8f2f3331ce.pdf

[51] World Bank. Turkmenistan Economic Report. - Washington, DC: World Bank, 2024. https://documents.worldbank.org/en/publication/documents-reports/documentdetail/099128103032587161

[52] United Nations General Assembly. Permanent neutrality of Turkmenistan: Resolution 50/80 A adopted by the General Assembly. - 1995. - 12 December. https://digitallibrary.un.org/record/284240

[53] Тукумов Е.В. К новой архитектуре безопасности в Центральной Азии // Центральная Азия в условиях глобальной трансформации: материалы XV Ежегодной конференции КИСИ при Президенте Республики Казахстан по безопасности (г. Астана, 2 июня 2017 г.) / под общ. ред. З.К. Шаукеновой. - Астана: КИСИ при Президенте РК, 2017. - С. 15-20. https://kisi.kz/wp-content/uploads/2023/06/konf_15.pdf

[54] Норов В.И. Перспективы регионального сотрудничества в Центральной Азии и приоритеты Узбекистана // Центральная Азия в условиях глобальной трансформации: материалы XV Ежегодной конференции КИСИ при Президенте Республики Казахстан по безопасности (г. Астана, 2 июня 2017 г.) / под общ. ред. З.К. Шаукеновой. - Астана: КИСИ при Президенте РК, 2017. - С. 21-30. https://kisi.kz/wp-content/uploads/2023/06/konf_15.pdf

[55] Kaczmarski M. Non-Western visions of regionalism: China's New Silk Road and Russia's Eurasian Economic Union // International Affairs. - 2017. - Vol. 93, No. 6. - P. 1357-1376. https://doi.org/10.1093/ia/iix182

[56] Krapohl S., Vasileva-Dienes A. The region that isn't: China, Russia and the failure of regional integration in Central Asia // Asia Europe Journal. - 2020. - Vol. 18, No. 3. - P. 347-366. https://doi.org/10.1007/s10308-019-00548-0

REFERENCES

[1] Costa Buranelli F. Central Asian Regionalism or Central Asian Order? Some Reflections // Central Asian Affairs. - 2021. - No. 8. - P. 1-26.

[2] Allison R. Virtual regionalism, regional structures and regime security in Central Asia // Central Asian Survey. - 2008. - Vol. 27, No. 2. - P. 185-202. https://doi.org/10.1080/02634930802355121

[3] Bohr A. Regionalism in Central Asia: New geopolitics, old regional order // International Affairs. - 2004. - Vol. 80, No. 3. - P. 485–502. https://doi.org/10.1111/j.1468-2346.2004.00394.x

[4] Collins K. Economic and security regionalism among patrimonial authoritarian regimes: The case of Central Asia // Europe-Asia Studies. - 2009. - Vol. 61, No. 2. - P. 249-281. https://doi.org/10.1080/09668130802630854

[5] Rakhimov M. Internal and external dynamics of regional cooperation in Central Asia // Journal of Eurasian Studies. - 2010. - Vol. 1, No. 2. - P. 95-101. https://doi.org/10.1016/j.euras.2010.04.002

[6] Golunov S., Bitabar A. Central Asian Cross-Border Cooperation // Bridging Borders: Central Asian Cross-Border Cooperation in a Comparative Global Perspective. - Cham: Springer Nature Switzerland, 2025. - P. 71-106. https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-3-031-84253-5_3

[7] Pogorel'skaja A. M. Format konsul'tativnyh vstrech liderov stran Central'noj Azii: jevoljucija povestki [Format of Consultative Meetings of Central Asian Leaders: Evolution of the Agenda] // Analiticheskij obzor. - Tomsk: Centr evrazijskih issledovanij Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. - 2023. - № 12. - S. 1-21. https://eurasian-studies.tsu.ru/analitika/publikatcii/anastasiia-pogorel-skaia-format-konsul-tativnykh-vstrech-liderov-stran-tcentral-noi-azii-evoliutciia-povestki/ [in Rus]

[8] Costa Buranelli F. The Consultative Meetings of Heads of State of Central Asia: Local norms, institutions and the fundamentals of regional order // International Affairs. - 2026. - Vol. 102, No. 1. - P. 121-145. https://doi.org/10.1093/ia/iiaf225

[9] Costa Buranelli F. Authoritarianism as an institution? The case of Central Asia // International Studies Quarterly. - 2020. - Vol. 64, No. 4. - P. 1005-1016. https://doi.org/10.1093/isq/sqaa058

[10] Debre M.J. The dark side of regionalism: How regional organizations help authoritarian regimes to boost survival // Democratization. - 2021. - Vol. 28, No. 2. - P. 394-413. https://doi.org/10.1080/13510347.2020.1823970

[11] OECD. Trade Facilitation in Central Asia. - Paris: OECD Publishing, 2023. - 77 p. https://doi.org/10.1787/80ed999c-en

[12] World Bank. Middle Trade and Transport Corridor: Policies and Investments to Triple Freight Volumes and Halve Travel Time by 2030. - Washington, DC: World Bank, 2023. - Report No. 185892. - 65 p. https://thedocs.worldbank.org/en/doc/6248f697aed4be0f770d319dcaa4ca52-0080062023/original/Middle-Trade-and-Transport-Corridor-World-Bank-FINAL.pdf

[13] OECD. COVID-19 crisis response in Central Asia // OECD Policy Responses to Coronavirus (COVID-19). - Paris: OECD Publishing, 2020. - 22 p.

https://www.oecd.org/content/dam/oecd/en/publications/reports/2020/11/covid-19-crisis-response-in-central-asia_a456db3e/5305f172-en.pdf

[14] Central Asia Regional Economic Cooperation Program. Central Asia Regional Economic Cooperation (CAREC): Developing the Water Pillar: Scoping Report. - Manila: Asian Development Bank, 2021. - 81 p. https://www.carecprogram.org/uploads/NFP_Session1.5_CAREC_Water_Pillar_Scoping_Report_20211012_EN.pdf

[15] Bui G.M. COVID-19 Pandemic Impacts on Food Security in Central and West Asia: Key Issues and Strategic Options. - ADB Central and West Asia Working Paper Series. - Manila: Asian Development Bank, 2020. - No. 9. - 20 p. https://www.adb.org/sites/default/files/publication/656091/cwwp-009-covid-19-impacts-food-security.pdf

[16] President of the Republic of Uzbekistan. President Shavkat Mirziyoyev addressed the 72nd Session of the United Nations General Assembly. - 2017. - 20 September. http://president.uz/en/lists/view/1063

[17] President of the Republic of Kazakhstan. Participation in the Working (Consultative) Meeting of the Heads of Central Asian States. - 2018. - 15 March. https://www.akorda.kz/en/events/akorda_news/meetings_and_receptions/participation-in-the-working-consultative-meeting-of-the-heads-of-central-asian-states

[18] Karin E. Central Asian leaders meeting represents unity, understanding // The Astana Times. - 2018. - 21 March. http://astanatimes.com/2018/03/central-asian-leaders-meeting-represents-unity-understanding/

[19] Prezident Respubliki Uzbekistan. Na puti k ustojchivomu regional'nomu razvitiju [Towards Sustainable Regional Development]. - 2019. - 29 nojabr'. http://president.uz/ru/lists/view/3105 [in Rus]

[20] President of the Republic of Uzbekistan. President Delivers a Speech at the Consultative Meeting of the Heads of Central Asian States. - 2021. - 6 August. http://president.uz/en/lists/view/4530

[21] President of the Republic of Uzbekistan. The President Calls for Increasing the Effectiveness of Multilateral Cooperation in the Region. - 2022. - 21 July. https://president.uz/en/lists/view/5357

[22] President of the Republic of Uzbekistan. The President of the Republic of Uzbekistan Puts Forward Proposals on Prospects for Further Interaction among Central Asian States. - 2023. - 14 September. http://president.uz/en/lists/view/6659

[23] Prezident Respubliki Kazahstan. Pod predsedatel'stvom Kasym-Zhomarta Tokaeva sostojalas' VI Konsul'tativnaja vstrecha glav gosudarstv Central'noj Azii [The Sixth Consultative Meeting of the Heads of State of Central Asia Was Held under the Chairmanship of Kassym-Jomart Tokayev]. - 2024. - 9 avgust. http://www.akorda.kz/ru/pod-predsedatelstvom-kasym-zhomarta-tokaeva-sostoyalas-vi-konsultativnaya-vstrecha-glav-gosudarstv-centralnoy-azii-971327 [in Rus]

[24] Kazakhstan Institute for Strategic Studies. What to expect from the 6th Consultative Meeting of Central Asian Heads of State. - 2024. - 7 August.

https://kisi.kz/en/what-to-expect-from-the-6th-consultative-meeting-of-central-asian-heads-of-state/

[25] Aқorda. Prezident Қasym-Zhomart Toқaev Ortalyқ Azija elderi қauipsizdik keңesterinің hatshylaryn қabyldady [President Kassym-Jomart Tokayev Received the Secretaries of the Security Councils of the Central Asian States]. - 2024. - 16 mamyr. https://www.akorda.kz/kz/prezident-kasym-zhomart-tokaev-ortalyk-aziya-elderi-kauipsizdik-kenesterinin-hatshylaryn-kabyldady-164174 [in Kaz]

[26] President of the Republic of Uzbekistan. The Seventh Consultative Meeting of the Heads of State of Central Asia Concludes. - 2025. - 16 November. http://president.uz/en/lists/view/8677, Significant decisions adopted by the heads of state of Central Asia, - 2025. - 16 November. https://president.uz/en/lists/view/8676

[27] World Bank. Preventing future pandemics, protecting food systems and the environment: Central Asia One Health Framework for Action. - 2023. - 28 November. https://www.worldbank.org/en/events/2023/11/28/central-asia-one-health-meeting

[28] OECD. Beyond COVID-19: Prospects for Economic Recovery in Central Asia. - Paris: OECD Publishing, 2021. - 84 p. https://doi.org/10.1787/03882e7b-en

[29] Asian Development Bank. Russia's Invasion of Ukraine: Implications for Developing Asia. - Manila: Asian Development Bank, 2022. https://www.adb.org/sites/default/files/publication/784041/ado2022-russian-invasion.pdf

[30] Kim E. J. Remittances to Europe and Central Asia post a strong growth // World Bank Blogs. - 2023. - 1 September. https://blogs.worldbank.org/en/peoplemove/remittances-europe-and-central-asia-post-strong-growth

[31] U.S. Energy Information Administration. Caspian Sea Region. - Washington, DC: U.S. Energy Information Administration, 2024. https://www.eia.gov/international/content/analysis/regions_of_interest/caspian_sea/

[32] OECD. Realising the Potential of the Middle Corridor. - Paris: OECD Publishing, 2023. - 142 p. https://doi.org/10.1787/635ad854-en

[33] Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. President Xi Jinping chairs the inaugural China-Central Asia Summit and delivers a keynote speech. - 2023. - 19 May. https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/gjhdq_665435/2675_665437/3235_664362/3237_664366/202305/t20230519_11080116.html

[34] U.S. Department of State, Office of the Historian. 2023: Visits by Foreign Leaders. - Washington, DC: U.S. Department of State, 2023. https://history.state.gov/departmenthistory/visits/2023

[35] European Council. First EU-Central Asia Summit, - Brussels: Council of the European Union. - 2025. - 4 April. https://www.consilium.europa.eu/en/meetings/international-summit/2025/04/04/

[36] Hanova S. The interplay of narratives on regionness, regionhood and regionality: European Union and Central Asia // Central Asian Survey. - 2022. - Vol. 41, No. 4. - P. 699-714. https://doi.org/10.1080/02634937.2022.2117134

[37] World Bank. Central Asia Water & Energy Program. - Washington, DC: World Bank. https://www.worldbank.org/en/region/eca/brief/cawep

[38] World Bank. Regional cooperation reduces poverty and builds resilience in Central Asia. - 2023. - 6 December. https://www.worldbank.org/en/results/2023/12/06/regional-cooperation-reduces-poverty-and-builds-resilience-in-central-asia

[39] Collective Security Treaty Organization. On January 10, an extraordinary session of the CSTO Collective Security Council was held via videoconferencing: The discussion focused on the situation in the Republic of Kazakhstan and measures to normalize the situation in the country. - 2022. - 10 January. https://en.odkb-csto.org/session/2022/10-yanvarya-2022-goda-v-formate-videokonferentsii-sostoyalos-vneocherednaya-sessiya-soveta-kollektiv/

[40] Collective Security Treaty Organization. The CSTO Secretariat commentary on the situation on the Kyrgyz-Tajik border. - 2022. - 17 September. https://en.odkb-csto.org/news/news_odkb/kommentariy-sekretariata-odkb-po-situatsii-na-kyrgyzsko-tadzhikskoy-granitse/

[41] President of the Republic of Tajikistan. Signing of new cooperation documents between the Republic of Tajikistan and the Kyrgyz Republic. - 2025. - 13 March. https://president.tj/event/news/49971

[42] Prezident Kyrgyzskoj Respubliki. Ratificirovan Dogovor mezhdu Kyrgyzstanom i Tadzhikistanom o kyrgyzsko-tadzhikskoj gosudarstvennoj granice [The Treaty between Kyrgyzstan and Tajikistan on the Kyrgyz-Tajik State Border Was Ratified]. - 2025. - 25 mart. https://president.kg/ru/news/21/38975 [in Rus]

[43] Prezident Kyrgyzskoj Respubliki. Ratificirovano Soglashenie mezhdu Kabinetom Ministrov Kyrgyzskoj Respubliki i Pravitel'stvom Respubliki Tadzhikistan po obespecheniju dostupa k vodohozjajstvennym i jenergeticheskim ob#ektam [The Agreement between the Cabinet of Ministers of the Kyrgyz Republic and the Government of the Republic of Tajikistan on Ensuring Access to Water Management and Energy Facilities Was Ratified]. - 2025. - 26 mart. https://president.kg/ru/news/21/38978 [in Rus]

[44] President of the Republic of Uzbekistan. President of Uzbekistan participates in a trilateral meeting of the heads of state. - 2025. - 31 March. https://president.uz/en/lists/view/8001

[45] World Bank. Kazakhstan: Overview. - Washington, DC: World Bank. https://www.worldbank.org/en/country/kazakhstan/overview

[46] President of the Republic of Uzbekistan. Central Asia on the verge of a new era. - 2025. - 13 November. https://president.uz/en/lists/view/8653

[47] President of the Republic of Uzbekistan. The New Uzbekistan is becoming a country of democratic transformations, big opportunities and practical deeds. - 2021. - 17 August. https://president.uz/en/lists/view/4547

[48] World Bank. Kyrgyz Republic: Overview. - Washington, DC: World Bank. https://www.worldbank.org/en/country/kyrgyzrepublic/overview

[49] World Bank. Tajikistan Economic Update 2025: Focusing on Digital Transformation of Trade in Tajikistan. - Washington, DC: World Bank, 2025.

https://www.worldbank.org/en/country/tajikistan/publication/economic-update-2025

[50] World Bank. Migration and Development Brief 40: Remittances Slowed in 2023, Expected to Grow Faster in 2024. - Washington, DC: World Bank, 2024. - 56 p. https://documents1.worldbank.org/curated/en/099714008132436612/pdf/IDU-a9cf73b5-fcad-425a-a0dd-cc8f2f3331ce.pdf

[51] World Bank. Turkmenistan Economic Report. - Washington, DC: World Bank, 2024. https://documents.worldbank.org/en/publication/documents-reports/documentdetail/099128103032587161

[52] United Nations General Assembly. Permanent neutrality of Turkmenistan: Resolution 50/80 A adopted by the General Assembly. - 1995. - 12 December. https://digitallibrary.un.org/record/284240

[53] Tukumov E.V. K novoj arhitekture bezopasnosti v Central'noj Azii [Towards a New Security Architecture in Central Asia] // Central'naja Azija v uslovijah global'noj transformacii: materialy XV Ezhegodnoj konferencii KISI pri Prezidente Respubliki Kazahstan po bezopasnosti [Central Asia in the Context of Global Transformation: Proceedings of the XV Annual Security Conference of the Kazakhstan Institute for Strategic Studies under the President of the Republic of Kazakhstan] (g. Astana, 2 ijunja 2017 g.) / pod obshh. red. Z.K. Shaukenovoj. - Astana: KISI pri Prezidente RK, 2017. - S. 15-20. https://kisi.kz/wp-content/uploads/2023/06/konf_15.pdf [in Rus]

[54] Norov V.I. Perspektivy regional'nogo sotrudnichestva v Central'noj Azii i prioritety Uzbekistana [Prospects for Regional Cooperation in Central Asia and Uzbekistan's Priorities] // Central'naja Azija v uslovijah global'noj transformacii: materialy XV Ezhegodnoj konferencii KISI pri Prezidente Respubliki Kazahstan po bezopasnosti [Central Asia in the Context of Global Transformation: Proceedings of the XV Annual Security Conference of the Kazakhstan Institute for Strategic Studies under the President of the Republic of Kazakhstan] (g. Astana, 2 ijunja 2017 g.) / pod obshh. red. Z.K. Shaukenovoj. - Astana: KISI pri Prezidente RK, 2017. - S. 21-30. https://kisi.kz/wp-content/uploads/2023/06/konf_15.pdf [in Rus]

[55] Kaczmarski M. Non-Western visions of regionalism: China's New Silk Road and Russia's Eurasian Economic Union // International Affairs. - 2017. - Vol. 93, No. 6. - P. 1357-1376. https://doi.org/10.1093/ia/iix182

[56] Krapohl S., Vasileva-Dienes A. The region that isn't: China, Russia and the failure of regional integration in Central Asia // Asia Europe Journal. - 2020. - Vol. 18, No. 3. - P. 347-366. https://doi.org/10.1007/s10308-019-00548-0

ОРТАЛЫҚ АЗИЯ ЕЛДЕРІНІҢ ЖАҺАНДЫҚ ДАҒДАРЫСҚА ҚАРСЫ ОРТАҚ ИНТЕГРАЦИЯЛЫҚ ЖӘНЕ ТҰРАҚТЫЛЫҚ САЯСАТЫ

*Анламасова М.К.[1], Масадиков Х.Г.[2]
*[1,2] Қожа Ахмет Ясауи атындағы Халықаралық қазақ-түрік университеті, Түркістан, Қазақстан

Аңдатпа. Бұл зерттеу 2018-2025 жылдар аралығындағы Қазақстан, Қырғызстан, Тәжікстан, Түрікменстан және Өзбекстанның аймақтық ынтымақтастық үрдістері мен ортақ тұрақтылық саясатына жаһандық және аймақтық дағдарыстардың әсерін зерттейді. COVID-19 пандемиясы, Ресей-Украина соғысы, жеткізу тізбегіндегі үзілістер, энергетика және азық-түлік қауіпсіздігі мәселелері, сондай-ақ шекара, су және қауіпсіздік дағдарыстары зерттеудің негізгі бағыттарын құрайды. Зерттеу бес елдің жалпы тәуекелдерді анықтау, аймақтық күн тәртібін әзірлеу және ұлтүстілік құрылым құрмай үйлестірілген саясат құралдарын жасау мүмкіндігін бағалайды. Сапалы салыстырмалы кейстік дизайнына негізделген зерттеу ресми құжаттарды, Орталық Азия мемлекет басшыларының консультативтік кездесулерінің шешімдерін, халықаралық ұйымдардың есептерін және академиялық зерттеулерді талдау арқылы зерттейді. Зерттеу нәтижелері өңірлік үйлестірудің негізінен трансшекаралық сыртқы әсерлері жоғары, ал егемендікке қатысты қабылданатын шығындары салыстырмалы түрде төмен болатын денсаулық сақтау, көлік, сауданы жеңілдету, су-энергетика және төтенше жағдайларды басқару салаларында жүзеге асырылатынын көрсетеді. Ал қауіпсіздік саясатына қатысты басымдықтар, санкциялар және саяси режимнің тұрақтылығына байланысты салаларда шешім қабылдауда ұлттық деңгейдегі және орталықтандырылған басқару тетіктері шешуші рөлін сақтап келеді. Көлік дәліздерін дамыту және сыртқы экономикалық әріптестіктерді әртараптандыру көпвекторлы сыртқы саясат пен стратегиялық автономияға ұмтылысты күшейтті. Алайда экономикалық асимметриялар, халықаралық ұйымдармен әртүрлі институционалдық байланыстар, егемендікке қатысты сезімталдық және іске асыру тетіктерінің шектеулілігі өңірлік ынтымақтастықтың неғұрлым институционалданған әрі міндеттеуші сипатқа ие болуына кедергі жасайды. Зерттеу нәтижелері Орталық Азия үшін ең қолайлы тәсіл ұлтүстілік интеграция емес, керісінше, өлшенетін міндеттемелерге, техникалық үйлестіруге және икемді қатысу қағидатына негізделген, мемлекеттік егемендікке сезімтал функционалдық өңірлену моделі екенін көрсетеді.

Тірек сөздер: Орталық Азия, өңірлік интеграция, ортақ тұрақтылық саясаты, жаһандық дағдарыстар, өңірлік ынтымақтастық, өңірлік орнықтылық, Орталық Азия мемлекеттері басшыларының консультативтік кездесулері

Қаржыландыру: Осы ғылыми зерттеу Қазақстан Республикасы Ғылым және жоғары білім министрлігі Ғылым комитетінің AP27508567

“Қазақстанның аймақтық бірегейлігінің қалыптасуы: геосаяси турбуленттілік жағдайындағы Орталық Азияның саяси, әлеуметтік және экономикалық интеграциясы” жобасы аясында қаржыландырылды.

ОБЩАЯ ПОЛИТИКА ИНТЕГРАЦИИ И СТАБИЛЬНОСТИ СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В ОТВЕТ НА ГЛОБАЛЬНЫЙ КРИЗИС

*Анламасова М.К.[1], Масадиков Х.Г.[2]
*[1,2]Международный казахско-турецкий университет
имени Ходжи Ахмеда Ясави, Туркестан, Казахстан

Аннотация. В данном исследовании рассматривается влияние глобальных и региональных кризисов на тенденции регионального сотрудничества и политику обеспечения общей стабильности в Казахстане, Кыргызстане, Таджикистане, Туркменистане и Узбекистане в период 2018-2025 годов. Пандемия COVID-19, российско-украинская война, сбои в цепочках поставок, проблемы энергетической и продовольственной безопасности, а также кризисы, связанные с государственными границами, водными ресурсами и безопасностью, составляют основные направления данного исследования. В исследовании оценивается способность пяти стран выявлять общие риски, разрабатывать региональные программы и создавать скоординированные политические инструменты без формирования наднациональной структуры. На основе качественного сравнительного анализа конкретных кейсов, исследование изучает официальные документы, решения консультативных совещаний глав государств Центральной Азии, отчеты международных организаций и академические исследования посредством анализа документов. Результаты показывают, что региональная координация сосредоточена в областях с высокими трансграничными внешними эффектами и относительно низкими воспринимаемыми издержками суверенитета, таких как здравоохранение, транспорт, упрощение торговых процедур, водные ресурсы и энергетика, а также управление стихийными бедствиями. В отличие от этого, национальные и центральные решения остаются доминирующими в областях, связанных с предпочтениями в сфере безопасности, санкциями и стабильностью режима. Диверсификация транспортных маршрутов и внешних экономических партнерств способствовала усилению стремления к многогранной внешней политике и стратегической автономии. Вместе с тем экономические асимметрии, различия в институциональных связях, чувствительность к вопросам государственного суверенитета и ограниченность механизмов реализации препятствуют формированию более обязательной формы институционализации. Результаты исследования свидетельствуют о том, что наиболее реалистичной и практически осуществимой моделью для Центральной Азии является не наднациональная интеграция, а функциональная регионализация, учитывающая чувствительность государств к вопросам суверенитета и основанная на измеримых обязательствах, технической координации и гибком формате участия.

Ключевые слова: Центральная Азия, региональная интеграция, совместная политика обеспечения стабильности, глобальные кризисы, региональное сотрудничество, региональная устойчивость, Консультативные встречи глав государств Центральной Азии

Финансирование: Настоящее исследование выполнено при финансовой поддержке Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан в рамках проекта AP27508567 “ Эволюция региональной идентичности Казахстана: политическая, социальная и экономическая интеграция Центральной Азии в контексте геополитической турбулентности”.

Information about the authors:

Makpal Anlamassova - Ph.D., Khoja Akhmet Yassawi International Kazakh-Turkish University, Turkistan, Kazakhstan, e-mail: anlamassova@gmail.com

Khairulla Massadikov - Ph.D., Khoja Akhmet Yassawi International Kazakh-Turkish University, Turkistan, Kazakhstan, e-mail: k.massadikov@ayu.edu.kz

Авторлар туралы мәлімет:

Анламасова Макпал Касымхановна - Ph.D., Қожа Ахмет Ясауи атындағы Халықаралық қазақ-түрік университеті, Түркістан, Қазақстан, e-mail: anlamassova@gmail.com

Масадиков Хайрулла Гайбуллаевич - Ph.D., Қожа Ахмет Ясауи атындағы Халықаралық қазақ-түрік университеті, Түркістан, Қазақстан, e-mail: k.massadikov@ayu.edu.kz

Информация об авторах:

Анламасова Макпал Касымхановна - Ph.D., Международный казахско-турецкий университет имени Ходжи Ахмеда Ясави, Туркестан, Казахстан, e-mail: anlamassova@gmail.com

Масадиков Хайрулла Гайбуллаевич - Ph.D., Международный казахско-турецкий университет имени Ходжи Ахмеда Ясави, Туркестан, Казахстан, e-mail: k.massadikov@ayu.edu.kz

Received / Мақала түсті / Статья поступила: 05.08.2026.
Accepted / Жариялауға қабылданды / Принята к публикации: 28.09.2026.

UDC 327
IRSTI 11.25.67
https://doi.org/10.48371/ISMO.2026.65.3.012

THE MIDDLE CORRIDOR AND THE TRANSFORMATION OF REGIONAL COOPERATION IN CENTRAL ASIA: A GEOECONOMIC PERSPECTIVE

*Sembayeva Zh.[1], Makasheva Zh.
*[1,2] Kazakh Ablai Khan University of International Relations and World Languages, Almaty, Kazakhstan

Abstract. This article examines the Middle Corridor (Trans-Caspian International Transport Route) through a geoeconomic lens, highlighting its role as a driver of regional transformation in Central Asia. Amid the restructuring of Eurasian trade routes triggered by the COVID-19 pandemic, geopolitical tensions, and sanctions regimes, the corridor has emerged as a strategic alternative to established transport routes, extending from China through Kazakhstan, across the Caspian Sea, to the South Caucasus, Türkiye, and European markets.

Moving beyond conventional treatments of the corridor as merely a transport route, the study conceptualizes it as a multidimensional platform for economic integration, institutional coordination, and regional connectivity, combining geoeconomic theory with New Regionalism approaches. Employing a qualitative research design that integrates systematic literature review, document analysis, comparative analysis, and descriptive statistics drawn from international institutions sources, the study traces the corridor's evolution and evaluates its impact on regional cooperation among the five Central Asian states.

The analysis reveals a pronounced asymmetry in export linkages between Central Asia and the South Caucasus: Kazakhstan and Uzbekistan demonstrate the largest absolute export volumes in the region, while Kyrgyzstan and Tajikistan show a higher relative orientation of their export flows toward regional markets despite significantly smaller overall volumes of foreign trade. Among the South Caucasus countries, Georgia occupies the most prominent position due to its strategic role as a transit hub. The study concludes that the Middle Corridor's long-term effectiveness depends not merely on infrastructure expansion but on deepening institutional coordination, trade facilitation, and cross-border cooperation, positioning the corridor as a catalyst for a more integrated Central Asian geoeconomic architecture.

Keywords: Middle corridor, Central Asian connectivity, geopolitical competition, sanctions, diversification

Introduction

The transformation of global trade and transport architecture in recent years has substantially altered the geopolitical and geoeconomic configuration of Eurasia. A confluence of global disruptions-the COVID-19 pandemic, escalating geopolitical tensions, sanctions regimes, and the ongoing restructuring of global

supply chains-has revealed structural vulnerabilities in conventional transport corridors linking Europe and Asia. These developments have accelerated international efforts to diversify logistics networks and enhance the resilience of transcontinental transport systems. As a result, connectivity has assumed a central position in contemporary international economic relations, and transport infrastructure has evolved beyond its traditional role as an economic asset to become a strategic instrument for regional development, geopolitical influence, and economic security.

Within this context, the Middle Corridor-formally designated the Trans-Caspian International Transport Route -has emerged as one of the most strategically significant transport initiatives connecting East Asia, the South Caucasus, Central Asia, and Europe [1]. Extending from China through Kazakhstan, across the Caspian Sea to Azerbaijan, Georgia, and Türkiye, and ultimately to European markets, the corridor constitutes a viable alternative to established northern and southern transport routes. Its growing prominence reflects mounting demand for diversified trade corridors capable of sustaining uninterrupted flows of goods while mitigating geopolitical and logistical risk.

For Central Asia, the development of the Middle Corridor extends considerably beyond the mere expansion of international transport infrastructure. It creates new opportunities to consolidate regional cooperation, advance economic diversification, attract foreign direct investment, enhance logistics connectivity, and integrate regional markets into global value chains. The corridor thereby reinforces the strategic significance of the Central Asian states within the evolving architecture of Eurasian connectivity, while fostering closer coordination among regional governments in transport policy, customs administration, digitalization, and infrastructure planning.

Notable shifts in intraregional relations among the Central Asian states have also marked recent years. Following an extended period in which political disagreements and limited institutional engagement constrained regional cooperation, the region has witnessed renewed momentum toward dialogue and pragmatic collaboration. Intensified political engagement among the five Central Asian republics has been accompanied by expanding cooperation in trade, transport, energy, border management, and investment. Within this framework, the Middle Corridor functions not merely as a logistics initiative but also as a catalyst for deepening regional economic integration and institutional cooperation.

The conceptualization of transport corridors has likewise undergone considerable theoretical evolution. Earlier scholarship tended to characterize transport corridors primarily as physical infrastructure facilitating the movement of goods and services. Contemporary research, by contrast, increasingly conceptualizes economic corridors as multidimensional systems integrating transport infrastructure, trade facilitation, institutional coordination, investment flows, digital connectivity, and regional governance. Within the geoeconomic framework, transport corridors operate as strategic instruments through which states pursue economic competitiveness, diversify their external economic relations, and strengthen their positions within the global economy.

The body of literature addressing the Middle Corridor has expanded considerably in recent years. International organizations, including the World Bank, the Asian Development Bank, EBRD, the OECD, have produced extensive analytical assessments of the corridor's infrastructure capacity, logistics performance, investment requirements, and trade potential. Academic scholarship has likewise increasingly situated the Middle Corridor within the broader context of Eurasian connectivity, China's Belt and Road Initiative, and European transport diversification strategies. Nevertheless, the preponderance of this literature remains oriented toward the technical, logistical, and infrastructural dimensions of corridor development.

Among these assessments, the World Bank emphasizes that the Middle Corridor should be developed not only as a transport route but also as an integrated economic corridor. The report identifies cross-border institutional coordination, logistics efficiency, simplified customs procedures, digitalization, and targeted infrastructure investment as key conditions for increasing the corridor's competitiveness. It estimates that appropriate policy reforms and investments could triple freight volumes by 2030 compared with 2021 and halve transport time. These findings demonstrate that the Middle Corridor has the potential to strengthen economic interdependence and regional connectivity in Central Asia [2]. The World Bank's approach is particularly significant because it shifts the understanding of the Middle Corridor from a conventional transport route toward a broader mechanism of regional economic integration. The emphasis on institutional coordination, digitalization, and harmonization of procedures suggests that the corridor can become a platform for strengthening cooperation among Central Asian states. Therefore, its long-term effectiveness should be assessed not only by freight volumes and transport efficiency but also by its capacity to foster sustained regional cooperation and economic interdependence.

Despite growing research on the topic, there has been little focus on how the Middle Corridor drives regional change within Central Asia. Most studies do not examine how the corridor affects cooperation among Central Asian states, changes regional governance, increases economic ties, or shapes a new regional geoeconomic structure. There are also few theoretical studies that combine geoeconomic perspectives with regional cooperation theories.

This study aims to address these gaps by examining the Middle Corridor from a geoeconomic perspective and assessing how it shapes regional cooperation in Central Asia. Instead of seeing the corridor solely as a transport route between Europe and Asia, the study views it as a platform for economic integration, institutional coordination, and regional connectivity.

The goal of this study is to examine how the Middle Corridor is reshaping regional cooperation in Central Asia from a geoeconomic perspective. The research examines how the corridor has developed, the main economic and institutional factors driving its growth, its effects on cooperation among Central Asian states, and the opportunities and challenges for its future expansion.

What makes this study new is its combined approach, bringing together theories of geoeconomics, regional cooperation, and connectivity to explain how the Middle Corridor is changing the region today. By linking transport studies with international political economy and regional integration research, this article offers a fuller picture of how transport corridors are shaping Central Asia's future in the wider Eurasian context.

Description of Materials and Methods

This study uses a qualitative research design with descriptive and comparative analyses to examine how the Middle Corridor is changing regional cooperation in Central Asia from a geoeconomic perspective. Since the topic is complex, the methods include ideas from international relations, regional studies, transport economics, and geoeconomics. This approach provides a detailed view of both the economic and institutional aspects of the Middle Corridor.

In addition, it uses a geoeconomic approach, viewing transport corridors as more than infrastructure. They are also strategic tools that shape regional integration, economic connections, and international competitiveness. The research also uses New Regionalism theory, which emphasizes the role of infrastructure, cross-border cooperation, and collaboration between institutions in regional development. These theories help explain how transport projects can influence regional cooperation beyond traditional geopolitical perspectives.

To achieve the research goal, several methods were used. First, a systematic literature review identified key theories and recent debates on transport corridors, regional cooperation, connectivity, and geoeconomics. The review included journal articles, academic books, policy papers, and reports from international organizations, focusing on recent studies about the Middle Corridor, regional connectivity, and Central Asia's evolving role in Eurasian transport networks.

Second, the study uses document analysis to review strategic and regulatory materials about the Middle Corridor and regional cooperation. These materials include official policy documents, transport strategies, cooperation initiatives, and reports from organizations such as the OECD, the World Bank, the Asian Development Bank, the European Bank for Reconstruction and Development, the United Nations Economic and Social Commission for Asia and the Pacific, and the Trans-Caspian International Transport Route Association. This analysis helped assess current policy priorities, institutional structures, and development trends linked to the corridor.

Third, a comparative analysis was used to examine how the Middle Corridor has developed compared to other major Eurasian transport routes. This helped identify what makes the corridor unique, its strengths, current infrastructure challenges, and its role in regional economic cooperation. It also highlighted factors that affect its long-term sustainability and competitiveness. Data came from international organizations and national statistical agencies. The empirical material includes indicators such as freight transport volumes, container traffic, logistics performance, transit times, trade flows, infrastructure development, and regional economic cooperation. Statistical information from the OECD,

World Bank, ADB, UNESCAP, International Transport Forum (ITF), Bureau of National Statistics of the Republic of Kazakhstan, and other official institutions was analyzed to identify recent trends and assess the corridor's development.

The study uses only publicly available secondary data. It does not include surveys, interviews, or experiments. Instead, it relies on official international databases, policy reports, and academic publications to ensure the findings are reliable, transparent, and comparable.

The collected materials were analyzed using qualitative content analysis and comparative interpretation. This approach helps identify the main drivers, opportunities, and challenges related to the Middle Corridor, and evaluates its role in changing regional cooperation in Central Asia. By combining theory and evidence, the study provides a clear picture of how transport links are shaping new trends in regional economic cooperation and geoeconomic development.

Results

The results demonstrate that export interdependence between the South Caucasus and Central Asia is highly asymmetric. Kazakhstan and Uzbekistan possess the greatest absolute export potential in Central Asia, while Georgia occupies the leading position among the South Caucasus countries. At the same time, Kyrgyzstan and Tajikistan demonstrate a higher relative orientation of their export flows toward regional markets despite significantly smaller overall volumes of foreign trade. These findings suggest that the Middle Corridor should be viewed not only as a transit route but also as an instrument for expanding intra-regional trade, diversifying exports, and gradually forming a more integrated geoeconomic system.

Discussion

These empirical patterns raise a broader question concerning the conditions under which connectivity can translate into meaningful regional economic integration. This question is particularly relevant to Pomfret's analysis of Central Asia's growing economic and geopolitical importance amid the development of new trade routes and infrastructure networks. He emphasizes that improved connectivity, trade facilitation, and economic diversification can strengthen the region's integration into global markets, while institutional barriers and limited regional cooperation remain significant challenges. These findings are particularly relevant to the Middle Corridor, whose long-term effectiveness depends not only on infrastructure development but also on deeper economic cooperation and institutional coordination among the Central Asian states [3].

From our perspective, Pomfret's findings suggest that connectivity alone cannot guarantee the long-term success of the Middle Corridor. While the development of transport infrastructure creates new opportunities for trade and investment, its strategic potential can be fully realized only through stronger institutional coordination and regional cooperation. In this regard, the Middle Corridor should be viewed not simply as a transit route, but as a mechanism capable of contributing to the transformation of Central Asia into a more interconnected and economically integrated region.

Vasa and Barkanyi examine the geopolitical and geoeconomic significance of the Trans-Caspian International Transport Route, commonly referred to as the Middle Corridor, within the changing Eurasian transport architecture. The authors argue that the disruption of the traditional Asia–Europe trade route through Russia has increased the strategic importance of the Middle Corridor as an alternative transcontinental route. At the same time, they emphasize that the corridor's current capacity remains considerably lower than that of the Northern Route, indicating the need for substantial investment in transport infrastructure, logistics management, and trade facilitation [4]. According to the authors, the economic effectiveness of transport corridors depends not only on physical infrastructure but also on cross-border cooperation, coordinated management, and the reduction of logistical barriers. In this regard, the Middle Corridor is viewed as part of a broader network of Asian economic corridors that contributes to connectivity, trade expansion, and regional economic development.

Their findings demonstrate that the corridor's effectiveness depends on the combination of infrastructure development, trade facilitation, institutional coordination, and cross-border cooperation. This perspective suggests that the development of the Middle Corridor may contribute to deeper economic interdependence among Central Asian states and create new incentives for regional policy coordination.

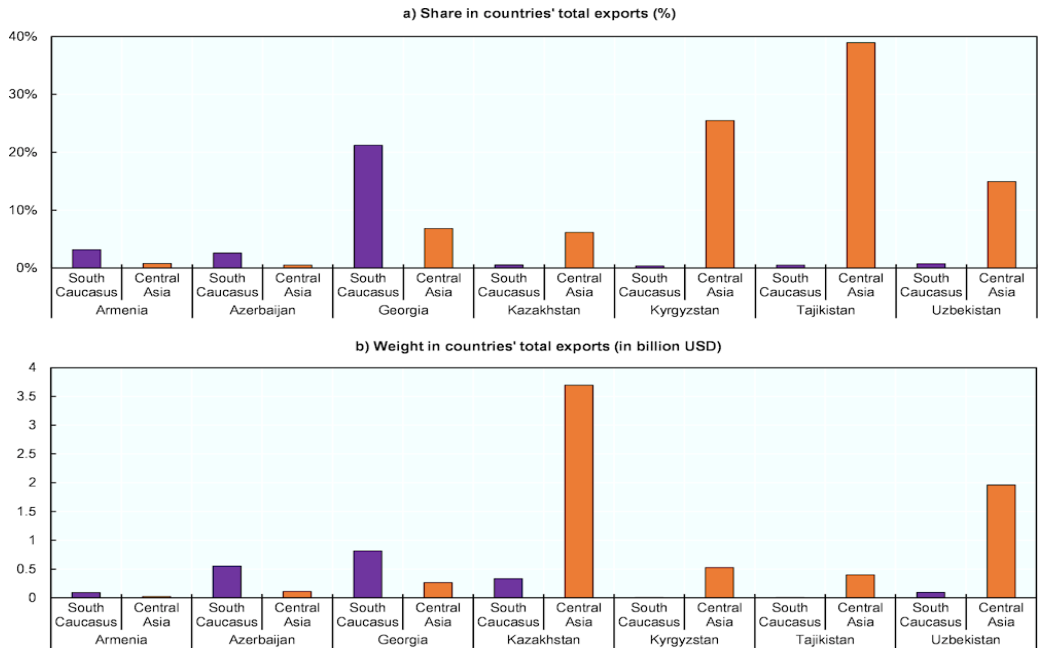

Figure 1- https://www.oecd.org/en/publications/realising-the-potential-of-the-middle-corridor_635ad854-en/full-report/component-5.html#title-5ed3c03734

According to the upper panel, the highest shares of exports directed toward Central Asia are observed in Tajikistan, at approximately 39%, Kyrgyzstan, at around 25%, Uzbekistan, at approximately 15%, and Georgia, at around 7%. These figures indicate that regional markets play a substantial role in the external trade structure of several Central Asian countries. This is particularly evident in the cases of Tajikistan and Kyrgyzstan, whose economies are more strongly oriented toward neighboring markets due to limited export diversification and geographical dependence on regional transport connections.

At the same time, the share of exports from the South Caucasus countries directed toward Central Asia remains relatively limited in relation to their total national exports. For Armenia, Azerbaijan, and Georgia, the corresponding indicators are approximately 1%, 1%, and 6–7%, respectively. This suggests that Central Asia has not yet become a primary export destination for the South Caucasus countries. Their trade flows remain largely oriented toward broader external markets, including European, Russian, Turkish, and Middle Eastern destinations. Nevertheless, Georgia's relatively higher indicator compared with Armenia and Azerbaijan may be associated with its transit function and active participation in multimodal transport routes connecting Central Asia with European markets.

The lower panel demonstrates more substantial differences in the absolute volumes of exports. The highest indicator is recorded by Kazakhstan, whose exports to Central Asia amount to approximately USD 3.7 billion. This confirms Kazakhstan's leading role as the largest export and logistics hub in Central Asia. Uzbekistan also demonstrates a significant figure, amounting to approximately USD 2 billion. Consequently, Kazakhstan and Uzbekistan possess the greatest potential for developing regional supply chains, expanding mutual trade, and strengthening transport and logistics services within the framework of the Middle Corridor.

Among the South Caucasus countries, Georgia records the largest absolute export volume, at approximately USD 0.8 billion. The corresponding indicators for Azerbaijan and Armenia are considerably lower, amounting to approximately USD 0.5 billion and USD 0.1 billion, respectively. Thus, Georgia occupies the most prominent position within the system of export linkages between the South Caucasus and Central Asia. Its importance is determined not only by the volume of trade but also by its role as a transport and logistics intermediary connecting the Caspian Sea, Central Asia, and European markets.

A comparison of the two panels leads to an important conclusion: a high share of regional exports does not necessarily correspond to a high absolute volume of trade. For example, Tajikistan and Kyrgyzstan demonstrate a relatively high dependence on Central Asian markets, while their absolute export volumes remain limited. By contrast, Kazakhstan is characterized by a substantial export volume, making it a key economic hub of the region despite the relatively moderate share of regional exports in its overall foreign trade structure. This distinction between relative dependence and the absolute scale of trade is important for assessing the actual potential of regional integration.

Overall, the diagram indicates that export linkages between the South Caucasus and Central Asia are developing unevenly and remain highly concentrated. Kazakhstan, Uzbekistan, and Georgia function as the principal nodes of regional economic interaction, whereas Armenia, Kyrgyzstan, and Tajikistan occupy more limited positions in terms of absolute trade volumes. This structure creates favourable conditions for the further development of the Middle Corridor, while also highlighting the need to eliminate infrastructural and institutional barriers, expand the range of traded goods, and establish more balanced regional value chains.

This structural pattern in intra-regional trade flows is corroborated by policy-level analysis of the corridor. Kenderdine and Bucsky emphasize that the development of the Middle Corridor requires not only infrastructure investment but also institutional coordination, trade liberalization, transparent regulations, and greater regional economic integration. They argue that the creation of a coordinated transport and trade framework could strengthen connectivity between Central Asia, China, and the European Union, although external demand remains an important constraint. In our view, these findings demonstrate that the long-term success of the Middle Corridor depends on transforming it from a transport route into an integrated regional economic platform. Such transformation requires closer coordination among Central Asian states in the areas of customs procedures, transport regulations, digitalization, investment, and trade facilitation. Greater institutional coherence would not only improve the efficiency and competitiveness of the corridor but also create conditions for strengthening intra-regional trade and reducing dependence on individual external markets. Therefore, the Middle Corridor can be viewed as an important mechanism for both economic diversification and deeper regional cooperation in Central Asia [5].

From our perspective, the Middle Corridor also creates an opportunity for Central Asian states to strengthen their collective bargaining position in the changing Eurasian economic environment. Its development could therefore contribute not only to trade diversification but also to greater strategic autonomy and resilience of the region in the context of geopolitical competition and changing global supply chains.

A significant contribution to the contemporary understanding of the Middle Corridor is provided by Rentschler et al., who examine its development within the broader transformation of Eurasian transport and geopolitical networks. Drawing on qualitative evidence from interviews with logistics companies and political authorities in Central Asia and Europe, the study identifies infrastructure development, standardization and digitalization, institutional cooperation, and stakeholder coordination as critical dimensions shaping the corridor's strategic potential. The findings demonstrate that the Trans-Caspian Corridor has evolved beyond a conventional transport route into an important instrument of geopolitical

and economic diversification, particularly in the context of declining reliance on traditional routes through Russia [6].

From our perspective, this development indicates that the strategic value of the Middle Corridor lies not only in its capacity to redirect trade flows, but also in its potential to strengthen the international connectivity and economic agency of Central Asian states. At the same time, realizing this potential requires sustained institutional coordination, regulatory harmonization, and greater coherence among the participating countries. Thus, the effectiveness of the Middle Corridor should be assessed not solely through the volume of transit flows, but also through its contribution to regional resilience, diversification, and the evolving geopolitical positioning of Central Asia.

This trend toward institutional coordination is also visible at the bilateral level. Cutler provides a broader interpretation of the evolving Kazakhstan-Azerbaijan partnership, viewing it as an important component of the structural reconfiguration of Eurasian connectivity. The author demonstrates that cooperation between the two states is increasingly extending beyond conventional transport infrastructure to encompass port development, digital connectivity, energy transportation, investment, and institutional coordination. In particular, the development of the Aktau–Alat axis illustrates how infrastructure, financial commitments, and regulatory cooperation are gradually creating a more integrated network around the Middle Corridor. This perspective is particularly relevant to understanding the corridor not simply as a transit route between China and Europe, but as an emerging macroregional platform linking transport, energy, digital, and economic networks [7]. The strengthening of Kazakhstan-Azerbaijan cooperation is particularly significant given the limited availability of alternative land routes capable of providing comparable connectivity between Central Asia, the Caspian region, and European markets under the current geopolitical conditions. In this context, the Middle Corridor is increasingly acquiring not only economic but also strategic significance, as its development provides Central Asian states with an additional channel for maintaining international trade and external economic relations amid the disruption and geopolitical risks affecting traditional Eurasian routes. Thus, the emerging Kazakhstan-Azerbaijan axis can be regarded as one of the key regional mechanisms supporting the diversification and resilience of Eurasian connectivity.

These country-level dynamics fit within a broader conceptual framework. Gálvez Nogales conceptualizes economic corridors as integrated development frameworks in which physical connectivity must be complemented by institutional, regulatory, and investment measures. The study emphasizes that the effectiveness of regional corridors depends on the combination of “hard” infrastructure with “soft” interventions, including policy coordination, institutional capacity, investment incentives, and regulatory harmonization. The author also underlines that regional economic corridors can contribute to deeper regional integration by

connecting markets, coordinating national policies, and creating opportunities for investment and sectoral development [8].

Table-1. Types of Economic Corridor- https://openknowledge.fao.org/server/api/core/bitstreams/8bab6e41-f54e-4133-9c73-2a108450f30f/content.

Dimensions	Types of corridors	Application to the Middle Corridor
Geographic scope	Urban; subnational; transnational/regional	Transnational/regional
Sectoral scope	Monosectoral; multisectoral	Multisectoral
Development driver	Public-led; donor/IFI-led; private-led; PPP/ multistakeholder	Multistakeholder / PPP

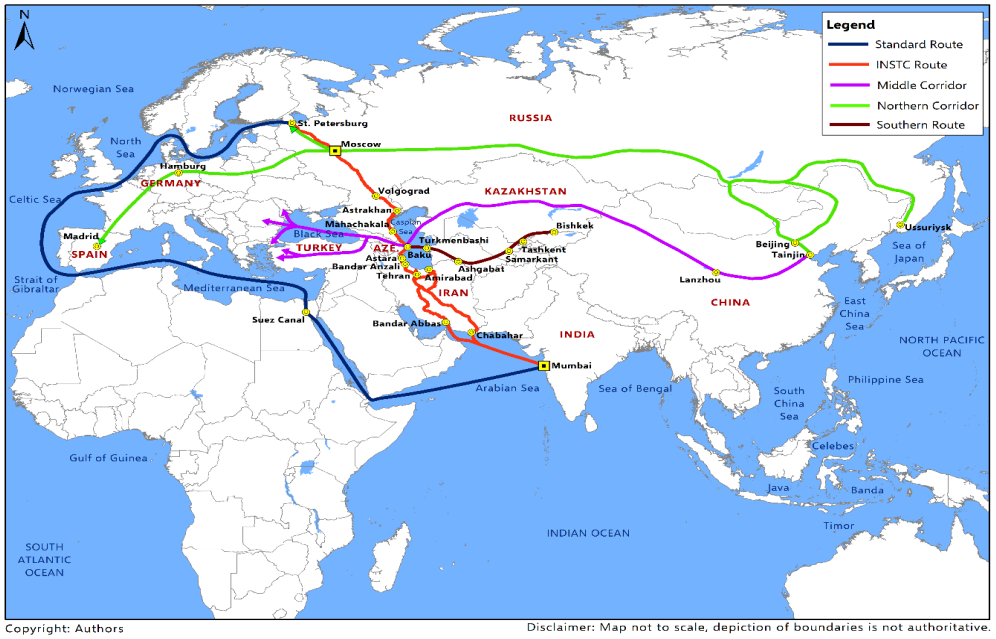
Based on this classification, the Middle Corridor can be considered a transnational, multisectoral, and multistakeholder economic corridor. Its development combines transport infrastructure with trade, investment, digital connectivity, and institutional cooperation, which makes it an important platform for regional economic integration.

These findings are particularly relevant to the Middle Corridor, as its long-term effectiveness cannot be measured solely by transport capacity or transit volumes. In our view, the corridor's economic potential will increasingly depend on its ability to generate wider regional effects through the integration of trade, logistics, investment, agriculture, and other productive sectors. Therefore, the Middle Corridor should be approached as a multidimensional economic development platform in which transport connectivity serves as a foundation for broader regional economic integration.

Beyond this economic framing, the corridor also carries a geopolitical dimension. Kurečić conceptualizes Central Asia as a strategic arena shaped by overlapping geostrategic and geoeconomic interests of major powers, particularly Russia, China, and the United States. The study emphasizes that the region's energy resources, transport infrastructure, and geographical position have historically contributed to intensified external competition and the formation of competing spheres of influence. At the same time, the limited capacity of Central Asian states to counter external pressures has encouraged them to pursue balancing strategies aimed at preserving their autonomy [9].

This perspective remains relevant to the contemporary development of the Middle Corridor, as the restructuring of Eurasian transport and energy networks has created a new dimension of geopolitical competition in the region. In this context, the Middle Corridor can be viewed not only as an economic and transport project but also as an instrument through which Central Asian states seek to diversify their external connectivity and reduce excessive dependence on any single geopolitical actor. Thus, the evolution of the corridor reflects a broader transformation of the "New Great Game", in which competition over energy resources is increasingly complemented by competition over connectivity, infrastructure, logistics, and access to international markets.

This geopolitical framing is echoed in a contemporary assessment of geoeconomic rivalry in Central Asia by Turtugulova et al., who examine the contrasting forms of economic engagement pursued by China and the United States and their implications for Kazakhstan. The findings demonstrate that China's Belt and Road Initiative has strengthened regional connectivity through the development of transport corridors, energy infrastructure, and logistics networks, thereby creating cumulative forms of economic interdependence. At the same time, the study emphasizes that U.S. engagement, although more selective in terms of investment and institutional instruments, may contribute to expanding the range of strategic alternatives available to Central Asian states [10]. In this context, Kazakhstan's hedging strategy can be understood as a mechanism for managing asymmetric dependencies while preserving policy flexibility amid competing external influences. These findings are particularly relevant to the development of the Middle Corridor, which provides Kazakhstan with an additional channel for diversifying trade and transport connections and reducing excessive dependence on any single route or external partner. From our perspective, the strategic importance of the Middle Corridor therefore lies not only in its capacity to redirect trade flows, but also in its ability to expand Kazakhstan's strategic choices and strengthen its resilience within an increasingly competitive geoeconomic environment.

Copyright: Authors

Disclaimer: Map not to scale, depiction of boundaries is not authoritative.

Figure 2 - NSTC, Middle Corridor, Northern Route, and Standard Route (by Wani A. The Middle Corridor: Reviving Connectivity for EU-Central Asia Trade and India's Strategic Imperative. New Delhi: Observer Research Foundation, 2024.)

The geographical configuration presented in Figure 1 demonstrates the strategic position of the Middle Corridor within the wider Eurasian transport system. Unlike the Northern Corridor, which passes through Russian territory, and the Southern Route, which relies on infrastructure crossing Iran, the Middle Corridor connects China and Europe through Kazakhstan, the Caspian Sea, the South Caucasus and Türkiye. Kazakhstan therefore represents a key transit and logistical hub within the corridor, while the Caspian crossing creates an important link between Central Asia and European markets. The spatial configuration of these routes indicates that the development of the Middle Corridor is closely associated with the diversification of Eurasian connectivity and the growing importance of alternative transport networks. At the same time, the map demonstrates that the corridor does not operate in isolation but forms part of a competitive network of Northern, Southern and Trans-Caspian routes, making its efficiency and development increasingly relevant to the changing geopolitical and geoeconomic environment of Eurasia.

Recent research highlights the growing importance of the Middle Corridor as a mechanism for diversifying trade and connectivity between Central Asia and European markets amid the restructuring of Eurasian transport networks. The corridor has acquired particular strategic relevance following the Russia–Ukraine war, sanctions affecting traditional northern routes, and disruptions in other global trade routes. At the same time, its development is influenced by infrastructure constraints, regional instability, and competition among external powers. In this context, the Middle Corridor represents not simply an alternative transport route, but an emerging platform for strengthening economic connectivity and expanding the strategic options available to Central Asian states [11].

This diversification imperative is sharpened by the sanctions environment. Researcher M. Hess argues that the sanctions regime against Russia has had a differentiated impact on the countries of Central Asia. According to Hess, increased controls on sanctions circumvention have placed greater pressure on regional companies involved in trade with Russia, while Western countries have adopted a more pragmatic approach in the energy sector. In particular, the growing imports of Russian natural gas by Central Asian states have not faced comparable sanctions pressure. As Hess emphasizes, the international sanctions regime has therefore contributed to a gradual shift in the balance of interests in regional energy markets away from Russia and toward Central Asian states, despite the continued dependence of some countries in the region on Russian export routes [12].

Building on the discussion of the changing economic and energy dynamics in Central Asia, researcher C. Kunaka examines the role of transport connectivity in shaping the benefits of regional integration. He argues that the economic effects of the Belt and Road Initiative (BRI) depend largely on the position of individual countries and economic centers within emerging connectivity networks. According to Kunaka, participation in the BRI can create new market opportunities, increase competition, and reduce transport and logistics costs; however, the scale of these benefits varies depending on whether a country functions as a transit hub

facilitating trade flows or as an end node in the network. Therefore, strengthening weak links in transport networks is essential for maximizing the economic benefits of regional connectivity [13]. This approach is particularly relevant to Central Asia, where the effectiveness of emerging transport corridors depends not only on the expansion of infrastructure but also on the region's ability to transform its geographical position into sustainable transit and economic advantages. In this regard, the development of the Middle Corridor can strengthen the role of Central Asian states as key intermediaries in Eurasian trade flows and contribute to greater diversification of their external economic relations.

While Kunaka emphasizes the importance of connectivity and the strategic position of Central Asian states within emerging Eurasian transport networks, S. Lain draws attention to the potential risks associated with excessive connectivity with China. She argues that although the Belt and Road Initiative can stimulate economic development, expand trade opportunities, and improve infrastructure, its long-term success should not result in greater dependence of Central Asian economies on China as a primary market, investor, or source of infrastructure financing. In particular, overreliance on Chinese demand for commodities may reinforce the region's traditional role as a supplier of raw materials, while the growing competitiveness of Chinese industries could place additional pressure on Central Asian producers [14]. This argument is particularly important in the context of the Middle Corridor. The development of alternative transport routes should not merely replace one form of external dependence with another; rather, it should strengthen the economic agency of Central Asian states by diversifying trade partners, investment sources, export markets, and logistics networks. Therefore, the strategic value of the Middle Corridor lies not only in its transit potential but also in its capacity to support a more balanced and diversified model of regional economic connectivity.

Extending this argument, S. Cornell and S. F. Starr shift attention from the risks of external dependence to the internal capacity of Central Asian states to develop effective regional cooperation. They argue that the emergence of new continental trade routes creates favorable conditions for the revival of regional cooperation, as Central Asian countries increasingly need to coordinate their economic, customs, and transport policies in order to benefit fully from expanding transcontinental connectivity [15]. The authors emphasize that the long-term effectiveness of regional cooperation depends not on political declarations or occasional high-level meetings, but on the establishment of strong and sustainable regional institutions. Drawing on the experiences of ASEAN and the Nordic Council, Cornell and Starr demonstrate that institutional capacity, gradual integration, and flexible mechanisms for protecting the interests of participating states are essential for successful regional cooperation.

This institutional dimension is particularly important for the development of the Middle Corridor. Its potential to reduce external dependencies and strengthen the bargaining position of Central Asian states will depend not only on infrastructure development, but also on the region's ability to coordinate transport, customs, trade, and investment policies. Therefore, the Middle Corridor can be

understood not merely as a transit route between China and Europe, but also as a potential instrument for strengthening regional cooperation and the strategic autonomy of Central Asian states.

Conclusion

The analysis demonstrates that the Middle Corridor has evolved beyond its conventional function as a transport route and is increasingly acquiring the characteristics of a multidimensional geoeconomic platform. The restructuring of Eurasian trade routes, geopolitical tensions, sanctions regimes, and disruptions to established supply chains have increased the strategic relevance of the Trans-Caspian International Transport Route. For Central Asia, however, its significance extends beyond the diversification of transit routes. The corridor creates opportunities to strengthen economic connectivity, expand access to international markets, diversify external economic relations, and develop new forms of regional cooperation.

The empirical analysis reveals significant asymmetries in the economic position of the Central Asian states within emerging connectivity networks. Kazakhstan and Uzbekistan possess the largest absolute export volumes and therefore have substantial potential to function as major economic and logistics nodes. At the same time, Kyrgyzstan and Tajikistan demonstrate a higher relative orientation of their export flows toward regional markets despite significantly smaller overall volumes of foreign trade. These differences indicate that the benefits generated by the Middle Corridor are unlikely to be distributed evenly across the region. Consequently, its development should be accompanied by policies aimed at integrating less-connected economies into regional value chains and expanding opportunities for intra-regional trade rather than focusing exclusively on aggregate transit volumes.

The study further demonstrates that infrastructure development alone is insufficient to ensure the long-term effectiveness of the corridor. Railways, ports, roads, terminals, and maritime links constitute its physical foundation, but their economic value depends on the quality of "soft" connectivity. Harmonized customs procedures, digitalization, regulatory compatibility, transparent investment frameworks, coordinated border management, and institutional cooperation are essential for reducing transaction costs and improving the competitiveness of the route. The evidence therefore supports the interpretation of the Middle Corridor as both an infrastructural and institutional process.

From a geoeconomic perspective, the development of alternative connectivity enables Central Asian states to transform their geographical position from a structural constraint into a strategic economic asset. Historically, the region's landlocked geography and dependence on externally controlled transport and energy networks limited its economic autonomy. The Middle Corridor provides an additional channel for accessing international markets and

diversifying trade and transport relations. Its strategic value therefore lies not only in redirecting existing trade flows, but also in expanding the range of economic choices available to Central Asian states and strengthening their resilience to external disruptions.

At the same time, diversification from traditional routes should not lead to a new form of asymmetric dependence. The literature examined in this study highlights the risks associated with excessive reliance on China as a market, investor, and source of infrastructure financing. The strategic importance of the Middle Corridor consequently lies in its capacity to broaden, rather than replace, Central Asia's external economic partnerships. Its development can create greater opportunities for cooperation with China, the South Caucasus, Türkiye, and European markets while allowing Central Asian states to pursue more diversified trade, investment, and logistics strategies.

The findings also support the argument that connectivity can generate functional incentives for regional cooperation. The effective operation of the Middle Corridor requires Central Asian states to coordinate transport policies, customs procedures, border management, digital systems, investment frameworks, and trade facilitation measures. In this sense, regional cooperation is not simply a prerequisite for the corridor's development; connectivity itself can become a driver of cooperation by creating shared economic interests among participating states. This dynamic is particularly consistent with the principles of New Regionalism, which emphasizes functional cooperation, transnational networks, infrastructure, markets, and interactions between state and non-state actors.

Accordingly, the Middle Corridor can be conceptualized as a potential mechanism of functional regionalism in Central Asia. Its development does not necessarily require the creation of a supranational organization or a highly centralized integration structure. Rather, cooperation can emerge gradually around concrete economic functions and shared interests, including transport, trade, logistics, customs, investment, digital connectivity, and regional value chains. This suggests that the transformation of regional cooperation may proceed through practical economic deep cooperation rather than through formal political integration.

Nevertheless, significant constraints remain. Infrastructure bottlenecks, differences in regulatory frameworks, customs and border-management challenges, limited capacity at certain transport nodes, and the uneven economic capabilities of participating states may restrict the corridor's competitiveness. The Caspian Sea crossing also remains a critical component whose efficiency depends on port capacity, maritime logistics, and coordination among transport operators. Addressing these constraints requires coordinated investment, regulatory harmonization, and sustained institutional commitment at both the national and regional levels.

The central argument of the study is therefore that the long-term significance of the Middle Corridor should be assessed not solely through freight volumes or transit revenues, but through its broader capacity to generate regional economic

transformation. Key indicators of its success should include the expansion of intra-regional trade, diversification of exports and investment sources, development of regional value chains, reduction of transit and transaction costs, improvement of customs efficiency, digital integration, and strengthening of institutional cooperation among the Central Asian states. Such an approach allows the corridor to be understood as an emerging component of the region's geoeconomic architecture rather than simply as an alternative transport route.

From this study's perspective, the Middle Corridor offers Central Asian states an opportunity to shift from a transit-centered model to a more value-added regional economic model. Developing logistics services, processing industries, manufacturing, agricultural exports, digital services, and regional distribution centers along the corridor would enable the region's countries to capture a greater share of the value generated by Eurasian connectivity. In this regard, the corridor's ultimate contribution will depend on whether transport connectivity can be linked to domestic production, intra-regional trade, and integration into regional and global value chains.

Overall, the Middle Corridor represents an important opportunity for Central Asia to convert geographical location into economic and strategic advantage. Its development, however, cannot by itself guarantee deeper regional integration. The decisive factor will be the capacity of Central Asian states to translate physical connectivity into institutional coordination, institutional coordination into economic interdependence, and economic interdependence into sustained regional cooperation. If these conditions are progressively achieved, the Middle Corridor may evolve from an alternative Eurasian transport route into a durable foundation for a more interconnected, resilient, diversified, and strategically autonomous Central Asian geoeconomic space.

REFERENCES

[1] OECD. Realising the Potential of the Middle Corridor. Paris: OECD Publishing, 2023. 142 p. DOI: 10.1787/635ad854-en.

[2] World Bank. Middle Trade and Transport Corridor: Policies and Investments to Triple Freight Volumes and Halve Travel Time by 2030. Washington, DC: World Bank Group, 2023. 156 p. DOI: 10.1596/40626.

[3] Pomfret R. The Central Asian Economies in the Twenty-First Century: Paving a New Silk Road. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2019. 296 p. DOI: 10.23943/princeton/9780691182216.001.0001.

[4] Vasa L., Barkanyi P. Geopolital and Geo-Economic Importance of the Middle Corridor: A Comprehensive Overview // Eurasian Journal of Economic and Business Studies. 2023. Vol. 67, No. 2. P. 20–32. DOI: 10.47703/ejebs.v2i67.295.

[5] Kenderdine T., Bucsky P. Middle Corridor—Policy Development and Trade Potential of the Trans-Caspian International Transport Route. ADBI Working Paper No. 1268. Tokyo: Asian Development Bank Institute, 2021. DOI: 10.56506/GOQF3175.

[6] Rentschler J., Reinhardt A., Elbert R., Hummel D. The Trans-Caspian Corridor – Geopolitical Implications and Transport Opportunities // Journal

of Transport Geography. 2025. Vol. 125. Article 104211. DOI: 10.1016/j.jtrangeo.2025.104211.

[7] Cutler R.M. How Kazakhstan and Azerbaijan Are Rewiring the Middle Corridor // The Times of Central Asia. 2025. April 3.

[8] Gálvez Nogales E. Making Economic Corridors Work for the Agricultural Sector. Agribusiness and Food Industries Series. No. 4. Rome: Food and Agriculture Organization of the United Nations (FAO), 2014. 204 p. ISBN: 978-92-5-108636-0.

[9] Kurečić P. The New Great Game: Rivalry of Geostrategies and Geoeconomies in Central Asia // Hrvatski geografski glasnik. 2010. Vol. 72, No. 1. P. 21–46. DOI: 10.21861/HGG.2010.72.01.02.

[10] Turtugulova D., Baktiyarova G., Aikenova D., Maigeldinov K. Geoeconomic Rivalry in Central Asia: China's Belt and Road Initiative, the 2025 United States National Security Strategy, and Kazakhstan's Hedging // Frontiers in Political Science. 2026. Vol. 8. Article 1839540. DOI: 10.3389/fpos.2026.1839540.

[11] Wani A. The Middle Corridor: Reviving Connectivity for EU-Central Asia Trade and India's Strategic Imperative. New Delhi: Observer Research Foundation, 2024.

[12] Hess M. The Impact of Russia Sanctions on Central Asia // Foreign Policy Research Institute. 2024. December 16. Available at: https://www.fpri.org/article/2024/12/the-impact-of-russia-sanctions-on-central-asia/ (accessed: 09.08.2026).

[13] Kunaka C. Six Corridors of Integration: Connectivity along the Overland Corridors of the Belt and Road Initiative // World Bank Blogs. 2018. October 4. Available at: https://blogs.worldbank.org/trade/six-corridors-integration-connectivity-along-overland-corridors-belt-and-road-initiative (accessed: 09.08.2026).

[14] Lain S. The Potential and Pitfalls of Connectivity along the Silk Road Economic Belt // Laruelle M. (ed.). China's Belt and Road Initiative and Its Impact in Central Asia. Washington, DC: The George Washington University, Central Asia Program, 2018. P. 1–10.

[15] Cornell S.E., Starr S.F. Modernization and Regional Cooperation in Central Asia: A New Spring? Silk Road Paper. Washington, DC: Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program, 2018. 66 p.

СРЕДИННЫЙ КОРРИДОР КАК ФАКТОР ТРАНСФОРМАЦИИ РЕГИОНАЛЬНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: ГЕОЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПОДХОД

*Сембаева Ж.С. [1], Макашева Ж.С.[2]

*[1, 2] Казахский университет международных отношений и мировых языков имени Абылай хана, Алматы, Казахстан

Аннотация. В статье через геоэкономическую призму рассматривается Средний коридор как фактор трансформации регионального сотрудничества в Центральной Азии. На фоне перестройки евразийских

торговых маршрутов, вызванной пандемией COVID-19, геополитической напряжённостью и санкционными режимами, коридор стал стратегической альтернативой устоявшимся транспортным путям, соединяя Китай через Казахстан, Каспийское море, страны Южного Кавказа, Турцию и европейские рынки.

В отличие от традиционного понимания коридора исключительно как транспортного маршрута, исследование концептуализирует его как многомерную платформу экономической интеграции, институциональной координации и региональной связанности, объединяя геоэкономическую теорию с подходами нового регионализма. Использован качественный дизайн исследования, включающий систематический обзор литературы, анализ документов, сравнительный анализ и описательную статистику на основе данных международных институтов; прослежена эволюция коридора и оценено его влияние на региональное сотрудничество между пятью государствами Центральной Азии. Результаты демонстрируют выраженную асимметрию экспортной взаимозависимости между Центральной Азией и Южным Кавказом: Казахстан и Узбекистан характеризуются наиболее значительными абсолютными объемами экспорта в регионе, тогда как Кыргызстан и Таджикистан демонстрируют более высокую относительную ориентацию экспортных потоков на региональные рынки при значительно меньших объемах внешней торговли; среди стран Южного Кавказа наиболее заметную позицию занимает Грузия благодаря своей транзитной роли. Делается вывод, что долгосрочная эффективность Среднего коридора зависит не столько от расширения инфраструктуры, сколько от углубления институциональной координации, содействия торговле и трансграничного сотрудничества, что превращает коридор в катализатор формирования более интегрированной геоэкономической архитектуры Центральной Азии.

Ключевые слова: Средний коридор, связанность Центральной Азии, геополитическая конкуренция, санкции, диверсификация

ОРТА ДӘЛІЗ ЖӘНЕ ОРТАЛЫҚ АЗИЯДАҒЫ АЙМАҚТЫҚ ЫНТЫМАҚТАСТЫҚТЫҢ ТРАНСФОРМАЦИЯСЫ: ГЕОЭКОНОМИКАЛЫҚ ТӘСІЛ

*Сембаева Ж.С.[1] Макашева Ж.С.[2]
*[1,2] Абылай хан атындағы Қазақ халықаралық қатынастар және әлем тілдері университеті, Алматы, Қазақстан

Аңдатпа. Мақалада Орталық Азиядағы аймақтық ынтымақтастықтың трансформациясының факторы ретінде Орта дәліз геоэкономикалық тұрғыдан қарастырылады. COVID-19 пандемиясы, геосаяси шиеленістің өршуі және санкциялық режимдер салдарынан еуразиялық сауда бағыттарының

қайта құрылымдалуы аясында дәліз қалыптасқан көлік бағыттарына стратегиялық балама ретінде көрінді: ол Қытайдан Қазақстан арқылы, Каспий теңізі бойымен, Оңтүстік Кавказ елдеріне, Түркияға және еуропалық нарықтарға дейін созылады. Дәлізді тек көлік бағыты ретінде түсіндіретін дәстүрлі көзқарастан айырмашылығы, зерттеу оны геоэкономика теориясы мен жаңа регионализм тәсілдерін біріктіре отырып, экономикалық интеграцияның, институционалдық үйлестірудің және аймақтық байланыстылықтың көпөлшемді платформасы ретінде қарастырады. Зерттеуде сапалы зерттеу дизайны қолданылды: жүйелі әдебиеттерге шолу, құжаттарды талдау, салыстырмалы талдау және халықаралық институттардың деректеріне негізделген сипаттамалық статистика; дәліздің эволюциясы қадағаланып, оның Орталық Азияның бес мемлекеті арасындағы аймақтық ынтымақтастыққа ықпалы бағаланды.

Нәтижелер Орталық Азия мен Оңтүстік Кавказ арасындағы экспорттық өзара тәуелділікте айқын асимметрияны көрсетеді: Қазақстан мен Өзбекстан өңірдегі экспорттың ең жоғары абсолюттік көлемдерімен сипатталса, Қырғызстан мен Тәжікстан сыртқы сауда көлемдері айтарлықтай төмен болғанына қарамастан, экспорттық ағындарының өңірлік нарықтарға салыстырмалы түрде жоғары бағдарлануымен ерекшеленеді; Оңтүстік Кавказ елдерінің арасында Грузия транзиттік рөліне байланысты ең айқын позицияны иеленеді. Қорытындыда Орта дәліздің ұзақ мерзімді тиімділігі инфрақұрылымды кеңейтуге ғана емес, институционалдық үйлестіруді, сауданы жеңілдетуді және шекара маңы ынтымақтастығын тереңдетуге байланысты екені, бұл дәлізді Орталық Азияның неғұрлым интеграцияланған геоэкономикалық архитектурасын қалыптастырудың катализаторына айналдыратыны атап өтіледі.

Тірек сөздер: Орта дәліз, Орталық Азияның байланыстылығы, геосаяси бәсекелестік, санкциялар, әртараптандыру

Information about author:

Sembayeva Zh.S. - PhD, Associate Professor, Kazakh Ablai Khan University of International Relations and World Languages, Almaty, Kazakhstan, saya.sembayeva@mail.ru

Makasheva Zh.S. - PhD, Associate Professor, Kazakh Ablai Khan University of International Relations and World Languages, Almaty, Kazakhstan

Автор туралы мәлімет:

Сембаева Ж.С. - PhD, қауымдастырылған профессор, Абылай хан атындағы Қазақ халықаралық қатынастар және әлем тілдері университеті, Қазақстан, Алматы қаласы, saya.sembayeva@mail.ru

Макашева Ж.С. - PhD, қауымдастырылған профессор, Абылай хан атындағы Қазақ халықаралық қатынастар және әлем тілдері университеті, Қазақстан, Алматы қаласы

Сведения об авторе:

Сембаева Ж.С. - PhD, ассоциированный профессор, Казахский университет международных отношений и мировых языков имени Абылай хана, Алматы, Казахстан, saya.sembayeva@mail.ru

Макашева Ж.С. - PhD, ассоциированный профессор, Казахский университет международных отношений и мировых языков имени Абылай хана, Алматы, Казахстан

Received / Мақала түсті / Статья поступила: 10.07.2026.
Accepted / Жариялауға қабылданды / Принята к публикации: 28.09.2026

UDC 327
IRSTI 11.25.19
https://doi.org/10.48371/ISMO.2026.65.3.013

FOREIGN POLICY OF THE ISLAMIC REPUBLIC OF IRAN AMID THE CRISES OF 2025-2026: BETWEEN MIDDLE EASTERN CONFRONTATION AND EURASIAN DIVERSIFICATION

*Haniyeh M. Farhadi[1], Gulimov A.B.[2]
*[1] Independent researcher, Tehran, Iran
[2] Berdakh Karakalpak State University, Nukus, Republic of Uzbekistan

Abstract. This article examines the transformation of the foreign policy of the Islamic Republic of Iran amid the weakening of its Middle Eastern forward-defence system in 2024 and the crises that followed in 2025-2026. Rather than assuming that Iran has completed a geopolitical “pivot to the East,” the study asks whether mounting systemic constraints have altered the functional distribution of Tehran’s foreign-policy priorities. The analytical framework combines neoclassical realism with an examination of inter-elite interactions as a domestic intervening variable. To capture the outcome of this process, the article develops the concept of constrained functional foreign-policy diversification. Using process tracing, comparative political analysis and institutional analysis, it reconstructs the sequence linking the erosion of Iran’s regional strategic depth, the fall of Bashar al-Assad’s government in December 2024, the weakening of the Axis of Resistance, the twelve-day Iran-Israel war of 2025 and the subsequent escalation. The findings indicate that these shocks increased the costs of Iran’s established Middle Eastern strategy while raising the relative value of ties with Russia, China, the Eurasian Economic Union, the Shanghai Cooperation Organisation, BRICS and the states of Central Asia. Yet the Eurasian dimension does not replace the Middle East as the principal arena of security and deterrence, nor does it eliminate Iran’s financial, technological and sanctions-related vulnerabilities. The article concludes that Iran’s current foreign policy is best understood as constrained functional diversification, in which different regional and institutional arenas perform distinct tasks, but their compensatory capacities remain uneven and incomplete.

Keywords: Iran; foreign policy, neoclassical realism, strategic autonomy, functional diversification, Central Asia, Russia, China, SCO, EAEU

Introduction

Iranian foreign policy has traditionally been analysed through three enduring dimensions: confrontation with the United States and Israel, sanctions pressure, and a regional deterrence strategy built around a network of allied and partner actors. This perspective retains considerable explanatory value, but it no longer captures the full geographic reach and institutional density of Iranian diplomacy. Since the late 2010s, and especially under the administration of Ebrahim Raisi, Tehran has steadily expanded its relations with Russia and China, secured full

membership in the Shanghai Cooperation Organisation (SCO), joined BRICS and deepened economic engagement with the Eurasian Economic Union (EAEU). The literature commonly describes this trajectory as a Look East policy. Yet the notion of a "pivot to the East" remains analytically ambiguous because it may refer either to a deliberate strategy of greater autonomy or to an adaptive response to the contraction of Western options [1].

A major structural shift preceded the crises of 2025-2026. Heavy losses sustained by Hamas and Hezbollah, changes in the strategic balance in the Levant and the fall of Bashar al-Assad's government in December 2024 weakened the infrastructure of the Axis of Resistance and reduced Iran's strategic depth. The twelve-day Iran-Israel war of June 2025 therefore did not initiate the crisis of the previous regional model. Rather, it marked a further stage in a deterioration already under way. As Pappinen argues, by the mid-2020s the Axis of Resistance still mattered, but its centrality within Iran's Middle Eastern policy had declined as Tehran placed greater emphasis on strengthening its own defence capabilities [2].

Against this background, the institutionalisation of non-Western ties acquired greater strategic significance. On 17 January 2025, Russia and Iran signed the Comprehensive Strategic Partnership Treaty, and on 15 May 2025 the full free trade agreement between Iran and the EAEU entered into force. These developments complemented Iran's existing membership in the SCO and BRICS. Official Iranian discourse, however, does not reduce this trajectory to a bilateral alignment with Moscow and Beijing. In July 2025, President Masoud Pezeshkian identified stronger relations with neighbouring states as the first foreign-policy priority, followed by deeper engagement with Russia, China, BRICS, the SCO and the EAEU [3]. The existence of new agreements, institutions and official priorities does not in itself demonstrate a strategic reorientation. The key question is what functions these mechanisms actually perform, how durable they are, and to what extent they can offset vulnerabilities associated with Iran's Middle Eastern security environment.

The central research question is therefore whether the structural weakening of Iran's Middle Eastern deterrence architecture in 2024 and the crises of 2025-2026 transformed Iranian foreign policy, or primarily accelerated an adaptation strategy that had already been taking shape. The article advances the hypothesis that these shocks did not produce a wholesale change in Iran's geographic orientation. Instead, they accelerated functional diversification. Eurasia gained importance as a space for economic adaptation, institutional anchoring and diplomatic manoeuvre, while its compensatory capacity remained constrained by sanctions, asymmetrical relations with major partners and Iran's continuing exposure to the Middle Eastern security environment.

Description of Materials and Methods

Methodologically, the article draws on neoclassical realism, which links systemic pressures to domestic variables that shape foreign-policy decision-making [4]. For the crisis environment of 2024-2026, this framework is refined

through Doğan's emphasis on inter-elite interactions as a dynamic intervening variable between systemic pressure, strategic culture and specific policy choices [5]. The relevant systemic pressures include sanctions, the weakening of Iran's regional network of partners, direct military threats and changes in the international distribution of capabilities. Domestic variables include competing assessments among institutional centres and elite coalitions regarding relations with the West, Russia and China, the acceptable degree of external dependence, and the economic costs of strategic choices. The empirical base deliberately combines English- and Persian-language scholarship by Iranian researchers, articles published in Iranian academic journals, official documents and international research. This design makes it possible to compare external interpretations with debates within Iran without treating either as inherently authoritative. Process tracing is used to reconstruct the sequence from the structural weakening of 2024 to military escalation in 2025-2026 and the increased relevance of Eurasian mechanisms.

The hypothesis is assessed through four indicators. The first is institutionalisation, measured by the emergence and durability of international agreements and participation mechanisms. The second is economic diversification, understood as a broader geographic distribution of trade and reduced dependence on individual markets. The third is diplomatic diversification, defined as Tehran's capacity to sustain relationships beyond the traditional Middle Eastern theatre. The fourth is compensatory capacity, namely the extent to which new external relationships can reduce the costs of security pressure, sanctions and international isolation. This operationalisation distinguishes substantive diversification from symbolic institutionalisation and from the mere replacement of Western dependence with Eastern dependence.

Theoretical framework: neoclassical realism and functional diversification

Scholarship on Iranian foreign policy has developed around several explanatory approaches. Ideational accounts emphasise revolutionary identity, anti-hegemonic discourse and support for the "resistance" network. Realist interpretations focus more directly on state survival, security and asymmetric deterrence. Sanctions-centred approaches interpret Iran's eastern orientation as a response to restricted access to Western markets and financial systems. The literature on strategic autonomy, by contrast, stresses Tehran's effort to avoid excessive dependence on any single external centre. Iranian academic debates show that these explanations do not form a single coherent line. Studies published in Geopolitics Quarterly identify shifts among confrontational, moderate and pragmatic foreign-policy discourses and draw attention to China's growing role in shaping the regional order [6, 7]. Other Iranian scholars treat the eastern orientation simultaneously as a source of autonomy and as a potential source of renewed dependence [8]. The domestic academic debate therefore provides no simple consensus as to whether Look East should be understood as a strategic choice, a constrained adaptation, or a combination of both.

Neoclassical realism offers a suitable framework for examining this dynamic because it connects systemic pressures with the domestic mechanisms through which those pressures are interpreted and translated into policy. In the

Iranian case, external constraints pass through a complex institutional structure, competing elite assessments, economic pressures and different understandings of acceptable external dependence. Doğan's emphasis on inter-elite interaction further clarifies how shifting coalitions, threat perceptions and assessments of partners can produce different policy choices even under broadly similar external conditions [5]. Juneau adds an important analytical refinement by distinguishing rationality from optimality. Foreign-policy choices may be rational from the perspective of domestic decision-makers while remaining suboptimal in relation to systemic incentives because those incentives are filtered through domestic political and institutional processes [9]. This article does not use that insight to label Look East as a policy "mistake." Instead, it asks whether domestic filtering converts diversification into greater strategic autonomy or reproduces new forms of asymmetry [4, 9, 10, 11, 12].

Within this framework, the article introduces the concept of constrained functional foreign-policy diversification. The concept refers not simply to an increase in the number of partners but to the allocation of different foreign-policy functions across several geographic and institutional arenas while structural constraints remain in place. It is operationalised through the four indicators identified above. In Iran's case, the Middle East remains the primary arena of immediate security and deterrence; Russia and China serve as major strategic and economic partners; the SCO, BRICS and the EAEU provide institutional channels for non-Western engagement; and Central Asia offers an additional arena for pragmatic diplomacy and geographic expansion. The qualifier "constrained" is essential because none of these arenas can fully substitute for the functions performed by the others.

This approach moves the analysis beyond the binary question of whether Iran is "turning" from the Middle East towards Eurasia. The more relevant issue is how functions are redistributed across different external arenas. If Eurasian ties deepen and persist independently of the intensity of Iran's confrontation with the West, the evidence would support a structural diversification thesis. If they expand primarily during periods of pressure and fail to produce durable changes in trade, institutions and diplomatic patterns, an interpretation based on constrained adaptation would remain more convincing.

Results

1. Evolution of the Policy Model: From "Neither East nor West" to a Selective Look East Strategy

After the 1979 Revolution, the principle of "Neither East nor West" expressed the Islamic Republic's determination to avoid incorporation into either bloc of the Cold War. The Iran-Iraq War, international isolation and the subsequent need for economic reconstruction nevertheless compelled Tehran to combine ideological autonomy with pragmatic engagement. This pattern was particularly visible in the post-Soviet space. In Central Asia and the South Caucasus, Iranian policy generally prioritised interstate relations, security, trade and transport rather than the export of the revolutionary model.

During the 2000s and 2010s, sanctions and the nuclear issue increased the importance of Asian partners, but the conclusion of the Joint Comprehensive Plan of Action (JCPOA) in 2015 demonstrated that Tehran retained an interest in normalisation with the West. Look East became more institutionalised after the United States withdrew from the JCPOA in 2018. Under Raisi, this orientation acquired a more coherent political form through SCO membership, accession to BRICS, closer ties with Russia and China and the advancement of the EAEU agreement. Under Pezeshkian, official discourse retained the eastern dimension while placing stronger emphasis on relations with neighbouring states and regional cooperation [3]. Iranian scholarship likewise rejects a simple linear replacement of one orientation by another. Research on foreign-policy discourses highlights the influence of domestic political preferences and the balance between ideological and pragmatic objectives [6]. Analyses of China's regional role treat Beijing not merely as an economic alternative to the West but as an independent actor whose interests are not identical to those of Iran [7]. Critical Iranian scholarship also cautions that excessive reliance on the East can conflict with the principle of independence if strategic expediency narrows Tehran's freedom of choice [8].

By the mid-2020s, Look East had therefore become an established component of Iran's foreign-policy repertoire, but it had not developed into an exclusive geopolitical alignment. The crises of 2024-2026 did not create the eastern orientation. They altered its relative value by increasing the costs of Iran's previous regional deterrence model and reducing the availability of Western economic alternatives.

2. 2024-2026 as a Stress Test for Iran's Middle Eastern Strategy

The stress test of Iran's regional strategy began before June 2025. By the end of 2024, the forward-defence system had already absorbed a series of shocks. Hamas had sustained heavy losses, Hezbollah had been weakened, and the fall of Bashar al-Assad's government in December 2024 removed one of the most important state components of Iran's regional infrastructure and complicated its strategic access to the Levant. The twelve-day war of 2025 thus occurred after Iran's strategic depth had already narrowed [2]. Analytically, the crises of 2025-2026 are better understood as amplifiers of structural pressure than as the original cause of Iran's foreign-policy adjustment.

Military escalation in 2025-2026 exposed important limitations in the model of managed confrontation. Iran retained the ability to respond asymmetrically and to impose significant regional costs, but the direct projection of military pressure onto Iranian territory reduced the effectiveness of a strategy intended to keep major threats away from the country's borders through allied actors. This does not mean that the Axis of Resistance disappeared. A more cautious interpretation is that its centrality declined and that it became one instrument among several, alongside Iran's missile capabilities, diplomacy and external economic adaptation.

The crisis surrounding the Strait of Hormuz further demonstrated the dual character of Iranian deterrence. Geography gives Tehran the capacity to generate systemic consequences for energy markets and maritime trade, but the use of that

leverage also affects Arab Gulf states and Asian importers with which Iran seeks pragmatic relations. Greater asymmetric pressure can therefore raise the costs of conflict for Iran's adversaries while simultaneously increasing Tehran's own diplomatic costs.

From a neoclassical realist perspective, the rising value of diversification can be explained by the interaction of external pressure, the weakening of regional infrastructure and changing domestic assessments of threat. This does not imply an automatic transfer of resources from the Middle East to Eurasia. Security remains territorially anchored in the Middle Eastern theatre. Eurasian relationships can partially mitigate diplomatic and economic vulnerability, but they cannot replace regional deterrence. The weakening of forward defence has also intensified debate over a far more consequential form of compensation, namely a reassessment of nuclear deterrence. Eslami and Kaunert link the erosion of forward defence to a greater likelihood of changes in Iran's nuclear strategy under continued direct military pressure [13]. For the argument developed here, this serves as a counterexample: if the security function is compensated primarily through national military capabilities rather than Eurasian institutions, the functional non-substitutability of Iran's external relationships becomes even clearer.

3. The Eurasian Dimension: Russia, China and Multilateral Institutions

The Russian dimension demonstrates substantial political and strategic institutionalisation. The Comprehensive Strategic Partnership Treaty signed on 17 January 2025 covers a broad range of political, economic, transport and defence cooperation, but it does not establish an automatic collective-defence commitment [14]. Closer Russian-Iranian relations therefore expand the scope for coordination without creating a conventional military alliance. Iranian assessments of the partnership are not uniform. Based on interviews with policymakers and academics, Khavarinejad finds that political actors tend to view the relationship more pragmatically, whereas parts of the academic community remain more sceptical about its long-term reliability [10]. This difference should not be reduced to a simple state-versus-academia divide. It points instead to competing interpretations of national interest and of the acceptable depth of strategic alignment with Russia.

China is important above all as an economic partner. Access to the Chinese market helps Iran preserve export revenues under sanctions and provides a major non-Western outlet, but the same concentration can create a new form of dependency. Beijing has a far broader range of energy suppliers and investment opportunities than Tehran has alternative large-scale economic partners. Increased trade with China should therefore not be equated automatically with greater strategic autonomy. Under an unfavourable structure of exchange, it can reproduce asymmetry rather than reduce it.

Multilateral institutions can partially mitigate the risks associated with bilateral asymmetry. The full free trade agreement between Iran and the EAEU entered into force on 15 May 2025 and replaced the interim arrangement that had operated since 2019 [15]. The SCO also functions as more than a symbolic

platform. Since becoming a full member in 2023, Iran has participated in the organisation's regular political, economic and expert mechanisms [16]. Tehran has also sought to translate political participation into financial and economic instruments. In July 2026, Foreign Minister Abbas Araghchi identified broader economic cooperation and common infrastructure as key SCO priorities and linked Iran's proposal for an SCO Development Bank to the creation of a financial basis for trade and investment among member states [17]. These initiatives expand institutional opportunities, but they do not remove secondary sanctions, payment constraints, investment shortages or technological restrictions.

Transport connectivity provides an additional, but not independent, indicator of diversification. The International North-South Transport Corridor can strengthen Iran's potential transit role, yet it operates in a competitive geoeconomic environment. The Middle Corridor, IMEEC and other initiatives offer partners alternative routes, some of which bypass Iranian territory. Iran's transport position should therefore be treated as a potential strategic asset rather than a guaranteed advantage. For the purposes of this article, the central issue is not which corridor will "win," but whether Tehran can maintain several connectivity options and thereby avoid dependence on a single logistical axis [18].

Taken together, the Russian, Chinese and multilateral dimensions demonstrate a widening range of foreign-policy options while also exposing the limits of that process. Institutional and diplomatic expansion is the clearest outcome. Economic diversification is less advanced because formal agreements do not by themselves eliminate the concentration of export markets, financial restrictions or technological dependence. The distinction between declared strategy and implemented outcomes is therefore critical. Agreements and official statements indicate the direction of policy, but strategic autonomy ultimately depends on whether the structure of trade, investment and financial settlement mechanisms actually changes. Compensatory capacity in the security field remains more limited because neither the SCO, BRICS nor the EAEU constitutes a collective-defence mechanism for Iran.

4. Central Asia as an Indicator of Geographic Expansion

Central Asia is relevant to the hypothesis not because it has already become a major economic pillar of Iranian foreign policy, but because it provides a useful indicator of the geographic expansion of Tehran's external relations. Trade and investment remain modest compared with Iran's ties to its largest partners, and sanctions continue to constrain banking and investment mechanisms [19]. Nevertheless, the region carries broader significance within Iran's foreign-policy logic because it links neighbourhood diplomacy, Eurasian institutional engagement and access to alternative markets and transport routes. This interpretation is consistent with the broader concept of Iran's neighbourhood policy, which treats relations with adjacent states as a means of reducing external vulnerability while recognising the economic and political limits of such a strategy [20]. Central Asia therefore provides a useful test of whether Look East extends beyond the Russia-China nexus.

In 2025, Iran maintained active political dialogue with Central Asian states, including Kazakhstan, Tajikistan and Turkmenistan, alongside continued trade, transport and diplomatic engagement. These relationships are largely interest-based and do not presuppose bloc solidarity. Kazakhstan, Uzbekistan, Turkmenistan and Tajikistan pursue their own multi-vector strategies, which means that their relations with Tehran differ markedly from Iran's ties with allied actors or adversarial states in the Middle East. For Iran, Central Asia thus offers a form of pragmatic engagement that is less directly embedded in the confrontation with the West.

Central Asia is therefore better characterised as an emerging vector than as the economic core of Look East. Its significance lies in the durability of political dialogue, the development of practical trade and transport channels and Tehran's ability to sustain relationships outside the Russia-China framework. The region broadens Iran's diplomatic room for manoeuvre, but its economic contribution remains limited and the multi-vector policies of Central Asian states place clear constraints on the political depth of cooperation [19].

Discussion

Limits of Diversification: Between Autonomy and Dependency Substitution

The first constraint arises from sanctions. Institutional expansion does not automatically provide access to the global banking system, investment capital or advanced technologies. A gap therefore persists between the formal density of agreements and their material economic effects. If new arrangements increase the number of political channels without altering access to finance and technology, their contribution to strategic autonomy remains limited.

The second constraint stems from the asymmetry of Iran's relationships with Russia and, especially, China. These partnerships may carry greater relative value for Tehran than Iran does for its partners. A reduction in Western alternatives can therefore concentrate dependence rather than diversify it. This is the central counterargument to an optimistic interpretation of Look East: changing the geography of dependence does not necessarily increase autonomy. Iranian debates reflect this tension. Some scholars and policymakers view stronger eastern ties as a necessary adaptation to sanctions and changes in the international order, while others warn that strategic necessity may gradually narrow Iran's freedom of manoeuvre [8, 10]. The disagreement is analytically important because it reveals competing conceptions of strategic autonomy within Iran rather than a simple division between supporters and opponents of eastern engagement.

The third constraint is the non-substitutability of foreign-policy functions. Eurasian institutions can reduce diplomatic isolation and facilitate selected forms of trade, but they do not provide a replacement security architecture. Central Asia expands the geography of Iran's partnerships but is not a comparable source of capital or technology. Transport projects can improve connectivity, yet they remain dependent on route competition, infrastructure investment and the sanctions environment. In the security field, the post-2024 debate itself suggests that compensation may be sought through stronger national military

capabilities, including a possible reassessment of nuclear strategy, rather than through Eurasian institutions [13]. Functional diversification therefore improves resilience primarily by distributing risks, not by eliminating vulnerability.

Iran's current foreign policy can consequently be located between two trajectories. The first is dependency substitution, in which the contraction of Western ties produces excessive concentration on Russia and China. The second is constrained functional diversification, in which major-power partnerships are complemented by multilateral institutions, middle and smaller states, and multiple channels of economic connectivity. Available evidence suggests that Iran lies between these outcomes. Institutional and diplomatic diversification is already visible, economic diversification remains partial, and the capacity of Eurasian relationships to compensate for security vulnerabilities remains limited.

Conclusion

The analysis broadly supports the hypothesis, but also requires an important qualification. The crises of 2025-2026 should be understood in conjunction with the structural weakening of Iran's Middle Eastern position in 2024. The weakening of Hamas and Hezbollah, together with the fall of Bashar al-Assad's government, reduced Tehran's strategic depth before the twelve-day war of 2025. Subsequent escalation therefore acted less as the original cause of adjustment than as a stress test for an already weakened forward-defence system.

Iran's Eurasian orientation likewise did not emerge as an immediate response to these crises. Its institutional foundations had developed earlier, particularly after the United States withdrew from the JCPOA in 2018 and during the Raisi administration. Developments in 2024-2026 increased the relative value of existing ties with Russia, China, the SCO, BRICS, the EAEU and Central Asian states. The change is therefore better described as a redistribution of foreign-policy functions than as a geographic pivot.

The concept of constrained functional foreign-policy diversification captures this uneven pattern. The Middle East retains the central role in immediate security and deterrence. Russia and China provide strategic and economic resources while reproducing important asymmetries. The SCO, BRICS and the EAEU expand Iran's institutional room for manoeuvre without offering collective defence. Central Asia broadens the geography of engagement but has not become the economic core of Look East. Official Iranian discourse and domestic academic debate also place different emphases on this process. State rhetoric stresses neighbourhood cooperation, mutual respect, shared interests and multilateral engagement, whereas critical scholarship focuses more closely on asymmetry and the risk of renewed dependence. These perspectives are not mutually exclusive. Their tension indicates that the durability of the current course will depend on Tehran's ability to convert diplomatic and institutional expansion into a more diversified structure of trade, investment and financial relations.

The four indicators produce uneven results. Institutional diversification is the most developed and is reflected in Iran's full participation in the SCO, the treaty-based consolidation of relations with Russia and the full EAEU free trade

agreement. Diplomatic diversification is also evident in the persistence of relations beyond the Middle Eastern theatre. Economic diversification is more limited because broader Eurasian engagement has not removed market concentration, financial sanctions or technological constraints. Compensatory capacity in the security sphere remains the weakest dimension because Eurasian partnerships cannot substitute for regional deterrence. This uneven distribution of effects is precisely what justifies the qualifier "constrained" in the proposed concept.

The durability of the Eurasian orientation will provide the most important test of the model. If institutional, trade and diplomatic ties continue to deepen independently of sanctions-related and military shocks, the evidence will increasingly support the interpretation of structural diversification. If their intensity continues to track fluctuations in Iran's relations with the West, Look East will remain better understood as an adaptive strategy. In Juneau's terms, the distinction also offers a way to assess the gap between declared strategy and policy effectiveness: a sustained expansion of viable external options would indicate adaptive rationality, whereas growing one-sided dependence under an increasingly dense institutional rhetoric would point towards a suboptimal outcome.

REFERENCES

[1] Saraswat D. Iran's Look East Policy Under Ebrahim Raisi: Tracing the Rise of a Middle Power. Strategic Analysis. 2024;48(3):211-228. https://doi.org/10.1080/09700161.2024.2369392 .

[2] Pappinen I. The Fate of the "Axis of Resistance" and Iran's Middle East Policy amid Regional Transformations. Pathways to Peace and Security. 2025;2(69):69-84. https://doi.org/10.20542/2307-1494-2025-2-69-84.

[3] Press TV. Pezeshkian Vows to Focus Foreign Policy on Regional Outreach, Ties with Russia, China. 26 July 2025. Available at: https://www.presstv.ir/Detail/2025/07/26/751886/ (accessed 1 August 2026).

[4] Juneau T. Squandered Opportunity: Neoclassical Realism and Iranian Foreign Policy. Stanford: Stanford University Press; 2015. https://doi.org/10.11126/stanford/9780804793056.001.0001.

[5] Doğan H. The Nexus of Power, Culture, and Elite Interactions: A Neoclassical Realist Framework for Foreign Policy Analysis. Uluslararası İlişkiler. 2025;22(88):5-23. https://doi.org/10.33458/uidergisi.1761208.

[6] Bolouky S, Khoshkhati M, Keshavarz Ghasemabadi B. Comparative Study of Foreign Policy Discourses: Rouhani's Administration and Ahmadinejad's Administration. Geopolitics Quarterly. 2023;19(3):215-240.

[7] Dehghan A, Arghavani Pirsalami F. China and the New Middle East: Opportunities and Challenges for the New Regional Order. Geopolitics Quarterly. 2025;21(1):177-216. https://doi.org/10.22034/igq.2024.470070.1924.

[8] Arghavani Pirsalami F, Dehghan A. Iran in the Whirlpool of the 'Look to the East' Policy: How Dignity and Wisdom Are Sacrificed to Expediency. Third World Quarterly. 2025;46(17):2293-2312. https://doi.org/10.1080/01436597.2025.2559369.

[9] Juneau T. Neoclassical Realism as a Theory for Correcting Mistakes: What State X Should Do Next Tuesday. International Studies Review. 2023;25(3):viad021. https://doi.org/10.1093/isr/viad021.

[10] Khavarinejad S. Iranian Politicians' and Academics' Views on the Strategic Partnership between Iran and Russia. Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations. 2025;30(4):199-209. https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.4.17.

[11] Kızılyurt Ö. Understanding Iran's Policy towards the Ukraine War: The Significance of Ideational Factors and Factional Rivalries. Third World Quarterly. 2025;46(4):391-411. https://doi.org/10.1080/01436597.2025.2484566.

[12] Perletta G. Iran's Foreign Policy from Non-Alignment to 'Look to the East': Between Ideology and Pragmatism. Middle East Critique. 2025;34(1):21-41. https://doi.org/10.1080/19436149.2024.2384805.

[13] Eslami M, Kaunert C. Forward Defence, Hamas-Hezbollah War with Israel and Iran's Path to Nuclear Bombs. Global Policy. 2025;16(2):299-305. https://doi.org/10.1111/1758-5899.70011.

[14] Treaty on Comprehensive Strategic Partnership between the Russian Federation and the Islamic Republic of Iran, 17 January 2025. Official Publication of Legal Acts of the Russian Federation. Published 2 October 2025. Available at: https://publication.pravo.gov.ru/document/0001202510020001 (accessed 5 August 2026).

[15] Eurasian Economic Commission. EAEU-Iran: Full-Fledged Free Trade Agreement Entered into Force. 15 May 2025. Available at: https://eec.eaeunion.org/news/eaes-iran-vstupilo-v-silu-polnoformatnoe-soglashenie-o-svobodnoy-torgovle -/ (accessed 9 August 2026).

[16] Shanghai Cooperation Organisation. Frequently Asked Questions. 27 November 2023. Available at: https://eng.sectsco.org/20231127/1168690.html (accessed 7 August 2026).

[17] Islamic Republic News Agency (IRNA). Iran's SCO Development Bank Proposal Will Facilitate Trade within Organization: Araghchi. 25 July 2026. Available at: https://irna.com/en/news/86218608/ (accessed 8 August 2026).

[18] Topychkanov P. The Eurasian Trade and Transport Routes: A Case Study of the North-South Corridor. IPRI Journal. 2025;25(1):69-86. https://doi.org/10.31945/iprij.250104.

[19] Moldaliyeva AI, Kilybayeva P. Political and Economic Aspects of Iran's Relations with Central Asian Countries. Bulletin of the L.N. Gumilyov Eurasian National University. Political Science. Regional Studies. Oriental Studies. Turkology Series. 2024;147(2):187-196. https://doi.org/10.32523/2616-6887/2024-147-2-187-196.

[20] Kamrava M, Bagheri Dolatabadi A. Iran's Neighborhood Policy: Parameters, Objectives, and Obstacles. Middle East Policy. 2024;31(4):56-73. https://doi.org/10.1111/mepo.12781.

2025–2026 ЖЫЛДАРДАҒЫ ДАҒДАРЫСТАР ЖАҒДАЙЫНДАҒЫ ИРАН ИСЛАМ РЕСПУБЛИКАСЫНЫҢ СЫРТҚЫ САЯСАТЫ: ТАЯУ ШЫҒЫСТАҒЫ ТЕКЕТІРЕС ПЕН ЕУРАЗИЯЛЫҚ ӘРТАРАПТАНДЫРУ АРАСЫНДА

* Хание М. Фархади [1], Гулимов А.Б.[2]
*[1]Тәуелсіз зерттеуші, Тегеран, Иран
[2] Бердақ атындағы Қарақалпақ мемлекеттік университеті
Нүкіс, Өзбекстан Республикасы

Аңдатпа. Мақалада 2024 жылы Иран Ислам Республикасының Таяу Шығыстағы «алдыңғы шептегі қорғаныс» жүйесінің әлсіреуі және 2025–2026 жылдардағы кейінгі дағдарыстар жағдайындағы сыртқы саясат трансформациясы қарастырылады. Зерттеудің мақсаты – аталған күйзелістер Тегеранның сыртқы саясатының географиялық қайта бағдарлануына әкелді ме, әлде бұған дейін қалыптасқан бейімделу мен әртараптандыру стратегиясын жеделдетті ме деген сұраққа жауап беру. Теориялық негіз ретінде неоклассикалық реализм және элитааралық өзара әрекеттесуді талдау қолданылады, ал нәтижені сипаттау үшін «шектеулі функционалдық сыртқы саяси әртараптандыру» ұғымы ұсынылады. Әдіснама process tracing, салыстырмалы-саяси және институционалдық талдауды біріктіреді. Эмпирикалық база халықаралық және ирандық академиялық әдебиеттерді, ресми құжаттарды және Иранның мемлекеттік ақпараттық ресурстарын қамтиды. Нәтижелер Башар Асад үкіметінің құлауы, «қарсылық осінің» әлсіреуі және Иран–Израиль эскалациясы бұрынғы аймақтық модельдің шығындарын арттырғанын, бірақ қауіпсіздік саласындағы Таяу Шығыстың орталық рөлін жоймағанын көрсетеді. Сонымен бірге Ресей, Қытай, ШЫҰ, BRICS, ЕАЭО және Орталық Азия институционалдық орнығу, экономикалық бейімделу және дипломатиялық маневр арналары ретінде маңызын күшейтті. Зерттеудің ғылыми жаңалығы географиялық «бетбұрыс» пен сыртқы саяси міндеттердің функционалдық қайта бөлінуін ажыратуда. Практикалық маңызы Иранның Еуразиялық бағытының тұрақтылығы мен шектеулерін, соның ішінде Орталық Азия мемлекеттері үшін салдарын дәлірек бағалауға мүмкіндік беруінде. Қорытынды бойынша, қазіргі Иран саясаты аяқталған «Шығысқа бетбұрыс» емес, институционалдық және дипломатиялық мүмкіндіктер экономикалық және әскери-стратегиялық өтемге қарағанда жылдамырақ кеңейетін біркелкі емес функционалдық әртараптандыру ретінде сипатталады.

Тірек сөздер: Иран, сыртқы саясат, неоклассикалық реализм, стратегиялық автономия, функционалдық әртараптандыру, Шығысқа бетбұрыс, Орталық Азия, Ресей, Қытай, ШЫҰ, ЕАЭО

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ИСЛАМСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ИРАН В УСЛОВИЯХ КРИЗИСОВ 2025-2026 ГОДОВ: МЕЖДУ БЛИЖНЕВОСТОЧНОЙ КОНФРОНТАЦИЕЙ И ЕВРАЗИЙСКОЙ ДИВЕРСИФИКАЦИЕЙ

Хание М. Фархади [1], Гулимов А.Б.[2]
*[1] Независимый исследователь, Тегеран, Иран
[2] Каракалпакский государственный университет имени Бердаха
Нукус, Республика Узбекистан

Аннотация. В статье исследуется трансформация внешней политики Исламской Республики Иран в условиях ослабления ее ближневосточной системы «передовой обороны» в 2024 году и последующих кризисов 2025-2026 годов. Исследование не исходит из предположения о завершившемся геополитическом «повороте на Восток», а ставит вопрос об изменении функционального распределения внешнеполитических приоритетов Тегерана под воздействием нарастающих системных ограничений. Теоретическая рамка сочетает неоклассический реализм с анализом межэлитных взаимодействий как внутренней промежуточной переменной. Для описания результата предлагается понятие «ограниченной функциональной внешнеполитической диверсификации». На основе process tracing, сравнительно-политического и институционального анализа реконструируется последовательность, связывающая сокращение региональной стратегической глубины Ирана, падение правительства Башара Асада в декабре 2024 года, ослабление «оси сопротивления», двенадцатидневную ирано-израильскую войну 2025 года и последующую эскалацию. Результаты показывают, что эти потрясения повысили издержки традиционной ближневосточной стратегии Ирана и одновременно увеличили относительную значимость отношений с Россией, Китаем, ЕАЭС, ШОС, BRICS и государствами Центральной Азии. Однако евразийское направление не заменяет Ближний Восток как основное пространство безопасности и сдерживания и не устраняет финансовую, технологическую и санкционную уязвимость Ирана. Сделан вывод, что современная внешняя политика Ирана представляет собой ограниченную функциональную диверсификацию, при которой различные региональные и институциональные контуры выполняют разные задачи, а их компенсаторные возможности остаются неравными и неполными.

Ключевые слова: Иран, внешняя политика, неоклассический реализм, стратегическая автономия, функциональная диверсификация, взгляд на Восток, Центральная Азия, Россия, Китай, ШОС, ЕАЭС

Information about the Authors:

Hanieh M. Farhadi — Independent Researcher, Tehran, Iran, e-mail: farzanefarhadi63@gmail.com, ORCID: 0009-0001-4433-6193.

Gulimov Amanlyk B. — Doctor of Legal Sciences, Associate Professor, Berdakh Karakalpak State University, Nukus, Republic of Uzbekistan. ORCID: 0000-0002-8735-5984.

Авторлар туралы мәлімет:

Хание М. Фархади — тәуелсіз зерттеуші, Тегеран, Иран, e-mail: farzanefarhadi63@gmail.com, ORCID: 0009-0001-4433-6193.

Гулимов Аманлык Б. — доктор юридических наук, доцент Каракалпакского государственного университета имени Бердаха, Нукус, Республика Узбекистан. ORCID: 0000-0002-8735-5984.

Сведение об авторах:

Хание М. Фархади — независимый исследователь, Тегеран, Иран, e-mail: farzanefarhadi63@gmail.com, ORCID: 0009-0001-4433-6193.

Гулимов Аманлық Б. — заң ғылымдарының докторы, Бердақ атындағы Қарақалпақ мемлекеттік университетінің доценті, Нүкіс, Өзбекстан Республикасы. ORCID: 0000-0002-8735-5984.

Received / Мақала түсті / Статья поступила: 09.07.2026.
Accepted / Жарияланға қабылданды / Принята к публикации: 28.09.2026.

УДК 327:502.51(282)
МРНТИ 11.25.40; 11.25.67
https://doi.org/10.48371/ISMO.2026.65.3.014

ПОЛИЦЕНТРИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ ТРАНСГРАНИЧНЫМИ ВОДАМИ: УРОКИ РЕЙНА И ДУНАЯ ДЛЯ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ АРХИТЕКТУРЫ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

*Апсаттарова Г.А.[1], Мұханов Ж.Е. [2]
*[1,2] Казахского национального университета имени аль-Фараби
Алматы, Казахстан

Аннотация. Статья исследует, каким образом институциональные механизмы управления трансграничными водами в бассейнах Рейна и Дуная могут быть использованы при совершенствовании водного сотрудничества в Центральной Азии без механического переноса европейских организационных моделей. Теоретическая рамка объединяет концепцию полицентрического управления и подход многоуровневого управления. Полицентричность операционализируется через наличие нескольких относительно автономных центров принятия решений, функциональное распределение компетенций, устойчивые горизонтальные и вертикальные связи, совместное производство информации и механизм обратной связи между региональными решениями и национальным исполнением. Исследование построено как качественное структурированное сравнение двух институционально зрелых, но различающихся бассейновых режимов. Переносимость механизмов оценивается по их совместимости с существующей архитектурой Центральной Азии, требованиям к суверенным полномочиям, зависимости от наднационального права и административной реализуемости. Показано, что наиболее переносимы постоянная экспертно-техническая координация, совместимый мониторинг, формализованные процедуры обмена данными и более четкая связь региональных решений с национальными исполнителями. Ограниченно переносимы механизмы, требующие существенной межсекторальной и правовой адаптации, тогда как элементы, непосредственно опирающиеся на наднациональную нормативную среду ЕС, имеют низкую применимость. Научная значимость работы состоит в переходе от сравнения организационных форм к анализу условий институциональной переносимости отдельных функций и процедур.

Ключевые слова: трансграничные воды, Центральная Азия, Рейн, Дунай, международное сотрудничество, бассейновые комиссии, водное управление, институциональная архитектура, мониторинг, региональная координация

Финансирование: Статья подготовлена в рамках реализации проекта грантового финансирования Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан AP26103599 «Вызовы и возможности регионального сотрудничества в области устойчивого управления водными ресурсами в Центральной Азии»

Введение

Трансграничные воды образуют единое физическое пространство, но управляются через несколько суверенных юрисдикций. Именно это несоответствие между гидрологической целостностью бассейна и политико-административной фрагментацией определяет основную институциональную проблему: решения о распределении воды, эксплуатации инфраструктуры, сельском хозяйстве, энергетике и экологической политике принимаются разными органами, тогда как последствия этих решений выходят за национальные границы. Поэтому эффективность сотрудничества зависит не только от наличия международного соглашения, но и от того, каким образом связаны между собой центры принятия решений, как распределены их функции и как обеспечивается исполнение согласованных мер.

В Центральной Азии эта проблема особенно выражена в бассейнах Амударьи и Сырдарьи. Государства верховьев заинтересованы в использовании водохранилищ для гидроэнергетики и сезонного регулирования, тогда как для значительной части Казахстана, Туркменистана и Узбекистана критичен летний режим подачи воды для орошаемого земледелия. После распада СССР единая административная система прекратила существование, однако гидрологическая и инфраструктурная взаимозависимость сохранилась. В результате прежняя внутрисистемная координация была заменена межгосударственным согласованием, в котором отраслевые интересы, национальные административные процедуры и различия политических приоритетов приобрели самостоятельное значение [1, с. 822-823].

При этом институциональная проблема региона не сводится к отсутствию механизмов сотрудничества. Соглашение от 18 февраля 1992 г. закрепило совместное управление, использование и охрану водных ресурсов межгосударственных источников и учредило Межгосударственную координационную водохозяйственную комиссию Центральной Азии на паритетной основе [2]. В дальнейшем сформировалась многоуровневая архитектура, включающая Международный фонд спасения Арала (МФСА), МКВК, бассейновые водохозяйственные организации «Амударья» и «Сырдарья», национальные ведомства, двусторонние комиссии и механизмы сотрудничества по отдельным водотокам.

Наличие нескольких институтов, однако, не тождественно полицентрическому управлению. Для последнего существенно, обладают ли отдельные центры реальной функциональной автономией, существуют

ли устойчивые каналы координации между ними, совместимы ли используемые данные и возвращается ли информация об исполнении решений на региональный уровень. Иначе институциональное многообразие может приводить не к взаимодополняемости, а к дублированию полномочий и разрыву ответственности. Именно поэтому в статье анализируется не количество организаций как таковых, а качество связей между политическим, бассейновым, экспертным, национальным и суббассейновым уровнями.

Рейн и Дунай выбраны не как нормативные образцы, а как два контрастных институционально зрелых режима. Рейн позволяет проследить длительную эволюцию сотрудничества и постепенное наращивание функций в рамках устойчивой институциональной основы; Дунай показывает работу более сложной многосторонней системы с большим числом участников, развитой экспертной специализацией и значительным влиянием права Европейского союза. Сопоставление этих кейсов позволяет отделить механизмы, устойчивость которых связана с общими принципами бассейновой координации, от механизмов, зависящих от специфической европейской нормативной среды.

Цель статьи состоит в выявлении тех институциональных механизмов Рейна и Дуная, которые функционально совместимы с существующей архитектурой трансграничного водного управления в Центральной Азии. В центре анализа находятся не формальные организационные модели, а распределение компетенций, подготовка решений, экспертно-техническая координация, мониторинг, обмен данными и национальная имплементация.

Исследовательский вопрос формулируется следующим образом: какие механизмы управления Рейном и Дунаем сохраняют функциональную ценность при переносе в центральноазиатскую среду и какие институциональные условия ограничивают такую адаптацию?

Гипотеза состоит в том, что для Центральной Азии наиболее применимы механизмы, не требующие передачи суверенных регулятивных полномочий и способные усиливать связи между уже существующими центрами управления: постоянная экспертная координация, совместимый мониторинг, согласованные процедуры обмена данными, функциональное разграничение ответственности и формализованная связь регионального решения с национальным исполнением. Напротив, механизмы, результативность которых непосредственно зависит от наднационального права и высокой степени административной унификации, обладают ограниченной либо низкой переносимостью.

Описание материалов и методов

В исследовании полицентрическое управление понимается не как простая множественность организаций, а как система нескольких относительно автономных центров принятия решений, которые действуют в пределах собственных компетенций, но регулярно координируют взаимозависимые задачи. В работах Элинор Остром устойчивость систем управления ресурсами общего пользования связывается с ясностью

правил, мониторингом, механизмами разрешения конфликтов и сочетанием нескольких организационных уровней [5, с. 88-102]. Для трансграничного бассейна это означает, что международная комиссия, национальные министерства, бассейновые структуры, экспертные группы и локальные механизмы могут выполнять разные функции, не образуя единой административной вертикали.

Подход многоуровневого управления позволяет уточнить институциональную структуру такой системы. Хуг и Маркс (Hooghe & Marks) различают территориальные юрисдикции общего назначения и специализированные органы, создаваемые для решения ограниченного круга задач [6, с. 236-239]. Применительно к водному управлению полицентричность фиксируется по пяти признакам: 1) наличие нескольких центров с разграниченными функциями; 2) отсутствие единого исполнительного центра над всем бассейном; 3) устойчивые вертикальные и горизонтальные каналы координации; 4) совместное производство или согласование информации; 5) обратная связь между принятием решения и его исполнением. Такая операционализация позволяет отличить функциональную полицентричность от простой институциональной фрагментации.

Исследование построено как качественное структурированное сравнение. Единицей анализа выступает не бассейновая организация в целом, а институциональный механизм — устойчивое правило, процедура или распределение функций, посредством которых обеспечивается координация. Рейн и Дунай сопоставляются по шести параметрам: международно-правовая основа; место и последовательность принятия решений; распределение компетенций между комиссиями и государствами; роль экспертных структур; мониторинг и обмен данными; связь регионального решения с национальной имплементацией. Центральноазиатская архитектура рассматривается по тем же параметрам, что позволяет оценивать не внешнее сходство организаций, а функциональную совместимость механизмов.

Переносимость оценивается по трем уровням на основе четырех критериев. Высокая применимость означает, что механизм может быть встроен в действующую архитектуру без передачи дополнительных суверенных полномочий, не зависит от наднационального права, имеет определимого национального или регионального исполнителя и не требует радикальной административной перестройки. Ограниченная применимость фиксируется, если механизм функционально полезен, но требует существенной межсекторальной, правовой или организационной адаптации. Низкая применимость относится к механизмам, эффективность которых определяется условиями, отсутствующими в Центральной Азии, прежде всего обязательным наднациональным регулированием. Такая схема используется как аналитическое правило, а не как нормативная шкала предпочтительности.

Результаты

Рейн: постепенная институционализация бассейнового сотрудничества

Рейнское сотрудничество складывалось постепенно и не было результатом единого институционального проекта. После Второй мировой войны центральной задачей стала борьба с загрязнением, позднее повестка расширилась за счет восстановления экосистем, предупреждения аварий, управления паводковыми рисками и маловодьем. Мостерт связывает улучшение качества воды не с деятельностью одного международного института, а с сочетанием национального регулирования, технологических изменений, общественного давления и межгосударственной координации [3, с. 142-149]. С точки зрения полицентричности принципиально именно это сочетание: результат формировался несколькими центрами воздействия, между которыми постепенно возникли устойчивые процедуры согласования.

Историческая эволюция Рейнского режима показывает также, что расширение функций не обязательно требовало создания новых организаций. По мере появления новых проблем государства чаще изменяли мандаты и инструменты уже действующих структур. Шифф (Schiff) связывает развитие режима с последовательной институциональной адаптацией к кризисам и новым экологическим требованиям [4, с. 279-294]. Это снижает значение формальной организационной новизны и, напротив, подчеркивает способность существующей архитектуры перераспределять задачи между политическим, экспертным и национальным уровнями.

Современная правовая основа закреплена Конвенцией по защите Рейна 1999 г., которая определяет цели устойчивого развития экосистемы, улучшения качества воды, предупреждения загрязнения и снижения рисков аварий и наводнений [7]. Международная комиссия по защите Рейна (ICPR) поддерживает бассейновую координацию, однако Конвенция не превращает ее в наднациональный орган, обладающий исключительной компетенцией в отношении внутреннего водопользования. Это разделение создает один из ключевых признаков полицентрической системы: общая рамка формируется совместно, тогда как значительная часть исполнительных инструментов остается у государств.

Процесс подготовки решений в ICPR устроен многоступенчато. Технические вопросы прорабатываются рабочими и экспертными группами, затем проходят стратегическое согласование и выносятся на пленарный уровень; секретариат в Кобленце обеспечивает организационную непрерывность, документооборот и сопровождение работы национальных делегаций [8]. Значение этой схемы состоит не в количестве органов, а в разделении стадий принятия решения. Техническая неопределенность сокращается до политического обсуждения, а национальные представители включены в выработку позиции до момента формального согласования.

Статья 8 Конвенции относит к задачам комиссии подготовку международных программ измерений и исследований, анализ результатов, разработку предложений, координацию действий и информирование сторон

[7]. Тем самым бассейновый уровень концентрируется на согласовании, совместном знании и программировании, тогда как реализация мер осуществляется через национальные правовые и административные инструменты. Такая функциональная специализация уменьшает конфликт между международной координацией и государственным суверенитетом, поскольку комиссия не подменяет внутренние органы управления.

Совместная информационная инфраструктура выступает самостоятельным элементом управления, а не вспомогательной технической функцией. Согласованные наблюдения за качеством воды, паводками, маловодьем и состоянием экосистем позволяют государствам обсуждать интерпретацию и меры, не возвращаясь каждый раз к спору о способах измерения исходных показателей. Мониторинг, таким образом, выполняет двойную функцию: снижает информационную неопределенность и создает обратную связь, позволяющую сопоставлять принятые решения с изменениями состояния бассейна.

При этом национальная имплементация остается необходимым звеном режима. Комиссия не исполняет каждую внутреннюю меру и не заменяет профильные министерства, региональные органы или операторов инфраструктуры. Эффективность возникает из связки между совместно выработанной бассейновой целью и способностью национальных органов преобразовать ее в административное действие. Именно эта связка, а не степень централизации комиссии, имеет ключевое значение для сравнения с Центральной Азией.

Рейнский опыт поэтому важен прежде всего, как пример функциональной полицентричности: специализированные центры сохраняют автономию, но действуют в устойчивой последовательности — производство данных, экспертная подготовка, политическое согласование, национальное исполнение и последующая оценка результатов. Для Центральной Азии наиболее переносимы именно эти процедуры, тогда как исторические и правовые условия, в которых они сформировались, воспроизвести невозможно.

Дунай: многосторонняя координация и роль Комиссии по Дунаю

Дунайский режим развивался в более сложной многосторонней среде. Большое число участников, неодинаковые административные системы и политические преобразования 1990-х годов повысили значение процедур, позволяющих отделять техническую подготовку от окончательного политического решения. Поэтому Дунай представляет интерес не как более централизованная модель, а как пример институциональной координации неоднородных участников в рамках постоянной структуры.

Договорной основой служит Конвенция о сотрудничестве по охране и устойчивому использованию реки Дунай, подписанная в Софии 29 июня 1994 г. Статья 18 учреждает Международную комиссию по защите реки Дунай (ICPDR) как постоянный механизм реализации Конвенции [9]. Как и в случае Рейна, правовая рамка не устраняет национальную компетенцию:

значительная часть практического исполнения остается за государствами, а комиссия обеспечивает согласование трансграничных задач.

Организационная структура ICPDR более разветвлена. Общие решения принимаются комиссией, Постоянная рабочая группа обеспечивает подготовку ключевых вопросов между заседаниями, специализированные экспертные и целевые группы формируют технические материалы, а секретариат в Вене поддерживает институциональную непрерывность [10]. Полицентрический эффект возникает здесь не из формального равенства всех органов, а из распределения стадий работы между политическими, административными и экспертными центрами, каждый из которых выполняет ограниченную функцию.

Высокая специализация экспертных групп позволяет не перегружать политический уровень вопросами, требующими профессиональной проработки. Речное бассейновое планирование, мониторинг, оценка состояния вод, защита от наводнений и загрязнение рассматриваются в специализированных форматах, после чего результаты включаются в общий процесс принятия решений. Тем самым институциональная архитектура снижает транзакционные издержки многостороннего согласования и делает техническую кооперацию менее зависимой от текущих политических колебаний.

Научная кооперация усиливает эту функцию. Блёш (Bloesch) показывает, что международные научные сети на Дунае имеют длительную историю и способствовали формированию общего знания о бассейне и профессиональных связей между странами [11, с. 116-122]. Однако их роль не следует переоценивать: экспертное сообщество не заменяет государственные органы и не принимает обязательных решений. Его значение состоит в поддержании общего когнитивного пространства, на основе которого административные и политические органы могут согласовывать меры.

Наиболее существенное отличие Дуная связано с правом Европейского союза. Рамочная водная директива усилила требования к бассейновому планированию и согласованию национальных действий, а ICPDR стала важной площадкой для координации трансграничной части этой работы. Именно здесь проходит предел прямой аналогии: наднациональный нормативный уровень создает обязательность и степень стандартизации, которых в Центральной Азии нет. Следовательно, организационное сходство с ICPDR без сходной правовой среды не обеспечило бы сопоставимого эффекта.

В то же время Дунайский режим нельзя сводить к институциональному продолжению политики ЕС. Конвенционная система, национальные делегации, Постоянная рабочая группа, экспертные структуры и секретариат образуют постоянный канал согласования между государствами [10]. Независимо от наднационального компонента здесь сохраняется переносимый процедурный элемент: последовательное разделение формирования национальной позиции, экспертной подготовки,

межгосударственного согласования и внутреннего исполнения.

Таким образом, Дунайский кейс дополняет Рейн по двум параметрам. Во-первых, он демонстрирует, как полицентрическая координация может поддерживаться при большем числе и большей неоднородности участников. Во-вторых, он позволяет отделить универсализируемые процедуры постоянной координации от институциональных преимуществ, создаваемых правом ЕС.

Сравнительный анализ институциональных механизмов Рейна и Дуная

Сопоставление Рейна и Дуная выявляет не единую организационную модель, а сходную функциональную логику. В обоих бассейнах отсутствует единая административная вертикаль, способная самостоятельно принимать и исполнять все решения. Международные договоры задают рамки, комиссии обеспечивают непрерывность координации, экспертные органы производят специализированное знание, а национальные структуры сохраняют значительную часть исполнительных полномочий. Полицентричность проявляется там, где эти центры не просто сосуществуют, а соединены устойчивыми процедурами обмена информацией, подготовки решений и обратной связи.

Таблица 1 - Сравнение институциональных механизмов Рейна и Дуная и их значения для Центральной Азии

Параметр	**Рейн**	**Дунай**	Оценка и условие применимости для Центральной Азии
Правовая основа	Конвенция 1999 г.	Конвенция 1994 г.	Ограниченная: ясная договорная рамка полезна, но новый всеобъемлющий договор не является предварительным условием процедурных реформ
Бассейновая комиссия	ICPR	ICPDR	Высокая для постоянной координации; низкая для прямого копирования организационной структуры
Экспертные группы	Развиты	Высоко специализированы	Высокая: при четком мандате, регулярности работы и процедуре передачи нерешенных вопросов
Совместный мониторинг	Системный	Системный	Высокая: при согласовании методик, форматов, сроков и процедур верификации данных
Национальная имплементация	Ключевая	Ключевая	Высокая: при закреплении национального исполнителя, сроков и обратной отчетности
Право ЕС	Значимо	Особенно значимо	Низкая непосредственная: отсутствует сопоставимый наднациональный нормативный уровень
Водно-энергетическая взаимозависимость	Менее выражена	Менее выражена, чем в ЦА	Ограниченная: требует самостоятельного межсекторального механизма водно-энергетической координации

Наиболее устойчивыми оказываются не формальные элементы организационной схемы, а повторяющиеся процедуры: регулярная подготовка документов между политическими заседаниями, постоянная работа профильных специалистов, согласованные способы измерения и фиксация ответственности за последующее исполнение. Именно эти процедуры превращают институциональную множественность в координированную систему. Без них наличие нескольких комиссий и рабочих органов означало бы лишь фрагментацию управления.

Совместный мониторинг выполняет в обеих системах роль инфраструктуры доверия. Его значение не ограничивается сбором данных: согласованные методики позволяют отделять спор о политических интересах от спора о достоверности исходной информации. При этом мониторинг имеет смысл только при наличии обратной связи с национальным исполнением, поскольку оценка состояния бассейна должна влиять на последующие решения и корректировку программ.

Между кейсами существуют и принципиальные различия. На Дунае современная координация значительно теснее связана с правом ЕС, тогда как многие элементы Рейнского режима сформировались до становления современной европейской водной политики. Это различие позволяет использовать два кейса как своеобразную проверку переносимости: если процедура функционирует в обоих бассейнах при неодинаковой нормативной среде, ее ценность для Центральной Азии выше; если же результат непосредственно зависит от наднациональной обязательности, переносимость снижается.

С этой точки зрения высокую применимость имеют экспертно-техническая координация, совместимый мониторинг, заранее определенная последовательность подготовки решений и формализованная связь с национальными исполнителями. Их внедрение не требует передачи комиссии исключительных властных полномочий. Ограниченной применимостью обладают механизмы, требующие глубокой межсекторальной координации или существенной перестройки правовых процедур. Низкая применимость характерна для элементов, опирающихся на обязательный наднациональный нормативный уровень.

Еще один общий вывод касается институционального развития. И на Рейне, и на Дунае новые задачи преимущественно встраивались в существующую архитектуру. Для Центральной Азии это имеет прямое значение: при наличии МФСА, МКВК, бассейновых организаций и двусторонних механизмов создание нового органа оправдано только тогда, когда соответствующая функция не может быть закреплена за уже действующей структурой. Иначе институциональное расширение увеличит число центров, но не обязательно повысит полицентрическую согласованность.

Поэтому сравнительный анализ должен учитывать административные механизмы низшего уровня видимости: сроки передачи данных, ответственных исполнителей, порядок подготовки документов,

регулярность заседаний, правила эскалации нерешенного вопроса и отчетность об исполнении. Именно по этим параметрам можно различать реально работающую институциональную связанность и формальное наличие международной структуры.

Центральная Азия: существующая институциональная архитектура и основные разрывы

После распада СССР государства Центральной Азии сохранили общие механизмы управления трансграничными водами. Соглашение 1992 г. закрепило принцип совместного управления и создало МКВК как постоянный межгосударственный механизм [2]. В институциональном отношении это означало сохранение отдельного центра бассейновой координации после исчезновения единой союзной административной системы.

МКВК включает бассейновые водохозяйственные организации «Амударья» и «Сырдарья», Научно-информационный центр, Секретариат и Координационный метрологический центр [12]. Такая структура уже содержит признаки функциональной специализации: бассейновые организации решают операционные задачи, информационные и научные функции вынесены в отдельные подразделения, а политико-стратегическое согласование осуществляется на других уровнях. Следовательно, основной дефицит региона заключается не в отсутствии центров принятия решений, а в неодинаковом качестве связей между ними.

Исторически эта архитектура унаследовала значительную часть советской технической инфраструктуры, но утратила единый политико-административный центр. Джанибеков, Ван Асше и Валентинов (Djanibekov, Van Assche & Valentinov) показывают, что национализация политической ответственности изменила прежнюю функциональную взаимозависимость и усложнила координацию [1, с. 822-823]. В результате возникла смешанная система: бассейновая логика частично сохраняется в техническом управлении, тогда как стратегические решения, финансирование и отраслевые приоритеты определяются национальными правительствами.

Наиболее заметный разрыв проходит между водным и энергетическим управлением. Водохозяйственные органы способны согласовать режим использования воды, но эксплуатация гидроэнергетических объектов зависит от энергетической политики государств. Интересы зимней генерации в верховьях и летнего орошения ниже по течению не могут быть сведены к одной отраслевой задаче. С позиции полицентрического управления это означает отсутствие достаточно устойчивого межсекторального канала между двумя самостоятельными центрами принятия решений.

Второй разрыв возникает между региональным решением и национальным исполнением. Согласованный режим приобретает практический смысл только после того, как преобразован в действия конкретного министерства, оператора инфраструктуры, гидрометеорологической службы или местного органа. Если исполнитель,

срок и форма отчетности не определены, ответственность размывается между уровнями. Здесь проблема связана не с недостатком полномочий региональной структуры как таковой, а с неполнотой механизма обратной связи.

Третий разрыв связан с информацией. Распределение воды и режимы регулирования требуют сопоставимых данных о стоке, водозаборах, водохранилищах, прогнозах и состоянии инфраструктуры. Различия методик, задержки обмена и недоверие к показателям превращают техническую неопределенность в политический ресурс. Поэтому согласование форматов данных, процедур верификации и сроков передачи информации следует рассматривать не как обслуживающую функцию, а как часть институциональной архитектуры управления.

Полицентрическая логика предполагает также соответствие масштаба решения масштабу проблемы. Холматов, Лаутце и Казбеков (Holmatov, Lautze & Kazbekov) показывают, что на отдельных притоках Сырдарьи практическое сотрудничество развивалось на суббассейновом уровне, где круг участников и содержание обязательств легче определить [13, с. 891-892]. Такие механизмы не являются альтернативой региональным институтам; они позволяют решать локализованные задачи без неоправданного переноса каждого вопроса на уровень пяти государств.

В результате региональный уровень необходим для стратегических правил и проблем, затрагивающих несколько государств; бассейновый — для операционного режима крупных рек; двусторонний и суббассейновый — для локализованных трансграничных задач; национальный — для внутреннего регулирования и исполнения. Проблема состоит не в выборе единственного «правильного» уровня, а в определении границ компетенций и каналов передачи вопросов между ними.

Формальное равенство участников не устраняет асимметрию возможностей. Географическое положение, контроль над инфраструктурой и способность влиять на режим стока формируют неодинаковые переговорные позиции. Вегерих (Wegerich) показывает на материале Амударьи, что распределение материальных и политических ресурсов воздействует на водные отношения наряду с договорными правилами [14, с. 71-88]. Следовательно, полицентричность не следует отождествлять с симметрией: автономные центры могут обладать различной ресурсной способностью, что должно учитываться при проектировании процедур координации.

Дополнительное ограничение связано с институциональной инерцией. По наблюдению Зеринг (Sehring), постсоветские формальные реформы часто сосуществуют с прежними административными практиками, а изменения происходят через постепенную адаптацию [15, с. 61-81]. Это снижает реалистичность проектов радикальной перестройки и одновременно повышает значение процедурных изменений, которые можно встроить в уже действующие институты.

Центральная Азия уже обладает многими структурными предпосылками полицентрического управления, но они не образуют одинаково плотной сети координации. Наиболее существенные дефициты сосредоточены в трех связях: вода и энергетика, региональное решение и национальное исполнение, национальные данные и совместимая информационная база. Именно эти связи становятся объектом оценки при переносе европейских механизмов.

Обсуждение

Возможности применения опыта Рейна и Дуная в Центральной Азии

Результаты сравнения позволяют ранжировать механизмы не по степени их «европейскости», а по институциональным требованиям к адаптации. К механизмам высокой применимости относятся прежде всего постоянная экспертно-техническая координация и многоступенчатая подготовка решений. Они не требуют наднационального органа и могут быть встроены в существующую систему при условии четкого мандата рабочих групп, регулярности заседаний, перечня предоставляемых данных и процедуры передачи нерешенного вопроса на более высокий уровень.

Совместимый мониторинг также имеет высокую применимость, если понимать его не как создание единой региональной службы, а как согласование ключевых методик, форматов, сроков и процедур проверки данных. Такой механизм сохраняет национальные системы наблюдения, но уменьшает информационную несопоставимость. Его эффект можно оценивать по своевременности обмена, доле показателей, получаемых по согласованной методике, и возможности совместной верификации критически важных данных.

Функциональное разграничение между МФСА, МКВК, бассейновыми организациями, двусторонними механизмами и национальными органами также обладает высокой потенциальной применимостью, но требует не новой формальной иерархии, а уточнения процедур. Для каждого типа решения должны быть определены центр подготовки, уровень утверждения, национальный исполнитель и канал возврата информации. Такой подход позволяет уменьшить дублирование без перераспределения суверенных полномочий.

Связь регионального решения с национальной имплементацией следует рассматривать как отдельный институциональный механизм. Практическая операционализация может включать обязательное указание национального исполнителя, сроков, формы отчетности и данных, подтверждающих выполнение. Начинать целесообразно с решений, где результат легко проверяем во времени, например, сезонных режимов или процедур реагирования на маловодье. В этом случае оценка реформы опирается не на создание структуры, а на наблюдаемое качество исполнения.

Правовая унификация имеет ограниченную применимость. Дополнительные региональные нормы способны повысить предсказуемость, однако новый всеобъемлющий договор неизбежно затрагивает вопросы

суверенитета, обязательности решений и перераспределения компетенций. Поэтому сравнительный материал не подтверждает, что правовая централизация должна предшествовать процедурным реформам. Для Центральной Азии более реалистична последовательная настройка мониторинга, технических консультаций, кризисных процедур и механизмов исполнения в рамках существующей договорной основы.

Низкую непосредственную применимость имеет наднациональный нормативный компонент европейского управления. В Центральной Азии отсутствует общий законодательный уровень, сопоставимый с правом ЕС, а потому формальное воспроизведение организационной схемы Дуная не создало бы аналогичной обязательности. Отдельной адаптации требует и водно-энергетическая взаимозависимость: европейские кейсы дают ограниченные ориентиры для ситуации, где сезонный режим водохранилищ непосредственно соединяет производство электроэнергии и орошаемое земледелие.

Межсекторальную координацию следует поэтому отнести к механизмам ограниченной применимости: сама необходимость такого механизма очевидна, но его институциональная форма не может быть непосредственно заимствована. Возможны регулярные рабочие форматы или обязательное участие представителей энергетического сектора при подготовке отдельных решений МКВК. Критерием результативности здесь будет не название нового органа, а наличие устойчивого канала совместной подготовки сезонных решений и взаимно доступных данных.

В совокупности результаты поддерживают стратегию селективной институциональной адаптации. Ее смысл состоит в том, что переносится не готовая организационная модель, а отдельная функция или процедура, если она совместима с существующим распределением полномочий и позволяет усилить связь между автономными центрами управления. Такой подход отличается как от институционального копирования, так и от сохранения status quo, который предполагает проверяемые изменения внутри уже сложившейся архитектуры.

Практическая проверка может строиться поэтапно. Совместимость данных оценивается по соблюдению согласованных форматов и сроков; работа экспертных групп, по числу совместно подготовленных решений и доле вопросов, урегулированных до политической эскалации; национальная имплементация по наличию определенного исполнителя и своевременной отчетности; межсекторальная координация по совместной подготовке сезонных решений водными и энергетическими органами. Такие индикаторы переводят дискуссию об институциональной реформе из нормативной плоскости в область наблюдаемых результатов.

Заключение

Сравнение Рейна и Дуная показывает, что устойчивое трансграничное управление не требует концентрации всех функций в одном центре. В обоих бассейнах результат обеспечивается разделением задач между

международными комиссиями, экспертными структурами и национальными органами при наличии устойчивых процедур координации, совместимой информационной основы и обратной связи. Именно эта связность превращает множественность институтов в полицентрическую систему.

Гипотеза исследования в целом подтверждается. Наиболее переносимы для Центральной Азии механизмы, которые усиливают взаимодействие уже существующих центров без передачи им новых исключительных полномочий: постоянная экспертная работа, согласованный мониторинг, формализованная подготовка решений, разграничение ответственности и национальная отчетность об исполнении. Их применимость определяется не сходством организационных форм с Рейном или Дунаем, а совместимостью с действующей региональной архитектурой.

Одновременно выявлены два существенных ограничения. Во-первых, наднациональная нормативная среда ЕС не имеет прямого аналога в Центральной Азии и потому не может рассматриваться как переносимый компонент Дунайского режима. Во-вторых, региональная водно-энергетическая взаимозависимость требует отдельной межсекторальной настройки, для которой европейские бассейны дают лишь частичный ориентир. Эти ограничения исключают механическое копирование и задают пределы сравнительного вывода.

Научный результат исследования состоит в предложении селективной модели институциональной адаптации: механизм оценивается по его совместимости с существующими центрами управления, зависимости от наднационального права, требованиям к суверенным полномочиям и административной реализуемости. В этой логике приоритетом становится не создание новых организаций, а повышение плотности и проверяемости связей между действующими уровнями. Дальнейшие исследования могут проверить предложенные критерии на отдельных суббассейнах Амударьи и Сырдарьи и сопоставить институциональные изменения с измеримыми показателями исполнения и обмена данными.

ЛИТЕРАТУРА

[1] Djanibekov N., Van Assche K., Valentinov V. Water governance in Central Asia: A Luhmannian perspective // Society & Natural Resources. - 2016. - Vol. 29, No. 7. - P. 822-835. - DOI: 10.1080/08941920.2015.1086460.

[2] Agreement between the Republic of Kazakhstan, the Kyrgyz Republic, the Republic of Tajikistan, Turkmenistan and the Republic of Uzbekistan on Cooperation in the Field of Joint Management of the Use and Protection of Water Resources from Interstate Sources. Almaty, 18 February 1992 [Electronic resource]. - URL: https://www.icwc-aral.uz/statute1.htm (accessed: 15.08.2026).

[3] Mostert E. International co-operation on Rhine water quality 1945-2008: An example to follow? // Physics and Chemistry of the Earth. - 2009. - Vol. 34, No. 3. - P. 142-149. - DOI: 10.1016/j.pce.2008.06.007.

[4] Schiff J.S. The evolution of Rhine river governance: Historical lessons for modern transboundary water management // Water History. - 2017. - Vol. 9, No. 3. - P. 279-294. - DOI: 10.1007/s12685-017-0192-3.

[5] Ostrom E. Governing the Commons: The Evolution of Institutions for Collective Action. - Cambridge: Cambridge University Press, 1990. - DOI: 10.1017/CBO9780511807763.

[6] Hooghe L., Marks G. Unraveling the central state, but how? Types of multi-level governance // American Political Science Review. - 2003. - Vol. 97, No. 2. - P. 233-243. - DOI: 10.1017/S0003055403000649.

[7] Convention on the Protection of the Rhine. Bern, 12 April 1999 [Electronic resource]. - URL: https://www.iksr.org/en/icpr/legal-basis/convention (accessed: 15.08.2026).

[8] International Commission for the Protection of the Rhine. Organisation [Electronic resource]. - URL: https://www.iksr.org/en/icpr/about-us/organisation (accessed: 15.08.2026).

[9] Convention on Cooperation for the Protection and Sustainable Use of the Danube River (Danube River Protection Convention). Sofia, 29 June 1994 [Electronic resource]. - URL: https://www.icpdr.org/about-icpdr/framework/convention (accessed: 15.08.2026).

[10] International Commission for the Protection of the Danube River. About Us: Constituent Bodies of the ICPDR [Electronic resource]. - URL: https://www.icpdr.org/about-icpdr/framework/about-us (accessed: 15.08.2026).

[11] Bloesch J. The International Association for Danube Research (IAD)-portrait of a transboundary scientific NGO // Environmental Science and Pollution Research. - 2009. - Vol. 16, Suppl. 1. - P. 116-122. - DOI: 10.1007/s11356-009-0151-3.

[12] Interstate Commission for Water Coordination of Central Asia. Structure of ICWC [Electronic resource]. - URL: https://www.icwc-aral.uz/activity2.htm (accessed: 15.08.2026).

[13] Holmatov B., Lautze J., Kazbekov J. Tributary-level transboundary water law in the Syr Darya: Overlooked stories of practical water cooperation // International Environmental Agreements: Politics, Law and Economics. - 2016. - Vol. 16, No. 6. - P. 873-907. - DOI: 10.1007/s10784-015-9308-3.

[14] Wegerich K. Hydro-hegemony in the Amu Darya Basin // Water Policy. - 2008. - Vol. 10, Suppl. 2. - P. 71-88. - DOI: 10.2166/wp.2008.208.

[15] Sehring J. Path dependencies and institutional bricolage in post-Soviet water governance // Water Alternatives. - 2009. - Vol. 2, No. 1. - P. 61-81 [Electronic resource]. - URL: https://www.water-alternatives.org/index.php/alldoc/articles/vol2/v2issue1/36-a2-1-5 (accessed: 15.08.2026).

ТРАНСШЕКАРАЛЫҚ СУЛАРДЫ ПОЛИЦЕНТРЛІК БАСҚАРУ: ОРТАЛЫҚ АЗИЯНЫҢ ИНСТИТУЦИОНАЛДЫҚ АРХИТЕКТУРАСЫ ҮШІН РЕЙН МЕН ДУНАЙ ТӘЖІРИБЕСІ

*Апсаттарова Г.А.[1], Мұханов Ж.Е.[2]
*[1,2] әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті
Алматы, Қазақстан

Аңдатпа. Мақала Рейн мен Дунай бассейндеріндегі трансшекаралық су басқару тетіктерін еуропалық ұйымдық модельдерді механикалық түрде көшірмей, Орталық Азиядағы су ынтымақтастығын жетілдіру үшін қалай пайдалануға болатынын зерттейді. Теориялық негіз полицентрлік басқару тұжырымдамасын және көпдеңгейлі басқару тәсілін біріктіреді. Полицентрлік басқару бірнеше салыстырмалы дербес шешім қабылдау орталықтарының болуы, өкілеттіктердің функционалдық бөлінуі, тұрақты көлденең және тік байланыстар, ақпаратты бірлесіп өндіру және өңірлік шешімдер мен ұлттық деңгейдегі орындау арасындағы кері байланыс арқылы өлшенеді. Зерттеу институционалдық тұрғыдан жетілген, бірақ бір-бірінен ерекшеленетін екі бассейндік режимді сапалық құрылымданған салыстыруға негізделген. Тетіктердің Орталық Азияға бейімделу мүмкіндігі олардың қолданыстағы өңірлік архитектурамен үйлесімділігі, егемен өкілеттіктерді беру қажеттілігі, надұлттық құқыққа тәуелділігі және әкімшілік іске асырылуы бойынша бағаланады. Нәтижелер тұрақты сараптамалық-техникалық үйлестіру, үйлесімді мониторинг, деректер алмасудың формалданған рәсімдері және өңірлік шешімдерді ұлттық орындаушылармен нақты байланыстыру ең жоғары қолданбалы әлеуетке ие екенін көрсетеді. Надұлттық нормативтік ортаға тікелей тәуелді элементтердің қолданылуы төмен. Зерттеудің ғылыми маңызы ұйымдық нысандарды салыстырудан жекелеген функциялар мен рәсімдердің институционалдық бейімделу шарттарын талдауға көшуімен айқындалады.

Тірек сөздер: трансшекаралық сулар, Орталық Азия, Рейн, Дунай, халықаралық ынтымақтастық, бассейндік комиссиялар, су ресурстарын басқару, институционалдық архитектура, мониторинг, өңірлік үйлестіру.

Қаржыландыру: Мақала Қазақстан Республикасы Ғылым және жоғары білім министрлігінің гранттық қаржыландыру жобасын іске асыру аясында дайындалды: AP26103599 «Орталық Азиядағы су ресурстарын тұрақты басқару саласындағы өңірлік ынтымақтастықтың сын-қатерлері мен мүмкіндіктері».

POLYCENTRIC TRANSBOUNDARY WATER GOVERNANCE: LESSONS FROM THE RHINE AND DANUBE FOR CENTRAL ASIA'S INSTITUTIONAL ARCHITECTURE

*Apsattarova G.[1], Mukhanov Zh.[2]
*[1,2] Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan

Abstract. The article examines how institutional mechanisms of transboundary water governance in the Rhine and Danube basins can inform

improvements in Central Asian water cooperation without mechanically transplanting European organizational models. The theoretical framework combines polycentric governance with multi-level governance. Polycentricity is operationalized through the presence of multiple relatively autonomous decision centres, functional differentiation of competences, stable vertical and horizontal coordination, joint production of information, and feedback between regional decisions and national implementation. The study uses a qualitative structured comparison of two institutionally mature but distinct basin regimes. Transferability is assessed according to compatibility with Central Asia's existing institutional architecture, requirements for sovereign authority, dependence on supranational law, and administrative feasibility. The analysis finds high transferability for permanent expert and technical coordination, compatible monitoring, formalized data-exchange procedures, and clearer links between regional decisions and national implementers. Mechanisms requiring substantial cross-sectoral or legal adaptation have limited transferability, while elements directly dependent on the EU's supranational legal environment have low applicability. The study's scientific contribution lies in shifting the comparison from organizational forms to the conditions under which specific institutional functions and procedures can be selectively adapted.

Keywords: transboundary waters, Central Asia, Rhine, Danube, international cooperation, river basin commissions, water governance, institutional architecture, monitoring, regional coordination

Funding: The article was prepared within the framework of the grant-funded project of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan, AP26103599, "Challenges and Opportunities for Regional Cooperation in Sustainable Water Resources Management in Central Asia."

Информация об авторах:

Апсаттарова Гулзада Абдусагатовна - старший преподаватель кафедры международных отношений и мировой экономики Казахского национального университета имени аль-Фараби, Алматы, Казахстан; e-mail: Apsattarova.Gulzada@kaznu.kz; ORCID: https://orcid.org/0000-0001-6004-1574.

Мұханов Жәнібек Еркінбекұлы - докторант кафедры международных отношений и мировой экономики Казахского национального университета имени аль-Фараби, Алматы, Казахстан; e-mail: muqanov01@gmail.com; ORCID: https://orcid.org/0009-0000-1062-3082.

***Авторлар туралы мәлімет**:*

Апсаттарова Гулзада Абдусагатовна - әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университетінің халықаралық қатынастар және әлемдік экономика кафедрасының аға оқытушысы, Алматы, Қазақстан; e-mail: Apsattarova. Gulzada@kaznu.kz; ORCID: https://orcid.org/0000-0001-6004-1574.

Мұханов Жәнібек Еркінбекұлы - Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық

университетінің халықаралық қатынастар және әлемдік экономика кафедрасының докторанты, Алматы, Қазақстан; e-mail: muqanov01@gmail.com; ORCID: https://orcid.org/0009-0000-1062-3082.

Information about the authors:

Gulzada Apsattarova - Senior Lecturer at the Department of International Relations and World Economy, Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan; e-mail: Apsattarova.Gulzada@kaznu.kz; ORCID: https://orcid.org/0000-0001-6004-1574.

Zhanibek Mukhanov - PhD student at the Department of International Relations and World Economy, Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan; e-mail: muqanov01@gmail.com; ORCID: https://orcid.org/0009-0000-1062-3082.

Статья поступила / Мақала түсті / Received: 27.07.2026.
Принята к публикации / Жариялауға қабылданды / Accepted: 28.09.2026

ӘОЖ 327
ҒТАМР 11.25.91
https://doi.org/10.48371/ISMO.2026.65.3.015

ҚАЗАҚСТАН-ҚЫТАЙ СТРАТЕГИЯЛЫҚ ӘРІПТЕСТІГІ ҚҰРЫЛЫМЫНДАҒЫ ШЫҢЖАҢ: ИНСТИТУЦИОНАЛДЫҚ КЕДЕРГІЛЕР ЖӘНЕ КООПЕРАЦИЯ ДРАЙВЕРЛЕРІ

Карымсакова Д.Ә. [1], *Батырбаев Қ.М. [2]
[1,*2] Астана Халықаралық университеті, Астана, Қазақстан

Аңдатпа. Мақалада Қазақстан Республикасы мен Қытай Халық Республикасы арасындағы стратегиялық әріптестік жүйесіндегі Шыңжаң-Ұйғыр автономиялық ауданының (ШҰАА) көпөлшемді рөлі зерделенеді. Зерттеудің мақсаты ШҰАА-ның екіжақты қатынастарға ықпал ететін негізгі сауда-экономикалық драйверлері мен құрылымдық институционалдық шектеулерін анықтау және олардың өзара байланысын кешенді бағалауға бағытталған. Мақаланың теориялық негізін Р. Кеохейн мен Дж. Найдың кешенді өзара тәуелділік теориясы, институционалдық және салыстырмалы талдау, сондай-ақ көпфакторлы форсайт әдістері құрайды. Зерттеу барысында ШҰАА-ның Жібек жолы экономикалық белдеуіндегі және Транскаспий халықаралық көлік маршрутындағы инфрақұрылымдық маңызы айқындалып, «Қорғас – Шығыс қақпасы» АЭА мен «Қорғас» ХШЫО-ның институционалдық дизайны, Қытайдың эксперименттік еркін сауда аймағының іске қосылу салдары және аграрлық өнім экспортындағы фитосанитарлық кедергілер талданды. Сонымен қатар, этногуманитарлық саладағы «тыныш дипломатия» тетіктерінің тиімділігі мен Іле және Қара Ертіс трансшекаралық өзендері бассейндеріндегі Шыңжаң өндірістік-құрылыс корпусының су алуды қарқындатуынан туындаған гидросаяси мәселелер негізделді. Зерттеу нәтижесінде ШҰАА-ның екіжақты қатынастардағы құрылымдық амбиваленттілігі дәлелденді, яғни бұл өңір экономикалық интеграцияны жеделдетумен қатар, терең асимметрия жағдайында ұзақ мерзімді тәуекелдерді де қалыптастырады. Жұмыстың практикалық маңыздылығы Қазақстанның мемлекеттік органдары үшін су дипломатиясы мен логистикалық саясатты жетілдіруге бағытталған ұсынымдардың әзірленуімен, сондай-ақ екіжақты субөңірлік ынтымақтастықтың 2035 жылға дейінгі үш ықтимал даму сценарийінің («Прагматикалық конвергенция», «Институционалдық серпіліс», «Шиеленісті теңгерімдеу») ұсынылуымен айқындалады.

Тірек сөздер: Қазақстан, ҚХР, Шыңжаң (ШҰАА), кешенді өзара тәуелділік, трансшекаралық өзендер, гидросаясат, қандастар, Орта дәліз (ТХКМ), «Қорғас» АЭА, институционалдық дизайн, асимметриялық әріптестік, секьюритизация

Кіріспе

Қазіргі кезеңдегі Қазақстан Республикасы (ҚР) мен Қытай Халық Республикасы (ҚХР) арасындағы екіжақты қатынастардың архитектурасы «мәңгілік жан-жақты стратегиялық әріптестік» тұжырымдамасына негізделеді, оның қазіргі мазмұны мен негізгі бағыттары 2023 жылғы Қазақстан Республикасы мен Қытай Халық Республикасының бірлескен мәлімдемесінде нақтыланған [1]. Осы координаттар жүйесінде Шыңжаң-Ұйғыр автономиялық ауданы (ШҰАА) ерекше орын алады, өйткені ол ҚХР-дың аумағы 1,66 млн шаршы км және халқы шамамен 26 млн адамды құрайтын әкімшілік-аумақтық бірлігі бола отырып, ол бір мезгілде бірегей геоэкономикалық және геосаяси интерфейс, яғни екі мемлекеттің ұлттық мүдделері, шаруашылық жүйелері және қауіпсіздік күн тәртіптері тоғысатын аймақ ретінде қызмет етеді [2].

Қазақстан-Қытай мемлекеттік шекарасының ұзындығы 1782,75 км құрайды, оның басым бөлігі дәл осы ШҰАА-мен шектеседі. Екі негізгі халықаралық шекаралық өткел, ол Достық-Алашанькоу және Алтынкөл-Қорғас арқылы 2024 жылы, ҚР ҚМ Мемлекеттік кірістер комитетінің деректері бойынша, екі жақты тауар айналымының шамамен 47% өткен. ҚР мен ҚХР арасындағы өзара сауданың жалпы көлемі 2025 жылға қарай жаңа тарихи максимумға жетіп, ҚР ҚМ Мемлекеттік кірістер комитетінің деректері бойынша 41 млрд АҚШ долларынан асты, ал Қытай Бас кеден басқармасының айна деректері бойынша 43,9 млрд АҚШ долларына жетті. Осы тұрғыда ШҰАА тек шекара маңындағы ғана емес, сонымен бірге Транскаспий халықаралық көлік маршруты (ТХКМ / Орта дәліз) аясындағы аса маңызды транзиттік жүк ағынын да қалыптастырады және Қытайдың Орталық Азияға шығатын басты құрлықтық қақпасы ретінде әрекет етеді. Осылайша, Шыңжаң екі экономиканың материалдық байланыстылығын және Қазақстанның еуропалық нарықтар бағытындағы транзиттік әлеуетін қамтамасыз ететін инфрақұрылымдық өзек болып табылады.

Сонымен бірге ШҰАА құрылымдық тәуекелдер шоғырланған аймақ болып саналады. Қазақ диаспорасының жағдайымен байланысты этногуманитарлық мәселе, бағалау бойынша 1,4 - 1,6 млн адам, 2017 жылдан кейін ШҰАА-дағы «қайта тәрбиелеу» саясаты контексінде күрт шиеленісіп, Шыңжаңда туыстары бар қазақстандық азаматтардың мүдделеріне әсер етті [3]. Іле және Қара Ертіс трансшекаралық өзендері бассейндеріндегі су ресурстары тапшылығының күшеюі, Қытай тарапындағы аграрлық және өнеркәсіптік су алудың қарқынануымен ұштаса отырып, Қазақстан экожүйелерінің, атап айтқанда, Балқаш көлі мен Ертіс-Қарағанды каналының гидрологиялық тұрақтылығына қауіп төндіреді [4]. Қазақстанның Қытай нарықтарына, инвестицияларына және кредиттік ресурстарына экономикалық тәуелділігі ҚХР-дың Қазақстанға тәуелділігінен едәуір жоғары болатын асимметриялық әріптестік Астананың күн тәртібіндегі сезімтал тақырыптық блоктар бойынша келіссөз жүргізу әлеуетін іс жүзінде шектейді [5].

Осы зерттеудің өзектілігі үш фактормен айқындалады. Біріншіден, бұл 2022 жылғы ақпаннан кейін ШҰАА-дың транзиттік рөлінің сапалық өзгеруімен байланысты, атап айтқанда, Ресейге қарсы батыстық санкциялардың енгізілуі Еуразиялық жүк ағындарының бір бөлігін Орта дәлізге түбегейлі қайта бағыттап, Шыңжаңның және қазақстандық көлік дәліздерінің геоэкономикалық маңызын арттырды. ҚР Көлік министрлігі мен Ұлттық экспедиторлар қауымдастығының деректері бойынша, 2024 жылдың қорытындысында ТХКМ бойынша жүк тасымалының көлемі рекордтық 4,2 млн тоннадан асты, ал контейнерлік транзит бірнеше есе өсіп, 56,5 мың ЖФЭ-ге (TEU) жетті [6]. Сонымен қатар, жоғары динамикаға қарамастан, Орта дәліз әзірге қосалқы бағдар мәртебесін сақтап отыр және еуразиялық контейнер ағынының негізгі үлесі әлі де Солтүстік дәлізге, яғни РФ және Беларусь Республикасы арқылы өтетін бағытқа тиесілі. Екіншіден, климаттық өзгерістер мен ШҰАА-дағы суармалы жерлердің кеңеюі аясында су ресурстары бойынша қарсы тұрудың шиеленісуімен байланысты. Үшіншіден, этногуманитарлық салада шешілмеген мәселелердің сындарлы массасының жиналуымен және Қазақстан азаматтық қоғамының қандастар мен трансшекаралық байланыстары бар тұлғалар мәселесі бойынша нақты мемлекеттік ұстанымға сұранысының артуымен байланысты.

Әдеби шолу

Қазақстандық тарихнамада Шыңжаң факторын зерттеу негізінен ҚР-ҚХР екіжақты қатынастарына арналған кең ауқымды зерттеулер шеңберінде дамыды. К.Л. Сыроежкиннің еңбектері Шыңжаңдағы қазақтардың этнотарихи дамуын, 1930-1950 жылдардағы және 1990-жылдардағы көші-қон үдерістерін, сондай-ақ Қытайдың Орталық Азиядағы геосаяси стратегиясын талдауға арналған [7]. Ал Шыңжаңның қазіргі кезеңдегі экономикалық трансформациясы, «Бір белдеу, бір жол» бастамасындағы орны және Қазақстанмен шекара маңындағы ынтымақтастықтың жаңа бағыттары Е.Л. Нечаева мен С.Б. Кожированың зерттеуінде жан-жақты қарастырылған [8]. Б.К. Сұлтанов бірқатар еңбектерінде бұл мәселені Қазақстанның Қытай ықпалының өсуіне стратегиялық бейімделуі тұрғысынан қарастырып, өзара іс-қимылдың институционалдық форматтарына және Астананың теңгерімдік дипломатиясына назар аударады [5]. С.Б. Кожирова еңбегінде Шыңжаң-Ұйғыр автономиялық ауданының этностық құрамы, тілдік ахуалы және ұлттық саясаттың өңірлік ерекшеліктері жан-жақты талданып, олардың өңірдің қоғамдық-саяси дамуына ықпалы көрсетілген [9].

Батыстық академиялық әдебиет Шыңжаңға айтарлықтай назар аударғанымен, оны көбіне қауіпсіздендіру тұрғысынан қарастырды. Бұл дегеніміз Пекиннің өңірді басқаруды қауіпсіздікке негізделген төтенше режимге көшіру процесі [10]. Қазақстандық өлшемге қатысты алғанда, батыстық зерттеушілердің қауіпсіздендіру саясаты мен трансшекаралық гуманитарлық салдарлар арасындағы тікелей байланысты тіркеуі принципті түрде маңызды. Бұл жағдай отбасылардың мемлекеттік шекара мен цифрлық бақылау жүйесі арқылы бөлініп қалуынан, сондай-ақ этникалық қазақ болып табылатын ҚР азаматтарының ШҰАА-дағы туыстарына барған

кезде жиі қысымға ұшырауынан көрініс тапты. Мұндай жағдайлардың эмпирикалық құжаттамасы Human Rights Watch ұйымының 2019-2022 жылдардағы баяндамаларында және Оксфорд университеті жанындағы Шыңжаң құжаттама тобының жарияланымдарында берілген [3].

Қытай академиялық әдебиетінде Шыңжаң-Ұйғыр автономиялық ауданының (ШҰАА) дамуы көбіне әлеуметтік-экономикалық жаңғырту, цифрлық трансформация, инфрақұрылымдық даму және өңірлік экономикалық өсуді қамтамасыз ету тұрғысынан қарастырылады. Мұндай зерттеулерде өңірдің экономикалық әлеуетін арттыру, инновациялық даму тетіктері мен мемлекеттік саясаттың тиімділігіне басым назар аударылады [11]. Сонымен қатар батыстық және қытайлық зерттеулердің әдіснамалық ұстанымдары мен зерттеу басымдықтары едәуір ерекшеленеді, сондықтан ШҰАА мәселесін талдау кезінде әртүрлі ғылыми мектептердің тұжырымдарын салыстыра отырып, бастапқы дереккөздерге сыни тұрғыдан қарау қажет.

Гидросаяси өлшемде Орталық Азия мен Батыс Қытайдың трансшекаралық су ағындарына арналған П. Гленн мен М. Нордбергтің зерттеулері негізгі референттік еңбектер болып табылады. Бұл авторлар Қытай стратегиясына қатысты «гидрогегемония» ұғымын енгізеді, яғни бұл ұғымға сәйкес, көпжақты келісімдердің болмауы және сонымен бір мезгілде өзендердің жоғарғы ағысында су алу инфрақұрылымының күшеюі Пекин үшін құрылымдық артықшылық қалыптастырады [12]. Аталған тұжырымдамалық аппарат Іле және Қара Ертіс өзендерінің нақты кейстерін талдаудың теориялық негізін құрайды.

Осылайша, қолданыстағы әдебиет Шыңжаң кейсінің жекелеген қырларын қамтиды, алайда бірыңғай теориялық құралдарды қолдана отырып және асимметрия жағдайында олардың шектеулерін верификациялай отырып жүргізілетін кешенді субөңірлік талдау әлі де зерттеудегі олқылық болып қалып отыр. Осы зерттеу дәл осы олқылықтың орнын толтыруға бағытталған.

Материалдар мен әдістер сипаттамасы

Зерттеудің әдіснамалық негізін Р. Кеохейн мен Дж. Найдың «Power and Interdependence» атты классикалық еңбегінде әзірленген кешенді өзара тәуелділік теориясы құрайды. Бұл теория жоғары өзара тәуелділік жағдайында мемлекеттер өзара іс-қимылдың көптеген арналары арқылы, айталық, үкіметаралық, трансұлттық және трансүкіметтік деңгейлерде байланысатынын, әскери күштің бастапқы маңызын жоғалтатынын, ал күн тәртібіндегі мәселелер иерархиясының тұрақты болмайтынын алға тартады. ҚР-ШҰАА кейсіне қатысты бұл теориялық шеңбер экономикалық пайданың, соның ішінде нарықтарға өзара қол жеткізудің, инфрақұрылымдық инвестициялар мен транзиттік кірістердің этногуманитарлық және су салаларындағы саяси тәуекелдердің өршуіне қалай тежеуші қысым жасайтынын сипаттауға мүмкіндік береді [13].

Сонымен бірге кешенді өзара тәуелділік теориясын қолдану оның түсіндіру мүмкіндіктерінің шектеулерін ескеруді талап етеді. ҚР-ҚХР қатынастарында өзара тәуелділік принципті түрде асимметриялық сипатқа ие, өйткені Қазақстан Қытайдың сауда және кредиттік тізбектеріне терең интеграцияланған орта держава болып табылады, ал ҚХР үшін қазақстандық нарық сыртқы сауда айналымының 1%-нан аз бөлігін ғана құрайды. Бұл асимметрия Кохэйн-Найлық парадигманың «жұмсақ» нұсқада қолданылуын шектейді және оны билік пен келіссөз әлеуетін талдаудың неореалистік құралдарымен толықтыруды талап етеді.

Екінші негізгі әдіс ретінде өзара іс-қимылдың формалды және бейформалды тетіктерінің тиімділігін бағалау үшін қолданылатын институционалдық талдау алынады. Талдау объектілері ретінде Қазақстан-Қытай ынтымақтастық комитеті (ҚҚЫК) және оның салалық кіші комиссиялары; Трансшекаралық өзендерді пайдалану және қорғау жөніндегі бірлескен комиссия [14], 2001 жылдан бастап жыл сайынғы отырыстар өткізеді [15]; Қорғас өткеліндегі кедендік және санитарлық-карантиндік тетіктер қарастырылады. Институционалдық талдау құрылымдық тығырықтарды анықтауға және рационалды түрде мүдделі тараптардың неге оңтайлы келісімдерге келе алмайтынын түсіндіруге мүмкіндік береді, бұл толық емес келісімшарттар проблемасы және су пайдалану құқықтық режимдерінің айырмашылығымен байланысты.

Үшінші әдіс ретінде 2018–2024 жылдар аралығында Қазақстанның ШҰАА-дағы гуманитарлық мәселелерді реттеу жөніндегі дипломатиялық күш-жігерінің хронологиясын қайта құру үшін қолданылатын ивент-талдау таңдалды. Бұл әдіс келіссөздердің нәтижелері туралы жария деректер негізінде «тыныш дипломатияның» тиімділігі жөніндегі тезисті верификациялауға мүмкіндік береді, атап айтқанда, бұған босатулар, отбасылардың қайта қосылуы және мәртебені заңдастыру жатады. Салыстырмалы әдіс «Қорғас-Шығыс қақпасы» арнайы экономикалық аймағы мен «Қорғас» халықаралық шекара маңы ынтымақтастығы орталығының институционалдық дизайнын талдау кезінде қолданылады. Болжамдық сценарийлік талдау үшін көпфакторлы форсайт әдісі пайдаланылады.

Нәтижелер мен талқылау

1. Этногуманитарлық дискурс және «тыныш дипломатия» механизмі

Шыңжаңдағы қазақтардың тарихи қатысуының ретроспективасы бірнеше ғасырды қамтиды. Қазақтар Цин империясының, кейіннен Қытай Халық Республикасының құрамына ресми түрде танылған ұлттық азшылықтардың бірі ретінде енгізілді. Кеңестік Қазақстанға бағытталған алғашқы ірі көші-қон толқыны Үлкен секіріс кезеңіндегі саяси қуғын-сүргінмен байланысты болды. Бұл кезең, 1958 - 1962 жылдар аралығы, ШҰАА-дың ондаған мың тұрғынының өмірін қиды. Екінші толқын 1990-жылдары орын алып, Қазақстанның тәуелсіздік алуымен және оралмандарды, қазіргі атаумен қандастарды, репатриациялау бағдарламасының енгізілуімен байланысты болды. ҚР Еңбек және халықты

әлеуметтік қорғау министрлігінің деректері бойынша, 2024 жылға қарай Шыңжаңнан Қазақстанға шамамен 170 мың қандас қоныс аударған, ал ШҰАА-да қалған қазақ халқының саны 1,4 - 1,6 млн адам деп бағаланады.

Жағдайдың сапалық өзгеруі 2017-2018 жылдары орын алды. Бұл кезеңде ШҰАА-дағы «қайта тәрбиелеу» науқанының ауқымы Қазақстанның қоғамдық кеңістігінде жасырын ұстауға келмейтін деңгейге жетті. Шыңжаңнан оралған немесе өңірде туыстары бар қазақстандық азаматтардың куәліктері ресми Астанаға медиялық және саяси қысым қалыптастырды. Қазақстанда босқын мәртебесін алуға ұмтылған және ШҰАА-дағы лагерьлер жүйесі туралы ашық куәлік берген қандастарымыз, атап айтқанда, Сайрагүл Сауытбай мен Гүлбахар Хайтыуәлидің істері жоғары қоғамдық резонанс тудырды.

Ресми Астана тап болған дилемманы неолибералдық институционализм теориясының категориялары арқылы тұжырымдауға болады. Бұл дилемманың негізгі мазмұны бір жағынан, ШҰАА-дағы этникалық қазақтарды қорғауға байланысты қоғамдық сұраныстарға жауап беру жөніндегі ішкі саяси императивке, яғни биліктің легитимдігіне тірелсе, екінші жағынан, ҚХР-дың ішкі істеріне араласпауға қатысты қатаң сыртқы саяси қағида мен басты сауда әріптесімен екіжақты шиеленіс прецедентін қалыптастырмауға ұмтылыстан көрініс табады. Неореализм бұл дилемманы күш әлеуеттерінің асимметриясынан туындайтын құрылымдық салдар ретінде түсіндіреді. Бұл тұрғыдан алғанда, шағын держава ұлы державаға ашық қарсы тұру үшін жеткілікті ресурстарға ие емес және жанама құралдарға жүгінуге мәжбүр болады.

Институционалдық ымыра ретінде «тыныш дипломатия» моделі қалыптасты. Бұл модель ҚР Сыртқы істер министрлігінің қытайлық әріптестерімен жабық консулдық және дипломатиялық байланыстарының тармақталған жүйесі болып табылады, ол ұстанымдарды жария түрде мәлімдеуді көздемейді. 2018–2024 жылдар аралығында бұл механизм мынадай верификацияланатын нәтижелерді қамтамасыз етті. Атап айтқанда, біріншіден, ШҰАА-да қос азаматтығы немесе уақытша тұруға рұқсаты болған бірқатар ұсталған қазақстандық азаматтарды босатуға мүмкіндік туды. Нақты саны жарияланбағанымен, ҚР СІМ 2022 жылғы жиынтық жария түсініктемесінде «екі жүзден астам жағдайды» растады; екіншіден, азаматтардың белгілі бір санаттары үшін Қазақстанның Үрімжідегі консулдығы арқылы құжат тапсыру рәсімі негізінде шығу тәртібінің жеңілдетілуі; үшіншіден, Қазақстанда жүйеге қарсы жария куәлік берген бірнеше тұлғаға қатысты қылмыстық қудалауды тоқтата тұру жөніндегі бейресми келісім.

Сонымен бірге «тыныш дипломатия» тетігі құрылымдық шектеулермен сипатталады. Процестің жабықтығы оны отандастарды қорғаудың ашық құқықтық құралдарын талап ететін үкіметтік емес ұйымдар мен оппозиция тарапынан сынға осал етеді. Қытай тарапының ізгі еркіне тәуелділік жүйелі кепілдіктердің жоқтығын білдіреді, өйткені әрбір жағдай жеке лоббилеуді талап етеді және прецедент қалыптастырмайды. Ақырында, дипломатиялық

арнамен қатар жұмыс істейтін қандастар бағдарламасы іс жүзінде демографиялық қысымды төмендетудің жасырын құралы болып табылады. Бұл бағдарлама аясында қазақ диаспорасы өкілдерінің ҚР-ға жедел қоныс аударуы ықтимал қуғын-сүргін құрбандарының санын азайтқанымен, бір мезгілде Астананың диаспора санына қатысты келіссөздік тетіктерін қысқартады.

2. Су-экологиялық досье: трансшекаралық өзендер гидросаясаты

Қазақстан-Қытай қатынастарының ШҰАА арқылы көрінетін гидросаяси өлшемі ең ұзақ мерзімді және құрылымдық тұрғыдан ең қиын шешілетін сын-қатерлердің бірі болып табылады. Қазақстан мен ҚХР 23-тен астам трансшекаралық су ағынын бөліседі, алайда гидрологиялық қауіпсіздік тұрғысынан екі өзен аса маңызды мәнге ие. Олардың біріншісі – жалпы ұзындығы 1439 шақырымды құрайтын, оның ішінде 815 шақырымы ҚХР аумағынан өтетін Іле өзені болса, екіншісі – жалпы ұзындығы 1500 шақырым болып табылатын және ШҰАА аумағында шамамен 600 шақырымы өтетін Қара Ертіс өзені.

Қытай тарапындағы негізгі актор ретінде Шыңжаң өндірістік-құрылыс корпусы, яғни ШӨҚК / Бинтуань (新疆生 建 兵), әрекет етеді. Бұл ұйым ШҰАА-дағы суармалы жерлердің шамамен 30%-ын бақылайтын бірегей әскери-азаматтық құрылым болып табылады. ШӨҚК өңірдегі ең ірі ирригациялық жүйелерді басқарады және Батыс Қытайдағы ауыл шаруашылығы жерлерін игеру жөніндегі мемлекеттік бағдарламаның басты бенефициары болып табылады. ШҰАА-дың аграрлық мамандануының негізін құрайтын мақта шаруашылығы аса су сыйымды дақыл болып саналады, өйткені 1 кг шикі мақта өндіру үшін орта есеппен 10-17 мың литр су қажет. Шыңжаң статистикалық жылнамасының деректері бойынша, ШҰАА-да мақта өндірісі 2015 жылғы 2,2 млн тоннадан 2022 жылы 5,2 млн тоннаға дейін өсті. Бұл бүкіл Қытай өндірісінің 85%-ына және әлемдік өндірістің шамамен 19%-на сәйкес келеді, әрі су алудың баламалы өсуін қамтамасыз етеді.

Іле өзені бассейні үшін оның салдары мынадай түрде көрінеді. ҚР География институтының 2023 жылғы деректері бойынша, 1997-2022 жылдар аралығында өзеннің Қазақстанға түсетін орташа жылдық ағыны шамамен 12-15 %-ға қысқарған. Бұл жаңа ирригациялық объектілердің іске қосылуымен және Қытай тарапында Іледегі Қапшағай ГЭС-інің салынуымен байланысты. Бұл Балқаш көліне тікелей қауіп төндіреді, өйткені Іле оның жерүсті ағынының шамамен 80%-ын қамтамасыз етеді. Балқаш ТМД аумағындағы көлемі бойынша екінші ірі тұйық көл болып табылады, ол Қазақстанның оңтүстігі мен оңтүстік-шығысы үшін негізгі ирригациялық, балық шаруашылығы және климат реттеуші функция атқарады. БҰҰ-ның Орталық Азия бойынша қоршаған орта бағдарламасы аясында әзірленген болжамдық модельдер қазіргі су алу динамикасы сақталған жағдайда 2040 жылға қарай көл деңгейінің 3-5 метрге төмендеу қаупін көрсетеді. Бұл Арал апатымен салыстыруға болатын экожүйелік деградацияға әкелуі мүмкін.

Қара Ертіске қатысты жағдай да кем емес деңгейде сындарлы. Бұл өзен Павлодар облысының және Екібастұзды сумен жабдықтау жүйелерінің стратегиялық су көзі болып табылады, сондай-ақ Астана мен Қарағанды өнеркәсіптік бассейнін сумен қамтамасыз ететін ұзындығы 458 км Ертіс-Қарағанды каналының қоректендіруші көзі қызметін атқарады. 1962-1974 жылдары салынған бұл канал Ертіс ағыны жеткілікті болған жағдайда ғана тұрақты жұмыс істейді. Қытай тарапы 2000-жылдардан бастап Қара Ертістен суды Шыңжаңның ішкі сумен жабдықтау жүйесіне бұру жобасын іске асырып келеді. Қолда бар деректер бойынша, Қытайдың Қара Ертістен жалпы су алуы жылына шамамен 3,0 - 3,5 текше км құрайды.

Су дауларын реттеудің институционалдық тетігі ретінде 2001 жылы құрылған және жыл сайын отырыс өткізетін Трансшекаралық өзендерді пайдалану және қорғау жөніндегі бірлескен Қазақстан-Қытай комиссиясы әрекет етеді [15]. Алайда оның мандаты мониторинг пен деректер алмасумен шектелген, сондықтан да комиссия су алуды квоталау жөнінде міндетті шешімдер қабылдау өкілеттігіне ие емес [14]. Қазақстанның су бөлу туралы заңды түрде міндеттейтін келісім мәселесін көтеру әрекеттері Пекиннің ұстанымына жүйелі түрде тіреледі. Қытай тарапы су мәселесін экономикалық преференциялармен байланыстыруға жататын екіжақты ынтымақтастықтың «жалпы пакетінің» элементі ретінде қарастырады. Қазақстан тарапы, өз кезегінде, сауда келісімдеріне қарамастан экологиялық квоталауды талап етеді. Бұл институционалдық тығырық құқықтық тәсілдердің принципті айырмашылығымен байланысты, себебі ҚХР 1997 жылғы Халықаралық су ағындарын кеме қатынасына жатпайтын мақсаттарда пайдалану құқығы туралы БҰҰ конвенциясының қатысушысы емес және өз аумағындағы суларға абсолютті аумақтық егемендік доктринасын ұстанады.

3. Көлік-логистикалық синергия: ШҰАА Жібек жолы экономикалық белдеуі мен ТХКМ өзегі ретінде

Көлік-инфрақұрылымдық өлшем ШҰАА мен Қазақстан арасындағы өзара іс-қимылдың, сөзсіз, ең өнімді сегменті болып табылады. Шыңжаң Жібек жолы экономикалық белдеуінің (ЖЖЭБ), яғни «Бір белдеу, бір жол» бастамасының құрлықтық компонентінің архитектурасында орталық орын алады. ШҰАА-дың өңірлік астанасы Үрімжі Батыс Қытай провинцияларынан Еуропа мен Орталық Азияға бағытталатын жүктерді шоғырландыратын басты хаб ретінде қызмет етеді. Шыңжаңда Бірінші еуразиялық трансконтиненталдық көпірге қызмет көрсететін екі негізгі шекаралық өткел жұмыс істейді. Олардың біріншісі ҚХР тарапында орналасқан және қазақстандық Достық станциясымен байланысқан Алашанькоу өткелі болып табылады, ал екіншісі Алтынкөлмен байланысқан Қорғас бекеті ретінде белгілі. Достық-Алашанькоу өткелі ең көне, 1990 жылы ашылған, әрі тарихи тұрғыдан Қазақстан-Қытай шекарасындағы ең жүктемесі жоғары шекаралық теміржол пункті болып табылады. Ең жоғары жұмыс кезеңінде бұл өткел арқылы жылына 22 млн тоннаға дейін жүк өткен. Алайда Достық станциясы бірқатар құрылымдық шектеулермен, яғни «тар орындармен» сипатталады. Бұл кедергілердің қатарына Достықтан

Мойынтыға дейінгі шамамен 800 шақырымды құрайтын бір жолды теміржол желісі, Алматы мен Астана қалаларынан тым шалғай орналасуы, сондай-ақ 1520 және 1435 миллиметрлік табан айырмашылығына байланысты арбашаларды ауыстыру терминалдарының шектеулі өткізу қабілеті жатады. Осы шектеулерді жою мақсатында жалпы құны шамамен 3 млрд АҚШ долларын құрайтын Достық-Мойынты учаскесінде екінші жолдарды салу жобасы іске асырылуда. Жобаны аяқтау 2027-2028 жылдарға жоспарланған, бұл дәліздің өткізу қабілетін жылына 20 млн тоннадан 41 млн тоннаға дейін арттыруға мүмкіндік береді [6].

2012 жылы пайдалануға берілген Алтынкөл-Қорғас өткелі неғұрлым заманауи және техникалық тұрғыдан жарақтандырылған болып табылады, себебі ондағы арбашаларды ауыстырудың біріктірілген терминалы контейнерлік платформалардың доңғалақ жұптарын ауыстыру процесінің үздіксіздігін қамтамасыз етеді. 2024 жылдың қорытындысы бойынша Қорғас арқылы 1,2 млн-нан астам TEU, яғни 20 футтық контейнер эквиваленті, өтті. Бұл оны контейнерлік операциялар көлемі бойынша посткеңестік кеңістіктегі ең ірі құрғақ портқа айналдырады. Өсудің маңызды факторы Қытай–Еуропа бағыттарының бір бөлігінің солтүстік дәліздің, яғни Ресей арқылы өтетін маршруттан, Орта дәлізге, дәлірек айтқанда, Қазақстан, Каспий және Кавказ арқылы өтетін бағытқа қайта бағдарлануы болды.

Кедендік және логистикалық рәсімдерді цифрландыру өткелдердің тиімділігін арттырудың негізгі бағыттарының бірі болып табылады. ТХКМ аясында ҚР ҚМ Мемлекеттік кірістер комитетінің АС «АСТАНА-1» автоматтандырылған кедендік ресімдеу жүйесі мен Қытайдың «Алтын кеден» (Алтын көпір) жүйесін, синхрондау іске асырылуда, бұл алдын ала электрондық декларациялауды жүзеге асыруға мүмкіндік береді және кеденнен өтудің орташа уақытын 2019 жылғы 24-36 сағаттан 2024 жылы 6-8 сағатқа дейін қысқартады. Транзиттік контейнерлік пойыздар үшін бірыңғай «жасыл дәліз» жобасы цифрлық жүк паспорттары, яғни e-seal жүйесі, болған жағдайда олардың Қазақстан-Қытай шекарасынан пломбаларды ашпай өтуін көздейді. Бұл жүйенің пилоттық іске қосылуы 2023 жылы өтті.

ШҰАА-дың ТХКМ-дегі рөлі стратегиялық логистикалық өлшемге де ие, өйткені Үрімжі Батыс Қытай өндірушілерінің шағын партияларын, яғни LCL жүктерін шоғырландыру орталығы ретінде жұмыс істейді және кейіннен Қорғас арқылы жөнелту үшін толық құрамды контейнерлік пойыздар қалыптастырады. Үрімжінің арнайы кедендік аймағы мен «Үрімжі-Орталық Азия» логистикалық паркі аралық сақтау және қайта тиеу үшін қойма инфрақұрылымын қамтамасыз етеді. Осылайша, ШҰАА-мен өзара іс-қимылды одан әрі тереңдету қазақстандық транзиттік дәліздердің еуразиялық логистикалық қызметтер нарығындағы бәсекеге қабілеттілігін тікелей айқындайды.

4. Өнеркәсіптік және аграрлық кооперация: «Қорғас» АЭА және аграрлық әлеует

Өнеркәсіптік-инвестициялық өзара іс-қимылдың негізгі құралы ретінде шекара маңындағы аймақта орналасқан екі өзара толықтыратын,

бірақ институционалдық тұрғыдан әртүрлі объект әрекет етеді. Олардың біріншісі «Қорғас-Шығыс қақпасы» арнайы экономикалық аймағы (ҚШҚ АЭА) болып табылады, ал екіншісі «Қорғас» халықаралық шекара маңы ынтымақтастығы орталығы («Қорғас» ХШЫО) ретінде белгілі. Олардың институционалдық айырмашылығын түсіну кооперация архитектурасын талдау үшін принципті маңызға ие.

«Қорғас-Шығыс қақпасы» АЭА-сы ҚР Президентінің 2011 жылғы Жарлығына сәйкес құрылды, тек Қазақстан аумағында орналасқан және классикалық арнайы экономикалық аймақ режимінде жұмыс істейді. Резиденттер салықтық преференцияларды пайдаланады, атап айтқанда 25 жылға дейінгі кезеңге КТС және ҚҚС бойынша нөлдік мөлшерлемелер, кедендік жеңілдіктер және жеңілдетілген әкімшілік рәсімдер қолданылады. АЭА-ның мамандануы өнеркәсіптік және тұтыну тауарларын қайта өңдеуді, құрастыруды және реэкспорттауды қамтиды. 2024 жылғы негізгі жұмыс істеп тұрған өндірістерге автомобиль құрастыру, құрылыс материалдарын өндіру және аграрлық өнімді қайта өңдеу кіреді. АЭА құрғақ портының өткізу қабілеті 2024 жылы 3 млн тоннадан асты [6].

«Қорғас» ХШЫО (халықаралық шекара маңы ынтымақтастығы орталығы), 2004 жылғы үкіметаралық келісім негізінде құрылған шекара маңы саудасының бірегей құралы болып табылады. Бұл аймақ бір мезгілде ҚР және ҚХР аумағына таралады және өзіндік кедендік қағидалары бар юрисдикциялық тұрғыдан бейтарап анклав қалыптастырады (жеке тұлғалар үшін бажсыз сауда лимиті күніне 1500 АҚШ долларына дейін құрайды). Іс жүзінде ХШЫО оффшорлық сауда анклавы ретінде қызмет етіп, Қытай тарапынан тауарларды жеңілдетілген тәртіппен әкелу үшін оны пайдаланатын ұсақ көтерме саудагерлерді де, ірі операторларды да тартады. Екі объектінің институционалдық синергиясы олардың атқаратын қызметтерінің өзара үйлесуінен көрінеді. Мысалы, ХШЫО ұсақ көтерме және бөлшек тауар айналымын қамтамасыз етіп, тұтынушылық трафик қалыптастырады, ал АЭА өнеркәсіптік инвестицияларды шоғырландырып, ірі тоннажды жүктерді өңдеуді қамтамасыз етеді. Олардың өзара әрекеті бөлшек саудадан бастап индустриялық қайта өңдеуге дейінгі сауда-өндірістік қызметтің бүкіл спектрін қамтитын экожүйе қалыптастырады.

Шекара маңындағы өзара іс-қимылдың институционалдық ландшафтындағы сапалық өзгеріс 2023 жылғы 1 қарашада Қытайдың, нақтырақ айтқанда Шыңжаңның, эксперименттік еркін сауда аймағының іске қосылуы болды. Оның периметріне Қорғастың қытайлық кластері де енгізілді. Еркін сауда аймағының құрылуы ШҰАА-дағы қытайлық және бірлескен кәсіпорындар үшін реттеушілік преференцияларды едәуір кеңейтті. Олардың қатарына ұлттық валюталарда, яғни юань мен теңгеде, трансшекаралық қаржылық есеп айырысуларды жеңілдету, логистикалық тізбектерді субсидиялау және инвестициялық режимді либерализациялау кіреді. Қазақстан үшін Пекиннің бұл қадамы институционалдық асимметрияны күшейтті, өйткені қазақстандық тараптағы «Қорғас-Шығыс қақпасы» АЭА-сы ЕАЭО-ның неғұрлым қатаң және икемділігі төмен

кедендік-салықтық регламенттері шеңберінде жұмыс істейді. Бұл Астанадан хабтың өз бөлігіне қатысты құқықтық режимді жедел жаңғыртуды талап етеді.

2022–2024 жылдары практикалық өлшемге ие бола бастаған перспективалы бағыттардың бірі ретінде аграрлық кооперацияны атауға болады. Қазақстан экологиялық таза ауыл шаруашылығы өнімдерін экспорттаудың елеулі әлеуетіне ие. Бұл өнімдердің қатарына еліміз әлемдегі жетекші он экспорттаушының қатарына кіретін бидай мен бидай ұны, зығыр, рапс және күнбағыс сияқты майлы дақылдар, сондай-ақ ет пен сүт өнімдері жатады. Дамыған тамақ өнеркәсібі және өсіп келе жатқан орта тапқа ие Шыңжаң мұндай өнім үшін табиғи әрі логикалық нарық болып табылады. Қазіргі кезде ШҰАА қазақстандық ұн импорты бойынша Қытай өңірлері арасында екінші орын алады [2].

Аграрлық экспортты арттырудағы жүйелі кедергі ретінде Қытайдың қатаң фитосанитарлық режимі сақталып отыр. Шетелдік өнімнің ҚХР нарығына кіруі Қытай Бас кеден басқармасымен, яғни ГТУ / GACC арқылы реттеледі; бұған дейін бұл функциялар Ауыл шаруашылығы министрлігі мен AQSIQ арасында бөлінген болатын. Өнімнің әрбір санаты өндіруші кәсіпорынды инспекциялаудың және санитарлық-эпидемиологиялық стандарттарды келісудің ұзақ (18-36 ай) рәсімінен өтуді талап етеді. 2024-2025 жылдардағы келісімдер мен ветеринарлық сертификаттар алмасуын автоматтандырудың арқасында Қытай Бас кеден басқармасымен келісу динамикасы айтарлықтай жеделдеді. Қазақстандық өсімдік шаруашылығы, астық және мал шаруашылығы өнімдерін экспорттаушылардың мақұлданған тізімдері жоспарлы түрде кеңейіп келеді, реестрлерге өсімдік шаруашылығы мен қайта өңдеу саласы бойынша 100-ден астам кәсіпорын енгізілген. Дегенмен, ҚХР нарығында жүздеген аккредиттелген өндірістік алаңдары бар негізгі жаһандық аграрлық экспорттаушылармен, атап айтқанда Бразилия және Австралиямен, салыстырғанда айтарлықтай реттеушілік алшақтық сақталуда. Бұл кедергіге ішінара жауап ретінде Қорғас терминалдарында верификацияланған аграрлық экспорттаушылар үшін «жасыл дәліздер» деп аталатын жеделдетілген кедендік рәсімдер құру бастамасы ұсынылады. 2023 жылы қазақстандық бидай экспорты үшін «жасыл дәліз» туралы хаттамаға қол қойылды, бұл ветеринарлық тексеру уақытын 72 сағаттан 12 сағатқа дейін қысқартты. Алайда бұл режимді өнімнің басқа санаттарына тарату әлі де келіссөздер тақырыбы болып отыр.

2035 жылға дейінгі субөңірлік өзара іс-қимылдың болжамдық сценарийлері

1-сценарий: «Прагматикалық конвергенция» базалық сценарий, ықтималдығы 55%.

Тараптар қалыптасқан статус-квоны сақтайды. Бұл жағдайда гуманитарлық күн тәртібі бойынша бағытталған «тыныш дипломатия» институционалдық серпілістерсіз жалғаса береді, ал су мәселесі өткір қақтығысқа ұласпай, басқарылатын режимде қалады. Негізгі акцент ТХКМ өсімі жағдайында көлік-логистикалық интеграцияны жеделдетуге жасалады.

2030 жылға қарай ШҰАА-ҚР өткелдері арқылы өтетін транзиттік контейнер ағыны жылына 3-4 млн TEU деңгейіне жетеді. Аграрлық экспорт «жасыл дәліздер» аясында кезең-кезеңімен ұлғаяды. Қазақстан қандастар базасын біртіндеп кеңейтіп, ШҰАА-дағы диаспораның демографиялық салмағын төмендетеді. Нәтижесінде тұрақты экономикалық өзара тәуелділікке және гуманитарлық әрі су күн тәртібі бойынша мерзімді, бірақ дағдарыстық емес қысымға негізделген басқарылатын асимметриялық әріптестік қалыптасады.

2-сценарий: «Институционалдық серпіліс» (оптимистік сценарий, ықтималдығы 25%).

Бұл сценарий Іле және Қара Ертіс бойынша су бөлу жөнінде рамалық келісімге қол жеткізілген жағдайда, мысалы, ШЫҰ немесе БҰҰ делдалдығы арқылы, сондай-ақ трансшекаралық байланыстары бар тұлғаларды құқықтық қорғау туралы хаттамаға қол қойылған жағдайда іске асады. Экономикалық ынталандырулар Қазақстанның аграрлық өнімдерінің ШҰАА нарығына кеңейтілген қолжетімділігін гуманитарлық және су күн тәртібі бойынша тиісті ымыралармен байланыстыру арқылы қалыптастырылады. 2035 жылға қарай «Қорғас-Шығыс қақпасы» АЭА-сы қытайлық Қорғастың толыққанды қатысуымен трансшекаралық өнеркәсіптік аймақтар жүйесіне интеграцияланады, ал екіжақты сауда көлемі 50 млрд АҚШ долларына жетеді. Нәтижесінде жасырын қақтығыстар деңгейі төмендеген, сапалық тұрғыдан неғұрлым теңгерімді әріптестік қалыптасады.

3-сценарий: «Шиеленісті теңгерімдеу» (пессимистік сценарий, ықтималдығы 20%).

Бұл сценарий кезінде су дағдарысының шиеленісуі, яғни Балқаш деңгейінің күрт төмендеуі немесе Ертіс-Қарағанды каналының толуының тоқтауы; және/немесе ШҰАА-дағы ҚР азаматтарына қатысты кең қоғамдық резонанс пен парламенттік қысым туғызған жаңа ірі гуманитарлық инцидент. Бұл сценарийде Қазақстан жария реакция көрсетуге мәжбүр болады, бұл екіжақты қатынастардың уақытша салқындауына әкеледі. Қытай тарапы қысым көрсету үшін экономикалық тетіктерді пайдаланады: өткелдердегі кідірістер, инвестицияларды шектеу. Дағдарыс қарқынды жабық келіссөздер арқылы шешіледі, алайда институционалдық салдар қалдырып, бірлескен жобаларды іске асыру қарқынын төмендетеді. Нәтижесінде жүйелі қақтығысқа ұласпайтын, бірақ 2-4 жыл кезеңінде терең интеграцияны едәуір қиындататын уақытша тұрақсыздану орын алады.

Қорытынды

Зерттеу нәтижелері мен модельденген сценарийлерді жинақтау негізгі теориялық және қолданбалы қорытындыларды тұжырымдауға мүмкіндік береді. Шыңжаң-Ұйғыр автономиялық ауданы Қазақстан-Қытай қатынастарының архитектурасында құрылымдық тұрғыдан амбивалентті фактор ретінде түпкілікті орнықты: ол бір мезгілде экономикалық интеграцияның қуатты драйвері және гуманитарлық әрі экологиялық салалардағы тұрақты институционалдық кедергілердің генераторы ретінде

әрекет етеді. Бұл дуалдылық кездейсоқ сипатқа ие емес, өйткені ол ШҰАА-дың өзіне тән объективті сипаттамаларында, атап айтқанда, оның трансшекаралық геоэкономикалық орналасуында, ресурсты көп қажет ететін шаруашылық моделінде және ортақ экожүйелердің осалдығында терең тамырланған. Теориялық тұрғыдан алғанда, ҚР мен ШҰАА арасындағы өзара іс-қимыл кейсі кешенді өзара тәуелділік теориясының түсіндірушілік құндылығын верификациялайды [13]. Ауқымды экономикалық пайданың екі тарап үшін де ықтимал эскалациядан туындайтын жоғары шығындар қалыптастыруы дағдарыстар туындаған кезде төмен бейінді дипломатиялық құралдарға («тыныш дипломатияға») айқын басымдық берілуін шарттайды. Сонымен бірге зерттеу терең мемлекетаралық асимметрия жағдайында Кеохейн-Най парадигмасының шектерін де көрсетеді. Әлеуеттердің орасан теңсіздігі салдарынан Қазақстан сауда-логистикалық өзара тәуелділікті тікелей келіссөздік ресурсқа айналдыру мүмкіндігінде шектеулі болып отыр. Бұл Астананы су бөлу және гуманитарлық досье бойынша негізгі мәселелерде осал позицияда қалдырады. Осы жағдайларда Қазақстанның Шыңжаң бағытындағы қолданбалы стратегиясы күн тәртібін ақылды түрде ажырату қағидатына негізделуі тиіс. Астанаға су және этногуманитарлық дауларды прагматикалық тұрғыдан техникаландыру және саясиландырудан арылту қажет. Бұл мәселелерді кезең-кезеңімен жабық кәсіби сараптамалық комитеттер деңгейіне көшіру маңызды. Сонымен қатар көлік-логистикалық тоғыстыруды және өнеркәсіптік-аграрлық кооперацияны барынша жеделдету талап етіледі. Тек Қазақстан Республикасының Шыңжаңдағы инфрақұрылымдық жобалардағы институционалдық қатысуын жүйелі түрде арттыру ғана жаңа тірек нүктелерін қалыптастыруға және ұзақ мерзімді перспективада неғұрлым теңгерімді келіссөздік баланс құруға мүмкіндік береді. Бұл, өз кезегінде, пессимистік болжамдардың іске асу тәуекелдерін барынша азайтады.

ӘДЕБИЕТ

[1] Қазақстан Президенті Қасым-Жомарт Тоқаев пен ҚХР Төрағасы Си Цзиньпин келіссөз жүргізді // ҚР Президентінің ресми сайты. - 2023. - 17 мамыр. - URL: https://www.akorda.kz/kz/kazakstan-prezidenti-kasym-zhomart-tokaev-pen-khr-toragasy-si-czinpin-kelissoz-zhurgizdi

[2] Шыңжаң статистикалық жылнамасы - 2023 (新疆统计年鉴 2023). - Үрімжі: Шыңжаң статистикалық баспасы, 2023.

[3] Human Rights Watch. Eradicating Ideological Viruses: China's Campaign of Repression Against Xinjiang's Muslims. - New York: HRW, 2018. - 117 p.

[4] ҚР БҒМ ҒК География институты. Іле өзені мен Балқаш көлі бассейнінің гидрологиялық жағдайы: ғылыми баяндама. - Алматы: География институты, 2023.

[5] Султанов Б.К. Казахстан и Китай: стратегическое партнерство в меняющемся мире. - Астана: КИСИ, 2024. - 320 б.

[6] ҚР Ұлттық экспедиторлар қауымдастығы. 2024 жылы Транскаспий халықаралық көлік маршрутын дамыту туралы есеп. - Алматы: АҰЭҚ, 2025.

[7] Сыроежкин К.Л. Мифы и реальность этнического сепаратизма в Китае и безопасность Центральной Азии. - Алматы: Дайк-Пресс, 2003. - 736 б.

[8] Нечаева Е.Л., Кожирова С.Б. Синьцзян как ключевой регион инициативы Пояса и пути // Адам әлемі. - 2023. - №1 (95). - С. 51–64.

[9] Кожирова С.Б. Синьцзян: этносы и языки // Қазақстан шығыстануы. - 2023. - Т. 5. - №1. - С. 50–61.

[10] Roberts S.R. The War on the Uyghurs: China's Internal Campaign Against a Muslim Minority. - Princeton: Princeton University Press, 2020. - 336 p.

[11] Liu Y. Research on the Measurement of Digital Economy Development Level Based on the Entropy Weight Model and TOPSIS Method: Taking Xinjiang Uygur Autonomous Region as an Example // Advances in Economics, Management and Political Sciences. - 2024. - Vol. 60. - P. 261-267. - DOI: 10.54254/2754-1169/60/20231245.

[12] Glenn P., Nordberg M. Water and Security in Central Asia: Resolving a Liquid Dilemma // SIPRI Research Report. - 2021. - No. 14. - P. 1-98.

[13] Keohane R.O., Nye J.S. Power and Interdependence. 4th ed. - Longman/Pearson, 2012. - 368 p.

[14] Қазақстан Республикасының Үкіметі мен Қытай Халық Республикасының Үкіметі арасындағы трансшекаралық өзендерді пайдалану және қорғау саласындағы ынтымақтастық туралы 2001 жылғы 12 қыркүйектегі келісім. - Астана, 2001.

[15] Қазақстан Республикасы Су ресурстары және ирригация министрлігінің трансшекаралық өзендерді пайдалану және қорғау жөніндегі бірлескен Қазақстан–Қытай комиссиясының жұмыс топтары отырыстарының қорытындылары бойынша ресми есебі (2024-2025 жж.) // ҚР Су ресурстары және ирригация министрлігінің ресми ақпараттық ресурсы. - URL: https://www.gov.kz/memleket/entities/water

REFERENCES

[1] President of Kazakhstan Kassym-Jomart Tokayev held talks with President of the PRC Xi Jinping. Official Website of RK President. 2023. May 17. Available at: https://www.akorda.kz/kz/kazakstan-prezidenti-kasym-zhomart-tokaev-pen-khr-toragasy-si-czinpin-kelissoz-zhurgizdi

[2] Xinjiang Statistical Yearbook 2023. Urumqi: Xinjiang Statistical Publishing House, 2023.

[3] Human Rights Watch. Eradicating Ideological Viruses: China's Campaign of Repression Against Xinjiang's Muslims. New York: Human Rights Watch, 2018. 117 p.

[4] QR BGM GK Geografiya instituty. Ile ozeni men Balkash koli basseiyninin gidrologiyalyk zhagdayy: gylymi bayandama (Hydrological Conditions of the Ili River and Lake Balkhash Basin: Research Report). Almaty: Institute of Geography, 2023.

[5] Sultanov B.K. Kazakhstan i Kitay: strategicheskoye partnerstvo v menyayushchemsya mire [Kazakhstan and China: Strategic Partnership in a Changing World]. Astana: KISI, 2024. 320 p. [in Russ.].

[6] QR Ulttyq ekspeditorlar qauymdastygy. 2024 jyly Transkaspii khalyqaralyq kolik marshrutyn damytu turaly esep [Report on the Development of the Trans-Caspian International Transport Route in 2024]. Almaty: AUEQ, 2025.[in Kaz.].

[7] Syroezhkin K.L. Mify i realnost etnicheskogo separatizma v Kitae i bezopasnost Tsentralnoy Azii [Myths and Reality of Ethnic Separatism in China and Security of Central Asia]. Almaty: Dayk-Press, 2003. 736 p. [in Russ.].

[8] Nechaeva E.L., Kozhirova S.B. Sin'tszyan kak klyuchevoi region initsiativy Poyasa i puti [Xinjiang as a Key Region of the Belt and Road Initiative]. Adam Alemi. 2023. No. 1 (95). P. 51-64. [in Russ.].

[9] Kozhirova S.B. Sin'tszyan: etnosy i yazyki [Xinjiang: Ethnic Groups and Languages]. Qazaqstan Shygystanuy (Kazakhstan Oriental Studies). 2023. Vol. 5. No.1. P. 50-61. [in Russ.].

[10] Roberts S.R. The War on the Uyghurs: China's Internal Campaign Against a Muslim Minority. Princeton: Princeton University Press, 2020. 336 p.

[11] Liu Y. Research on the Measurement of Digital Economy Development Level Based on the Entropy Weight Model and TOPSIS Method: Taking Xinjiang Uygur Autonomous Region as an Example // Advances in Economics, Management and Political Sciences. 2024. Vol. 60. P. 261-267. DOI: 10.54254/2754-1169/60/20231245.

[12] Glenn P., Nordberg M. Water and Security in Central Asia: Resolving a Liquid Dilemma. SIPRI Research Report. 2021. No. 14. P. 1-98.

[13] Keohane R.O., Nye J.S. Power and Interdependence. 4th ed. Harlow: Longman/Pearson, 2012. 368 p.

[14] Agreement between the Government of the Republic of Kazakhstan and the Government of the People's Republic of China on Cooperation in the Use and Protection of Transboundary Rivers of 12 September 2001. Astana, 2001.

[15] Official Report on the Meetings of the Working Groups of the Joint Kazakhstan–China Commission on the Use and Protection of Transboundary Rivers, 2024–2025. Official Information Resource of the Ministry of Water Resources and Irrigation of the Republic of Kazakhstan. Available at: https://www.gov.kz/memleket/entities/water

КАЗАХСТАНСКО-КИТАЙСКОЕ СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПАРТНЕРСТВО В СТРУКТУРЕ СИНЬЦЗЯНА: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ БАРЬЕРЫ И ДРАЙВЕРЫ КООПЕРАЦИИ

Карымсакова Д.А.[1], *Батырбаев К.М.[2]
[1, *2] Международный университет Астана, Астана, Казахстан

Аннотация. В статье комплексно анализируется многомерная роль Синьцзян-Уйгурского автономного района (СУАР) в системе двусторонних

отношений в рамках стратегического партнерства между Республикой Казахстан и Китайской Народной Республикой. Целью исследования является выявление ключевых торгово-экономических драйверов и структурных институциональных ограничений СУАР, влияющих на двусторонние отношения, а также комплексная оценка их взаимосвязи. Теоретическую основу статьи составляют теория комплексной взаимозависимости Р. Кохэйна и Дж. Ная, институциональный и сравнительный анализ, а также методы многофакторного форсайт-прогнозирования. В ходе исследования определено инфраструктурное значение СУАР в Экономическом поясе Шелкового пути и Транскаспийском международном транспортном маршруте, проанализирован институциональный дизайн СЭЗ «Хоргос – Восточные ворота» и МЦПС «Хоргос», последствия запуска экспериментальной зоны свободной торговли Китая и фитосанитарные барьеры при экспорте аграрной продукции. Кроме того, обоснована эффективность механизмов «тихой дипломатии» в этногуманитарной сфере и гидрополитические проблемы, вызванные интенсификацией водозабора Синьцзянским производственно-строительным корпусом в бассейнах трансграничных рек Или и Черный Иртыш. В результате исследования доказана структурная амбивалентность СУАР в двусторонних отношениях: регион не только ускоряет экономическую интеграцию, но и формирует долгосрочные риски в условиях глубокой асимметрии. Практическая значимость работы заключается в разработке рекомендаций для государственных органов Казахстана по совершенствованию водной дипломатии и логистической политики, а также в представлении трех возможных сценариев развития двустороннего субрегионального сотрудничества до 2035 года («Прагматическая конвергенция», «Институциональный прорыв», «Балансирование на грани напряженности»).

Ключевые слова: Казахстан, КНР, Синьцзян (СУАР), комплексная взаимозависимость, трансграничные реки, гидрополитика, кандасы, Средний коридор (ТМТМ), СЭЗ «Хоргос», институциональный дизайн, асимметричное партнерство, секьюритизация

XINJIANG IN THE STRUCTURE OF KAZAKHSTAN–CHINA STRATEGIC PARTNERSHIP: INSTITUTIONAL BARRIERS AND DRIVERS OF COOPERATION

Karymsakova D.A. [1] Batyrbayev K.M. [2]
[1,*2] Astana International University, Astana, Kazakhstan

Abstract. This article provides a comprehensive analysis of the role of the Xinjiang Uyghur Autonomous Region (XUAR) within the framework of the strategic partnership between the Republic of Kazakhstan and the People's Republic of China. The study aims to identify the key drivers of cooperation and institutional constraints associated with Xinjiang and to assess their impact on bilateral relations. The research is based on the theory of complex interdependence developed by R. Keohane and J. Nye, employing institutional

analysis, comparative analysis, event analysis, and scenario forecasting. Particular attention is devoted to Xinjiang's infrastructure role in the Silk Road Economic Belt and the Middle Corridor (TITR). The study analyzes the institutional designs of the Khorgos Eastern Gate SEZ and Khorgos ICBC, the impact of the newly established Xinjiang Pilot Free Trade Zone, and regulatory phytosanitary barriers in agricultural trade. Furthermore, it evaluates the efficiency and limits of "quiet diplomacy" mechanisms regarding the Kazakh diaspora and highlights critical hydropolitical issues in the Ili and Black Irtysh transboundary river basins driven by the intensification of water withdrawal by the Xinjiang Production and Construction Corps. The findings demonstrate that Xinjiang represents a structurally ambivalent factor: while promoting economic connectivity, it simultaneously generates long-term risks in the humanitarian and environmental spheres due to deep bilateral asymmetry. The practical significance of the research consists in formulating recommendations for relevant public authorities of Kazakhstan to improve transport cooperation and water diplomacy, as well as proposing three alternative forecasting scenarios through 2035: Pragmatic Convergence, Institutional Breakthrough, and Tense Balancing.

Keywords: Kazakhstan, PRC, Xinjiang (XUAR), complex interdependence, transboundary rivers, hydropolitics, kandas, Middle Corridor (TITR), Khorgos SEZ, institutional design, asymmetric partnership, securitization

Авторлар туралы мәлімет:

Карымсакова Дана Әлімжанқызы – докторант, Астана Халықаралық университеті, Астана қ., Қазақстан, e-mail: dana.sabi@gmail.com

Батырбаев Қайрат Маратұлы – оқытушы, Астана Халықаралық университеті, Астана қ., Қазақстан, e-mail: eami.kairat@gmail.com

Информация об авторах:

Карымсакова Дана Алимжановна – докторант, Международный университет Астана, г. Астана, Казахстан, e-mail: dana.sabi@gmail.com

Батырбаев Кайрат Маратович – преподаватель, Международный университет Астана, г. Астана, Казахстан, e-mail: eami.kairat@gmail.com

Information about the authors:

Dana Alimzhanovna Karymsakova – PhD student, International University of Astana, Astana city, Kazakhstan, e-mail: dana.sabi@gmail.com

Batyrbayev Kairat Maratovich – lecturer, Astana International University, Astana city, Kazakhstan, e-mail: eami.kairat@gmail.com

Мақала түсті / Статья поступила / Received: 15.07.2026.
Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted: 28.09.2026.

УДК 327.25
МРНТИ 11.25.19
https://doi.org/10.48371/ISMO.2026.65.3.016

ФОРМИРОВАНИЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО ПОРЯДКА В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: ВЛИЯНИЕ ВНЕШНИХ АКТОРОВ И РЕГИОНАЛЬНАЯ ДИНАМИКА

Курмашев Д.С.[1], *Кусаинова А.М.[2]
[1,*2] Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева
Астана, Казахстан

Аннотация. Статья посвящена анализу формирования современного геополитического порядка в Центральной Азии. Регион, включающий Казахстан, Узбекистан, Туркменистан, Кыргызстан и Таджикистан, занимает важное место в системе международных отношений благодаря своему стратегическому географическому положению в центре Евразии, богатому природно-ресурсному потенциалу, транзитным возможностям и роли связующего звена между Востоком и Западом. Эти факторы делают Центральную Азию одним из ключевых пространств пересечения экономических, политических и транспортно-логистических интересов различных государств и международных акторов. В постсоветский период Центральная Азия стала пространством активного взаимодействия и конкуренции интересов ведущих мировых держав. Особое внимание в статье уделяется анализу роли России и Китая как наиболее значимых внешних партнеров региона, оказывающих существенное влияние на формирование регионального геополитического баланса.

Рассматриваются изменения в структуре регионального взаимодействия, связанные с усилением экономического, инвестиционного и инфраструктурного присутствия Китая, в частности в рамках инициативы «Пояс и путь», а также с трансформацией форм политического, военного и экономического сотрудничества России со странами Центральной Азии. В работе проводится сравнительный анализ геополитических и экономических стратегий государств региона – Казахстана, Узбекистана, Туркменистана, Кыргызстана и Таджикистана. Показано, что страны Центральной Азии стремятся проводить прагматичную и многовекторную внешнюю политику, направленную на укрепление государственного суверенитета, диверсификацию внешних связей и балансирование между интересами ведущих внешних акторов. Отмечается, что развитие регионального сотрудничества, укрепление институциональных механизмов взаимодействия и формирование собственных региональных инициатив могут способствовать становлению более устойчивого и сбалансированного геополитического порядка в Центральной Азии.

Ключевые слова: Центральная Азия, региональный геополитический порядок, внешние акторы, региональная безопасность, геополитическая конкуренция, региональная динамика, многовекторная внешняя политика

Введение

Центральная Азия (ЦА), включающая Казахстан, Узбекистан, Туркменистан, Кыргызстан и Таджикистан, занимает важное место в современной системе международных отношений благодаря своему стратегическому положению в центре Евразии, значительному природно-ресурсному потенциалу и транзитным возможностям. Расположение региона на пересечении транспортных и экономических маршрутов, связывающих Восток и Запад, обусловливает устойчивый интерес к нему со стороны крупных внешних акторов – России, Китая, США, Европейского союза и Турции. Наряду с ними взаимодействие со странами региона развивают Иран, Индия и Пакистан, однако масштабы их присутствия остаются более ограниченными.

После распада СССР Россия сохраняла значимые позиции в Центральной Азии, опираясь на исторически сложившиеся политические, экономические, военно-безопасностные и гуманитарные связи, а также на развитие интеграционных механизмов. Вместе с тем с начала XXI века существенно возросла роль Китая, расширившего торгово-экономическое, инвестиционное и инфраструктурное взаимодействие со странами региона. Одновременно активизировались различные форматы сотрудничества Центральной Азии с США, Европейским союзом и Турцией. В результате современная конфигурация взаимодействия в регионе характеризуется участием нескольких внешних акторов, использующих различные экономические, политические, институциональные и военно-безопасностные инструменты.

В научной литературе сформировался значительный массив исследований, посвящённых политическим и экономическим процессам в Центральной Азии, региональному сотрудничеству и взаимодействию государств региона с внешними акторами. Вместе с тем трансформация характера и инструментов такого взаимодействия обусловливает необходимость комплексного рассмотрения складывающейся конфигурации регионального геополитического порядка с учётом как роли внешних акторов, так и внешнеполитических стратегий самих государств Центральной Азии.

В условиях трансформации мировой политической системы изучение регионального геополитического порядка Центральной Азии приобретает особую актуальность. Его анализ позволяет определить характер распределения влияния между внешними акторами, выявить основные направления их взаимодействия со странами региона и оценить роль государств Центральной Азии в формировании региональной политической конфигурации.

Целью статьи является выявление ключевых характеристик современного регионального геополитического порядка в Центральной Азии. Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи: определить основные параметры регионального геополитического порядка; проанализировать направления и инструменты взаимодействия ведущих

внешних акторов со странами Центральной Азии; выявить различия в их присутствии в экономической, инфраструктурной, военно-политической и институциональной сферах; рассмотреть особенности внешнеполитических стратегий государств региона и их роль в формировании регионального геополитического порядка.

Описание материалов и методов

В ходе исследования использовался сравнительный метод, который позволяет выявить сходства и различия между исследуемыми объектами и определить закономерности их развития. В рамках данной работы сравнительный анализ применялся для сопоставления роли государств Центральной Азии в формировании регионального геополитического порядка. Сравнение проводилось по таким параметрам, как внешнеполитические приоритеты государств, уровень их взаимодействия с ведущими внешними акторами, участие в региональных и международных организациях, а также степень вовлечённости в интеграционные и экономические проекты. Такой подход позволил определить особенности внешнеполитического поведения стран региона и выявить различия в их стратегиях балансирования между крупными центрами силы.

Кроме того, в исследовании применялось геополитическое моделирование, позволяющее представить региональный геополитический порядок как систему взаимодействия государств Центральной Азии и внешних акторов. В качестве основных параметров моделирования были выделены пять сфер влияния: военно-политическая и безопасность, торгово-экономическая, инвестиционно-инфраструктурная, энергетическая и институционально-гуманитарная.

Степень влияния внешних акторов – России, Китая, США, Европейского союза и Турции – определялась на основе совокупности качественных и количественных индикаторов, включая интенсивность торгово-экономических связей, участие в инвестиционных и инфраструктурных проектах, взаимодействие в сфере безопасности, участие государств Центральной Азии в инициированных или поддерживаемых внешними акторами многосторонних форматах и организациях, а также устойчивость политико-дипломатического взаимодействия.

Сравнение государств Центральной Азии осуществлялось по единым критериям: характер внешнеполитической стратегии, степень диверсификации внешних связей, участие в региональных и международных организациях, вовлечённость в интеграционные и транспортно-инфраструктурные проекты, а также особенности взаимодействия с ведущими внешними акторами. Использование данных критериев позволило выявить различия в стратегиях Казахстана, Узбекистана, Туркменистана, Кыргызстана и Таджикистана и определить их место в формирующейся конфигурации регионального геополитического порядка.

Результаты

В различных внешнеполитических и аналитических проектах, посвящённых Центральной Азии, предлагались разные подходы к трансформации геополитической и геоэкономической конфигурации региона. Значительная часть таких инициатив была ориентирована не столько на формирование самостоятельных интеграционных механизмов внутри Центральной Азии, сколько на включение государств региона в более широкие международные и региональные форматы, развиваемые при участии внешних акторов. В то же время внутрирегиональное сотрудничество длительное время сдерживалось различиями политических и экономических интересов государств Центральной Азии.

В рамках данного исследования региональный геополитический порядок рассматривается как система распределения сил и влияния между государствами региона и внешними акторами, определяющая характер их сотрудничества и конкуренции, а также конфигурацию политических, экономических и институциональных связей [1, p. 40]. Такая трактовка позволяет учитывать не только соотношение потенциалов отдельных государств, но и используемые ими механизмы взаимодействия, посредством которых формируются условия реализации внешнеполитических стратегий в регионе.

В постсоветский период конфигурация регионального геополитического порядка Центральной Азии претерпела существенные изменения. В 1990-е годы Россия сохраняла наиболее значимые позиции, опираясь на исторически сложившиеся политические, экономические, инфраструктурные и военно-безопасностные связи. Одновременно США и другие западные государства расширяли взаимодействие со странами региона, в том числе посредством поддержки экономических и политических преобразований [2]. В последующие десятилетия рост экономического присутствия Китая способствовал усложнению структуры внешнего взаимодействия в Центральной Азии.

В научной литературе отношения России и Китая в Центральной Азии рассматриваются как сочетание элементов сотрудничества и конкуренции. Россия традиционно сохраняет значимые позиции в политической и военно-безопасностной сферах, тогда как Китай последовательно расширяет торгово-экономическое, инвестиционное и инфраструктурное присутствие. При этом взаимодействие двух государств в регионе не сводится к прямому соперничеству и характеризуется стремлением избегать открытой конфронтации [3]. Одновременно государства Центральной Азии развивают отношения с другими внешними партнёрами, что расширяет возможности диверсификации их внешних связей.

Взаимодействие США и Европейского союза со странами Центральной Азии развивается преимущественно в экономической, институциональной, транспортно-логистической и гуманитарной сферах, а также по отдельным направлениям региональной безопасности. Их участие формирует дополнительные каналы внешнего сотрудничества государств региона и

способствует диверсификации международных связей Центральной Азии.

Отдельным направлением является сотрудничество с Турцией, опирающееся на политические, экономические, культурно-языковые и образовательные связи с тюркоязычными государствами региона. Развитие многосторонних тюркских форматов расширило институциональную основу этого взаимодействия и создало дополнительные механизмы сотрудничества в экономической, транспортной и гуманитарной сферах [4, с. 63].

Значимым инструментом взаимодействия России со странами Центральной Азии остаются региональные институты. В сфере безопасности важную роль играет Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), членами которой из государств Центральной Азии являются Казахстан, Кыргызстан и Таджикистан. Возможности механизма коллективной безопасности были продемонстрированы в январе 2022 года, когда по обращению руководства Казахстана в страну на ограниченный период были направлены Коллективные миротворческие силы ОДКБ. Вместе с тем деятельность организации показывает, что многосторонние механизмы безопасности функционируют в условиях различий национальных интересов и подходов государств-участников [5, p. 14].

В экономической сфере одним из основных институциональных механизмов российского участия остаётся Евразийский экономический союз (ЕАЭС), членами которого среди государств Центральной Азии являются Казахстан и Кыргызстан. ЕАЭС предусматривает свободу движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы и формирует институциональную основу экономической интеграции государств-участников. Вместе с тем ограниченный состав участников из Центральной Азии показывает, что ЕАЭС не выступает универсальным интеграционным форматом для всего региона.

Российское направление также связано с более широкими инициативами евразийского сотрудничества. В частности, обсуждалось сопряжение ЕАЭС с китайской инициативой «Экономический пояс Шёлкового пути» и развитие Большого Евразийского партнёрства. Эти инициативы отражают стремление к формированию более широкой системы экономического взаимодействия на евразийском пространстве и одновременно демонстрируют пересечение российских и китайских интеграционных и инфраструктурных проектов [6, с. 21].

Региональный геополитический порядок Центральной Азии характеризуется усложнением структуры внешних связей. При сохранении значимых позиций России расширяется экономическое и инфраструктурное присутствие Китая, одновременно развиваются форматы взаимодействия с США, Европейским союзом и Турцией, что способствует диверсификации внешних связей государств региона.

Обсуждение

В последние годы роль Китая в геоэкономической динамике Центральной Азии заметно возросла. Основными направлениями взаимодействия выступают торговля, инвестиции, инфраструктурные проекты, энергетика и транспортная связанность. Дополнительное значение приобретает развитие альтернативных транспортно-логистических маршрутов, включая Транскаспийский международный транспортный маршрут (Средний коридор), связывающий Центральную Азию с европейскими рынками через Каспий и Южный Кавказ. Расширение транспортной инфраструктуры способствует диверсификации внешнеэкономических связей государств региона.

Важным многосторонним механизмом взаимодействия остаётся Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), сформированная в 2001 году на основе «Шанхайской пятёрки». Расширение состава организации привело к усложнению её институциональной структуры и спектра интересов государств-членов. Наряду с вопросами безопасности повестка ШОС охватывает экономическое и гуманитарное сотрудничество, что позволяет рассматривать организацию как один из многосторонних форматов взаимодействия государств Центральной Азии с внешними партнёрами [7].

Китайское присутствие в регионе первоначально было сосредоточено преимущественно на торгово-экономическом и инвестиционном сотрудничестве, однако постепенно его направления расширились. Наряду с инфраструктурными и энергетическими проектами развиваются взаимодействие в сфере безопасности, образовательные и культурные обмены, а также новые институциональные механизмы сотрудничества. Особое значение приобретает формат «Китай — Центральная Азия», который дополняет традиционные двусторонние отношения Китая с государствами региона и формирует отдельный многосторонний канал взаимодействия. Современная повестка этого формата охватывает торговлю, инвестиции, транспортную связанность, промышленность, энергетику, образование и другие направления сотрудничества.

Экономическое измерение остаётся наиболее заметным направлением китайского присутствия. В 2025 году товарооборот Китая со странами Центральной Азии достиг 106,3 млрд долл. США, впервые превысив отметку в 100 млрд долл. Одновременно продолжилась реализация проектов в сфере транспортной связанности, промышленности, энергетики и инфраструктуры. Эти показатели свидетельствуют о расширении экономических связей Китая со странами региона и позволяют рассматривать экономические инструменты как одну из основных составляющих его участия в региональном геополитическом порядке.

Одновременно государства Центральной Азии стремятся диверсифицировать внешние связи, развивая сотрудничество не только с Китаем и Россией, но и с США, Европейским союзом, Турцией и другими партнёрами. Расширение числа внешних форматов предоставляет

государствам региона дополнительные возможности в сферах торговли, инвестиций, транспортной инфраструктуры и безопасности и создаёт условия для проведения многовекторной внешней политики.

Наряду с развитием внешних связей усиливается и внутрирегиональное взаимодействие государств Центральной Азии. Общность ряда экономических, транспортных и безопасностных интересов способствует развитию механизмов регионального сотрудничества, тогда как различия национальных приоритетов обусловливают сохранение самостоятельных внешнеполитических стратегий. В результате региональный геополитический порядок формируется под воздействием как взаимодействия с внешними акторами, так и политики самих государств Центральной Азии. Основные направления и инструменты взаимодействия внешних акторов со странами Центральной Азии в сравнительном разрезе представлены в таблице 1.

Таблица 1. Основные направления и инструменты взаимодействия внешних акторов со странами Центральной Азии

Внешний актор	**Товарооборот со странами Центральной Азии**	**Инвестиционные и инфраструктурные проекты**	**Безопасность и военно-политическое сотрудничество**	**Институциональные форматы**
Россия	50 млрд долл. США (2025)	Международный транспортный коридор «Север–Юг»; транспортные и энергетические проекты; совместные промышленные проекты; инфраструктурное взаимодействие в рамках ЕАЭС	ОДКБ; российская объединённая военная база «Кант» в Кыргызстане; 201-я российская военная база в Таджикистане; совместные учения и подготовка кадров; сотрудничество по противодействию терроризму, экстремизму и транснациональной преступности	ЕАЭС; ОДКБ; СНГ; формат «Центральная Азия – Россия»
Китай	106,3 млрд долл. США (2025)	Belt and Road Initiative (BRI); железная дорога Китай–Кыргызстан–Узбекистан; сухой порт Хоргос; логистические и транспортные проекты; нефтегазопроводная и энергетическая инфраструктура Китай–Центральная Азия	ШОС и её Региональная антитеррористическая структура (РАТС); совместные антитеррористические мероприятия; двустороннее сотрудничество в сфере безопасности; пограничное взаимодействие	ШОС; формат «Китай – Центральная Азия»; механизм саммитов Китай–ЦА; BRI
США	6,48 млрд долл. США (2025)	B5+1; C5+1 Critical Minerals Dialogue; проекты по критически важным минералам; Partnership for Global Infrastructure and Investment (PGII); программы содействия региональной торговле и связанности	Пограничная безопасность; противодействие терроризму и наркотрафику; программы нераспространения; подготовка кадров правоохранительных органов; сотрудничество по безопасности в рамках C5+1	C5+1; B5+1; C5+1 Critical Minerals Dialogue; Trade and Investment Framework Agreement (TIFA)

ЕС	57 млрд долл. США (2025)	Global Gateway; Транскаспийский транспортный коридор (Middle Corridor); пакет Team Europe; проекты в области критического сырья, цифровой связанности, водных ресурсов и энергетики	BOMCA (Border Management Programme in Central Asia); CADAP (Central Asia Drug Action Programme); диалог ЕС–ЦА по безопасности; сотрудничество по противодействию транснациональным угрозам	Стратегия ЕС по Центральной Азии; формат ЕС–Центральная Азия; саммит ЕС–ЦА; EPCA; Joint Roadmap for Deepening Ties between the EU and Central Asia
Турция	15,3 млрд долл. США (2025)	Средний коридор (Trans-Caspian East–West Middle Corridor); Тюркский инвестиционный фонд; проекты TİKA; развитие транспортной и логистической связанности в рамках ОТГ	Двустороннее военно-техническое сотрудничество; подготовка военных кадров; совместные учения; сотрудничество оборонных ведомств.	Организация тюркских государств (ОТГ); Тюркский инвестиционный фонд; Тюркская торгово-промышленная палата; Тюркская академия

Составлено на основе [8-12] литературы

Сравнение показывает различия в характере присутствия внешних акторов в регионе: Китай наиболее заметен в торгово-экономической и инфраструктурной сферах, Россия сохраняет значимую роль в сфере безопасности и интеграционных механизмов, ЕС – в торгово-инвестиционном и инфраструктурном взаимодействии, США – в специализированных форматах экономического сотрудничества и безопасности, тогда как Турция сочетает транспортно-экономическое взаимодействие с развитой институциональной и гуманитарной составляющей. Таким образом, внешнее взаимодействие в Центральной Азии приобретает всё более дифференцированный и многовекторный характер.

В свою очередь, государства Центральной Азии стремятся к укреплению внутрирегионального взаимодействия и развитию собственных механизмов сотрудничества. Регулярно проводятся консультативные встречи глав государств Центральной Азии, направленные на укрепление регионального диалога. В частности, 21 июля 2022 года президенты Казахстана, Кыргызстана и Узбекистана подписали Договор о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве в целях развития Центральной Азии в XXI веке, предусматривающий возможность последующего присоединения Туркменистана и Таджикистана. Несмотря на сохраняющиеся отдельные разногласия, в регионе прослеживается тенденция к развитию и институционализации межгосударственного сотрудничества [13]. Вместе с тем страны Центральной Азии различаются по своим внешнеполитическим приоритетам, участию в региональных организациях и характеру взаимодействия с внешними акторами, что определяет особенности их роли в региональных процессах. Сравнительная характеристика этих особенностей представлена в таблице 2.

Таблица 2. Роль государств Центральной Азии в региональном геополитическом порядке

Государство ЦА	Геополитическая роль	Экономические особенности	Безопасность и партнёры
Казахстан	Ключевой региональный актор, проводит многовекторную внешнюю политику, стремится играть ведущую роль в региональном сотрудничестве.	Диверсифицирует внешнюю торговлю; крупнейший торговый партнёр - Китай (товарооборот более 41 млрд $); сохраняются значительные экономические связи с Россией; участие в ЕАЭС.	Участник ОДКБ; сотрудничество с Россией в сфере безопасности.
Узбекистан	Обладает значительным демографическим и экономическим потенциалом; проводит более открытую внешнюю политику после реформ Ш. Мирзиёева.	Экономические реформы и развитие региональных связей усиливают роль страны как центра экономического сотрудничества в регионе.	Сотрудничество с соседними государствами; важный фактор регионального баланса сил.
Туркменистан	Проводит нейтральную и относительно автономную внешнюю политику.	Крупные запасы природного газа; экспорт ориентирован прежде всего на Китай; возможны перспективы поставок газа в Европу.	Важный фактор энергетической и региональной стабильности.
Кыргызстан	Экономически уязвимое государство, активно участвует в интеграционных проектах.	Член ЕАЭС; значительную роль играют денежные переводы трудовых мигрантов; усиливаются экономические связи с Китаем.	Участник ОДКБ; на территории страны расположена российская военная база.
Таджикистан	Наиболее уязвимое государство региона; стратегически важно из-за близости к Афганистану.	Экономика зависит от внешней поддержки; значительная роль китайских инвестиций.	На территории страны размещена российская 201-я военная база; сотрудничество с Россией в сфере безопасности.

Составлено на основе [14,15] литературы

Анализ представленных данных показывает, что государства Центральной Азии занимают различные позиции в региональном геополитическом порядке, обладая неодинаковым экономическим и политическим потенциалом. Казахстан выступает одним из наиболее влиятельных акторов региона и проводит многовекторную внешнюю политику, стремясь укрепить свою роль в развитии регионального сотрудничества. Узбекистан также обладает значительным демографическим и экономическим потенциалом и постепенно усиливает своё влияние в региональных процессах. Туркменистан сохраняет нейтральную внешнеполитическую позицию, оставаясь важным энергетическим партнёром. Кыргызстан и Таджикистан характеризуются большей экономической уязвимостью и в значительной степени опираются на

внешнюю поддержку в сфере безопасности. В целом страны региона демонстрируют стремление к развитию сотрудничества при сохранении различий в ресурсных возможностях и внешнеполитических ориентирах. Государства региона стремятся обеспечивать свои собственные интересы и маневрировать между ведущими внешними геополитическими актерами.

Выводы

Проведённый анализ показывает, что Центральная Азия занимает важное место в современной системе международных отношений благодаря своему стратегическому географическому положению, богатому природно-ресурсному потенциалу и транзитным возможностям. Эти факторы обусловливают высокий интерес к региону со стороны ведущих мировых акторов, прежде всего России, Китая, стран Запада и Турции. В результате Центральная Азия формируется как пространство взаимодействия и конкуренции различных геополитических и геоэкономических интересов.

В постсоветский период Россия сохраняла значительное влияние в регионе, особенно в сфере безопасности и военно-политического сотрудничества. Вместе с тем в последние годы наблюдается постепенное усиление экономического и политического присутствия Китая, что способствует формированию более сложной и многополярной системы взаимодействия внешних акторов. Китай активно расширяет инвестиционное и инфраструктурное сотрудничество со странами региона, а также продвигает масштабные транспортно-экономические проекты, направленные на укрепление связей между Азией и Европой.

Сами государства Центральной Азии стремятся проводить прагматичную и многовекторную внешнюю политику, направленную на диверсификацию экономических и политических связей. Казахстан и Узбекистан обладают наибольшим потенциалом для активного участия в формировании региональной политики, тогда как Кыргызстан и Таджикистан в большей степени зависят от внешней поддержки. Туркменистан сохраняет нейтральную позицию, играя важную роль в энергетической сфере.

В целом в регионе прослеживается тенденция к постепенному развитию форм регионального сотрудничества. Страны Центральной Азии стремятся использовать складывающуюся геополитическую ситуацию для укрепления собственных позиций и балансирования между интересами ведущих мировых держав.

ЛИТЕРАТУРА

[1] Chatterjee S., Kumar A. Geoeconomics, geopolitics, and the contemporary international order: Some reflections //Global political economy, geopolitics and international security: The world in permacrisis. – Singapore: Springer Nature Singapore, 2024. – P. 35-53.

[2] Tolipov F. New Strategy, Old Game: The Realigning Geopolitics of Central Asia //The Central Asia-Caucasus Analyst. – 2020. – Т. 26.

[3] Laruelle M., Peyrouse S. Globalizing Central Asia: Geopolitics and the challenges of economic development. – Routledge, 2015.

[4] Карпович О. Г., Кондаков С. А. Центральная Азия: регион геополитической конкуренции или партнёрства? //Научно-аналитический журнал Обозреватель-Observer. – 2021. – №. 5 (376). – С. 59-70.

[5] Davidzon I., Peters I. Im (perfect) allies: explaining the internal cooperation variance of Russia and the US with their CSTO and NATO partners //International Politics. – 2025. – С. 1-25.

[6] Шупин Я. Евразийская инициатива» Большое евразийское партнерство» и» Один пояс-один путь»: сравнительный анализ //Россия и современный мир. – 2023. – №. 1 (118). – С. 19-33.

[7] Purton A. Regionalism in Central Asia: new perspectives in the age of Russian decline. – 2024.

[8] Товарооборот России со странами Центральной Азии возрос до $50 млрд https://tass.ru/ekonomika/27142503 20.06.2026

[9] China-Central Asia economic, trade cooperation achieves remarkable progress in 2025 https://english.www.gov.cn/ 20.06.2026

[10] South and Central Asia Trade Summary https://ustr.gov/countries-regions/south-central-asia 20.06.2026

[11] EU trade relations with Central Asia. Facts, figures and latest https://policy.trade.ec.europa.eu/eu-trade-relationships-country-and-region/countries-and-regions/central-asia_en?utm_source=chatgpt.com 20.06.2026

[12] Consulate General of the Republic of Kazakhstan in Istanbul ttps://www.gov.kz/memleket/entities/mfa-istanbul/activities/2076?lang=en&utm_source 20.06.2026

[13] Ренессанс Центральной Азии: На пути к устойчивому развитию и процветанию //https://www.akorda.kz/ru/renessans-centralnoy-azii-na-puti-k-ustoychivomu-razvitiyu-i-procvetaniyu-1272135 20.01.2026

[14] Подготовлен Концептуальный аналитический доклад «Большое Евразийское Партнерство: общая ответственность за безопасное будущее» https://odkb-soyuz.org/analitics/806 12.12.2025

[15] Lopez A. M., Jackson S. F. China, Russia, and Central Asia: Opportunities and Limits for Actors Great and Small // Asia Policy. – 2026. – Vol. 21, No. 1. – P. 155–184.

REFERENCES

[1] Chatterjee S., Kumar A. Geoeconomics, geopolitics, and the contemporary international order: Some reflections //Global political economy, geopolitics and international security: The world in permacrisis. Singapore: Springer Nature Singapore, 2024, pp. 35-53.

[2] Tolipov F. New Strategy, Old Game: The Realigning Geopolitics of Central Asia. The Central Asia-Caucasus Analyst, 2020, T. 26.

[3] Laruelle M., Peyrouse S. Globalizing Central Asia: Geopolitics and the challenges of economic development. Routledge, 2015.

[4] Karpovich O. G., Kondakov S. A. Central'naja Azija: region

geopoliticheskoj konkurencii ili partnjorstva? [Central Asia: A Region of Geopolitical Competition or Partnership? [Nauchno-analiticheskij zhurnal Obozrevatel'- Observer, 2021, №. 5 (376)., S. 59-70. [in Russ.].

[5] Davidzon I., Peters I. Im (perfect) allies: explaining the internal cooperation variance of Russia and the US with their CSTO and NATO partners //International Politics, 2025, pp. 1-25.

[6] Shupin Ja. Evrazijskaja iniciativa" Bol'shoe evrazijskoe partnerstvo" i" Odin pojas-odin put'": sravnitel'nyj analiz [The Eurasian initiative "Greater Eurasian Partnership" and the "Belt and Road Initiative": a comparative analysis [Rossija i sovremennyj mir, 2023, №. 1 (118)., S. 19-33. [in Russ.].

[7] Purton A. Regionalism in Central Asia: new perspectives in the age of Russian decline, 2024.

[8] Tovarooborot Rossii so stranami Tsentral'noy Azii vozros do $50 mlrd [Trade turnover between Russia and Central Asian countries increased to $50 billion] 20.06.2026 [in Russ.].

[9] China-Central Asia economic, trade cooperation achieves remarkable progress in 2025 https://english.www.gov.cn/ 20.06.2026

[10] South and Central Asia Trade Summary https://ustr.gov/countries-regions/south-central-asia 20.06.2026

[11] EU trade relations with Central Asia. Facts, figures and latest https://policy.trade.ec.europa.eu/eu-trade-relationships-country-and-region/countries-and-regions/central-asia_en?utm_source 20.06.2026

[12] Consulate General of the Republic of Kazakhstan in Istanbul ttps://www.gov.kz/memleket/entities/mfa-istanbul/activities/2076?lang=en&utm_source 20.06.2026

[13] Renessans Central'noj Azii: Na puti k ustojchivomu razvitiju i procvetaniju [Renaissance of Central Asia: towards sustainable development and prosperity]. https://www.akorda.kz/ru/renessans-centralnoy-azii-na-puti-k-ustoychivomu-razvitiyu-i-procvetaniyu-1272135 [in Russ.].

[14] Podgotovlen Konceptual'nyj analiticheskij doklad «Bol'shoe Evrazijskoe Partnerstvo: obshhaja otvetstvennost' za bezopasnoe budushhee» ["Greater Eurasian Partnership: Shared Responsibility for a Secure Future"]. https://odkb-soyuz.org/analitics/806 [in Russ.].

[15] Lopez A. M., Jackson S. F. China, Russia, and Central Asia: Opportunities and Limits for Actors Great and Small // Asia Policy. – 2026. – Vol. 21, No. 1. – P. 155–184.

ОРТАЛЫҚ АЗИЯДАҒЫ ГЕОСАЯСИ ТӘРТІПТІҢ ҚАЛЫПТАСУЫ: СЫРТҚЫ АКТОРЛАРДЫҢ ЫҚПАЛЫ ЖӘНЕ АЙМАҚТЫҚ ДИНАМИКА

Құрмашев Д.С.[1], *Құсаинова А.М.[2]

[1,*2] Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті, Астана, Қазақстан

Аңдатпа. Мақала Орталық Азиядағы қазіргі геосаяси тәртіптің қалыптасу үдерісін талдауға арналған. Қазақстан, Өзбекстан, Түрікменстан,

Қырғызстан және Тәжікстанды қамтитын аймақ Еуразия құрлығының ортасында орналасқан стратегиялық географиялық жағдайына, табиғи ресурстарға бай болуына, транзиттік мүмкіндіктеріне және Шығыс пен Батысты байланыстыратын маңызды көпір ретіндегі рөліне байланысты халықаралық қатынастар жүйесінде ерекше орын алады. Бұл факторлар Орталық Азияны түрлі мемлекеттер мен халықаралық акторлардың экономикалық, саяси және көлік-логистикалық мүдделері тоғысатын маңызды кеңістікке айналдырады.Посткеңестік кезеңде Орталық Азия жетекші әлемдік державалардың өзара әрекеттесуі мен мүдделер бәсекелестігі орын алатын аймаққа айналды. Мақалада аймақтағы геосаяси тепе-теңдіктің қалыптасуына елеулі ықпал ететін негізгі сыртқы серіктестер ретінде Ресей мен Қытайдың рөліне ерекше назар аударылады. Зерттеуде Қытайдың экономикалық, инвестициялық және инфрақұрылымдық қатысуының күшеюіне, әсіресе «Бір белдеу – бір жол» бастамасы аясында, сондай-ақ Ресейдің Орталық Азия мемлекеттерімен саяси, әскери және экономикалық ынтымақтастығының трансформациясына байланысты аймақтық өзара іс-қимыл құрылымындағы өзгерістер қарастырылады. Сонымен қатар Қазақстан, Өзбекстан, Түрікменстан, Қырғызстан және Тәжікстан мемлекеттерінің геосаяси және экономикалық стратегияларына салыстырмалы талдау жүргізіледі. Зерттеу нәтижелері Орталық Азия мемлекеттерінің мемлекеттік егемендікті нығайтуға, сыртқы байланыстарды әртараптандыруға және жетекші сыртқы акторлардың мүдделері арасында теңгерім сақтауға бағытталған прагматикалық әрі көпвекторлы сыртқы саясат жүргізуге ұмтылатынын көрсетеді. Аймақтық ынтымақтастықты дамыту, институционалдық өзара әрекеттесу механизмдерін нығайту және өңірлік бастамаларды қалыптастыру Орталық Азияда неғұрлым тұрақты әрі теңгерімді геосаяси тәртіптің қалыптасуына ықпал етуі мүмкін.

Тірек сөздер: Орталық Азия, өңірлік геосаяси тәртіп, сыртқы акторлар, өңірлік қауіпсіздік, геосаяси бәсекелестік, өңірлік динамика, көпвекторлы сыртқы саясат

THE FORMATION OF A GEOPOLITICAL ORDER IN CENTRAL ASIA: THE INFLUENCE OF EXTERNAL ACTORS AND REGIONAL DYNAMICS

Kurmashev D.S.[1], *Kussainova A.M.[2]
[1,*2] L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan

Abstract. The article analyzes the formation of the contemporary geopolitical order in Central Asia. The region, which includes Kazakhstan, Uzbekistan, Turkmenistan, Kyrgyzstan, and Tajikistan, occupies an important place in the system of international relations due to its strategic geographical location in the center of Eurasia, its rich natural resource potential, transit

opportunities, and its role as a connecting bridge between East and West. These factors make Central Asia one of the key spaces where the economic, political, and transport-logistical interests of various states and international actors intersect. In the post-Soviet period, Central Asia has become a space of interaction and competition among major global powers. Particular attention in the article is paid to the role of Russia and China as the most significant external partners of the region, significantly influencing the formation of the regional geopolitical balance. The study examines changes in the structure of regional interaction associated with the strengthening of China's economic, investment, and infrastructural presence, particularly within the framework of the Belt and Road Initiative, as well as the transformation of political, military, and economic cooperation between Russia and the states of Central Asia. The paper also provides a comparative analysis of the geopolitical and economic strategies of the regional states — Kazakhstan, Uzbekistan, Turkmenistan, Kyrgyzstan, and Tajikistan. The study demonstrates that Central Asian countries pursue pragmatic and multi-vector foreign policies aimed at strengthening state sovereignty, diversifying external relations, and balancing between the interests of major external actors. It is noted that the development of regional cooperation, the strengthening of institutional mechanisms of interaction, and the formation of regional initiatives may contribute to the establishment of a more stable and balanced geopolitical order in Central Asia.

Keywords: Central Asia, regional geopolitical order, external actors, regional security, geopolitical competition, regional dynamics, multi-vector foreign policy

Сведение об авторах:

Курмашев Д.С. – PhD докторант, Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева, Астана, Казахстан, https://orcid.org/0000-0002-4833-4435, e-mail: daniyarkurmashev71@gmail.com

Кусаинова А.М. – автор для корреспонденции, PhD, и.о. доцента кафедры международных отношений, Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева, Астана, Казахстан, https://orcid.org/0009-0003-0165-9069, e-mail: kussainova.am@gmail.com

Авторлар туралы мәлімет

Құрмашев Д.С. – PhD докторант, Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті, Астана, Қазақстан, https://orcid.org/0000-0002-4833-4435, e-mail: daniyarkurmashev71@gmail.com

Құсаинова А.М. – PhD, Халықаралық қатынастар кафедрасының доценті м.а., Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті, Астана, Қазақстан, https://orcid.org/0009-0003-0165-9069, e-mail: kussainova.am@gmail.com

Information about author:

Kurmashev D.S. – PhD doctoral student, L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan, https://orcid.org/0000-0002-4833-4435, e-mail: daniyarkurmashev71@gmail.com

Kussainova A.M. – Corresponding author, PhD, Acting Associate Professor of the International Relations Department, L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan, https://orcid.org/0009-0003-0165-9069, e-mail: kussainova.am@gmail.com

Статья поступила / Мақала түсті / Received: 11.05.2026.
Принята к публикации / Жариялауға қабылданды / Accepted: 28.09.2026

ӘОЖ 327
ҒТАМР11.25.67
https://doi.org/10.48371/ISMO.2026.65.3.017

«БІР БЕЛДЕУ – БІР ЖОЛ» БАСТАМАСЫНЫҢ ҚЫТАЙ МЕН ОРТАЛЫҚ АЗИЯДАҒЫ ЖАСЫЛ ЭНЕРГЕТИКАЛЫҚ ЫНТЫМАҚТАСТЫҚТЫҢ ИНСТИТУЦИОНАЛДЫҚ ДАМУЫНА ЫҚПАЛЫ

*Пермахан Қ.[1], Қален Б.С. [2]
*[1] әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, Алматы, Қазақстан
[2] Экономикалық зерттеулер институты, Алматы, Қазақстан

Аңдатпа. Зерттеу Қытай мен Орталық Азия елдерінің жасыл энергетика саласындағы ынтымақтастығында «Бір белдеу – бір жол» (ББЖ) бастамасының нақты институционалдық рөлін талдайды. ББЖ бұл мақалада дербес халықаралық ұйым немесе бірыңғай құқықтық режим ретінде емес, саяси бағдарлар, үкіметаралық келісімдер, Қытай – ОрталықАзия тетігі, энергетикалық әріптестік, инвестициялық және технологиялық жобалар, сондай-ақ «Жасыл Жібек жолы» қағидаттары арқылы іске асатын көпдеңгейлі ынтымақтастық шеңбері ретінде қарастырылады.

Зерттеудің эмпирикалық базасына 2015–2024 жылдардағы Жаңартылатын энергия көздері жөніндегі халықаралық агенттігінің (IRENA) статистикасы, халықаралық ұйымдардың материалдары, Қытайдың ББЖ-ны жасылдандыру жөніндегі ресми құжаттары, 2023 жылғы Сиань және 2025 жылғы Астана декларациялары, сондай-ақ Орталық Азия мемлекеттерінің жаңартылатын энергия көздері саласындағы ұлттық құқықтық актілері енгізілді. Салыстырмалы талдау Қазақстан, Қырғызстан, Тәжікстан, Түрікменстан және Өзбекстанның энергетикалық құрылымы мен реттеу тетіктеріндегі айырмашылықтарды анықтауға бағытталды.

Нәтижелер ББЖ-ның негізгі институционалдық әсері ортақ міндетті құқықтық режим құрудан емес, саяси күн тәртібін қалыптастырудан, жобаларды үйлестіруден, технологиялар мен инвестицияларды жұмылдырудан және жасыл энергетика бойынша көпжақты тетіктерді нығайтудан көрінетінін көрсетеді. Сонымен бірге ұлттық заңнамалардың, қолдау тетіктерінің және энергетикалық құрылымдардың әркелкілігі жобалардың бірдей институционалдық модель бойынша іске асуына кедергі келтіреді.

Осыған байланысты мақала жаңа халықаралық ұйым құруды міндетті шешім ретінде ұсынбайды. Оның орнына қолданыстағы Қытай–Орталық Азия энергетикалық әріптестігі шеңберінде техникалық стандарттарды жақындастыру, жобалардың экологиялық және қаржылық ашықтығын арттыру, инвестициялық дауларды алдын ала реттеу рәсімдерін дамыту және ұлттық ерекшеліктерді ескеретін кезеңдік институционалдық үйлестіру ұсынылады. Зерттеудің ғылыми жаңалығы ББЖ-ның институционалдық

рөлін нақты құралдар арқылы операционализациялап, оны Орталық Азияның бес мемлекеті бойынша салыстырмалы түрде бағалауында.

Тірек сөздер: Қытай, Орталық Азия, жасыл энергетика, «Бір белдеу – бір жол» бастамасы, институционалдық ынтымақтастық, энергетикалық әріптестік, тұрақты даму

Кіріспе

Жаһандық климаттың өзгеруі, энергетикалық қауіпсіздік және төмен көміртекті даму халықаралық ынтымақтастықтың мазмұнын өзгертіп отыр. Париж келісімі мен БҰҰ-ның Тұрақты даму мақсаттары энергетикалық жүйелерді декарбонизациялау, жаңартылатын энергия көздерін кеңейту және климаттық тәуекелдерді басқару міндеттерін мемлекеттердің сыртқы экономикалық және институционалдық күн тәртібімен тікелей байланыстырды.

Осы үдерісте Қытайдың «Бір белдеу – бір жол» (ББЖ) бастамасы инфрақұрылымдық байланыстылықпен қатар жасыл даму бағытын да күшейтті. 2022 жылғы ББЖ-ны жасыл дамыту жөніндегі ресми құжат жасыл инфрақұрылым, таза энергетика, жасыл қаржы, технология және стандарттар саласындағы ынтымақтастықты басым бағыттар ретінде белгіледі [1]. Сондықтан ББЖ-ның рөлін тек инвестициялық жобалар жиынтығы ретінде емес, саяси бағдарларды, қаржыландыруды, технологиялық трансфертті және мемлекетаралық үйлестіруді байланыстыратын көпдеңгейлі ынтымақтастық шеңбері ретінде қарастыру орынды.

Жаңартылатын энергия көздері жөніндегі халықаралық агенттігінің (IRENA) 2025 жылғы статистикасы 2024 жылдың соңындағы жаңартылатын электр энергетикасының орнатылған қуатын бірізді өлшеммен береді: Қазақстанда – 5 419 МВт, Қырғызстанда – 3 258 МВт, Тәжікстанда – 5 738 МВт, Түрікменстанда – 2 МВт, Өзбекстанда – 5 166 МВт [2]. Бұл көрсеткіштер өндірілген электр энергиясының көлемін емес, электр станцияларының орнатылған таза қуатын сипаттайды. Қырғызстан мен Тәжікстанда көрсеткіштің басым бөлігі гидроэнергетикадан қалыптасады, ал Қазақстан мен Өзбекстанда жел және күн энергетикасының үлесі артып келеді. Осы айырмашылықтар аймақты бірыңғай энергетикалық және құқықтық кеңістік ретінде қарастыруға болмайтынын көрсетеді.

Қытай – Орталық Азия форматында институционалдық негіз де біртіндеп нақтылануда. 2023 жылғы Сиань декларациясында тараптар Қытай – Орталық Азия энергетикалық даму әріптестігін құруды, гидро-, күн және жел энергетикасы саласындағы ынтымақтастықты кеңейтуді қолдады [3]. 2025 жылғы Астана декларациясы бұл бағытты жалғастырып, су, күн, жел және сутегі энергетикасы, жасыл технологиялар мен таза энергия жобаларын ынтымақтастықтың маңызды салалары ретінде қайта бекітті [4]. Бұл құжаттар ББЖ-ның институционалдық рөлін жеке ұйым ретінде емес, қолданыстағы екіжақты және көпжақты тетіктерді байланыстыратын саяси-құқықтық шеңбер ретінде түсіндіруге мүмкіндік береді.

Әдебиетте үш мәселе жеткіліксіз ашылған. Біріншіден, ББББ-ның «институционалдық платформа» ретіндегі рөлі көбіне декларативті сипатталып, оның нақты құралдары ажыратылмайды. Екіншіден, Орталық Азияның бес мемлекеті жиі біртұтас орта ретінде қарастырылып, ұлттық заңнама мен энергетикалық құрылымдардың айырмашылықтары жеткілікті салыстырылмайды. Үшіншіден, құқықтық үйлестіру мен ынтымақтастық тиімділігі қандай өлшемдер арқылы бағаланатыны анық көрсетілмейді. Осы зерттеудің мақсаты – ББББ-ның Қытай–Орталық Азия жасыл энергетикалық ынтымақтастығындағы институционалдық рөлін нақты тетіктер мен салыстырмалы көрсеткіштер арқылы бағалау.

Зерттеу материалдары мен әдістері

Бұл зерттеу «Бір белдеу – бір жол» бастамасының Қытай мен Орталық Азия арасындағы жасыл энергетикалық ынтымақтастыққа институционалдық ықпалын бағалауға бағытталған. Негізгі зерттеу сұрағы: ББББ қандай нақты саяси, құқықтық және ұйымдастырушылық тетіктер арқылы жасыл энергетика саласындағы ынтымақтастықты қалыптастырады және бұл тетіктер Орталық Азияның бес мемлекетінде қандай ұлттық ерекшеліктермен ұштасады?

Зерттеудің міндеттері: 2015–2024 жылдардағы жаңартылатын энергетиканың орнатылған қуатының динамикасын бірдей статистикалық өлшем бойынша салыстыру; ББББ және Қытай–Орталық Азия форматы шеңберіндегі институционалдық құралдарды айқындау; бес мемлекеттің құқықтық және реттеушілік ерекшеліктерін салыстыру; анықталған айырмашылықтардың жобаларды үйлестіруге ықпалын бағалау.

Эмпирикалық материал үш топтан тұрады. Бірінші топ – Жаңартылатын энергия көздері жөніндегі халықаралық агенттігінің (IRENA) 2015–2024 жылдардағы орнатылған жаңартылатын электр қуаты жөніндегі деректері [2]. Екінші топ – ББББ-ны жасыл дамытуға қатысты Қытайдың ресми саяси құжаттары [1], 2023 жылғы Сиань декларациясы [3], 2025 жылғы Астана декларациясы [4] және халықаралық ұйымдардың материалдары. Үшінші топ – Қазақстан, Қырғызстан, Өзбекстан, Түрікменстан және Тәжікстанның жаңартылатын энергия, энергия тиімділігі және жобаларды қолдау саласындағы ұлттық құқықтық актілері [5–9].

Статистикалық талдауда «жаңартылатын энергетиканың орнатылған қуаты» Жаңартылатын энергия көздері жөніндегі халықаралық агенттігінің (IRENA) анықтамасына сәйкес жаңартылатын көздерді пайдаланатын электр өндіру қондырғыларының күнтізбелік жылдың соңындағы максималды таза генерациялық қуаты ретінде қолданылды. Осы себепті орнатылған қуат электр энергиясының нақты өндіріс көлемімен араластырылмайды. Салыстыру үшін 2015 және 2024 жылдардың көрсеткіштері, абсолюттік өзгеріс және технологиялық құрылымның жалпы бағыты пайдаланылды.

Контент-талдау мақсатты іріктеу қағидатымен жүргізілді. Құжаттар төрт код бойынша талданды: 1) институционалдық тетік – тұрақты орган, министрлік диалогы, әріптестік немесе ресми жұмыс форматының болуы;

2) құқықтық үйлестіру – стандарттар, инвестициялық режим, экологиялық талаптар және энергия нарығын реттеу нормаларының сәйкестігі; 3) жобалық іске асыру – қаржыландыру, технологиялық трансферт және инфрақұрылымдық жобаларды іске асыру құралдары; 4) тәуекелдерді басқару – экологиялық бағалау, қаржылық ашықтық және дауларды шешу рәсімдері.

«Институционалдық мүмкіндік» осы төрт өлшемнің кемінде екеуінің нақты құжатпен немесе тетікпен бекітілуі ретінде қарастырылды. «Ынтымақтастық тиімділігі» жалпы саяси бағалау емес, жобаларды іске асыру үшін түсінікті ұлттық құқықтық режимнің болуы, ББББ / Қытай – Орталық Азия басымдықтарының ұлттық саясатпен сәйкестігі және трансшекаралық жобалар үшін стандарттар мен тәуекелдерді басқару рәсімдерінің айқындылығы арқылы талданды. Бұл тәсіл нормативтік ұсыныстарды эмпирикалық нәтижелерден ажыратуға мүмкіндік береді.

Әдеби шолу

Соңғы жылдары қытайлық зерттеушілер «Бір белдеу – бір жол» бастамасы шеңберіндегі жасыл энергетикалық ынтымақтастыққа ерекше назар аударып отыр. Олардың пікірінше, Қытай мен Орталық Азияның энергетикалық серіктестігі аймақтық өзара тәуелділікті тереңдету арқылы «адамзаттың ортақ тағдыр қауымдастығын» құрудың маңызды факторына айналады . Бұл тұрғыда «Бір белдеу – бір жол» бастамасы «жасыл жібек жолы» арқылы тұрақты даму мақсаттарына қол жеткізудің тиімді тетігі [10] және жасыл инвестицияларға негізделген институционалдық инновация ретінде қарастырады . Нәтижесінде, «Бір белдеу – бір жол» экономикалық бастама шеңберінен шығып, климаттық мақсаттарды жүзеге асыратын басқарушылық құрал сипатына ие бола бастады.

«Бір белдеу – бір жол» бастамасы шеңберіндегі жасыл энергетикалық ынтымақтастық аймақтық энергетикалық қауіпсіздікті нығайтып, тұрақты дамуға үлес қосқанымен, бұл үдеріс институционалдық реформалар мен құқықтық үйлестіруді қажет етеді. Зерттеушілердің пікірінше, жасыл инвестициялардың тұрақтылығын арттыруға қарамастан, құқықтық кедергілер және нормативтік үйлестірудің әлсіздігі жалпы прогреске тосқауыл болуда [11]. Алайда, соңғы жылдары экологиялық нормаларды бейімдеу және халықаралық тәжірибені енгізу арқылы жасылдандыру үдерісі институционалдану сатысына көтеріліп, Қытайдың климаттық басқарудағы рөлі арта түсуде [12].

«Бір белдеу – бір жол» бастамасы аясындағы жасыл энергетикалық ынтымақтастықты түсіндіру үшін Қытайлық зерттеулерде, әсіресе тәуекелдерді басқару тұжырымдамасы ерекше мәнге ие. Yu, D., Gu, B., Zhu, K., Yang, J., және Sheng, Y. еңбегінде «Бір белдеу – бір жол» шеңберіндегі жаңартылатын энергия инвестицияларының тұрақтылығы талданған.

Авторлар саяси, экономикалық және экологиялық тәуекелдердің тиімділікке ықпал ететінін айқындап, оларлды төмендету үшін институционалдық үйлестіруді күшейту, аймақтық серіктестікті дамыту және жасыл даму стратегияларын енгізу қажеттігін атап өтеді [13].

Зерттеулердің екінші тобы жаһандық құндылықтар тізбегі теориясы тұрғысынан Қытайдың технологиялық және қаржылық әлеуеті мен Орталық Азияның табиғи ресурстық базасының үйлесуі өзара толықтырушы сипаттағы жаңа серіктестік моделін қалыптастыратынын дәлелдейді. Бұл мөдель аймақтық энергетикалық ынтымақтастықтың тиімділігін арттырып, жасыл даму стратегияларын іске асырудың теориялық негізін құрайды.

Соңғы жылдары Қытай мен Орталық Азия арасындағы жасыл энергетикалық ынтымақтастық дәстүрлі энергетикалық қауіпсіздік ұғымынан шығып, оны жаңа теориялық тұжырымдамалармен сабақтастыруда. Қазіргі зерттеулерде энергетикалық қауіпсіздік аймақтық және жаһандық өлшемдерде қоғамдық игілік (Public Good) ретінде қарастырылып, «мемлекеттік», «клубтық» және «таза қоғамдық өнім» ретінде жіктеледі [14]. Бұл тәсіл ынтымақтастықты халықаралық қоғамдық игілік жүйесінің құрамдас бөлігі ретінде түсіндіреді. Сонымен қатар, «Бір белдеу – бір жол» бастамасы «кеңесу – бірлесіп құру – ортақ пайдалану» қағидатына сүйенген институционалдық тетік ретінде, жасыл даму мен экологиялық интеграцияны қамтамасыз ететін басқарушылық құрылым ретінде сипатталады [15].

Қытайдың жасыл даму стратегиясы өз кезегінде экологиялық өркениет тұжырымдамасына негізделген. Бұл Қытай төрағасы Си Цзиньпин ұсынған «экологиялық өркениет жүйесі» (Ecological Civilization System) арқылы қалыптасып, экологиялық мәдениет, экономикалық теңгерім, институционалдық тұрақтылықты біріктіретін кешенді модель. Осы бағыттағы зерттеулер, экологиялық өркениетті жасыл энергетика мен климаттық басқару салаларындағы құқықтық негіз ретінде қарастырып, институционалдық реформалар мен нормативтік үйлестірудің қажеттілігін айқындайды . Бұл тұжырымдаманың практикалық саясатта да көрініс табуы, Қытай мен Орталық Азия арасындағы соңғы келісімдерде «жасыл инфрақұрылым» мен «таза энергия» бағыттарына басымдық берілуімен дәлелденеді [16].

Сонымен қатар, Қытай мен Орталық Азия арасындағы жасыл энергетикалық ынтымақтастықтың құқықтық негіздері айрықша мәнге ие. Ғалымдар аймақтық серіктестікті жетілдіру үшін халықаралық тәжірибеге сүйенген тиімді құқықтық тетіктерді қалыптастыру қажеттігін атап өтеді [17]. Бұл тұрғыда құқықтық құжаттардың «қатаң құқық» элементтерін күшейту, тараптардың міндеттемелері мен жауапкершілігін нақтылау арқылы институционалдық тұрақтылықты арттырып, құқықтық белгісіздік тәуекелдерін азайтуға болады [18].

Қолданыстағы әдебиеттің едәуір бөлігі ББББ шеңберіндегі жасыл энергетика ынтымақтастығын инвестиция, технология және саяси дискурс тұрғысынан сипаттайды. Қытайлық зерттеулер жасыл даму мен

энергетикалық қауіпсіздіктің стратегиялық мәніне [10–18], халықаралық әдебиет экологиялық дипломатияға, институционалдық бейімделуге және тәуекелдерге назар аударады [19–25]. Алайда ББВ-ның өзі мен Қытай – Орталық Азияның басқа тетіктері кейде бір ұғым ретінде беріледі. Бұл мақала осы айырмашылықты нақтылайды: ББВ – міндетті нормалары бар халықаралық ұйым емес; оның институционалдық ықпалы саяси құжаттар, әріптестік форматтары, инвестициялық құралдар, ұлттық заңнамалар және нақты жобалар арасындағы байланысты күшейту арқылы көрінеді.

Орталық Азия аймағындағы жасыл энергетикалық ынтымақтастықты зерделеу барысында халықаралық зерттеушілер кешенді өзара тәуелділік және көпдеңгейлі басқару тұжырымдамаларына сүйенеді. Бұл тәсіл Қазақсан мен Өзбекстандағы жобалар мысалында көпдеңгейлі акторлардың үйлесімді өзара іс-қимылының маңызын көрсетеді. Сонымен қатар, режим теориясы мен конструктивтік тәсілдер арқылы трансұлттық нормалар мен халықаралық стандарттардың экологиялық жобаларды ілгерілетудегі рөлі дәлелденеді [19]. Зерттеушілер экологиялық күн тәртіпті институционалдандыру арқылы «Бір белдеу – бір жол» бастамасы аймақтық ынтымақтастықтың жаңа кезеңін айқындайтындығын көрсетеді [20]. Бұл институционалдық үдеріс рөл теориясы мен моральдық реализм тұрғысынан қарастырылған зерттеулермен толықтырылады. Олар "жасыл жібек жолы" тұжырымдамасын Қытайдың экологиялық дипломатиясын нығайтуға және жаһандық деңгейде жауапты держава ретіндегі легитимділігін арттыру құралы ретінде түсіндіреді [21]. Бұл сайып келгенде, институционалдық үйлестіру мен көпдеңгейлі басқару механизмдерін жетілдіруге негіз болады [22].

Бұл теориялық тәсілдердің бәрі Қытай мен Орталық Азия жасыл энергетикалық ынтымақтастығын тек экономикалық қатынастар емес, сонымен қатар геосаяси, институционалдық және экологиялық аспектілерді қамтитын кешенді процесс ретінде түсінуге көмектеседі. Орталық Азия контекстіндегі «Бір белдеу – бір жол» аясындағы институционалдық қырлары әртүрлі зерделенуде.

Жалпылама талдаулар инфрақұрылымдық жаңғыртудың пайдасын мойындағанымен, экологиялық стандарттардың әлсіздігі және көмірге негізделген жобалардың басымдығы сияқты проблемалар жасыл ынтымақтастықтың әлеуетін шектейтінін айқындайды [23]. Қазақстанда институционалдық теңгерім мен құқықтық тетіктерді жетілдіру шешуші шарт болып саналады. Ал Өзбекстанда сыртқы қаржыландыруға тәуелділік институционалдық осалдықты арттыруы мүмкін [24].

Осы тұрғыдан алғанда, ББВ қаржы мен технологиямен қатар, мұқият институционалдық үйлестіруді қажет ететін кешенді платформа ретінде сипатталады. Геосаяси теңгерім мен ұлттық даму стратегияларының сәйкестігі оның тұрақтылығының негізгі шарты саналады . Сонымен қатар, жасыл энергетикаға қатысты көптеген бастамалар декларативтік деңгейде қалып, нақты жобалар көбіне өзге арналар арқылы іске асуда, бұл институционалдық тиімсіздікті көрсетеді [25].

Аймақтық әдебиет жасыл энергетикаға қатысты үш негізгі бағытқа шоғырланған. Бірінші бағыт ұлттық институционалдық негіздер (заңнама, саясатты үйлестіру және қаржыландыру тетіктері). Екінші бағыт аймақтық ресурстық ерекшеліктер. Үшінші бағыт серіктестік механизмдері туралы зерттеулер. Бұл еңбектер табысты ынтымақтастықтың басты шарты ретінде институционалдық реформаларды көрсетеді, сондай-ақ Қытай мен Орталық Азиядағы жасыл жобаларды энергетикалық қауіпсіздік пен тұрақты дамуды қамтамасыз ететін аймақтық интеграцияның жаңа өлшемі ретінде бағалайды.

Зерттеу олқылығы үш бағыттан тұрады: ББШ-ның институционалдық рөлін өлшейтін нақты аналитикалық өлшемдердің жеткіліксіздігі; Орталық Азияның бес мемлекетінің құқықтық режимдері мен энергетикалық құрылымдарын бір салыстырмалы шеңберде сирек қарастыру; 2023 және 2025 жылдардағы Қытай–Орталық Азия саммиттерінің жасыл энергетикаға қатысты институционалдық нәтижелерін бұрынғы ББШ әдебиетімен толық кіріктірмеу. Мақаланың ғылыми жаңалығы осы үш деңгейді – ББШ-ның жасыл саяси қағидаттарын, Қытай–Орталық Азияның көпжақты тетігін және ұлттық құқықтық режимдерді – бір аналитикалық модельде байланыстыруынан тұрады.

Нәтижелер

ББШ-ның институционалдық рөлі және жасыл энергетикадағы нақты тетіктері

Зерттеу нәтижелері ББШ-ның Қытай – Орталық Азия жасыл энергетикалық ынтымақтастығындағы рөлін үш деңгейде көрсетуге мүмкіндік береді. Бірінші деңгей – күн тәртібін қалыптастыру: Қытайдың 2022 жылғы жасыл ББШ жөніндегі нұсқаулығы таза энергетика, жасыл қаржы, технология және стандарттарды жүйелі бағыттар ретінде бекітті [1]. Екінші деңгей – мемлекетаралық үйлестіру: Сиань және Астана декларациялары энергетикалық даму әріптестігі мен жаңартылатын энергия жобаларын Қытай–Орталық Азия форматының басымдықтарына енгізді [3–4]. Үшінші деңгей – ұлттық іске асыру: инвестициялық жобалар әр мемлекеттің өз заңнамасы, тарифтік тетіктері, аукциондары, экологиялық талаптары және энергия нарығы арқылы жүзеге асады [5–9].

Осы құрылым ББШ-ны дербес құқықтық режим деп сипаттауға мүмкіндік бермейді. Керісінше, оның институционалдық функциясы әртүрлі деңгейдегі ережелер мен акторларды байланыстыратын «үйлестіруші шеңбер» сипатында. Бұл қорытынды әдебиетте ББШ-ны халықаралық қоғамдық игілік ұсынатын немесе жаһандық басқаруды толықтыратын платформа ретінде түсіндіретін тәсілдермен үйлеседі [14–15], бірақ осы мақалада бұл ұғым нақты құралдармен шектеліп, тек құжатпен расталған механизмдерге қолданылады.

Жасыл энергетиканың стратегиялық маңызы мақалада жеке мақсат ретінде емес, ББШ-ның осы салаға неге институционалдық ресурстар бағыттайтынын түсіндіретін контекст ретінде қарастырылады. Климаттық

міндеттер, энергетикалық қауіпсіздік және технологиялық жаңғырту бір-бірімен байланысқандықтан, ББББ шеңберіндегі жасыл энергетика жобалары бір мезгілде декарбонизация, инвестиция, инфрақұрылым және сыртқы экономикалық ынтымақтастық міндеттерін қамтиды.

Сурет 1. Жасыл энергетиканың үш деңгейлі стратегиялық құндылық пирамидасы моделі
Дерек көзі: авторлармен құрастырылған

Сурет 1 жасыл энергетиканың үш деңгейлі стратегиялық құндылығын авторлық тұжырымдамалық схема ретінде көрсетеді. Модель энергетикалық қауіпсіздікті қоғамдық игілік ретінде қарастыратын зерттеулерге [14], ББББ мен Тұрақты даму мақсаттарының өзара байланысына [10], сондай-ақ жасыл ББББ-ның экологиялық басқару функциясына арналған еңбектерге [12, 15] сүйеніп жинақталды. Оның мақсаты – жаңа әмбебап теория ұсыну емес, мақаладағы талдау деңгейлерін жүйелеу.

Бірінші деңгей – климаттық басқару және парниктік газдар шығарындыларын азайту. Бұл деңгей жаңартылатын энергия жобаларының экологиялық мақсатын көрсетеді және ББББ-ның 2022 жылғы жасыл даму құжатындағы таза энергетика мен экологиялық тәуекелдерді басқару басымдықтарымен байланысты [1].

Екінші деңгей – энергетикалық қауіпсіздік және экономикалық даму. Бұл жерде ББББ инвестиция, технология және инфрақұрылым арқылы ұлттық энергетикалық саясатты қолдай алады, бірақ нақты нәтиже қабылдаушы мемлекеттің нарықтық және құқықтық жағдайына тәуелді. Сондықтан осы деңгейдегі әсер барлық бес мемлекетте бірдей деп қабылданбайды.

Үшінші деңгей – аймақтық және жаһандық басқару. ББББ-ның осы деңгейдегі рөлі міндетті құқықтық нормалар енгізумен емес, Қытай–Орталық Азия энергетикалық әріптестігі, жасыл стандарттар жөніндегі диалог және көпжақты саяси келісімдер арқылы үйлестіруді күшейтумен көрінеді [1, 3–4].

Қытай – Орталық Азия жасыл энергетикалық ынтымақтастығындағы ұлттық айырмашылықтар

Орталық Азия мемлекеттерінің бастапқы жағдайы әртүрлі болғандықтан, ББББ-ның институционалдық әсері де біркелкі емес. Қазақстанда жаңартылатын энергияны қолдаудың арнайы заңы және аукциондық іріктеу тетігі қалыптасқан [5]. Қырғызстанда 2022 жылғы жаңартылатын энергия туралы заң жеке құқықтық негіз береді [6]. Өзбекстанда 2019 жылғы арнайы заң жаңартылатын энергияны пайдалану саласындағы мемлекеттік саясат пен реттеудің базалық қағидаларын белгілейді [7]. Түрікменстан 2021 жылы жаңартылатын энергия туралы арнайы заң қабылдады [8]. Тәжікстанда гидроэнергетиканың жоғары үлесі аясында энергия тиімділігі мен энергия үнемдеу нормалары маңызды орын алады [9]. Бұл айырмашылықтар «бір үлгі – барлық елге» тәсілінің әдіснамалық тұрғыдан әлсіз екенін көрсетеді.

Осыған байланысты құқықтық және институционалдық мәселелерді жалпы аймақтық деңгейде ғана емес, нақты ұлттық контексте бағалау қажет. Негізгі салыстыру үш параметрге сүйенеді: жаңартылатын қуаттың технологиялық құрылымы, арнайы құқықтық реттеудің болуы және инвестициялық жобаларды іске асыру тетіктерінің айқындығы. Бұл параметрлер ББББ жобаларының қай елде қандай қосымша үйлестіруді қажет ететінін анықтауға мүмкіндік береді.

Кесте 1. ББББ аясындағы жасыл энергетикалық ынтымақтастықтың нақты институционалдық тетіктері

Институционалдық деңгей	Нақты тетік	ББББ-ның рөлі және шектеуі
Саяси күн тәртібі	2022 жылғы ББББ-ны жасыл дамыту жөніндегі нұсқаулық; «Жасыл Жібек жолы» қағидаттары [1]	Жасыл энергетика, стандарттар, қаржы және экологиялық тәуекелдерді ортақ басымдық ретінде белгілейді; бірақ міндетті халықаралық құқық нормаларын құрмайды.
Көпжақты үйлестіру	Қытай–Орталық Азия энергетикалық даму әріптестігі; 2023 Сиань және 2025 Астана декларациялары [3–4]	Жаңартылатын энергия мен жасыл технологияларды мемлекетаралық күн тәртібіне енгізеді; іске асыру ұлттық және екіжақты тетіктерге тәуелді.
Ұлттық іске асыру	Орталық Азия елдерінің ВИЭ туралы заңдары, аукциондар, тарифтер, рұқсат беру және экологиялық рәсімдер [5–9]	Жобалардың нақты құқықтық режимін анықтайды; заңнамалардың әркелкілігі трансшекаралық стандарттауды күрделендіреді.

Дерек көзі: авторлар [1, 3–9] негізінде құрастырған.

Кесте 1 ББББ-ның институционалдық рөлін үш деңгейге бөледі. Негізгі қорытынды – бастама халықаралық ұйымның орнына жүрмейді; ол саяси басымдықтар мен ынтымақтастық арналарын қалыптастырады, ал құқықтық міндеттемелер мен жобаларды іске асыру ұлттық заңнамада,

екіжақты келісімдерде және нақты шарттарда бекітіледі. Сондықтан «құқықтық базаның әлсіздігі» туралы жалпы тұжырымның орнына құқықтық режимдердің айырмашылығы және олардың жобалық үйлестіруге әсері талдануы тиіс.

ББББ аясындағы ынтымақтастықты жетілдіру бағыттары

2023 және 2025 жылдардағы Қытай–Орталық Азия саммиттері жасыл энергетика бойынша жеке жаңа ұйым құрудан гөрі қолданыстағы энергетикалық даму әріптестігін нығайтудың практикалық негізін қалыптастырды [3–4]. Осы себепті бұл зерттеу ОПЕК немесе Энергетикалық хартия үлгісіндегі жаңа халықаралық ұйым құруды тікелей ұсыныс ретінде қарастырмайды. Мұндай модель үшін мүшелік, құзырет, қаржыландыру, шешім қабылдау тәртібі және қолданыстағы құрылымдармен арақатынас жөніндегі қосымша негіздеме қажет.

Қысқа және орта мерзімде анағұрлым іске асатын бағыт – қолданыстағы тетіктерді кезең-кезеңмен институционалдандыру. Біріншіден, Қытай–Орталық Азия энергетикалық әріптестігі шеңберінде техникалық және экологиялық стандарттарды салыстыру үшін тұрақты сараптамалық жұмыс тобын қалыптастыруға болады. Екіншіден, ірі жобалар бойынша қаржыландыру құрылымы, экологиялық бағалау және жергілікті компонент жөніндегі ақпаратты жариялау талаптарын жақындату қажет. Үшіншіден, коммерциялық және инвестициялық даулар үшін арбитражға дейінгі консультация мен медиация рәсімдерін стандарттау трансакциялық тәуекелдерді төмендетуі мүмкін. Төртіншіден, ұлттық заңнамалардың айырмашылығын ескере отырып, міндетті толық унификациядан гөрі өзара тану және үйлесімділік қағидаты тиімдірек.

Негізгі тәуекелдер мен оларды төмендету бағыттары төменде жүйеленген (кесте 2).

Кесте 2. Қытай мен Орталық Азияның жасыл энергетикалық ынтымақтастығындағы негізгі тәуекелдер және оларды бағалау өлшемдері

Тәуекел санаты	Нақты сипаттама және бағалау өлшемі
Құқықтық және реттеушілік	Ұлттық рұқсат беру, тариф, аукцион, салық және экологиялық талаптардың айырмашылығы. Бағалау: арнайы ВИЭ нормаларының болуы, рәсімдердің ашықтығы және шетелдік инвестор үшін қолданылуы [5–9].
Қаржылық және жобалық	Қаржыландыру құрылымы, валюта және сатып алушы тәуекелі, электр желісіне қосылу мүмкіндігі. Бағалау: ұзақ мерзімді сатып алу тетіктерінің, кепілдіктердің және жобалық ақпараттың айқындығы.
Экологиялық және әлеуметтік	Жоба циклінде экологиялық бағалау, жер пайдалану, су ресурстары және жергілікті қоғаммен консультацияның жеткіліксіздігі. Бағалау: қабылдаушы ел нормалары мен ББББ жасыл қағидаттарының нақты жоба құжаттарына енгізілуі [1].

Дерек көзі: авторлар [1, 5–9] негізінде құрастырған.

Кесте 2 тәуекелдерді саяси сипаттағы жалпы бағалаулардан ажыратып, тексерілетін өлшемдермен байланыстырады. Бұл тәсіл «институционалдық әлсіздік» немесе «дауларды шешудің тиімсіздігі» сияқты кең тұжырымдарды нақты құқықтық рәсімдер, жобалық құжаттар және елдік айырмашылықтар арқылы дәлелдеуге мүмкіндік береді.

Талқылаулар

Зерттеу ББББ-ның институционалдық рөлін «ұйым» емес, көпдеңгейлі үйлестіру шеңбері ретінде түсіндіруді ұсынады. ББББ-ның әсері үш арнада байқалады: Қытайдың жасыл даму саясаты арқылы нормалық күн тәртібін қалыптастыру, Қытай–Орталық Азия форматы арқылы мемлекетаралық басымдықтарды бекіту және ұлттық құқықтық режимдер арқылы жобаларды іске асыру.

Бұл нәтиже бұрынғы зерттеулердегі екі бағытты толықтырады. Біріншісі ББББ-ны экологиялық дипломатия мен нормаларды тарату құралы ретінде қарастырады; екіншісі инвестициялық және институционалдық тәуекелдерге назар аударады. Осы мақала олардың арасындағы байланысты көрсетеді: саяси деңгейде ортақ жасыл мақсаттар қалыптасқанымен, практикалық нәтиже қабылдаушы мемлекеттің құқықтық режимі, электр жүйесінің құрылымы және жобалық басқару сапасына тәуелді.

Елдік салыстыру әсіресе маңызды. Қазақстан мен Өзбекстанда соңғы жылдары жел және күн энергетикасының өсуі нарықтық және аукциондық құралдардың рөлін арттырса, Қырғызстан мен Тәжікстанда гидроэнергетиканың басымдығы желі тұрақтылығы, су режимі және маусымдық өндіріске қатысты өзге институционалдық міндеттерді алға шығарады. Түрікменстанда орнатылған жаңартылатын қуаттың төмен деңгейі құқықтық база мен нақты жобалық іске асыру арасындағы алшақтықты зерттеуді қажет етеді. Сондықтан аймақтық үйлестіру ұлттық жүйелердің айырмашылықтарын жоймай, оларды ескеруге тиіс.

Зерттеудің практикалық салдары – жаңа үстеме халықаралық құрылым құрудан бұрын қолданыстағы тетіктердің функцияларын нақтылау қажеттілігі. Қытай – Орталық Азия энергетикалық даму әріптестігі техникалық стандарттар, экологиялық бағалау, жобалық ашықтық және дауларды алдын ала реттеу бойынша тұрақты диалог алаңы ретінде күшейтілуі мүмкін. Мұндай эволюциялық тәсіл институционалдық қайталануды азайтып, ұлттық құқықтық ерекшеліктерді сақтай отырып үйлесімділікті арттыруға мүмкіндік береді.

Зерттеудің шектеулері де бар. Мақала макродеңгейдегі ресми статистика мен құқықтық құжаттарға сүйенеді және жекелеген инвестициялық шарттардың коммерциялық құпияға байланысты толық мәтіндерін қамтымайды. Сондықтан жобалардың қаржылық тиімділігі немесе дауларды шешудің нақты нәтижелілігі жөнінде себеп-салдарлық қорытынды жасалмайды. Болашақ зерттеулер нақты күн және жел

жобаларын салыстырып, келісімшарттық модельдер, қаржыландыру құрылымы және экологиялық-әлеуметтік бағалау нәтижелері бойынша жобалық деңгейдегі деректерді толықтыра алады.

Қорытынды

Бұл зерттеу «Бір белдеу – бір жол» бастамасының Қытай мен Орталық Азиядағы жасыл энергетикалық ынтымақтастыққа ықпалын институционалдық тұрғыдан қайта нақтылады. Негізгі қорытынды: ББББ дербес халықаралық ұйым немесе бірыңғай құқықтық режим емес; оның институционалдық рөлі жасыл даму жөніндегі саяси қағидаттарды, Қытай–Орталық Азияның көпжақты тетіктерін, инвестициялық және технологиялық ынтымақтастықты және ұлттық құқықтық режимдерді өзара байланыстырудан көрінеді.

2015–2024 жылдардағы Жаңартылатын энергия көздері жөніндегі халықаралық агенттігінің (IRENA) деректері аймақ елдерінің жаңартылатын энергетикадағы бастапқы жағдайы мен технологиялық құрылымы едәуір ерекшеленетінін көрсетті. 2023 жылғы Сиань және 2025 жылғы Астана декларациялары жаңартылатын энергетиканы Қытай–Орталық Азия ынтымақтастығының ресми басымдықтарының біріне айналдырды. Сонымен бірге бес мемлекеттің құқықтық режимдері әртүрлі болғандықтан, ортақ бастамалардың іске асу тетіктері ұлттық деңгейде бейімделуді талап етеді.

Ғылыми тұрғыдан мақала үш нәтижеге қол жеткізді. Біріншіден, «институционалдық рөл» ұғымы саяси күн тәртібі, көпжақты үйлестіру, ұлттық іске асыру және тәуекелдерді басқару өлшемдері арқылы операционализацияланды. Екіншіден, Орталық Азияның бес мемлекеті біртұтас институционалдық кеңістік ретінде емес, әртүрлі энергетикалық және құқықтық жүйелер ретінде салыстырылды. Үшіншіден, ББББ мен Қытай–Орталық Азия форматының функциялары ажыратылып, олардың өзара толықтырушы сипаты көрсетілді.

Практикалық деңгейде жаңа халықаралық энергетикалық ұйым құру туралы ұсыныстың орнына қолданыстағы энергетикалық даму әріптестігін кезең-кезеңмен күшейту негіздірек. Басым бағыттар ретінде техникалық және экологиялық стандарттарды салыстыру, ірі жобалардың қаржылық және экологиялық ашықтығын арттыру, арбитражға дейінгі консультация мен медиация рәсімдерін дамыту және ұлттық реттеу жүйелері арасында өзара тану тетіктерін қалыптастыру ұсынылады.

Осылайша, Қытай – Орталық Азия жасыл энергетикалық ынтымақтастығының орнықтылығы жобалар санына ғана емес, саяси декларацияларды ұлттық құқықтық рәсімдермен және нақты жобалық басқарумен байланыстыратын институционалдық сапаға тәуелді. ББББ-ның негізгі құндылығы да осы байланысты күшейту мүмкіндігінде.

ӘДЕБИЕТ

[1] National Development and Reform Commission of the People's Republic of China et al. Opinions on Promoting the Green Development of the Belt and Road Initiative. 2022. URL: https://www.ndrc.gov.cn/xwdt/tzgg/202203/t20220328_1320630.html

[2] International Renewable Energy Agency (IRENA). Renewable Capacity Statistics 2025. Abu Dhabi: IRENA, 2025. - URL: https://www.irena.org/Publications/2025/Mar/Renewable-capacity-statistics-2025

[3] Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. Xi'an Declaration of the China–Central Asia Summit. 19 May 2023. URL: https://www.fmprc.gov.cn/wjb_673085/zzjg_673183/gjjjs_674249/gjzzyhygk_674253/dmgh_674605/xgxw_674611/202305/t20230519_11080194.shtml

[4] Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. Astana Declaration of the Second China–Central Asia Summit. 17 June 2025. URL: https://www.fmprc.gov.cn/ziliao_674904/1179_674909/202506/t20250618_11652095.shtml

[5] Қазақстан Республикасының 2009 жылғы 4 шілдедегі № 165-IV «Жаңартылатын энергия көздерін пайдалануды қолдау туралы» Заңы (2026 жылғы қолданыстағы редакция).

[6] Кыргыз Республикасынын 2022 жылғы 30 маусымдағы № 49 «Жаңартылатын энергия булактары жөнүндө» Заңы (2026 жылғы редакция).

[7] Republic of Uzbekistan. Law No. ZRU-539 of 21 May 2019 "On the Use of Renewable Energy Sources" (current version as of 30 December 2025).

[8] Turkmenistan. Law "On Renewable Energy Sources", 2021, with amendments of 25 November 2023.

[9] Republic of Tajikistan. Law No. 1018 of 19 September 2013 "On Energy Saving and Energy Efficiency".

[10] Dong L., Yang X., Li H. The Belt and Road Initiative and the 2030 Agenda for Sustainable Development: Seeking linkages for global environmental governance // Chinese Journal of Population, Resources and Environment. - 2018. - Vol. 16. - No. 3.- P. 189–198. DOI: 10.1080/10042857.2018.1487745

[11] Zhao Y., Liu X., Wang S., Ge Y. Energy relations between China and the countries along the Belt and Road: An analysis of the distribution of energy resources and interdependence relationships // Renewable & Sustainable Energy Reviews. - 2019. - Vol. 107. - P. 133-144. DOI: 10.1016/j.rser.2019.03.007

[12] Sun Y., Yu B. Greening China's Belt and Road Initiative: From norm localization to norm subsidiarity? // Global Environmental Politics. - 2023. - Vol. 23.- No. 1. - P. 91–116. DOI: 10.1162/glep_a_00685

[13] Yu D., Gu B., Zhu K., Yang J., Sheng Y. Risk analysis of China's renewable energy cooperation with Belt and Road economies // Energy. - 2024. - Vol. 293. - Article 130664. DOI: 10.1016/j.energy.2024.130664

[14] Wu L., Xu J. The public good attribute of energy security and the construction of an energy security community // International Security Studies [论能源安全的公共产品属性与能源安全共同体构建 // 国际安全研究]. - 2020. - No. 5. - P. 3-26. DOI: 10.14093/j.cnki.cn10-1132/d.2020.05.001 [in Chinese]

[15] Liu C., Li Y. The Belt and Road Initiative and the improvement of global governance: An analysis from the perspective of effective supply of international public goods // Study and Exploration [一带一路倡议与全球治理的完善——以国际公共产品有效供给为视角的分析 // 学习与探索]. - 2019. - No. 10. - P. 108-115. [in Chinese]

[16] Gao S., Liu G. S. Green Silk Road and Belt Economic Initiative and local sustainable development: Through the lens of China's clean energy investment in Central Asia // International Journal of Environment and Climate Change. - 2024. - Vol. 14.- No. 7. - P. 480–498. DOI: 10.9734/ijecc/2024/v14i74288

[17] Qin Y., Wang Y., Zhao Y. Legal mechanism research on China–Central Asia energy cooperation // Journal of Xinjiang Normal University (Social Sciences Edition) [中国—中亚能源合作法律机制研究 // 新疆师范大学学报(哲学社会科学版)]. - 2020. - Vol. 41.- No. 5. - P. 37-48. [in Chinese]

[18] Yang Z. Legal path for establishing a China-Central Asia energy development partnership under the high-quality development of the Belt and Road Initiative // Political and Legal Forum ["一带一路" 高质量发展背景下建立中国—中亚能源发展伙伴关系的法治路径 // 政法论丛]. - 2024. - No. 2. - P. 1-15. [in Chinese]

[19] Nitza-Makowska A., Longhurst K., Skiert-Andrzejuk K. Greening the Belt and Road Initiative and the 2030 Agenda: China's Environmental Diplomacy Discourse in Focus // Journal of Contemporary China. - 2025. DOI: 10.1080/03932729.2025.2526371

[20] Hor K. W. C., Hu H., Xu X., Baizakova K., Kukeyeva F. Green Belt and Road Initiative in China–Kazakhstan relations // Central Asian Affairs. - 2025. - Vol. 12. - No. 1. - P. 57-82. DOI: 10.1163/22142290-bja10110

[21] Duarte C. A., Gasparyan M., da Silva J., Tavares F. The environmental diplomacy of the Belt and Road Initiative: Going green to meet external expectations // Journal of Chinese Political Science. - 2025. Advance online publication. DOI: 10.1007/s40647-025-00453-4

[22] Sharifli Y. Green new wave: How China adapts to Central Asia's renewable energy landscape // Carnegie Endowment for International Peace. - 2024. - URL: https://carnegieendowment.org/posts/2024/04/green-new-wave-how-china-adapts-to-central-asias-renewable-energy-landscape?lang=en

[23] Aminjonov R., Kholmatov M. The BRI in Central Asia: A view from Tajikistan. Bishkek: OSCE Academy, 2022. - URL: https://www.emergingmarketsforum.org/wp-content/uploads/2023/03/The-BRI-in-Central-Asia-A-View-from-Tajikistan.pdf

[24] Jash A., Gokireddy H. B., Varshini S. China's BRI in Central Asia & Its Impact: An Appraisal of the 10 Years // F1000Research. - 2024. - Vol. 13.- No. 1178. DOI: 10.12688/f1000research.156728.1

[25] Proń E. Ten years of China's Belt and Road Initiative in Central Asia: The critical assessment and future directions // Polish Political Science Yearbook. - 2025. Vol. 54. - No. 1. - P. 81-106. DOI: 10.15804/ppsy202505

REFERENCES

[1] National Development and Reform Commission of the People's Republic of China et al. Opinions on Promoting the Green Development of the Belt and Road Initiative. 2022. URL: https://www.ndrc.gov.cn/xwdt/tzgg/202203/t20220328_1320630.html

[2] International Renewable Energy Agency (IRENA). Renewable Capacity Statistics 2025. Abu Dhabi: IRENA, 2025. - URL: https://www.irena.org/Publications/2025/Mar/Renewable-capacity-statistics-2025

[3] Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. Xi'an Declaration of the China–Central Asia Summit. 19 May 2023. URL: https://www.fmprc.gov.cn/wjb_673085/zzjg_673183/gjjjs_674249/gjzzyhygk_674253/dmgh_674605/xgxw_674611/202305/t20230519_11080194.shtml

[4] Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. Astana Declaration of the Second China–Central Asia Summit. 17 June 2025. URL: https://www.fmprc.gov.cn/ziliao_674904/1179_674909/202506/t20250618_11652095.shtml

[5] Qazaqstan Respublikasynyn 2009 zhylgy 4 shildedegi No. 165-IV "Zhanartylatyn energiya kozderin paidalanudy qoldau turaly" Zany (2026 zhylgy qoldanystagy redaktsiya). [in Kazakh]

[6] Kyrgyz Respublikasynyn 2022-zhyldagy 30-iyundagy No. 49 "Zhanartyluuchu energiya bulaktary zhonundo" Myyzamy (2026-zhyldagy redaktsiya). [in Kyrgyz]

[7] Republic of Uzbekistan. Law No. ZRU-539 of 21 May 2019 "On the Use of Renewable Energy Sources" (current version as of 30 December 2025).

[8] Turkmenistan. Law "On Renewable Energy Sources", 2021, with amendments of 25 November 2023.

[9] Republic of Tajikistan. Law No. 1018 of 19 September 2013 "On Energy Saving and Energy Efficiency".

[10] Dong L., Yang X., Li H. The Belt and Road Initiative and the 2030 Agenda for Sustainable Development: Seeking linkages for global environmental governance // Chinese Journal of Population, Resources and Environment. - 2018. - Vol. 16. - No. 3.- P. 189–198. DOI: 10.1080/10042857.2018.1487745

[11] Zhao Y., Liu X., Wang S., Ge Y. Energy relations between China and the countries along the Belt and Road: An analysis of the distribution of energy resources and interdependence relationships // Renewable & Sustainable Energy Reviews. - 2019. - Vol. 107. - P. 133-144. DOI: 10.1016/j.rser.2019.03.007

[12] Sun Y., Yu B. Greening China's Belt and Road Initiative: From norm localization to norm subsidiarity? // Global Environmental Politics. - 2023. - Vol. 23.- No. 1. - P. 91–116. DOI: 10.1162/glep_a_00685

[13] Yu D., Gu B., Zhu K., Yang J., Sheng Y. Risk analysis of China's renewable energy cooperation with Belt and Road economies // Energy. - 2024. - Vol. 293. - Article 130664. DOI: 10.1016/j.energy.2024.130664

[14] Wu L., Xu J. The public good attribute of energy security and the construction of an energy security community // International Security Studies. - 2020. - No. 5. - P. 3-26. DOI: 10.14093/j.cnki.cn10-1132/d.2020.05.001 [in Chinese]

[15] Liu C., Li Y. The Belt and Road Initiative and the improvement of global governance: An analysis from the perspective of effective supply of international public goods // Study and Exploration. - 2019. - No. 10. - P. 108-115. [in Chinese]

[16] Gao S., Liu G. S. Green Silk Road and Belt Economic Initiative and local sustainable development: Through the lens of China's clean energy investment in Central Asia // International Journal of Environment and Climate Change. - 2024. - Vol. 14.- No. 7. - P. 480–498. DOI: 10.9734/ijecc/2024/v14i74288

[17] Qin Y., Wang Y., Zhao Y. Legal mechanism research on China–Central Asia energy cooperation // Journal of Xinjiang Normal University (Social Sciences Edition). - 2020. - Vol. 41.- No. 5. - P. 37-48. [in Chinese]

[18] Yang Z. Legal path for establishing a China-Central Asia energy development partnership under the high-quality development of the Belt and Road Initiative // Political and Legal Forum. - 2024. - No. 2. - P. 1-15. [in Chinese]

[19] Nitza-Makowska A., Longhurst K., Skiert-Andrzejuk K. Greening the Belt and Road Initiative and the 2030 Agenda: China's Environmental Diplomacy Discourse in Focus // Journal of Contemporary China. - 2025. DOI: 10.1080/03932729.2025.2526371

[20] Hor K. W. C., Hu H., Xu X., Baizakova K., Kukeyeva F. Green Belt and Road Initiative in China–Kazakhstan relations // Central Asian Affairs. - 2025. - Vol. 12. - No. 1. - P. 57-82. DOI: 10.1163/22142290-bja10110

[21] Duarte C. A., Gasparyan M., da Silva J., Tavares F. The environmental diplomacy of the Belt and Road Initiative: Going green to meet external expectations // Journal of Chinese Political Science. - 2025. Advance online publication. DOI: 10.1007/s40647-025-00453-4

[22] Sharifli Y. Green new wave: How China adapts to Central Asia's renewable energy landscape // Carnegie Endowment for International Peace. - 2024. - URL: https://carnegieendowment.org/posts/2024/04/green-new-wave-how-china-adapts-to-central-asias-renewable-energy-landscape?lang=en

[23] Aminjonov R., Kholmatov M. The BRI in Central Asia: A view from Tajikistan. Bishkek: OSCE Academy, 2022. - URL: https://www.emergingmarketsforum.org/wp-content/uploads/2023/03/The-BRI-in-Central-Asia-A-View-from-Tajikistan.pdf

[24] Jash A., Gokireddy H. B., Varshini S. China's BRI in Central Asia & Its Impact: An Appraisal of the 10 Years // F1000Research. - 2024. - Vol. 13.- No. 1178. DOI: 10.12688/f1000research.156728.1

[25] Proń E. Ten years of China's Belt and Road Initiative in Central Asia: The critical assessment and future directions // Polish Political Science Yearbook. - 2025. Vol. 54. - No. 1. - P. 81-106. DOI: 10.15804/ppsy202505

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ ВЛИЯНИЕ ИНИЦИАТИВЫ «ОДИН ПОЯС – ОДИН ПУТЬ» НА СОТРУДНИЧЕСТВО КИТАЯ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В СФЕРЕ ЗЕЛЁНОЙ ЭНЕРГЕТИКИ

*Пермахан К.[1], Қален Б.С.[2]
*[1] Казахский национальный университет
имени аль-Фараби, Алматы, Казахстан
[2] Институт экономических исследований, Алматы, Казахстан

Аннотация. В статье анализируется институциональное влияние инициативы «Один пояс – один путь» (ОПОП) на сотрудничество Китая и государств Центральной Азии в сфере зелёной энергетики. ОПОП рассматривается не как международная организация или единый правовой режим, а как многоуровневая рамка сотрудничества, реализуемая через политические ориентиры, механизм «Китай – Центральная Азия», энергетическое партнёрство, инвестиционно-технологические проекты и принципы «Зелёного Шёлкового пути».

Эмпирическую базу составили статистика Международного агентства по возобновляемым источникам энергии (IRENA) по установленной мощности возобновляемой энергетики за 2015–2024 гг., официальные документы Китая по «зелёному» развитию ОПОП, Сианьская декларация 2023 г. и Астанинская декларация 2025 г., а также национальные правовые акты Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана. Сравнительный анализ учитывает различия энергетической структуры и механизмов регулирования пяти стран.

Результаты показывают, что институциональное воздействие ОПОП проявляется прежде всего в формировании повестки, межгосударственной координации, мобилизации технологий и инвестиций и сопряжении многосторонних приоритетов с национальными системами регулирования. При этом неоднородность законодательства и механизмов поддержки ВИЭ не позволяет применять единую институциональную модель ко всем государствам региона.

Вместо создания новой международной энергетической организации предлагается поэтапно укреплять действующее энергетическое партнёрство «Китай – Центральная Азия»: сближать технические и экологические стандарты, повышать прозрачность проектов, развивать досудебные консультации и медиацию, а также механизмы совместимости национальных режимов. Научная новизна заключается в операционализации институциональной роли ОПОП через конкретные механизмы и их сравнительной оценке по пяти странам Центральной Азии.

Ключевые слова: Китай, Центральная Азия, зелёная энергетика, инициатива «Один пояс – один путь», институциональное сотрудничество, энергетическое партнёрство, устойчивое развитие

THE INSTITUTIONAL IMPACT OF THE BELT AND ROAD INITIATIVE ON CHINA–CENTRAL ASIA GREEN ENERGY COOPERATION

* Permakhan K.[1], Kalen B.S.[2]
*[1]Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan
[2] The Economic Research Institute, Almaty, Kazakhstan

Abstract. This study examines the institutional impact of the Belt and Road Initiative (BRI) on green energy cooperation between China and Central Asian states. The BRI is treated not as an international organization or a unified legal regime, but as a multilevel cooperation framework operating through policy guidelines, the China–Central Asia mechanism, energy partnerships, investment and technology projects, and Green Silk Road principles.

The empirical base combines IRENA renewable-capacity statistics for 2015–2024, official Chinese documents on green BRI development, the 2023 Xi'an and 2025 Astana declarations, and national legal acts governing renewable energy in Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan, Turkmenistan and Uzbekistan. The comparative design distinguishes installed capacity from actual electricity generation and evaluates institutional mechanisms through policy coordination, legal compatibility, project implementation and risk-management criteria.

The findings show that the BRI's main institutional effect lies in agenda-setting, intergovernmental coordination, mobilization of technology and investment, and the linkage of multilateral priorities with national regulatory systems. However, substantial differences in energy structures, support mechanisms and legislation across the five Central Asian states prevent the application of a single regional institutional model.

Rather than proposing a new international energy organization, the study recommends gradual institutionalization of the existing China–Central Asia energy partnership through convergence of technical and environmental standards, greater project transparency, pre-arbitration consultation and mediation procedures, and compatibility mechanisms that preserve national regulatory differences. The study's contribution is to operationalize the BRI's institutional role through concrete mechanisms and to assess them comparatively across all five Central Asian states.

Keywords: China, Central Asia, green energy, Belt and Road Initiative, institutional cooperation, energy partnership, sustainable development

Авторлар туралы мәлімет:

Пермахан Құралай - PhD докторант, әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, Алматы қ., Қазақстан, kuralauypermakhan@gmail.com, https://orcid.org/0009-0004-9090-7948

Қален Бауыржан Сатыбалдыұлы–экономика магистрі, кеңесші, Экономикалық зерттеулер институты, Алматы қ., Қазақстан, halelbaur@gmail.com, https://orcid.org/0009-0002-2348-7555

Информация об авторах:

Пермахан Құралай - PhD докторант, Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Алматы, Казахстан. kuralauypermakhan@gmail.com, https://orcid.org/0009-0004-9090-7948

Қален Бауыржан Сатыбалдыұлы – магистр экономики, советник, Институт экономических исследований, Алматы, Казахстан.halelbaur@gmail.com, https://orcid.org/0009-0002-2348-7555

Information about the authors:

Permakhan Kuralay - PhD student, Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan. kuralauypermakhan@gmail.com, https://orcid.org/0009-0004-9090-7948

Kalen Bauyrzhan Satybaldyuly - Master of Economics, Advisor, The Economic Research Institute, Almaty, Kazakhstan. halelbaur@gmail.com, https://orcid.org/0009-0002-2348-7555

Мақала түсті / Статья поступила / Received: 24.07.2026.
Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted: 28.09.2026.

Абылай хан атындағы ҚазХҚжӘТУ
ХАБАРШЫСЫ
«ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ҚАТЫНАСТАР және
АЙМАҚТАНУ» сериясы

ИЗВЕСТИЯ
КазУМОиМЯ имени Абылай хана
серия «МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ
и РЕГИОНОВЕДЕНИЕ»

BULLETIN
of Ablai Khan KazUIRandWL
series “INTERNATIONAL RELATIONS and
REGIONAL STUDIES”
3 (65) 2026

«Абылай хан атындағы ҚазХҚжәнеӘТУ» АҚ «Полилингва» баспасында басылып шықты
«Баспа авторлық құқық материалдарының мазмұнына және фактілерді
жариялауға байланысты кепілдіктер бермейді, мақалалар нәтижелері
туралы деректер және басқа ақпараттар туралы мәліметке жауапты емес»

Отпечатано в издательстве «Полилингва» АО «КазУМОиМЯ имени Абылай хана»
«Издательство не несет ответственности за содержание авторских материалов и
не предоставляет гарантий в связи с публикацией фактов,
данных результатов и другой информации»

Ответственный за выпуск журнала
директор издательства:
Есенгалиева Б.А.

Технический редактор, компьютерная верстка:
Кынырбеков Б.С.

Подписано в печать 29.09.2026 г.
Формат 70х90 1/8. Объем 41.5 п.л.
Заказ № 3737. Тираж 300 экз.

Издательство “Полилингва” КазУМОиМЯ имени Абылай хана
050022, г. Алматы, ул. Муратбаева, 200
Тел.: +7 (727) 292-03-84, 292-03-85, вн. 24-18
E-mail: kazumo@ablaikhan.kz, ablaikhan@list.ru